АКАДЕМИЯ НАУК СССР

И. И. ПОТЕХИН

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ ЮЖНОАФРИКАНСКИХ БАНТУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Spiritus Est Qui Vivificat

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ XXIX

И. И. ПОТЕХИН (Potekhin, Ivan Izosimovich)

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ ЮЖНОАФРИКАНСКИХ БАНТУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

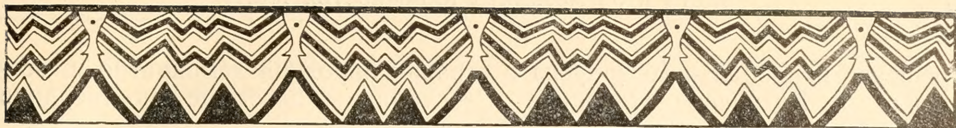
МОСКВА – 1955

Ответственный редактор

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ЧАСТЬ I

ОБРАЗОВАНИЕ НАРОДНОСТЕЙ БАНТУ

ГЛАВА I

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Вопрос о путях и факторах формирования наций, буржуазных наций в частности, в марксистской литературе разработан с предельной ясностью и четкостью. Все необходимые теоретические указания по этому вопросу мы находим в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина, вошедших бесценным вкладом в мировую сокровищницу научной мысли.

«Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации,— говорил И. В. Сталин. — По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырёх основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры» [1]. Для исследования проблемы формирования буржуазных наций в условиях колониального режима исключительно большое, принципиальное значение имеет указание И. В. Сталина о том, что «наличие своего собственного обособленного национального государства» не является обязательным признаком нации [2].

В. И. Ленин и И. В. Сталин установили исторические рамки существования наций: нации являются продуктом капитализма; в период докапиталистический не было и не могло быть наций, они складываются в период перехода от феодализма к капитализму. И. В. Сталин установил также пути и факторы преобразования буржуазных наций в социалистические на базе победы социализма над капитализмом, коренное отличие социалистических наций от буржуазных и, наконец, выяснил будущее наций в условиях победы коммунизма во всемирном масштабе.

Учение о нации является составной частью марксистско-ленинской теории национального вопроса, раскрывающей его классовое содержание на разных этапах общественного развития, его особенности в условиях монополистического капитализма и пути его разрешения на базе победы социалистической революции. Исследование проблемы формирования наций в колониальных и полуколониальных странах может быть успешным только тогда, когда оно ведется с учетом всех положений общей теории национального вопроса. Эта теория с честью выдержала суровую жизненную проверку. Исключительный по своему богатству опыт национального строительства в СССР, становление и расцвет новых, социалистических наций, национальные движения в колониальных и зависимых странах, борьба за национальную независимость европейских народов против итало-германского фашизма в годы второй мировой войны, раз-

---

[1] И. В. Сталин. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11, стр. 333.
[2] Там же, стр. 334.

решение национального вопроса в странах народной демократии и, особенно в Китайской Народной Республике — блестяще подтвердили истинность, строгую научность этой теории.

Марксистско-ленинская теория национального вопроса является надежным руководством при разработке национального вопроса и проблемы формирования наций, как части этого вопроса, в любой стране и в любых условиях. Но вместе с тем эта теория требует конкретности в постановке национального вопроса: «...конкретные исторические условия, как исходный пункт, диалектическая постановка вопроса, как единственно верная постановка,—таков ключ к решению национального вопроса» [1].

Классики марксизма исследовали процесс формирования буржуазных наций в его, так сказать, чистом виде, в нормальных условиях, не осложненных колониальным режимом. Задача состоит в том, чтобы, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, исследовать специфические формы этого процесса в колониях.

Формирование наций в колониях является закономерным и неотвратимым процессом. Процесс развития капитализма и формирования классов буржуазного общества является вместе с тем и процессом формирования буржуазных наций. Там, где развивается капитализм, там неминуемо идет формирование буржуазной нации. «Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»,— писал В. И. Ленин [2].

Империалисты не могут эксплуатировать колонии, не создавая в них товарного хозяйства (во многих колониях товарное производство зародилось и развивалось еще до империалистического порабощения). Но товарное хозяйство при наличии определенных условий неминуемо ведет к капитализму. В колониях, даже самых отсталых, эти условия сейчас налицо. Однако они весьма специфичны и противоречивы и порождают особые, колониальные черты процесса образования классов буржуазного общества.

Колонии являются источником дешевого сырья; борьба за монопольное обладание этими источниками составляет одну из важнейших причин колониальных захватов. Вместе с тем колонии являются и рынком сбыта для промышленных изделий метрополий. Вывозом товаров в колонии империалисты пытаются сдерживать неумолимо обостряющееся противоречие между общественным характером производства и частным присвоением продуктов общественного труда — главного противоречия капитализма. Колонии являются сферой применения капитала, который не может найти достаточно выгодного, с точки зрения его хозяина, приложения в метрополии; зверская, ничем не ограниченная эксплуатация населения колоний обеспечивает монополиям максимально высокие прибыли. Колонии являются, наконец, тем местом, куда господствующие классы метрополий переселяют свое избыточное население, ограничивая этим неизбежный для капитализма рост хронической безработицы. Ценность колоний для империалистических держав возросла особенно после второй мировой войны, когда сфера их деятельности значительно сузилась. Сокращение торговли со странами демократического лагеря, проводимое под давлением американских монополий, империалистические страны Европы пытаются возместить усилением эксплуатации еще оставшихся у них колоний.

Империалистическая эксплуатация колоний означает ничем не ограниченное ограбление этих колоний, ничем не компенсируемый вывоз в

[1] И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 320.
[2] В. И. Ленин. Карл Маркс. Соч., т. 21, стр. 56.

метрополии материальных ценностей, создаваемых народом колоний. Подсчитано, например, что «из каждых 100 фунтов стерлингов, полученных от продажи минеральных ископаемых, 92 вывозятся из Африки и только 8 остаются в стране» [1]. К началу второй мировой войны Голландия выкачивала из Индонезии около 150 млн. долл. в год [2]. Ежегодная дань, поступавшая из Индии в Англию, оценивалась в 1945 г. в 135 млн. ф. ст.[3] и т. д. Это — одна из форм проявления открытого И. В. Сталиным основного экономического закона современного капитализма, требующего не средней, а максимально высокой прибыли. Ограбление колоний — одно из важнейших условий существования современного капитализма.

В погоне за максимальной прибылью колониальные монополии захватывают ведущие отрасли колониальной экономики — промышленность и плантационное хозяйство, кредитно-банковскую систему и транспорт, внешнюю и в значительной степени внутреннюю торговлю.

Колониальные власти, представляющие интересы монополистических компаний метрополий, административными мерами препятствуют росту национальной буржуазии. Расовая и национальная дискриминация, ограничение свободы передвижения, лишение политических прав, прямое запрещение капиталистического предпринимательства в определенных отраслях хозяйства и т. д. — вся эта сложная система угнетения направлена на то, чтобы свести к минимуму участие национальной буржуазии в дележе прибылей.

Поэтому каналы накопления национального капитала и сфера деятельности национальной буржуазии оказываются крайне ограниченными, суженными, а темпы развития национального капитала замедленными.

В своей политике порабощения народов колоний империалисты опираются на местную феодальную знать, на различные феодальные и полуфеодальные элементы; их права и привилегии обычно признаются законом и тщательно охраняются, им предоставляется возможность дальнейшего обогащения за счет зависимого от них крестьянства, составляющего основную часть населения колоний. Наряду с феодалами и полуфеодалами характерными фигурами эксплуататорской верхушки коренного населения колоний являются кулак, ростовщик и скупщик, персонифицированные зачастую в одном лице. Наиболее многочисленна обычно компрадорская буржуазия, связанная с колониальными монополиями, выполняющая функции агентуры по «собиранию» прибылей в пользу своих хозяев. Вождь китайского народа товарищ Мао Цзэ-дун писал, что «помещики и компрадорская буржуазия являются в полном смысле этого слова вассалами международной буржуазии. Существование и развитие этих классов подчинено интересам империализма» [4]. И, наоборот, менее всего многочисленна прослойка собственно национальной буржуазии, имеющей свои самостоятельные промышленные и другие предприятия, олицетворяющей капиталистические производственные отношения и испытывающей на себе гнет иностранного капитала.

Конечно, процесс формирования национальной буржуазии в разных колониях проходит по-разному. Различным был уровень общественного развития стран, ставших жертвами империалистической агрессии. В одних странах уже существовал феодальный строй, класс феодалов и даже зачатки капитализма (Индия, например), в других сохранялся еще патриархальный или полуфеодально-полупатриархальный строй (большин-

---

[1] Кумар Гошал. Народ в колониях. Пер. с английского. М., 1949, стр. 158.
[2] Там же, стр. 145.
[3] П. Датт. Индия сегодня. Пер. с английского. М., 1948, стр. 148.
[4] Мао Цзэ-дун. О классах китайского общества. Избр. произв., т. 1, стр. 15—16.

ство стран Африки). На темпах и путях развития капитализма отражаются и особенности империалистической системы эксплуатации колоний. В одних колониях империалисты экспроприируют землю, создают крупное фермерско-плантационное хозяйство и превращают обезземеленных крестьян в плантационных рабов (Индо-Китай, Малайя, Кения и др.). В других — они сохраняют мелкое крестьянское хозяйство и подчиняют его интересам финансового капитала (например, Западная Африка). Но при всех этих различиях развитию национального капитала в колониях присущи многие общие черты.

Империалистическая система эксплуатации колоний накладывает свой отпечаток и на формирование рабочего класса. Основными сферами применения наемного труда являются плантационно-фермерское хозяйство, дорожное строительство и горная промышленность; фабрично-заводская промышленность в колониях или отсутствует, или развита исключительно слабо. Основную массу сельскохозяйственных рабочих составляют сезонники, полукрестьяне-полупролетарии, а постоянные рабочие—это, как правило, батраки с наделом, находящиеся в кабальной зависимости от владельцев ферм и плантаций. Прослойка сельскохозяйственных рабочих, лишенных надела земли и не ведущих своего хозяйства, т. е. собственно пролетариев, весьма незначительна. Батрак с наделом — фигура, свойственная всем капиталистическим странам. Капитализм заинтересован в поддержании и даже в создании карликовых крестьянских хозяйств, поскольку они, не являясь конкурентом на рынке сельскохозяйственных товаров, обеспечивают капиталистические фермы и плантации дешевой рабочей силой. Но в колониях, особенно в колониях менее развитых, батраки с наделом относительно более многочисленны и более закабалены, чем в метрополии, при этом их зависимость такова, что зачастую батрака с наделом трудно отличить от крепостного крестьянина или даже раба.

Дорожное строительство в колониях ведется, как правило, на основе принудительного труда, трудовых мобилизаций крестьянства. Железные дороги строятся частными компаниями, а колониальные власти берут на себя обеспечение их рабочей силой. Только в эксплуатации транспортных предприятий применяется наемный труд, и транспортники являются обычно наиболее сплоченным отрядом рабочего класса колоний.

Монополистические компании с помощью колониальных властей широко применяют принудительный труд в разнообразных его формах. Избыток дешевой, а иногда почти бесплатной рабочей силы не может служить стимулом для введения машин и технических приспособлений, обычно применяемых в метрополии, поэтому для промышленности колоний характерен низкий органический состав капитала. Это определяется действием основного экономического закона капитализма: «Капитализм стоит за новую технику, когда она сулит ему наибольшие прибыли. Капитализм стоит против новой техники и за переход на ручной труд, когда новая техника не сулит больше наибольших прибылей» [1]. Французский журналист Лондр, наблюдавший строительство железной дороги во французской Экваториальной Африке, писал: «Я видел, как строят железные дороги в других местах, на месте работы всегда имелись какие-нибудь приспособления. Здесь не было ничего, кроме негров. Негр заменял собой машины, повозки, подъемные краны. Если бы это было возможно, им же заменили бы, наверное, и взрывчатые вещества. Для переноски бочек

[1] И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, стр. 40.

цемента в сто тридцать килограммов общество «Батиньоль» не пользовалось никакими иными приспособлениями, кроме палки и двух негров. Я обнаружил на этой современной постройке только два современных инструмента: молот и мотыгу. В Майюмбе мы роем тоннель, пользуясь молотом и мотыгой»[1].

Технический уровень колониальной промышленности очень низок. Работа в промышленности не требует поэтому высокой квалификации, длительного обучения и производственных навыков. Это позволяет предпринимателям обходиться неквалифицированным трудом отходников. Основную массу горнопромышленных рабочих составляют, как правило, законтрактованные на срок крестьяне. Колониальные власти боятся образования класса пролетариев и потому намеренно проводят такую политику в области использования рабочей силы, которая препятствует превращению пауперизированного крестьянства в кадровых рабочих, порвавших с землей, в пролетариев.

Наконец, колониальный режим задерживает формирование национальной интеллигенции. Империалисты лишают порабощенные ими народы возможности получить образование, намеренно держат их в состоянии темноты и невежества. Губернатор итальянского Сомали генерал Наси, например, предписывая в 1938 г. всем колониальным чиновникам ограничить обучение детей сомалийцев самыми элементарными сведениями, так объяснял свое требование: сомалийцы, «получив образование, откажутся работать на полях, уйдут в города, вступят в профсоюзы, образуют класс недовольных или даже хуже, мятежников»[2]. Почти поголовная неграмотность коренного населения — самая характерная и наиболее общая черта всех современных колоний. Империалисты лишают колониальные народы права и возможностей развивать свою национальную культуру, навязывая им суррогаты европейской цивилизации.

Многие из колоний и зависимых стран превращены империалистами в страны монокультурного хозяйства: Куба — сахар, Гондурас — бананы, Гватемала — кофе, Сенегал и Гамбия—земляные орехи, Золотой Берег— какао, Либерия — каучук и т. д. Но даже и в тех странах, где экономика не так изуродована, развитие внутреннего рынка, а следовательно, и складывание экономической общности, как одного из обязательных признаков нации, задерживаются империалистическим господством. Достаточно взглянуть на железнодорожную сеть любой колонии, чтобы понять эту особенность колониальной политики империализма. Железные дороги, как правило, идут от центров горной промышленности или районов плантаций к портам; они играют роль громадных насосов, выкачивающих из страны ее жизненные силы. Железных дорог, пересекающих эти магистрали, связывающих между собой внутренние районы страны, мало или даже нет.

Колонии являются дополнением экономики метрополий, они лишены экономической самостоятельности. Их роль состоит в том, чтобы производить сырье и покупать фабрично-заводские изделия метрополии: они вывозят хлопок и ввозят ткани, вывозят железную руду и ввозят мотыги, вывозят сизаль и ввозят веревки и т. д. Отдельные экономические районы каждой данной колонии или соседних колоний связаны с внешним рынком, но почти или даже совсем не связаны между собой.

Империалисты искусственно сохраняют феодальную раздробленность в тех странах, где феодальный строй сложился до появления империалистических завоевателей. Наиболее типичным примером была Индия с ее

[1] А. Лондр. Черная Африка. Пер. с французского. М., 1930, стр. 197—198.
[2] E. S. Pankhurst. Ex-Italian Somaliland. London, 1951, p. 214.

множеством княжеств. Феодальные владыки всегда служили надежной социальной опорой империализма. «Положение феодальных княжеств, расположенных наподобие шахматной доски по всей Индии, является прекрасной мерой предосторожности, — заявил английский советник делегации индийских княжеств в Лондоне в 1930 г.— Они представляют собой как бы обширную сеть дружественных крепостей, разбросанных на оспариваемой территории. Если бы в Индии вспыхнуло всеобщее восстание против англичан, оно не могло бы охватить всю страну, благодаря существованию этой сети сильных и преданных нам туземных княжеств»[1]. Ближайшей аналогией с индийскими княжествами являются мусульманские эмираты и миниатюрные марионеточные государства йоруба в Нигерии.

Империалисты пытаются искусственно сохранить родо-племенную организацию в тех колониях, где к началу империалистической эпохи не успело сложиться классовое общество. Родо-племенной уклад жизни, характерный для первобытно-общинного строя, несовместим с товарным хозяйством и империалистической системой эксплуатации; даже в отсталых колониях, за исключением немногих захолустий, от прежнего содержания первобытно-общинных отношений сохранились сейчас лишь отдельные пережитки. Однако империалисты искусственно сохраняют прежнюю форму, превратив верхушку родо-племенной организации в свою социальную опору. Бывший глава правительства Южно-Африканского Союза фельдмаршал Смэтс, один из наиболее воинствующих представителей британского империализма, в лекции, прочитанной в Оксфордском университете, поучая будущих колониальных чиновников, требовал: «Падение племенного строя надо предупредить во что бы то ни стало... мы должны принять все еще возможные меры для восстановления и сохранения авторитета вождей и поддержать узы солидарности и дисциплины, служившие в прошлом основой племенной организации туземцев»[2].

Сохраняя искусственно феодальную раздробленность и родо-племенную организацию, поддерживая племенные перегородки, разжигая племенной партикуляризм и межплеменную рознь, империалисты препятствуют слиянию племен и народностей в нацию. Империалисты намеренно создают препятствия на пути формирования наций, так как этническая раздробленность народов является серьезным тормозом в объединении антиимпериалистических сил.

Все эти обстоятельства, связанные с существованием колониального режима, в сильнейшей степени задерживают формирование наций в колониях. Но неудержимо развивающийся процесс классовой дифференциации и рост капиталистических отношений, с одной стороны, общность интересов и совместная борьба против империалистического угнетения, с другой — создают предпосылки для формирования наций. Формирование буржуазных наций в колониях представляет собою проявление объективно действующих законов общественной жизни. Созданный империалистами колониальный режим задерживает и осложняет закономерный процесс формирования буржуазных наций, придает ему специфические черты, но он не может отменить его.

Буржуазные нации складываются стихийно, на базе стихийного развития буржуазных производственных отношений. Нацию нельзя создать каким-либо постановлением. Но это не значит, что борьба общественных сил не влияет на развитие этого стихийного процесса. Если империалисты задерживают процесс формирования наций в колониях, то силы, противо-

[1] Кумар Гошал. Указ. соч., стр. 176—177.
[2] J. C. Smuts. Africa and some world problems. Oxford, 1930, p. 87.

стоящие империализму, могут его ускорить. По существу всякая борьба против колониального режима есть борьба за создание предпосылок, на базе которых неизбежно складывается нация.

Известно, что «элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях»[1]. Это в равной мере относится и к нациям, формирующимся в колониальных условиях. Элементы наций сложились — в разных колониях в разной степени — еще в период до империалистического завоевания, до установления колониального режима. Колониальный режим задержал их дальнейшее развитие, их вызревание, и они до сих пор являются элементами нации лишь в потенции. Борьба против империалистического порабощения является вместе с тем и борьбой за создание таких благоприятных условий, при которых потенциальные элементы наций станут их действительными элементами.

Демократические силы колоний и зависимых стран ведут борьбу за ликвидацию колониальных и административных границ, разрывающих территории формирующихся наций. Народ эве, населяющий Золотой Берег и французскую и английскую части Того, ведет борьбу за ликвидацию разделяющих его колониальных границ. Народы колоний борются за развитие родного языка, за создание своей литературы, своего искусства, музыки. Центрами этой борьбы являются растущие города, которые вопреки империалистической политике превращаются из административных центров в экономические и культурные центры. Империалистическая политика земельных экспроприаций и массовых перемещений людей, концентрация рабочей силы в горнопромышленных центрах и на плантациях объективно способствуют созданию языковой и культурной общности.

Национально-освободительное движение является величайшей силой, ускоряющей процесс формирования наций. Классовые и национальные организации объединяют обычно людей независимо от их принадлежности к тем или иным племенам, народностям. Единство цели, общность интересов, совместные действия против империализма способствуют зарождению и укреплению национального самосознания.

Возможно ли завершение процесса формирования буржуазной нации в условиях колониальной или полуколониальной страны, в условиях империалистического господства? В советской литературе последних лет появились две точки зрения по этому вопросу. А. М. Дьяков в своих работах по Индии даже не ставит вопроса о возможности или невозможности завершения процесса формирования нации. Он просто утверждает, что процесс формирования ряда наций (бенгальцы, ассамцы и др.) «в основном уже закончен» [2]. Этой же позиции придерживаются, хотя с некоторыми оговорками, авторы книги «Новая история стран зарубежного востока» [3]. Эта точка зрения нашла свое отражение в книге географа Л. Ш. Гордонова «Египет»: «Подавляющая часть населения Египта... представляет единую египетскую нацию» [4].

Имеется, однако, немало исследователей национального вопроса в ко-

---

[1] И. В. Сталин. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11, стр. 336.

[2] А. М. Дьяков. Национальный вопрос и английский империализм в Индии. М., 1948, стр. 91.

[3] «Новая история стран зарубежного востока». Под ред. И. М. Рейснера и Б. К. Рубцова. М., 1952, т. 2, стр. 28—31.

[4] Л. Ш. Гордонов. Египет. М., 1953, стр. 51.

лониальных и зависимых странах, которые отрицают такую возможность. Признавая совершенно очевидный факт, что процесс формирования наций в этих странах имеет место, они вместе с тем утверждают, что вследствие наличия феодальных пережитков и господства иностранных империалистов завершение этого процесса до завоевания национальной независимости невозможно. С этой точкой зрения нельзя согласиться.

Феодальные пережитки, поскольку они тормозят развитие капиталистических отношений, несомненно, задерживают формирование наций, но они не могут быть непреодолимым препятствием на пути развития капитализма, так же как не могут помешать завершению процесса формирования нации. Хорошо известно, что все буржуазные нации сложились не после того, как все феодальные пережитки были уже уничтожены, а при наличии этих пережитков, в процессе борьбы нового, капиталистического способа производства со старым, феодальным способом производства. Достаточно убедительным примером служит русская нация: она сложилась до отмены крепостного права, когда феодальные отношения были еще господствующими отношениями.

Господство иностранных империалистов, колониальный или полуколониальный режим также несомненно задерживает формирование нации. Как уже указывалось, господство иностранных империалистов мешает сложению экономической общности, развитию национального языка и национальной культуры. Однако и оно не может служить непреодолимым препятствием на пути формирования нации. Утверждение, что формирование нации не может быть завершено до завоевания национальной независимости, равносильно признанию того, что нация не может существовать без своего обособленного национального государства.

Нет никаких оснований отрицать возможность для народов колоний образовать нации до уничтожения империалистического господства. Такое отрицание неизбежно приводит к мысли, что народы колоний, не имеющие своих национальных государств, не являются и не могут являться полноценными нациями и потому нуждаются в руководстве, в опеке со стороны других наций, создавших свои государства [1].

Но, с другой стороны, это совсем не значит, что все народы колоний сформируются в нации в условиях колониального режима. Для решения вопроса необходимо в каждом конкретном случае учитывать степень развития капиталистических отношений и формирования классов буржуазного общества. При этом надо брать не колонии, а народы, так как колониальные границы обычно не совпадают с этническими границами и так как разные народы одной и той же колонии находятся на различных уровнях развития (например, ашанти и племена северных районов Золотого Берега). Есть немало таких народов, у которых капиталистические отношения уже сейчас достигли значительного развития (ибо в Нигерии, ашанти и др.). Имеется немало и таких народов, где капиталистические отношения находятся еще в зародыше (народы трех Сомали, масаи, туареги и др.). Многие народы колониальных и зависимых стран после победы антиимпериалистической революции пойдут по пути некапиталистического развития и, минуя стадию существования буржуазной нации, будут формироваться сразу же как нации социалистические.

Общая историческая обстановка сейчас такова, что политической формой освобождения порабощенных империализмом народов становится народная демократия, которая обеспечивает руководящую роль пролетариата и открывает стране путь к социализму. А это значит, что с ликви-

[1] См. И. В. Сталин. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. II, стр. 335.

дацией колониального режима в подобных странах будет формироваться не буржуазная, а социалистическая нация. Темпы формирования социалистической нации будут определяться темпами перерастания демократической революции в революцию социалистическую.

Таковы главные особенности формирования буржуазных наций в колониях и зависимых странах. Поскольку уровень экономического и политического развития колоний и зависимых стран различен, постольку и подход к решению этой проблемы должен быть различным. Шаблон более всего опасен в этом исследовании. В Индонезии, например, где имеется многочисленная, развитая буржуазия, проблема формирования наций стоит иначе, чем, например, в Восточной Африке, где национальная буржуазия делает еще только первые шаги. В каждой из колониальных и полуколониальных стран исследователь сталкивается со специфическими условиями и с особыми трудностями. Но при всем этом разнообразии условий процесс формирования буржуазных наций в колониях имеет много общего, поскольку колониальный режим при всем разнообразии внешних форм аналогичен по своему внутреннему содержанию. Поэтому процесс формирования наций в условиях колониального режима представляет собой особую, самостоятельную проблему.

Актуальное политическое значение разработки этой проблемы не подлежит сомнению. А между тем исследований по этой проблеме, за исключением работы А. М. Дьякова «Национальный вопрос и английский империализм в Индии», пока нет. Да и в этой работе нет исследования процессов формирования наций: А. М. Дьяков ограничивается весьма сжатой характеристикой уже сложившихся и складывающихся наций, исходя при этом только из одного, хотя и наиболее показательного признака — языковой общности. Необходима серия конкретных исследований по отдельным странам и народам, на основе которых можно было бы сделать общие теоретические выводы.

Задачей настоящей работы является исследование этой проблемы на примере народов банту, населяющих Южно-Африканский Союз и английские протектораты — Бечуаналенд, Басутоленд, Свазиленд: коса, зулу, басуто, бечуаны, бапеди и свази (см. рис. 1). Границы, разделяющие Южно-Африканский Союз и протектораты,— искусственные, колониальные границы, они не имеют никакого отношения к границам расселения народов, к этническим границам. Поэтому ставить исследование проблемы формирования наций на материалах только Южно-Африканского Союза или только протекторатов нельзя.

Но вместе с тем и нельзя расширять границы исследования. Территория Южно-Африканского Союза и протекторатов представляет собой более или менее строго очерченную этно-лингвистическую территорию, населенную народами, говорящими на языках одной — юго-восточной — группы языков банту. Народы соседних территорий говорят также на языках банту, но уже других групп, значительно отличающихся от языков юго-восточной группы: в Юго-Западной Африке — на языках юго-западной группы, в Южной Родезии — на языках группы машона [1]. Хотя народы южных районов португальской колонии Мозамбик и говорят на языках юго-восточной группы (ватсонга), они должны быть по ряду других причин исключены из этого исследования.

Избранная для настоящего исследования территория представляет собой очень сложный комплекс разнообразных условий этнического развития народов. Она включает в себя три протектората, т. е. обычные ко-

[1] По классификации Д. А. Ольдерогге. См. БСЭ, т. 3, «Африка».

лонии, с весьма однородным в этническом отношении населением: в Басутоленде живут почти исключительно басуто, в Бечуаналенде — бечуаны, в Свазиленде — свази. И вместе с тем здесь наблюдается резкое несоответствие колониальных и этнических границ: басуто, населяющие Басутоленд, составляют только одну четвертую часть всех басуто; бечуаны

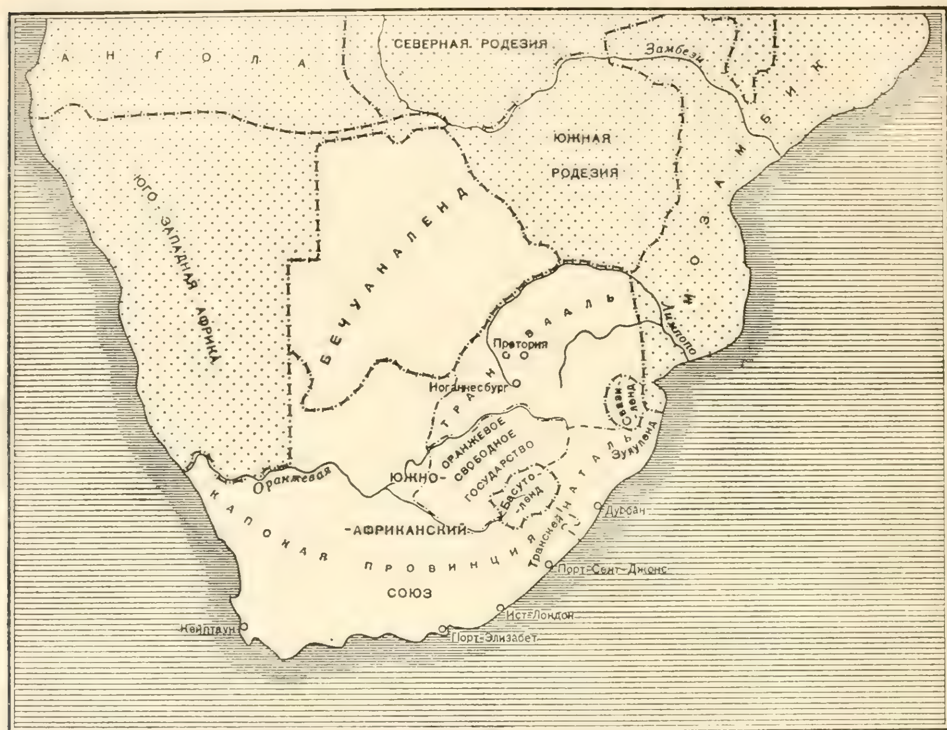

Рис. 1. Территория исследования

Бечуаналенда составляют только одну треть всех бечуанов; свази, населяющие Свазиленд, составляют около 40% всех свази. Остальные бечуаны, басуто и свази живут в Южно-Африканском Союзе, главным образом в районах, прилегающих к соответственным протекторатам.

Южно-Африканский Союз представляет собою крайне своеобразную, нигде не повторяющуюся картину. Это доминион, но доминион особого, колониального типа. Если в таких доминионах, как Канада или Австралия, коренное население было почти полностью истреблено колонизаторами, то в Южно-Африканском Союзе оно сохранилось и составляет сейчас около трех четвертей всего населения, а пришлое население европейского происхождения — только одну четверть.

Господствующая империалистическая верхушка пришлого, европейского населения проводит по отношению к коренному населению политику так называемой территориальной сегрегации, т. е. раздельного поселения «белых» и «черных». Примерно одна треть коренного населения загнана в специально отведенные для него районы — резерваты. Некоторые из этих резерватов по численности населения являются своеобразными колониями: Транскей, населенный коса — 1246 тыс. чел., Зулуленд, населен-

ный зулусами — 400 тыс. чел. [1]. По своему месту в общей системе империалистической эксплуатации Южной Африки резерваты ничем не отличаются от протекторатов: они являются источниками дешевой рабочей силы для горной и обрабатывающей промышленности. Другие две трети коренного населения Южно-Африканского Союза живут среди пришлого европейского населения.

Это разнообразие условий этнического развития коренного населения территории исследования составляет большую трудность, но вместе с тем представляет большой интерес для разработки проблемы.

Другое, и главное, соображение, предопределившее выбор территории для исследования,— политическое значение национального вопроса в Южно-Африканском Союзе.

Расовый и национальный состав Южно-Африканского Союза очень сложный. Собственно африканское население, говорящее на языках банту, по переписи 1946 г. составляет 68,5% всего населения. Население европейского происхождения — 20,8%. Оно также пока еще не представляет собой единой нации: примерно две трети его составляют буры, или африкандеры, потомки первых, главным образом голландских колонистов; одну треть — англичане. Дальше идут переселенцы из Азии, преимущественно из Индии; они насчитывают 2,5% всего населения. И, наконец, 8,2% так называемых цветных, или смешанных, составляют в основном мулаты, остатки бушменов и готтентотов.

Такой сложный состав населения сам по себе не является причиной существования национальной неприязни, вражды, угнетения одной нации или расовой группы другой нацией или расой. Примером этому служит Советский Союз, состав населения которого куда более сложен, чем в Южно-Африканском Союзе. В Советском Союзе живут около 60 наций, народностей и этнографических групп, принадлежащих к разным расам. И однако в Советском Союзе нет национального угнетения и национальной вражды, каждая нация независима и свободна, говорит на своем языке, развивает свою, национальную по форме культуру, и все вместе, в братском содружестве, они заняты общим делом строительства нового общества. Конституция, Основной закон Советского Союза, «исходит из того, что разница в цвете кожи или в языке, культурном уровне или уровне государственного развития, равно как другая какая-либо разница между нациями и расами—не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравноправие. Он исходит из того, что все нации и расы, независимо от их прошлого и настоящего положения, независимо от их силы или слабости, — должны пользоваться одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества» [2].

В Южно-Африканском Союзе картина прямо противоположная: одна раса — европейцы — является господствующей, все другие расовые и национальные группы являются угнетенными. Расовая дискриминация банту, цветных и индийцев является общеизвестным фактом, этот вопрос уже не раз обсуждался в Организации Объединенных Наций. Этот порядок расовой дискриминации введен и старательно поддерживается европейскими горнопромышленниками и помещиками, фабрикантами и богатыми фермерами. Он является средством обеспечения максимально

---

[1] Сравни с населением некоторых африканских колоний (в тысячах): Сомали французское — 45, Сомали британское — 700, Гамбия — 244, Гвинея португальская — 431, Северная Родезия — 1720 и др.

[2] И. В. Сталин. О проекте Конституции Союза ССР. «Вопросы ленинизма», 11-е изд., стр. 555.

высоких прибылей, извлекаемых из эксплуатации трудящейся части населения Южно-Африканского Союза, и сохранения империалистического господства.

После второй мировой войны национальный вопрос принял особо острый характер. В связи с огромным ростом демократических сил во всем мире, и в Южной Африке в частности, империалисты поставили в 1948 г. у власти самую реакционную, националистическую партию Малана.

Программа этой партии по отношению к неевропейской части населения была изложена в обращении Малана к европейским избирателям следующим образом:

«Дайте неевропейцу силу, которую в таких случаях дает численность, допустите их численное превосходство над европейским элементом и сверх того предоставьте им доступ к образованию; предоставьте им выгоды социального попечения в том виде, как это существует у нас; признайте за ними право на профессиональные организации, т. е. разрешите им группироваться в профессиональные союзы, для того чтобы они, образовав организованный рабочий класс, могли в некоторых областях навязывать свою волю посредством забастовок; предоставьте им политическое равенство... наконец, сверх того, вооружите их, и тогда вы достигнете только одного результата: неевропейцы будут управлять страной, а европейцы должны будут уйти. Так произошло в Индии, и мы сегодня видим результаты этой политики» [1]. Малан высказался настолько откровенно, что комментировать его заявление нет надобности.

Правительство Малана провело через парламент ряд законов, направленных на усиление режима расовой дискриминации. Широкие народные массы неевропейского населения ответили на усиление режима расовой дискриминации сплочением своих сил и активизацией борьбы за свои человеческие права. Демократические силы европейской части населения стали также более решительно выступать против расистского законодательства правительства Малана.

В целях раскола и подавления демократического движения европейской части населения маланисты пытаются разжечь национальную рознь и среди этой части населения, воскресить старый бурский национализм и натравить африкандеров на англичан.

Обострение национальных и расовых взаимоотношений, усиление борьбы против политики расовой дискриминации вызвали серьезную тревогу даже среди буржуазной интеллигенции, связанной с империалистической верхушкой. Появились разнообразные проекты и программы разрешения национального вопроса, установления «расовой гармонии» [2]. Все они исходят из одной задачи — сохранение режима расовой дискриминации неевропейцев и империалистического господства.

Наиболее развернутую и «радикальную» программу установления «расовой гармонии» предложил Кеппель-Джонс в книге «Друзья или

[1] Цитировано по «Докладу комиссии Организации Объединенных Наций по изучению расовых взаимоотношений в Южно-Африканском Союзе». Нью-Йорк, 1953, стр. 154.

[2] См. например: «At the Crossroads». South African Institute of race race relations. Johannesburg, 1953; «The Christi n Citizen in Multi-Racial Society». «South Africa», 31 Oct. 1953; L. J. du Plessis. Problems of Nationality and Race in South Africa. London 1949; J. D. L Kruger. Bantustan. A Study in Practical Apartheid. Queenstown, 1951; «Integration or separate dewelopment». Stellenbosch, 1953; W. E. Barker. South Africa can do without native labour. «Journal of r cial affairs», July, 1953; P. A. Theron. A psychological approach to separate development. «Journal of racial affairs», Oct. 1952; L. M. Thomson. Democracy in Multi-Racial Societies. Johannesbourg, 1949.

враги?»[1]. Он предлагает превратить Южно-Африканский Союз в федеративное государство, создав на его территории четыре «туземных» государства — Транскей, Зулуленд, Летаба (северо-восточная часть Трансвааля) и Бечуаналенд (северная часть Капской провинции), государство индийцев (дистрикты Инанда и Нижняя Тугела в Натале) и шесть государств, населенных европейцами. При этом оказывается, что на территории четырех «туземных» государств будут жить только 41% всего коренного, африканского населения, банту. Большинство банту — 59% — остаются на территории европейских государств, где по отношению к ним Кеппель-Джонс сохраняет почти без изменения существующий ныне режим расовой дискриминации: они лишаются избирательных прав и права жить в городах вместе с европейцами. «Туземные» государства должны какое-то весьма неопределенное время находиться на положении протекторатов европейских государств, так как, утверждает Кеппель-Джонс в полном согласии со всеми империалистическими кругами, «туземцы еще не созрели для полной ответственности и самоуправления»[2]. В «туземных» государствах сохраняется европейское землевладение, т. е. обезземеленное африканское крестьянство так и остается обезземеленным. Программа Кеппель-Джонса не меняет, следовательно, ничего в фактическом положении коренного африканского населения: она не дает ему ни земли, ни политических прав.

Что касается создания шести государств, населенных европейцами, то оно неминуемо приведет к обострению англо-африкандерских противоречий, старательно разжигаемых маланистами. В трех из этих государств англичане будут численно господствующей национальной группой, а африкандеры — национальным меньшинством, в двух государствах — наоборот, а в шестом — англичане и африкандеры будут составлять почти равные части населения. Создание таких государств, при сохранении буржуазного строя, неизбежно вызовет борьбу между господствующей национальной группой и национальным меньшинством, а в федеративном парламенте — борьбу между английскими и африкандерскими государствами.

В целом программа Кеппель-Джонса — реакционная программа, она не только не разрешает национальный вопрос, но еще больше его запутывает и обостряет. В части, касающейся «туземного» вопроса, она по существу совпадает с реакционной программой националистического правительства и является ее «теоретическим» обоснованием.

Из множества расистских законов, принятых за последние годы националистическим большинством парламента, два закона — закон о раздельном поселении расовых групп[3] и закон о «туземных властях»[4] — имеют наиболее общее, принципиальное значение и наиболее полно раскрывают политику правительства националистов в «туземном вопросе». Сущность их сводится к следующему: загнать всех банту, не работающих на европейцев, обратно в резерваты, превратить резерваты в некоторое подобие марионеточных государств во главе с феодальными князьками из наиболее влиятельных и преданных империализму вождей племени. Националисты демагогически обещают содействовать экономическому и культурному развитию банту в районах их поселения. Эта реакционная программа

---

[1] A. Keppel-Jones. Friends or foes? A point of view and a programe for racial harmony in South Africa. Pietermaritzburg, 1950.
[2] Там же, стр. 199.
[3] Group Areas Act, № 41, 1950.
[4] Bantu Authorities Act, № 68, 1951.

находит поддержку среди части националистически настроенной буржуазной интеллигенции банту.

Сущность национального вопроса в Южно-Африканском Союзе и пути его разрешения вызывают, естественно, большой интерес и в демократических слоях населения.

На страницах прогрессивной газеты «Advance» в апреле 1954 г. была открыта дискуссия по национальному вопросу. В статье, открывшей дискуссию, констатируется отсутствие единства взглядов по таким вопросам, как что такое нация, национальная группа и др. «Наше национальное освободительное движение,— говорится в статье,— будет спотыкаться и делать ошибки, пока мы не будем иметь ясного представления о сущности национального вопроса» [1]. На эту статью последовали отклики, а затем была напечатана вторая большая статья под названием «Дискуссия по национальному вопросу в Южной Африке» [2], где делается попытка выяснить некоторые общие, теоретические аспекты этого вопроса. Дискуссия не получила дальнейшего развития, так как газета распоряжением националистического правительства была закрыта.

В том же 1954 г. Южно-Африканский клуб и клуб «Форум» создали Комитет связи для проведения широкой дискуссии по национальному вопросу. Комитет опубликовал небольшой, напечатанный на гектографе, сборник статей на эту тему [3]. В предисловии к сборнику говорится об исключительной сложности национального вопроса в Южной Африке и огромном значении для демократического движения иметь ясное представление о сущности национального вопроса. В опубликованных статьях выражены разные точки зрения. Одни утверждают, что все народы Южно-Африканского Союза — банту, англичане, африкандеры, «цветные» и индийцы — образуют одну нацию, а задача демократического движения сводится к ликвидации расовой дискриминации. Сторонники этой точки зрения считают, что требование самоопределения наций не может иметь места в Южной Африке. По существу это означает отрицание национального вопроса. Другие признают наличие особой нации банту и отрицают за отдельными народностями (зулу, коса и др.) право на самоопределение. Наконец, третьи признают, что каждая из этих народностей имеет достаточно исторических и культурных предпосылок для превращения в отдельную нацию.

К сожалению, вся аргументация авторов статей ограничивается лишь общими социологическими и политическими соображениями. Дискуссия ведется в полном отрыве от конкретных фактов.

Все эти обстоятельства придают разработке проблемы формирования национальной общности южноафриканских банту большое научное и политическое значение.

Исследование проблемы формирования буржуазных наций в колониях чрезвычайно затрудняется недостатком или даже полным отсутствием по ряду вопросов каких-либо материалов. Демографические материалы по колониальным странам исключительно бедны и чаще всего фальсифицированы. Во многих колониальных и полуколониальных странах до сих пор не было общих переписей населения. Списки налогоплательщиков являются в этих случаях единственным источником демографической статистики. Там же, где проводятся переписи населения, они подчинены

[1] «Advance», 1 Apr. 1954.

[2] «Advance», 22 Apr. 1954.

[3] «Symposium on the national question. (What are the national groups in South Africa)». Published by the Liaison Committe of the South Africa Club and the Forum Club. 1954.

задачам учета резервов рабочей силы для колониальных монополий и контингентов для вооруженных сил.

По большинству африканских, например, колоний нет сколько-нибудь точных и достоверных сведений об этническом составе населения, о расселении отдельных этнических групп. Для целей империалистической эксплуатации колоний эти сведения не нужны. Вопросы развития национальных языков и национальных культур империалистов не интересуют. Очень часто, когда, например, этнические и колониальные границы не совпадают, выявление настоящей картины этнического расселения находится в остром противоречии с интересами империалистических хозяев колоний. Естественно, что исследование формирования наций в этих условиях невозможно. Случайные сведения путешественников, миссионеров и колониальных чиновников не могут служить надежным основанием для такого исследования.

Переписи населения колоний, как правило, не дают сведений о профессиональном и классовом составе населения. Аграрная и сельскохозяйственная статистика или совершенно отсутствует или поставлена очень плохо и чаще всего фальсифицирована. Это чрезвычайно затрудняет, а иногда делает невозможным, изучение процесса формирования классов буржуазного общества.

Исследователь проблемы формирования наций по южноафриканским материалам находится в несколько лучшем положении. В Южно-Африканском Союзе регулярно проводятся переписи населения, сельскохозяйственные и промышленные переписи. По южноафриканским банту имеется большая историческая и этнографическая литература [1]. Наличие источников и литературы явилось далеко не последним соображением, предопределяющим выбор объекта исследования.

[1] См. «Select bibliography of South African native life and problems». Compiled for the inter-university committee for african studies under the direction of J. Schapera London, 1941.

ГЛАВА 2

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ

В соответствии с планом исследования все источники следует разделить на три группы:

1. Источники, содержащие материалы для характеристики социально-экономического строя банту в начале XIX в., т. е. накануне колониального порабощения.

2. Источники по истории англо-бурской колонизации и совпадающего с ней периода формирования народностей (XIX — начало XX в.).

3. Источники по современному положению южноафриканских банту, содержащие материалы для решения основной задачи исследования.

Источники первой группы немногочисленны и мало надежны.

Южноафриканские банту, «опекаемые» империалистическими захватчиками, в основной своей массе неграмотны и сейчас. К началу XIX в. они не имели письменности и не оставили потомству никаких литературных свидетельств о своей жизни и своей истории. Все описания жизни банту до XIX в. представляют собой более или менее удачные реконструкции, построенные на основании устных преданий и воспоминаний стариков. В этих реконструкциях не всегда возможно отделить правду от вымысла.

Первые литературные источники о банту относятся к концу XVIII— началу XIX в. и принадлежат перу европейцев — колониальных администраторов, путешественников и миссионеров. Изучение банту шло вместе с колонизацией территории банту и было подчинено задачам колонизации. Историю изучения банту нельзя поэтому отделить от истории колонизации Южной Африки.

Самые первые сведения о коренном населении Южной Африки были привезены в Европу португальской экспедицией Васко да Гама. Ей принадлежит и современное название одной из провинций Южно-Африканского Союза — Наталь. Экспедиция Васко да Гама причалила к юго-восточному берегу Африки (где-то в районе Пондоленда) 25 декабря 1497 г., в праздник Рождества, и потому назвала этот кусок африканской земли словом наталь [1]. От участников этой экспедиции стало известно лишь то, что жители Наталя строят свои дома из травы, орудия труда изготовляют из железа, а украшения — из меди и что они очень гостеприимны. Затем в течение более полутораста лет, до начала колонизации, внешний мир не имел никаких сведений о южноафриканских банту. Португальцы, а затем

[1] Natal — рождество (*португ.*).

голландцы и англичане довольно часто плавали вокруг Африки, но в соприкосновение с банту не приходили, наблюдая их лишь с палубы корабля.

Начало европейской колонизации Южной Африки было положено голландской Ост-Индской компанией, основавшей в 1652 г. в Столовой бухте, на самой южной оконечности Африки, базу для проходящих судов. Очень скоро эта скромная по своим задачам и размерам база превратилась в переселенческую Капскую колонию. Первыми жертвами европейских колонистов стали бушмены и готтентоты: их безжалостно истребляли или превращали в рабов на созданных колонистами фермах. Захватывая все новые и новые земли, расширяя территорию колонии в восточном направлении, голландские колонизаторы пришли в соприкосновение с коса на р. Грейт-Фиш, которая в 1776 г. была объявлена восточной границей колонии. Северной границей колонии была р. Оранжевая, по другую сторону которой жили басуто-бечуанские племена.

Голландские хозяева колонии, не рассчитывая пока на захват территории коса и бечуанов, проявляли к ним небольшой интерес. В течение более чем столетнего господства на юге Африки они ничего не сделали для их изучения, ограничиваясь сведениями, полученными от готтентотов или бушменов и европейских моряков, потерпевших кораблекрушение у юго-восточных берегов Африки и невольно оказавшихся среди коса. Так, например, в 1686 г. потерпели крушение английское судно «Бонавентура» и голландское судно «Ставенисса». Команды судов случайно встретились на суше и разными путями добрались до Капской колонии. Со слов этих моряков стало известно, что коса занимаются земледелием и скотоводством, разводят крупный рогатый скот, коз и овец, имеют кур, что они нуждаются в железе и охотно его выменивают, что они общительны и гостеприимны. В 1689 г. команда рабовладельческого корабля «Норд», также потерпевшего крушение, сообщила, что коса не знают работорговли и что у них невозможно купить рабов. Подобного рода сообщения, случайные и частные, поступали и от команд других судов [1].

В 1786 г. в Лондоне было опубликовано описание путешествия шведского профессора А. Спермана [2], посетившего в 1776 г. Капскую колонию. Согласно его сообщениям, территория западнее р. Грейт-Фиш населена готтентотами, бушменами и лишь кое-где встречаются бурские фермы. Его описания и относятся, главным образом, к готтентотам и бушменам. Однако уже в долине р. Цварткоп он видел краали коса. На р. Грейт-Фиш к нему пришла группа коса с намерением выменять железо. Восточнее р. Грейт-Фиш, т. е. на территории коса, он не был.

В 1795 г. Капская колония была захвачена Англией. По Амьенскому мирному договору с Францией и ее союзниками (Испанией и Голландией) Англия в 1802 г. вернула Капскую колонию Голландии, но в 1806 г. захватила ее вновь и уже надолго. С конца XVIII в. и начинается систематическое изучение южноафриканских банту, подготовившее захват Англией их территорий.

---

[1] T. Sutherland. Memoir respecting the Kaffers, Hottentots and Bosjemans of South Africa. Cape Town, 1845—1846, 2 vols. Автор — офицер 2-го Бомбейского полка легкой кавалерии — был послан английским министерством колоний с какими-то поручениями в Капскую колонию. К своим донесениям министру колоний он приложил обширные выписки из журнала Ван-Рибека, основателя колонии, и архивов Капской колонии. Это весьма обстоятельный и достоверный источник.

[2] A. Sparrman. A voyage to the Cape of Good Hope, towards the antarctic polar circle, and round the world, but chiefly into the country of the hottentots and caffres, from the year 1772 to 1776. London, 1786, 2 vols.

В 1801 г. в Лондоне вышло описание путешествия Дж. Бэрроу [1]. Он прибыл в Южную Африку в 1797 г. в качестве секретаря первого английского губернатора Маккартни и по его заданию совершил поездку в Каффрарию, как тогда называли населенную коса территорию восточнее р. Грейт-Фиш, для встречи и переговоров с вождем Гайка. Описания Бэрроу очень поверхностны и мало надежны. От него мы узнаем, что коса племени вождя Гайка железа сами не плавят и приобретают его у других племен.

После возвращения Капской колонии Голландии в 1802 г. туда вернулась голландская администрация во главе с губернатором Жансеном. Один из этих новых администраторов, капитан Альберти, занялся изучением Каффрарии и в 1811 г. опубликовал свои материалы [2].

Роль разведчиков среди южноафриканских банту Англия возлагала на миссионеров. В 1798 г. лондонское миссионерское общество подослало к вождю Гайка своего миссионера Вандеркэмпа, основавшего среди коса первую миссионерскую станцию [3]. Станция эта просуществовала недолго, была закрыта и затем восстановлена в 1816 г. На ней работал миссионер Дж. Броунли, наблюдения которого были опубликованы в 1827 г. [4]. В 1828 г. вышла книга инспектора Лондонского миссионерского общества Джона Филипа [5], посвященная в основном описанию работы первых миссионерских станций в Южной Африке. Вопреки собственному желанию, автор прекрасно показал роль миссионеров как первых разведчиков и политических агентов Англии. В этом основная ценность книги, хотя известный интерес представляют сведения о жизни коса и бечуанов, сообщаемые Филипом.

Миссионерская работа среди бечуанов началась несколько позже. В 1812 г. с целью обследования массионерских станций в Капскую колонию прибыл миссионер Дж. Кэмпбелл. Описание его путешествия [6] — первый литературный источник о жизни бечуанов начала XIX в. Затем среди бечуанов начали работу миссионеры Эванс, Хамильтон, Эдвардс и Р. Моффат. Моффат прожил среди бечуанов с 1817 по 1870 г., много путешествовал, подготовляя установление английского господства севернее р. Оранжевая. Его дневники представляют большую ценность для исследования образа жизни бечуанов и матабеле [7]. С 1840 г. начал в Южной Африке среди бечуанов свою миссионерскую деятельность известный путешественник Давид Ливингстон [8].

Первый литературный источник о жизни басуто представляют воспоминания миссионера Парижского евангелического общества Дж. Казалиса, поселившегося среди басуто в 1833 г. [9].

---

[1] J. Barrow. An account of travels into the interior of Southern Africa in the years 1797—1798. London, 1801.

[2] L. Alberti. Description physique et historique des caffres, sur la cote meridionale de l'Afrique. Amsterdam, 1811.

[3] Его сообщения о коса — «An account of the religion, customs, population, goverment, language, history and natural production of Caffraria» — были опубликованы в 1803 г. в «Transactions Missionary Society».

[4] J. Brownlee. Account of Amakosae, or Southern Caffres. «Travels and adventures in Southern Africa». London, 1827.

[5] J. Philip. Researches in South Africa; illustrating the civil, moral and religions condition of the native tribes. London, 1828, 2 vols.

[6] J. Campbell. Travels in South Africa. London, 1815; Travels in South Africa... being a narrative of second journey. London, 1822, 2 vols.

[7] «The matabele journals of Robert Moffat (1829—1860)». London, 1945, 2 vols.

[8] Д. Ливингстон. Путешествия по Южной Африке с 1840 по 1856 г. Пер. с английского. М., 1947.

[9] J. E. Casalis. Les Bassutos; ou, vingt-trois années de séjour et d'observations au Sud de l'Afrique. Paris, 1859.

Укрепившись в Капской колонии, Англия начала подготовку к захвату Наталя. В 1822 г. группа английских купцов в Кейптауне организовала компанию по торговле с зулусами и в том же году направила в Наталь разведывательную партию во главе с бывшими морскими офицерами Кингом и Файервелом. В 1824 г. на месте нынешнего города Дурбан (Дурбан основан в 1835 г.) ими было основано первое английское поселение. Английские агенты вошли в сношения с вождем зулусов Чака и получили от него разрешение торговать с зулусами. Пользуясь покровительством Чаки, они много путешествовали по Наталю и близко наблюдали жизнь зулусов. В 1825 г. к ним присоединился миссионер Н. Айсекс, который прожил там шесть лет и в 1836 г. опубликовал свои наблюдения [1].

В начале 1835 г. английское правительство направило в Наталь морского офицера Гардинера с заданием подготовить почву для основания миссионерской станции. Английские колонизаторы придавали большое значение работе религиозных миссий; миссионеры везли «духовную сивуху», отравляли своими проповедями сознание будущих жертв, подготавливали идеологическую основу колониальной экспансии и, кроме того, были незаменимыми шпионами. Гардинеру удалось получить согласие Дингаана, преемника Чаки, на основание станции, и в 1837 г. миссионер Оуэн организовал свою станцию в Умгунгунхлову — в резиденции Дингаана. Описание своего путешествия и встречи с Дингааном Гардинер опубликовал в 1836 г. [2].

Таковы основные и самые ранние источники для характеристики южноафриканских банту начала XIX в. Составить по этим источникам сколько-нибудь полную картину жизни южноафриканских банту начала XIX в. довольно трудно. Все они, за очень редким исключением, отмечены печатью расизма. Даже самые добросовестные из первых миссионеров и путешественников, пытающихся дать объективную картину, подходят к банту, как к особой расе, так или иначе отличной от европейцев.

Внимание авторов привлекают прежде всего уже несвойственные европейцам, давно ими пережитые семейно-брачные отношения, дохристианские народные верования, народные средства лечения болезней и т. п. О характере производительных сил имеются лишь отрывочные сведения, а характеристика общественных отношений сильно запутана и искажена. Читая страницы, посвященные описанию общественного устройства, вспоминаешь меткую оценку, данную К. Марксом: «Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают бассилевса в монарха в современном смысле слова» [3]. Злоупотребляя понятиями, пишут о феодализме, сюзеренах и вассалах, деспотизме и тирании.

Тем не менее это ценные, к тому же единственные материалы непосредственных наблюдателей, многим из которых нельзя отказать в объективности, беспристрастности. Таков, например, Давид Ливингстон. Он был искренним другом африканских народов: его огорчали отсталость,

---

[1] N. Isaacs. Travels and adventures in Eastern Africa, descriptive of the Zoolus, their manners, customs etc. London, 1836, 2 vols. Наблюдения купца Х. Ф. Финна (H. F. Fynn), входившего в состав этой первой группы англичан, опубликованы в «Proceedings of the Commission appointed to inquire into the past and present state of the Kafirs in the district of Natal». Pietermarizburg, 1852—1853.

[2] A. Z. Gardiner. Narrative of a journey to the zoolu country in South Africa. London, 1836.

[3] К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса и Энгельса, том IX. М., 1941, стр. 143.

примитивный образ жизни тех племен, с которыми он сталкивался, и он твердо надеялся на их лучшее будущее. «Мы не верим, — писал Ливингстон, — ни в умственную, ни в нравственную неспособность африканцев: мы не видели ничего, что могло бы оправдать мнение, будто бы они принадлежат к особой «породе» или «виду», отличающемуся от наиболее цивилизованных людей» [1]. Он одним из первых подал голос протеста против расистского мракобесия. «Африканец, это — человек в полном смысле слова», — писал Ливингстон [2].

Источники второй группы также немногочисленны, но более надежны. Это в основном официальные или полуофициальные документы, так называемые Синие книги (Blou books).

В них мы находим тексты грабительских договоров, заключаемых колониальными властями с вождями племен, переписку губернаторов колоний с министерством колоний, подробнейшие донесения резидентов о разного рода событиях в управляемых ими районах, ценнейшие сведения о расселении племен, взаимоотношениях между племенами, насильственном переселении племен и многое другое. В целом эти Синие книги дают богатейший материал как для истории колониальной политики Англии в Южной Африке, так и для истории борьбы южноафриканских банту против английской империалистической агрессии [3].

Создавая административную машину управления порабощенными народами, колониальные власти должны были изучать общественное устройство этих народов с целью использования в своих интересах традиционных институтов и порядков. Для этого создавались различные комитеты и комиссии, доклады которых публиковались также в форме Синих книг. Обычно эти комиссии проводили свои заседания в разных городах и опрашивали большое количество свидетелей — чиновников, миссионеров, колонистов, вождей племен и др., в ответах которых мы находим ценные материалы по всем сторонам жизни банту; наибольшую ценность представляют ответы самих банту [4].

Завершается эта группа источников докладами комиссий по туземным делам (1903—1905 гг.) и по земельному вопросу (1913—1916 гг.). Первая из этих комиссий в течение трех лет собирала материал, разъезжая по всем южноафриканским колониям и протекторатам. Ее доклад в пяти толстых томах содержит материал, заслуживающий особого изучения. В ответах опрошенных ею людей читатель находит интересные сведения о землевладении и землепользовании, системе административного управления, роли вождей племен в этой административной системе, о налогах, принудительном труде, о семейных отношениях у банту и др. В этих ответах отражены различные точки зрения по основным вопросам коло-

[1] Д. Ливингстон, Ч. Ливингстон. Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 г. М., 1948, стр. 336.

[2] Там же.

[3] См. например: «Return: Kaffir tribes». London, 1951. Это — Синяя книга, представленная колониальным министерством в палату общин английского парламента 2 июля 1851 г., содержит документы за период 1837—1845 гг.; «Correspondence with the governor of the Cape of Good Hope rel tive to the st te of the k fir tribes and to the recent outbreak on the eastern frontier of the colony». London, 1851. Приложена подробная карта расселения племен коса; «Further correspondence relative to the state of the Orange River territory». London, 1853.

[4] См. например, «Cape of Good Hope. Report and evidence of commission of native laws and customs of the basutos», Cape Town, 1883; «Cape of Good Hope. Report and proceedings, with appendices, of the government commission on native laws and customs». Cape Town, 1883; «Natal government. Proceedings of the commission appointed to inquire into the past and present state of the kafirs in the district of Natal». Pietermaritzburg, 1852—1853.

ниальной политики. Материалы этой комиссии дают всесторонний итог бурных событий XIX в. [1].

В 1910 г. был образован Южно-Африканский Союз, в состав которого вошли английские колонии — Капская и Наталь, и две покоренные британским империализмом бурские республики — Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство. Создание южноафриканского доминиона явилось завершением и политическим оформлением столетней (1806—1910) борьбы Англии за овладение южной частью африканского континента. Британский империализм стал теперь надолго единственным и полновластным господином этой большой и богатой территории.

В 1913 г. парламент Южно-Африканского Союза оформил законодательным актом земельное ограбление банту, приняв рабовладельческий закон о «туземных землях» [2]. В целях выработки единой аграрной политики по всем объединившимся в союз колониям была создана Туземная земельная комиссия под председательством сенатора Бьюмонта. Эта комиссия работала три года, побывала во многих местах, опросила несколько сот свидетелей. Ее доклад [3] дает исчерпывающую картину аграрных отношений в начале XX в. В нем мы находим детальные сведения о размерах и характере землевладения и землепользования банту по каждому дистрикту.

Источники третьей группы значительно более многочисленны и разнообразны. Сюда относятся прежде всего переписи населения. За время после образования Южно-Африканского Союза проведены четыре общие переписи населения: в 1911, 1921, 1936 и 1946 гг.; кроме того, в 1918, 1926 и 1931 гг. проводились переписи только европейской части населения. Материалы переписей дают возможность составить полную картину роста народонаселения и расселения основных этнических групп по провинциям и дистриктам. С точки зрения этнической принадлежности все население в данных переписях разбивается на четыре группы: европейское, банту, азиатское, смешанное и прочее (mixed and other). В последнюю группу включаются мулаты, или, как их называют в Южной Африке, «цветные», остатки бушменов и готтентотов. В группу «азиатское» включаются индийцы, китайцы, малайцы и переселенцы из всех других частей Азии.

Для целей настоящего исследования наибольшую ценность имеют материалы о языковой принадлежности банту. Но такие сведения даются только в переписи 1946 г. Во всех ранних переписях банту учитывались одной рубрикой без подразделения по языковым группам. В 1946 г. впервые в карточку переписи был включен вопрос о родном языке банту. Это дает возможность составить подробную карту расселения южноафриканских народностей, без которой исследование проблемы формирования национальной общности было бы крайне затруднено.

Единственным исчерпывающим источником для изучения расселения племен банту служат списки племен, составленные в 1935 г. правительственным этнографом Южно-Африканского Союза Н. Ван Вармело [4]. Основной недостаток этих списков состоит в том, что они совершенно не учитывают городское население, составлявшее уже одну четверть всех банту. Отсутствуют в списках и те сельские районы, где наблюдалось

[1] «South Africa. South African native affairs commission 1903—1905». Cape Town, 1904—1905, 5 vols.

[2] Natives Land Act, № 27, 1913.

[3] «Union of South Africa. Report of the natives land commission». Cape Town, 1916, 2 vols.

[4] N. J. Van Warmelo. A preliminary survey of the Bantu tribes of South Africa. Pretoria, 1935.

очень сильное смешение племен (Оранжевое Свободное Государство, южная часть Трансвааля). Численный состав племен — весьма приближенный. Ван Вармело пользовался списками налогоплательщиков: для получения численности населения надо число налогоплательщиков умножить на 4,5; но полученные таким путем данные, как оговаривается и сам Ван Вармело, не могут считаться точными. Тем не менее списки Ван Вармело — ценнейшее пособие, без которого нельзя было бы исследовать перемешивание племен, слияние их в народности.

К этой группе источников относятся дальше сельскохозяйственные и промышленные переписи, проводимые, как правило, каждый год. Для характеристики положения коренного, африканского населения эти переписи дают очень мало. Из материалов промышленных переписей можно узнать лишь численность африканских рабочих по различным отраслям промышленности. Сельскохозяйственные переписи содержат сведения лишь о поголовье скота и о земледельческой продукции, принадлежащей крестьянам банту. Совершенно отсутствуют сведения об имущественной и классовой дифференциации банту. Обобщенных данных по этому вопросу нет и в литературе. Лишь по случайным, отрывочным данным можно судить о классовой дифференциации сельского и городского населения банту. Но без этих переписей нельзя обойтись — они дают богатый материал для характеристики экономических районов, экономических связей между районами и другие сведения, необходимые для исследования экономической общности как обязательного признака нации.

К этой группе источников относятся также Синие книги, содержащие доклады различных парламентских и правительственных комиссий и комитетов. Большой интерес представляет, например, доклад «Туземной экономической комиссии 1930—1932 гг.» [1]. В этом докладе мы находим обстоятельные, документированные сведения о положении банту в резерватах, на фермах европейцев, в городах, о заработной плате, семейных бюджетах и жилищных условиях, об отходничестве из резерватов и другие материалы, раскрывающие сущность империалистической политики расовой дискриминации банту. В приложениях к докладу даны ценные статистические сведения по затронутым вопросам.

В распоряжении исследователя имеются, наконец, многочисленные законодательные акты, направленные на экономическое и политическое порабощение банту. Ценный и разносторонний материал содержат официальные ежегодники правительства Южно-Африканского Союза [2]. По протекторатам ежегодно публикуются отчеты министерства колоний, которые дают сведения по экономике, численности населения, об административных мероприятиях колониальных властей и др.

2. ЛИТЕРАТУРА

Литература по южноафриканским банту — большая и разнообразная. История англо-бурской колонизации Южной Африки, борьба южноафриканских банту против колонизаторов, англо-бурские отношения, история так называемой туземной политики английского империализма и правительства Южно-Африканского Союза, история экономического развития Южной Африки, этнография банту XIX и XX вв., современное экономическое и политическое положение банту и других этнических групп, совре-

[1] «Union of South Africa. Report of native economic commission 1930—1932». Pretoria, 1932.

[2] «Official yearbook of the Union of South Africa and of Basutoland, Bechuanaland protectorate and Swaziland».

менные политические партии и течения, рабочее и профсоюзное движение — все эти вопросы с той или иной степенью полноты освещены в литературе. Имеются монографические исследования по отдельным народам и крупнейшим историческим событиям: А. Брайант по зулусам [1], Дж. Сога по коса [2], Х. Стэй по венда [3], Дж. Броун по бечуанам [4], А. Вилмот по истории зулусской войны против английских захватчиков в 1879 г. [5]. Имеется немало сводных, обобщающих трудов: солидная работа компилятивного характера по всем народам Южной Африки [6] Г. Стоу, пятитомная история Южной Африки Г. Кори [7], «История туземной политики» Е. Брукса [8] и др.

Но при всем этом разнообразии литературы исследования по проблеме формирования национальной общности банту отсутствуют. Характер источников и литературы ставит серьезные трудности на пути разработки этой проблемы.

Литература по истории колонизации почти вся, за очень малым исключением, фальсифицирована. Авторы большинства исторических исследований намеренно искажают картину взаимоотношений между народами банту и колонизаторами. Делается это с определенной целью, по определенному социальному заказу — выгородить захватчиков и оправдать действия английского империализма, сделать черное белым и наоборот. Так, например, причины многочисленных военных экспедиций и вооруженных столкновений эти авторы ищут не на стороне захватчиков и грабителей, а на стороне африканских народов. С этой целью они обвиняют южноафриканские племена в воровстве, грабительских набегах, вероломстве и пр. Много написано о межплеменных конфликтах и войнах, о жестоких расправах с побежденными, и все это для того, чтобы представить европейских захватчиков в роли благодетелей, якобы предотвративших взаимное истребление африканских народов.

Колонизаторы на протяжении всего XIX в. были расколоты на две враждующие группы — буров и англичан. Почти вся территория Южно-Африканского Союза и протекторатов была захвачена бурскими колонистами. Англия шла вслед за бурами, отнимая у них одну колонию за другой. Кульминационной точкой столетней борьбы явилась англо-бурская война 1899—1902 гг. и окончательное поражение буров. Эта борьба отразилась в исторической литературе: в среде историков имеются два направления — проанглийское и пробурское. Первые обвиняют буров в жестоком отношении к коренному африканскому населению, вторые обвиняют в этом англичан. Эта борьба в лагере идеологических оруженосцев колонизаторов, как правило, затрудняет историческое исследование, но иногда, напротив, помогает путем перекрестной проверки восстановить истинную картину.

Специальных исследований по этнографии южноафриканских банту XIX в. немного: А. Брайан по зулусам, Дж. Маккензи по бечуанам [9],

---

[1] A. T. Bryant. Olden times in Zululand and Natal. London, 1929; А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев. Пер. с английского. М., 1953.

[2] J. H. Soga. The ama-xosa: life and customs Lovedal, 1932.

[3] H. A. Stayt. The bavenda. London, 1931.

[4] J. T. Brown. Among the bantu nomads. London, 1926.

[5] A. Wilmot. History of the zulu war. London, 1880.

[6] G. W. Stow. The native races of South Africa. A history of the intrusion of the hottentots and bantu into the hunting grounds of the bushmen, the aborigines of the country. London, 1905.

[7] G. E. Cory. The rise of South Africa. A history of the origin of South African colonisation and of its development towards the East from the earliest times to 1857. London, 1910—1930, 5 vols.

[8] E. H. Brookes. The history of native policy in South Africa from 1830 to the present day. Pretoria, 1927.

[9] J. Mackenzie. Ten years north of the Orange river. Edinburg, 1871.

Г. Лагден по басуто [1] и некоторые другие, а кроме того, множество статей в различных журналах. По своей фундаментальности и объективности исследования здесь надо выделить работы миссионера Брайанта. Широкообразованный человек, он в течение 50 лет жил среди зулусов, кропотливо собирал сведения об их прошлом и настоящем, а затем добросовестно и с большой симпатией описал их историю и повседневную жизнь. Работы Брайанта могут быть отнесены к категории источников.

Систематическое изучение этнографии южноафриканских банту началось [2] в 20-х годах XX в. с учреждением в южноафриканских университетах кафедр языков и этнографии («социальной антропологии») банту. В 1923 г. стал издаваться журнал «Bantu Studies», сыгравший большую положительную роль в изучении языков и этнографии народов банту. В 1926 г. был образован координационный комитет, взявший на себя задачу согласования планов работ отдельных университетских кафедр. С 1926 г. правительство Южно-Африканского Союза начало отпускать значительные средства на этнографическое изучение банту.

Этот интерес к этнографии народов банту не был случайным. Великая Октябрьская социалистическая революция в России, освободившая ранее угнетенные российским империализмом народы, нанесла огромной силы удар по моральным и политическим устоям империалистического господства в колониальных и зависимых странах. Начался кризис колониальной системы империализма, являющийся составной частью общего кризиса капитализма. Мощная волна национально-освободительного движения на Востоке докатилась и до Африки.

В целях расширения своей социальной опоры и укрепления своего господства в колониях империалисты переходят к системе так называемого «косвенного управления», действительная сущность которого состоит в консервации всего старого и отживающего в общественном строе колониальных народов. «Косвенное управление,— это попытка сохранить то, что еще может быть сохранено из туземных институтов» — писала Л. Майер, лектор курса колониальной администрации в Лондонском университете [3].

Использование «туземных институтов» в целях колониального управления требует от колониальных чиновников знания этих институтов и тех функций, которые они выполняют в родовом обществе. Глава правительства Южно-Африканского Союза генерал Дж. Смэтс поставил перед этнографами совершенно четкую задачу: «Знание этнографии... должно помочь сохранить (to conserve) туземную социальную систему» [4]. Буржуазные этнографы усердно взялись за выполнение этой задачи. Реакционный социальный заказ вызвал к жизни реакционную школу в этнографии — функциональную школу, которая в теоретическом отношении представляет собой синтез всего отсталого и антинаучного, что было в предшествующей истории буржуазной этнографии и социологии.

Получая щедрые правительственные субсидии, буржуазные этнографы Южно-Африканского Союза широко развернули сбор полевых этнографических материалов, одно за другим стали выходить исследования по южноафриканским банту. Но вся буржуазная этнографическая литература,

[1] G. Lagden. The Basutos: the mountaineers and their country. London, 1909, 2 vols.

[2] Первым этнографическим учреждением в Южно-Африканском Союзе считается этнографическая секция Южноафриканской Ассоциации содействия наукам, основанной в 1903 г.

[3] L. P. Mair. Native policies in Africa. London, 1936. p. 269.

[4] J. C. Smuts. Africa and some world problems, p. 86.

появившаяся в свет после 20-х годов, построена на установках функциональной школы.

Основное внимание этнографов сосредоточено на изучении остатков родо-племенного строя, роли вождей и родовых старейшин, традиционных обычаев и обрядов, суеверий и предрассудков, т. е. тех «туземных институтов», которые могут быть использованы для социального и духовного порабощения народов, для укрепления позиций империализма. Этнографы отбрасывают понятие «пережитки», все, что сохранилось от старого, полезно и должно быть сохранено. Этнограф Марвик выявил случаи ритуальных убийств детей у свази. Он, конечно, не одобряет ритуальные убийства, но считает невозможным устранить их, так как они, по его мнению, являются составной частью общества свази, выполняют в нем определенные функции и потому нужны для сохранения равновесия. «Туземные институты,— пишет он,— не разъединены, не изолированы друг от друга: наоборот, они переплетены в единстве и функционируют, чтобы сохранить общество как действующую целостность» [1].

Другой характерной чертой всей этой этнографической литературы является резко выраженный антиисторизм, сознательный отказ от исторического подхода к изучаемым явлениям. «Функциональная теория этнографии вообще подчеркивает,— писала Л. Майер,— важность изучения туземной жизни, как она есть в действительности, и отрицает обращение к историческим корням, чтобы понять особенности социальной конфигурации» [2]. Основатель функциональной школы Б. Малиновский требовал изучать «как институты действуют, а не как они произошли» [3].

Изучение истории жизни народов многими этнографами было совсем заброшено, все внимание было переключено на современность. Но, читая описания современной жизни южноафриканских банту в трудах этнографов-функционалистов, часто встаешь втупик: нельзя понять, идет ли речь о явлениях XIX или XX в., какую эволюцию претерпело то или иное явление, как изменилась его роль в жизни общества. Пользование этими трудами поэтому очень затруднено, хотя многие из них содержат ценный и интересный фактический материал.

Необходимо отметить, что некоторая часть этнографов (Дж. Шапера и др.) критически отнеслась к установкам функциональной школы, оказалась, хотя и в робкой, непоследовательной оппозиции к господствующему направлению и дала за эти годы ряд ценных исследований. Работы Шапера по бечуанам [4], при всех недостатках, значительно облегчают понимание тех глубоких процессов, которые сейчас имеют место в жизни бечуанов. Под его редакцией вышло два больших сборника бесспорно ценных статей [5]. Большой интерес представляют исследования Е. Хельмана [6], Е. Кригера и др. о жизни банту в городах.

Наиболее многочисленна экономическая и политическая литература. За последние годы на книжный рынок поступает много книг, издающихся как в Южно-Африканском Союзе, в Лондоне, так и в США. В основной

[1] B. A. Marwic. The Swazi. Cambridge, 1940, p. XV.

[2] L. P. Mair. The place of history in the study of culture contract. «Methods of study of culture contact in Africa». London, 1938, p. 3.

[3] B. Malinowski. Practical anthropology. «Africa», 1929, N 1, p. 33.

[4] I. Schapera. Migrant labour and tribal life. A study of conditions in the Bechuanaland protectorate. London, 1947; Economic conditions in a Bechuanaland native reserve. Статья в журнале «South African journal of science», 1933, Oct. и др.

[5] «Western civilisation and the natives of South Africa». London, 1934; «The bantu speaking tribes of South Africa». London, 1937.

[6] E. Hellmann. Methods of urban field work. «Bantu studies», 1953, N 9.

своей части это также буржуазная империалистическая литература. Но наряду с ней имеются уже книги, принадлежащие авторам прогрессивного лагеря.

Национальная интеллигенция банту немногочисленна, однако в ее среде есть уже писатели, поэты, публицисты и ученые. Им принадлежит несколько трудов по истории и этнографии южноафриканских банту [1]. Характерной особенностью значительной части этих работ является своеобразный народнический уклон — любование патриархальщиной, призыв к сохранению старых порядков. Так, С. Молема, например, идеализирует общественное устройство бечуанов, пишет о коммунизме, альтруизме и пр., замалчивая наличие имущественного неравенства. Любопытно, что, будучи сам бечуана (он — внук вождя племени баролонгов), он противопоставляет общественное устройство бечуанов, как демократическое, общественному устройству зулусов, как якобы деспотическому [2].

Несколько более многочисленны публицистические произведения. Среди них следует особо указать на серию памфлетов, изданных в 1935 г. под редакцией проф. Д. Т. Джабаву и посвященных критике рабовладельческих законов, обсуждавшихся тогда в парламенте [3].

В Южно-Африканском Союзе издается большое количество газет специально для банту: они издаются силами интеллигенции банту на английском и нескольких местных языках [4]. За очень редким исключением, они принадлежат английским издательским компаниям, и это определяет их направление — это реакционная буржуазная пресса. Однако, несмотря на общее реакционное направление этих газет, публикуемый в них материал представляет большой интерес.

Коммунистическая пресса в Южной Африке еще не получила должного развития. В 1915 г. (или в 1916 г.) Лига социалистов-интернационалистов начала издавать газету «Интернационал». С образованием коммунистической партии в 1921 г. газета превратилась в центральный орган под названием «Южноафриканский рабочий». С 1930 г. до второй мировой войны она выходила под названием «Умзебензи» («Рабочий»). За годы войны газета была переименована в «Ункулулеко» («Свобода»); под этим названием она издавалась до запрещения коммунистической партии националистическим правительством Малана в 1950 г. Накануне второй мировой войны начала выходить газета «Гардиен», которая, однако, не была официальным органом партии. С запрещением коммунистической партии «Гардиен» была закрыта. На смену ей пришла новая газета «Кларион», а после ее запрещения «Адванс», также вскоре запрещенная, и, наконец, в 1955 г. — «Нью Эйдж».

В годы второй мировой войны коммунистическая партия предприняла издание серии брошюр, посвященных некоторым общим и текущим политическим вопросам. Издавались они и после войны, часть брошюр издана на языках банту, большинство—на английском. Нам известны 15 брошюр: среди них брошюра, посвященная памяти одного из основателей коммуни-

---

[1] S. T. Plaatje. Native life in South Africa before and since the european war and boer rebellion. London, 1916; S. M. Molema. The bantu. Past and present: an ethnographical and historical study of the native races of South Africa. Edinburg, 1920; J. H. Soga. Указ. соч.; D. T. Jabavu. The black problem. Lovedale, 1920. Здесь названы лишь основные авторы и их основные работы. Список можно было бы продолжить лингвистическими и фольклористическими работами, но и в целом он не будет длинным.

[2] S. M. Molema. Указ. соч., стр. 114.

[3] D. T. Jabavu and others. Criticisme of the native bills. Lovedale, 1935; Native views on the native bills, 1935; The findings of the All-African convention. Lovedale, 1936.

[4] Наиболее крупные и влиятельные из них — «Umteteli wa Bantu», «Bantu world».

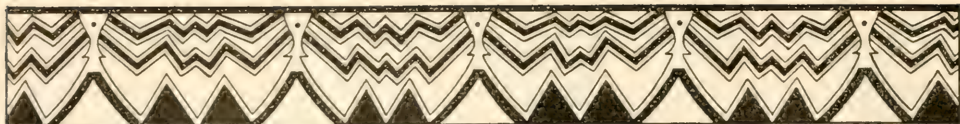
стической партии товарища В. Х. Эндрюса [1], брошюра об основах марксистской политической экономии [2] и др. Перу южноафриканских политических деятелей прогрессивного лагеря принадлежит, кроме того, ряд статей в журналах, издаваемых за пределами Южно-Африканского Союза.

Литература по Южной Африке на русском языке очень мала и почти исключительно переводная. Из работ советских авторов можно назвать лишь книгу И. П. Ястребовой «Южно-Африканский Союз после второй мировой войны» (1952 г.) и книгу проф. З. С. Каценленбаума «Южноафриканское золото и обострение англо-американских противоречий» (1954 г.).

---

[1] K. K. Cope. Comrade, Bill. The life and times of W. H. Andrews workers leader. Cape Town. (Год издания не указан).

[2] G. Sacks. Communism for South Africa. (Место и год издания не указаны).

ГЛАВА 3

ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОСТЕЙ

Место народности в этнической истории народа определено в марксистской литературе совершенно точно. Говоря об основных этапах развития языка, И. В. Сталин писал, что оно идет «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным» [1]. Эти этапы развития языка соответствуют этапам этнической истории. Народность стоит между племенем и нацией. Племя — этническая общность (и форма общественной организации), присущая первобытно-общинному строю, народность — этническая общность, присущая классовым докапиталистическим социально-экономическим формациям. Народность складывается в период перехода от общества доклассового к классовому. В основе племенной общности лежат кровнородственные отношения: племя — это общность людей, ведущих свое происхождение от одного реального или мифического предка. Народность образуется на базе распада племенной общности, перемешивания, слияния племен и образования классов.

Формирование народностей начинается, хотя далеко не всегда и потому не обязательно, с союза племен, но союз племен еще не есть народность. К. Маркс в конспекте книги Моргана «Древнее общество» писал, что *«народ* [2] возникает только тогда, когда *племена,* объединенные одним управлением, *сливаются в единое целое».* И далее: *«Союз* предполагает наличие *независимых племен, занимающих отдельные территории; слияние* же, представляя собою более высокий процесс, *объединяет племена на одной общей территории,* хотя бы *тенденция к локальному разделению по родам и племенам* продолжала существовать. *Союз* племен является ближайшим подобием *народа»* [3].

Общая территория — обязательный признак народности. Она включает в себя территорию племен, сливающихся в народность. Тенденция к разделению по родам и племенам может еще некоторое время существовать, но географические границы между племенами исчезают. «Племенные имена и организации продолжали существовать в полной силе,— писал Маркс о слиянии племен в Аттике,— но они *лишились основы в виде территориальной независимости»* [4].

---

[1] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 12.

[2] «Народ» в данном случае употребляется в значении «народность». В работах К. Маркса и Ф. Энгельса еще нет точного определения нации и народности.

[3] К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса и Энгельса, т. IX. Госполитиздат, 1941, стр. 79.

[4] Там же, стр. 94.

Одновременно с перемешиванием, слиянием племен на общей территории происходит создание общего языка, другого обязательного признака народности. Племенные языки уступают место языку народности путем распространения и победы одного из племенных языков. Племенные языки могут еще некоторое время сохраняться, но только уже в виде территориальных диалектов общего языка, постепенно отмирающих, уходящих с исторической арены.

Вследствие перемешивания и слияния племен неизбежно происходят изменения и в материальной культуре, и в психическом складе людей: исчезают племенные особенности, вырабатывается единая, общая культура — третий обязательный признак народности. Все эти одновременно происходящие процессы имеют под собой определенную экономическую базу, претерпевающую решительные изменения. В основе слияния племен, перехода от племенного строя к народности лежит смена одной формы производственных отношений другой формой. Именно в это время общество переходит от отношений сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, характерных для первобытно-общинного доклассового строя, к отношениям господства и подчинения, характерным для классового общества. Период формирования антагонистических классов и образования государства есть вместе с тем период формирования народности. Но самостоятельное, независимое государство не является обязательным признаком народности, так же как оно не является обязательным признаком нации.

Для народности характерны те же признаки, что и для нации, за исключением экономической общности. Последняя и отличает в основном нацию от народности: образование экономической общности при переходе от феодализма к капитализму является исторической гранью, разделяющей период народности от периода нации. Но отсутствие экономической общности накладывает отпечаток и на другие признаки народности — территорию, язык, культуру. Экономическая разобщенность отдельных районов территории народности неизбежно обусловливает устойчивое сохранение этнографических групп, локальных различий в языке и культуре.

Язык народности это еще не национальный язык; в равной мере и культура народности по своей форме, не говоря уже о ее классовом содержании, еще не есть культура нации.

Поэтому народность обладает меньшей устойчивостью, чем нация. Нация — устойчивая общность людей: история почти не знает примеров распада или слияния наций. Народность же, наоборот, может распасться на несколько народностей и дать начало нескольким нациям (как, например, древнерусская народность) или несколько народностей могут слиться в одну нацию (как, например, северофранцузская и южнофранцузская народности слились в одну французскую нацию). Непременным условием такого слияния является победа языка одной народности над языками других народностей.

Различие между племенем, как одной из форм этнической общности, народностью и нацией не сводится к количеству признаков. Нельзя подходить догматически к четырем признакам нации, сформулированным И. В. Сталиным. Он назвал четыре признака как главные, решающие, без которых нация не может возникнуть. Отсюда никак не следует, что у нации не может быть других признаков, не главных, второстепенных. То же надо сказать и о народности. Дело не в количестве признаков, а в том, что племя, народность и нация присущи различным социально-экономическим формациям.

1. ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Банту не являются автохтонными насельниками юга Африки, они пришли сюда с территорий, расположенных на север от р. Замбези. Существует немало версий о времени и путях переселения банту в Южную Африку [1]. Все эти версии требуют серьезной проверки и обстоятельной научной критики, что далеко выходит за рамки настоящего исследования. Необходимо лишь отметить, что банту переселились в Южную Африку задолго до появления европейских колонизаторов, и откуда бы они ни переселились, они являются африканскими народами, родина их — Африка, они автохтонные африканцы. Эту элементарную истину приходится подчеркивать потому, что многие буржуазные ученые ставят южноафриканских банту на одну доску, в один ряд с европейскими захватчиками — и те и другие, дескать, не автохтонны, и те и другие пришельцы. «Какие права имеют на нее (Южную Африку.— *И. П.*) банту, которых не имели бы европейцы,— пишет, например, проф. Е. Брукс.— Они не аборигены, какими их часто считают; они завоеватели, они такие же иностранцы в Южной Африке, как и европейцы» [2]. Эта софистика нужна Бруксу и его единомышленникам для того, чтобы оправдать империалистический захват Южной Африки и земельное ограбление коренного населения.

К началу XIX в. южноафриканские банту находились на стадии разложения первобытно-общинного племенного строя. Все они говорили на племенных языках, относящихся к одной языковой семье, которую европейские лингвисты, изучавшие африканские языки, обозначали термином банту [3]. На языках этой языковой семьи говорят, исключая бушменов и готтентотов, все народы экваториальной и южной Африки, насчитывающие более 50 млн. чел.

Языки банту относятся к агглютинативным языкам: словообразование происходит путем прибавления к основе слова префиксов. Термин «банту» в языке зулусов означает «люди»: корень слова — ntu, единственное число umu — ntu — человек, aba — ntu — люди [4]. Сами эти племена так себя не называли: они не знали никакого общего самоназвания.

Характерной особенностью всех языков банту является деление имен существительных на грамматические классы: люди, животные, растения и др. Каждый класс имеет свой префикс. Слова, обозначающие название языка и самоназвание народа, имеют различные префиксы:

Язык	Самоназвание
иси-зулу	ама-зулу
иси-коса	ама-коса
се-суто	ба-суто
се-чуана	бе-чуаны

В современной научной и политической, в том числе коммунистической [5], прессе по отношению к ама-зулу и ама-коса принято сокращенное,

[1] См. например, G. W. Stow. The native races of South Africa. A history of the intrusion of the hottentots and bantu into the hunting grounds of the bushmen, the aborigines of the country. London, 1905; A. T. Bryant. A zulu-english dictionary. Maritzburg, 1905; его же. Olden times in Zululand and Natal, containing earlier political history of the eastern-nguni clans. London, 1929.

[2] E. Brookes. The history of native policy in South Africa from 1830 to the present day. Pretoria, 1927.

[3] Впервые этот термин был предложен Бликом и затем прочно вошел в науку. W. H. J. Bleek. A comparative grammar of South African languages. London, 1862, 2 parts.

[4] Но европейцев зулусы не называют «абанту», они «абелунгу».

[5] См. например, «Umzebenzi» — центральный орган коммунистической партии Южной Африки.

без префиксов название — зулу, коса. Ба-суто и бе-чуаны, напротив, пишутся полностью, с префиксами, но без дефиса — басуто и бечуаны. В дальнейшем я буду придерживаться этих установившихся названий — зулу (зулусы, зулусский), коса, басуто, бечуаны.

Родственные, легко взаимопонимаемые языки зулу и коса, а равно и их носителей, лингвисты обозначают общим термином нгуни. Abe-nguni — так называли зулусов и коса их северные соседи, тсонга [1]. Употребляется этот термин только в специальной, главным образом лингвистической, литературе и широкого распространения не получил. Арабы называли эти народы, как и все другие народы восточного побережья Африки, кафрами, что значит неверный, иноверец: этот термин долго удерживался во всей мировой и, в частности, русской литературе; сейчас он встречается очень редко, как анахронизм.

К началу XIX в. названия зулу, коса, басуто и др. не являлись общими названиями народностей или групп племен: называя так соответствующие группы племен, мы забегаем несколько вперед. В начале XIX в. словом зулу, например, называлось лишь одно племя, вошедшее потом в зулусскую народность. Точно так же коса было всего лишь названием одного племени.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ БАНТУ К НАЧАЛУ XIX в.

Социально-экономический строй южных банту начала XIX в. до сих пор еще не изучен. В марксистской литературе вопрос о нем еще и не поставлен, а в буржуазной литературе он оказался невероятно запутанным. Для большинства буржуазных исследователей характерна крайняя непоследовательность: с одной стороны, утверждается, что банту находились на стадии родового строя, еще не знали никаких зачатков эксплуатации человека человеком, никаких признаков классового расслоения общества, а с другой стороны, говорится о государствах и нациях, о королях, деспотах и тиранах, т. е. явлениях, характерных для развитого классового общества. Эта непоследовательность является результатом идеалистической методологии, игнорирующей природу производственных, экономических отношений.

Не только первые путешественники и миссионеры, как об этом уже говорилось, но и большинство современных исследователей концентрируют свое внимание на кровнородственных, семейных отношениях, на описании многочисленных обрядов, обычаев и других явлений духовной жизни банту, оставляя в тени такой кардинальный вопрос социальной жизни, как собственность на орудия и средства производства и вытекающие отсюда экономические отношения между людьми.

Для периода разложения первобытно-общинного строя и становления классового общества характерно несоответствие формы общественных отношений их экономическому содержанию. Специфичность производственных отношений первобытно-общинного строя состоит в том, что отношения людей в процессе производства находят свое внешнее выражение в кровнородственных связях. На поверхности видны кровнородственные, а не экономические отношения. Это было особенно характерно для ранних этапов истории первобытно-общинного строя, когда никаких иных отношений, существующих отдельно и независимо от кровнородственных, не было. Вся история первобытно-общинного строя представляет собою

[1] A. T. Bryant. A zulu-english dictionary, p. 430.

с внешней стороны историю отделения экономических отношений от кровнородственных; внутренним содержанием этого процесса яляется развитие форм собственности.

Буржуазные исследователи остановились на поверхности явлений общественной жизни банту, на исследовании формы их общественных отношений, не замечая, что эта форма является лишь внешней оболочкой, под покровом которой существует и развивается эксплуатация.

Несоответствие формы и содержания общественных отношений в период становления классового общества наиболее характерно для скотоводческих народов, какими южные банту и были в недалеком прошлом.

Учитывая степень изученности вопроса, в данной работе автор останавливается, главным образом, на анализе экономических отношений, касаясь всех других сторон жизни банту лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания экономических процессов.

Основными занятиями южноафриканских банту в начале XIX в. были земледелие и скотоводство. Соотношение между этими отраслями хозяйства определялось главным образом, а может быть и исключительно, природными условиями: в разных районах, у разных племен оно было различным.

Африканское побережье Индийского океана в северной части Наталя представляет собой низменную, заболоченную местность, где муха це-це препятствует разведению крупного рогатого скота; здесь земледелие стояло на первом месте. Западная часть этнической территории банту представляет, наоборот, безводную, засушливую степь-пустыню Калахари, где земледелие без сложных ирригационных сооружений невозможно. Численность населения этой области совершенно ничтожная. Бушмены, живущие исключительно охотой, расселялись по всей пустыне, проявляя поразительное умение отыскивать источники воды. Бечуанские племена сосредоточивались около немногочисленных озер и рек. Долины рек уже в начале XIX в. были заселены довольно густо. Так, например, миссионер Дж. Кэмпбелл, двигаясь по р. Куруман от Латтаку, за один день прошел семь населенных пунктов, в каждом из которых насчитывалось около 30 хижин [1]. Здесь скотоводство было главным занятием. Среди бечуанских племен встречались племена (или их подразделения), которые занимались только скотоводством и охотой, выменивая земледельческие продукты у соседей [2].

Однако у всех южноафриканских банту скот считался, как он считается и сейчас, главным богатством. Социальное положение человека определялось количеством скота, находящегося в его собственности, скот был средством платежа, им платили выкуп за невесту (так называемая лобола) [3], со скотоводством связано большинство обычаев и обрядов. В недалеком прошлом скотоводство было преимущественно занятием банту. «И нгуни, и гереро были пастушескими народами,— говорит Брайант.— Одним из основных стимулов переселения у них, несомненно, были поиски хороших, тучных пастбищ. Как гласит зулусская легенда, Ункулункулу, создавший человека, сотворил и помощников человека — быков. Человек должен был заботиться о скоте, а скот обеспечивал его существование. Скот давал человеку пищу и одежду, служил средством обмена.

---

[1] J. Campbell. Travels in South Africa. London, 1822, vol. 2, p, 72—120.

[2] Там же, стр. 18.

[3] О сущности лобола см. Д. А. Ольдерогге. Из истории семьи и брака (Система лобола и различные формы кузенного брака в Южной Африке). «Советская этнография», 1947, № 1.

Человек питался творогом из его молока, спал на его шкурах, изготавливал из шкур одежду»[1].

О преобладании скотоводства говорит и форма поселения, характер его планировки. Наиболее обычной формой поселений южноафриканских банту является одиноко стоящий крааль[2] — скотный двор, вокруг которого расположены хижины. Скотный двор огорожен плетнем или частоколом, в степных районах—каменным забором; вокруг хижин идет вторая, внешняя ограда. Каждый крааль — отдельное домохозяйство, он населен одной семьей. В начале XIX в. это была большая патриархальная семья, включавшая в себя несколько поколений родственников по мужской линии с их женами и детьми, а иногда побочных родственников и даже посторонних. Богатые мужчины имели по нескольку жен; каждая жена со своими детьми имела особую хижину, взрослые дети жили также в особых хижинах — юноши и девушки раздельно.

Количество хижин в краале определялось численностью семьи, и так как полигамия — явление редкое, краали состояли обычно из 3—4 хижин. В Натале, например, по данным начала XX в., в 25 тысячах краалей насчитывалось 89 тысяч хижин[3]. В начале XIX в. семьи, а следовательно и краали, были более крупные. Наиболее крупными были краали вождей племен и родовых старшин. В краале вождя Гайки в 1798 г. насчитывалось около 50 хижин[4]. Вожди племен, как правило, имели по нескольку краалей в разных местах племенной территории.

У западнобечуанских племен поселения, напротив, крупные, что объясняется географическими условиями: немногочисленностью водоемов. Около каждого большого водоема вырастает обычно большое поселение. По сведениям Кэмпбелла, в Старом и Новом Латаку насчитывалось по четыре тысячи жителей в каждом, в Лисако — 10—15 тысяч, в Куричане — около 16 тысяч жителей. Но при ближайшем рассмотрении каждый из этих населенных пунктов оказывается состоящим из большего или меньшего числа тех же краалей.

Эти же географические условия, т. е. недостаток водоемов, предопределили и различия в характере выпаса скота. У западнобечуанских племен стада паслись вдали от населенных пунктов, иногда на расстоянии одного-двух дней пути, там же устраивались загоны для скота. У остальных племен скот пасли около деревни и на ночь загоняли в крааль. Скотоводство было исключительно пастбищное, никаких кормов не заготовлялось. Уход за скотом являлся делом мужчин и мальчиков.

Банту разводили в основном крупный рогатый скот, овец и коз было мало. Альберти пишет, что у коса совсем нет овец[5], а Барроу не видел у них ни овец, ни коз[6]. Лошади, мулы, ослы и свиньи были завезены европейцами. Основным продуктом питания, который давал рогатый скот, было молоко: его употребляли всегда в кислом виде. На мясо скот резали очень редко, лишь в особых, торжественных случаях. Шкуры шли на выделку одежды, щитов и мешков. Навоз употребляли на обмазку полов и стен жилища, а в степных, безлесных районах и на топливо.

Главной земледельческой продовольственной культурой было сорго (Sorghum vulgare). Английские колонисты назвали его кафрским просом

[1] А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев, стр. 41.

[2] Крааль (kraal) — загон для скота (голланд.). На языках банту он называется иначе: у зулусов, например,— umuzi.

[3] «Union of South Africa. Department of native affairs. Blue book on native affairs 1910». Capetown, 1911, p. 380.

[4] J. Barrow. Указ. соч., стр. 177.

[5] L. Alberti. Указ. соч., стр. 110.

[6] J. Barrow. Указ. соч., стр. 177

(kafir corn); в арабских странах оно известно под названием дурро. Обычным блюдом населения земледельческих районов была каша из размолотого на зернотерках сорго. Кроме сорго, сеяли сахарное просо (Sorghum saccharatum), сажали горох, бобы, разные сорта дынь, тыкв и арбузов. Банту, в первую очередь зулусы в северо-восточной прибрежной части Наталя, выращивали сахарный тростник, который употребляли в натуральном виде, сахар не изготовляли. Сеяли табак, который и курили и нюхали. Кукуруза, являющаяся сейчас основой питания, была завезена европейцами.

Земледелие было занятием женщин, мужчины помогали лишь в подъеме целины. Единственным орудием обработки почвы была мотыга. Поэтому, хотя земли было много и каждый обрабатывал сколько и где хотел, размеры обрабатываемых участков были очень незначительны, это были скорее огороды, чем пашня. Если целина была покрыта кустарником, его вырубали и сжигали, используя золу в качестве удобрения. Зерно хранили в корзинах, больших глиняных сосудах или в ямах, тщательно обмазанных глиной и просушенных.

Важным подспорьем в хозяйстве банту была охота: она давала мясо и шкуры. Рыболовством племена банту не занимались. Орудиями охоты служили копье с железным наконечником, железный топор и дубинка, западни и силки. У некоторых племен применялся лук с отравленными стрелами. Организовывались иногда облавные коллективные охоты с устройством ловчих ям. На охоту ходили с собаками.

Колесного транспорта банту не знали. Лишь иногда волы использовались в качестве вьючных животных, изредка на них ездили и верхом. Не знали банту и лодок; для переправы через реки служила связка длинных прутьев камыша. Единственным средством передвижения людей было пешее хождение.

Домашняя промышленность достигала значительного развития. Банту умели плавить железо и медь. Из железа выделывали мотыги, топоры, наконечники копий, ножи, бритвы, шилья, сверла, кузнечные клещи, молотки; из меди — наконечники стрел, ножные и ручные браслеты. Гончарного круга не знали, разнообразную глиняную посуду — сосуды, кубки, кувшины — выделывали вручную, но с большой тщательностью. Посуда обжигалась, покрывалась слоем красной охры или графита и затем до блеска полировалась. Кроме глиняной посуды, изготовлялась и деревянная посуда разного вида. Для доставки и хранения воды и молока широко применялись кожаные мешки. Бечуаны были большими мастерами резьбы по дереву и кости. Из слоновой кости они вырезывали ручки к ножам, свистки, ручные и ножные браслеты. Ткачество не было известно банту. Одежда изготовлялась исключительно из хорошо выделанных шкур. Каросс, род плаща или накидки из шкур, являлся основным видом одежды, общей для мужчин и для женщин. В ночное время каросс служил одеялом. Плетение было распространено, из тростника плели корзины, цыновки и шляпы.

Южноафриканские банту к началу XIX в. находились на ранней стадии развития товарного производства. Среди них больше всего был развит межплеменной обмен продуктами труда. Племена или их подразделения, не занимавшиеся земледелием, выменивали у соседних племен на скот и шкуры продукты земледелия. Далеко не все племена имели на занимаемой территории залежи металлических руд. Так, например, батлапины приобретали у бахурутсе железо и медь; бамангвато славились искусством плавки металлов и снабжали ими другие племена. Коса испытывали острую нужду в железе. Это единодушно отмечают все европей-

цы, первыми попавшие к коса; Альберти писал, что они обрабатывают землю из-за недостатка металлических мотыг деревянными лопатами [1]. Коса вели оживленный обмен с готтентотами и зулусами. Зулусы сбывали шкуры леопардов, скот, страусовые перья и металлические изделия восточнобечуанским племенам. Западные бечуаны систематически сбывали наконечники копий и стрел, ножи и другие металлические изделия охотничьим племенам бушменов в обмен на шкуры диких животных. Миссионер Кэмпбелл сообщал о возвращении в Латтаку «торговой экспедиции», которая уходила далеко в Калахари (месяц пути) для скупки шкур дикой кошки [2].

Проф. Дж. Шапера пишет о торговых отношениях бечуанов с готтентотскими племенами: «Во время дождливого сезона бечуаны пересекали пустыню, приносили с собой табак, запястья и ложки из слоновой кости, медные бусы, кольца и браслеты, железные бусы, топоры, тесла, копья, прекрасно выделанные кароссы и меняли все это на скот. Обычная цена за хорошую дойную корову, например, составляла восемь копий, топор, тесло, мешок табаку и мешок конопли [3]; за вола давали те же продукты, но только пять копий» [4]. «За время моего пребывания среди бечуанов, — писал Д. Ливингстон, — ими были сшиты кароссы более чем из 20 000 шкур; часть из них пошла на местных жителей, а часть была продана торговцам; многие из них, как я думаю, нашли дорогу в Китай. Баквены покупали у восточных племен табак, а на него покупали у бакалахари шкуры, обрабатывали их, шили из них кароссы и затем уходили на юг, чтобы купить на них телок» [5].

Нет сомнения, что южные племена банту поддерживали экономические связи с государством Мономотапа [6], находившимся на территории нынешней Южной Родезии.

История этого государства и, в частности, его культурно-хозяйственное влияние на банту группы суто-чвана еще очень плохо изучены, но некоторые весьма важные факты установлены вполне достоверно. Публикуемая здесь карта [7] (рис. 2) показывает, что вся северная часть этнической территории группы суто-чвана входила в обширную область древней горной промышленности. На этой территории обнаружены многочисленные остатки горнорудных разработок; населявший эту территорию народ знал обработку железа, меди, золота и олова.

В 1933—1935 гг. были произведены обширные археологические раскопки в районе Мапунгубве, на стыке территории Трансвааля, Бечауаналенда и Южной Родезии, на южном берегу Лимпопо. Современное население этого района в языковом и культурном отношении представляет собой сложный комплекс народностей машона, басуто и венда. При раскопках обнаружено большое количество золотых изделий — золотые браслеты и ожерелья, золотые гвозди и даже золотая утварь и игрушки из глины. Найдены также бусы из различного цветного стекла и китайский фарфор, относящийся к XIII в. Изучение находок позволило установить,

---

[1] L. Alberti. Указ. соч., стр. 112.

[2] J. Campbell. Указ. соч., т. 2, стр. 72.

[3] Конопля использовалась лишь как наркотическое вещество.

[4] I. Schapera. The khoisan peoples of South Africa. Bushmen and hottentots. London, 1930, p. 317—318.

[5] Д. Ливингстон. Путешествия по Южной Африке с 1840 по 1856 г., стр. 35.

[6] См. «Народы Африки». Серия «Народы мира», М., 1954.

[7] Карта составлена горным инженером Percy A. Wagner и опубликована впервые в докладе об археологических раскопках Мапунгубве (Сев. Трансвааль): «Mapungubwe. Ancient bantu civilisation on the Limpopo». Edited on behalf of the Archaeological Committee of the University of Pretoria by Leo Fouche. Cambridge, 1937.

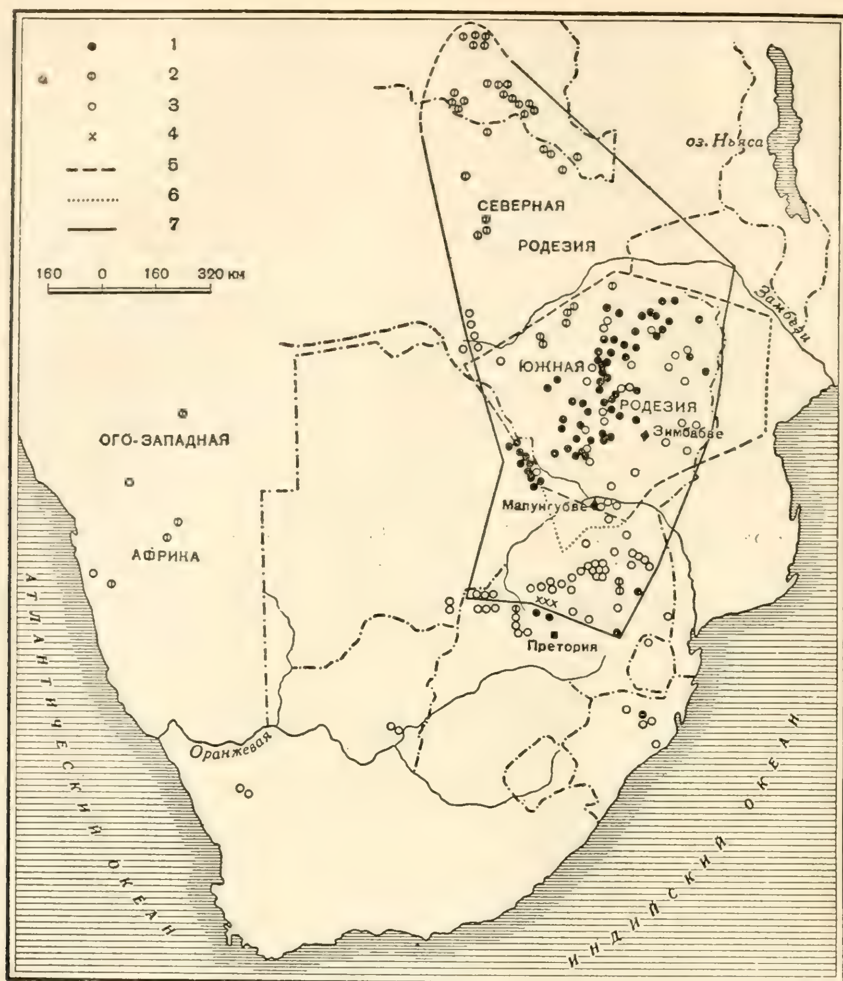

Рис. 2. Распространение наиболее значительных горных разработок до начала европейской колонизации и древних сооружений (составлена П. А. Вагнером в 1929 г. и дополнена С. Лоуи в 1936 г.):

1 — золото; 2 — медь; 3 — железо; 4 — олово; 5 — приблизительная граница древних сооружений (Вагнер, 1929); о — то же (Лоуи, 1936 г.); 7 — приблизительная граница бесспорно древних горных разработок

что они тождественны с находками в Зимбабве. Высказывается предположение, что найденные золотые изделия были не местного производства, а привезены из Зимбабве или других районов Мономотапы. Сами банту рассказывают, что в Мапунгубве стоял пограничный «полк» государства Мономотапы, носивший название «Мапунгубве», откуда и произошло название этого географического пункта.

На развитие товарных отношений среди южноафриканских банту некоторое влияние оказали португальцы, захватившие Мозамбик еще в конце XV в. Кроме рабов, португальцы вывозили из Южной Африки золото, слоновую кость, шкуры и другие товары. Их агентура из местных племен проникала далеко за пределы Мозамбика. Миссионер Арбусье в 30-х годах XIX в. писал, что бапеди (северные басуто) закупают в Ло-

ренцо-Маркес медь и ткани, сбывая их во внутренние районы в обмен на слоновую кость, скот и шкуры. Дж. Кэмпбелл видел большой торговый караван, который вез на волах шкуры, предназначенные для продажи португальцам в Мозамбике. Миссионер Мельвиль видел европейские ткани у южных племен басуто. Айсекс в 1825 г. встретил португальского купца в Булавайо — резиденции Чаки.

Однако размеры португальской торговли среди племен банту за пределами Мозамбика были все же ничтожны и потому глубокого влияния на характер хозяйства этих племен оказать не могли. Буры в Капской колонии с соседними племенами коса и бечуанов регулярной торговли не вели.

Межплеменной обмен находился в руках родо-племенной верхушки, в распоряжении которой имелось большое количество скота, шкур и других предметов материального производства. Это обстоятельство отмечали Айсекс относительно Чаки и Моффат относительно Моселекатсе. Рядовые члены племени вели внешний обмен с разрешения вождя, выплачивая ему определенную мзду.

Развивались отношения обмена и внутри племен. Изделия из железа и меди, слоновой кости, кожи, дерева, тростника и глины поступали в сферу обмена. Уже существовало производство на заказ. Первой отраслью хозяйственной деятельности, где зарождалось товарное производство и товарное обращение, была добыча и обработка металлов. Кузнец, он же и металлург там, где имелись железные и медные руды, был первым специалистом-ремесленником, превратившимся в товаропроизводителя: он вырабатывал изделия не только по заказу, но и на продажу.

Не было еще рынков, установленных мест встречи производителей и потребителей. Однако в крупных населенных пунктах бечуанов было уже некоторое подобие базаров. Кэмпбелл приводит список предметов товарного обращения в Куричане (16 000 жителей):

из железа — мотыги, тесла, топоры, бритвы, шилья, сверла, кузнечные клещи и молотки, кольца, бусы;

из слоновой кости — ручки к ножам, свистки, ручные и ножные запястья;

из тростника — корзины, шляпы;

из кожи — щиты, сандалии, одежда;

из дерева — разного рода посуда, ложки;

из глины — кувшины, кубки и другие сосуды;

из камня — трубки [1].

Деньги в качестве всеобщего эквивалента обмена отсутствовали. Но уже установились определенные эквиваленты обмена. «Грубо сделанный товар стоит вола» [2]. За горшок отдавали столько зерна, сколько входило в горшок. За овцу давали две козы или мешок зерна, за телку — десять коз или пять мешков зерна. Такую форму стоимости К. Маркс называл полной или развернутой формой стоимости, переходной от простой, единичной или случайной к всеобщей форме стоимости, когда функцию мерила стоимости выполняет какой-либо один товар [3]. С появлением первых европейских купцов таким товаром некоторое время были бусы — предмет украшения.

Мотыжное земледелие, пастбищное скотоводство без заготовки кормов, охота без огнестрельного оружия, примитивная металлургия, гончарство без гончарного круга, натуральное хозяйство с первыми зачат-

[1] J. Campbell. Указ. соч., т. 1, стр. 276.
[2] Там же, стр. 277.
[3] См. К. Маркс. Капитал, т. I, М. 1953, стр. 69—71.

ками товарного производства — таков был уровень развития производительных сил южноафриканских банту к началу XIX в. Это уровень, характерный для периода перехода от общества доклассового к обществу классовому. Ему соответствовала и переходная форма производственных отношений: от отношений сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей к отношениям господства и подчинения. Материальной основой такой переходной формы отношений является частная собственность, основанная на личном труде владельцев средств производства.

Земля была собственностью племен или их подразделений. Каждое племя имело свою земельную территорию, пользоваться которой люди других племен не могли без должного разрешения. Плотность населения, если брать отношение населения ко всей территории расселения, как уже указывалось, была ничтожной. Но значительные части этнической территории бечуанов были засушливые, лишенные источников воды и потому непригодные для постоянного поселения. В связи с этим у бечуанов лимитирующим фактором расселения была не столько земля, сколько вода. Экстенсивное пастбищное животноводство требовало больших площадей, и борьба за пастбища, за водоемы являлась одной из главных причин многочисленных межплеменных конфликтов.

Племенная поземельная собственность создавала предпосылки для возникновения отношений господства и подчинения между племенами, эксплуатации одних племен другими, что служило средством обогащения племенной аристократии. Когда одно из подразделений баролонгов во главе с вождем Морока переселилось в Саба Нчу на земли басуто, вождь последних Мошеш потребовал уплаты ренты [1]. Свое право земельного собственника Мошеш образно выразил так: «Я одолжил тебе корову, чтобы ты доил ее, но я не отдавал тебе самой коровы» («I lent you a cow to milk, but I did not give youthe cow»).

При наличии общинной собственности на землю появилось личное пользование землей. Пастбища оставались еще в коллективном пользовании, но обрабатываемая земля и усадебный участок находились уже в личном пользовании, что являлось зародышем частной собственности на землю. «Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была усадебная земля,— писал Ф. Энгельс.— Неприкосновенность жилища,— эта основа всякой личной свободы,— перешла с кочевой кибитки на бревенчатый дом оседлых крестьян и постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу» [2].

Производство было частным: никаких форм коллективного производства (за исключением облавных охот) и коллективного потребления ранние источники не отметили. Основной экономической ячейкой общества была большая патриархальная семья. Скот и орудия труда являлись частной собственностью больших патриархальных семей. В их личном пользовании находились усадьба и обработанная земля, они по собственному усмотрению распоряжались продуктами своего труда. Это было общество мелких производителей, связанных коллективной собственностью на землю и общими интересами защиты от внешних нападений. Мелкий собственник оставался членом общины, которая гарантировала ему частную собственность, но наличие частной собственности вело к разложению общины, к переходу от собственности, основанной на личном труде, к собственности, основанной на эксплуатации чужого труда.

---

[1] «Union of South Africa. Roport of the natives land commission», vol. II. Cape Town, 1916, p. 48.

[2] Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 632.

Энгельс писал: «*Уже внутри этой* (первобытной, родовой.— *И. П.*) общины частная собственность развивается в форму товара, сначала в обмене с чужестранцами. Чем больше продукты общины принимают товарную форму, т. е. чем меньшая часть их производится для собственного потребления производителя и чем бо́льшая для целей обмена, чем больше обмен вытесняет и внутри общины первоначальное, стихийно сложившееся разделение труда,— тем более неравным становится также имущественное положение отдельных членов общины, тем глубже подрывается старое общинное землевладение, тем быстрее община идет навстречу своему разложению, превращаясь в деревню мелких собственников-крестьян» [1].

У банту начала XIX в. уже существовало имущественное неравенство среди рядовых общинников: были и богатые и бедные. Существовала ссуда скотом и, следовательно, экономическая зависимость бедных от богатых. Вот несколько извлечений из Ливингстона. «Бедняк строится около «котла» богача и считается его сыном... Негры любят быть в родстве со знатными семействами... Когда в данной местности не бывает соли, то одни только богатые бывают в состоянии покупать ее» [2].

Родо-племенная верхушка эксплуатировала своих соплеменников и сосредоточивала в своих руках значительные богатства. Вожди племен и родовые старейшины были крупными скотовладельцами, а уход за их стадами скота ложился тяжелой повинностью на рядовых общинников. Общинники обязаны были бесплатно обрабатывать их поля, строить жилища, загоны для скота и т. д.

Вожди племен и родовые старейшины фактически распоряжались землей. Они выделяли общинникам усадебные и пахотные участки, определяли правила пользования общинными земельными угодиями. У южных басуто вожди устанавливали зимние и летние пастбища, у бечуанов они распределяли пастбища между большими патриархальными семьями. Всякий раз, когда вставал вопрос о земле, общинник должен был обращаться к родовому старейшине или к вождю племени. Общинник находился в экономической зависимости от них, а они использовали эту зависимость для присвоения продуктов его труда.

Альберти перечисляет различные формы дани, по существу натурального оброка, выплачиваемые рядовыми коса своим вождям. Они были обязаны ежегодно отдавать вождю часть своего скота и часть собранного урожая; грудинка каждого зарезанного быка и каждой убитой антилопы принадлежала вождю; вождю сдавались все клыки слонов, шкуры леопардов, хвосты страусов; часть выкупа, полученного отцом за свою дочь при выдаче ее замуж, передавалась вождю. Дань взыскивалась с исключительной строгостью, утаивание дани строго наказывалось: в случае неуплаты вождь прибегал к силе.

Как уже указывалось, всякий вождь имел несколько краалей. В каждом краале жила одна из его жен, на обязанности которой лежал надзор за обработкой поля. Землю обрабатывали поочереди женщины окружающих краалей, они же вели домашнее хозяйство жены вождя. Молодые девушки на некоторое время отсылались в крааль жены вождя, где они работали по ее указаниям: это считалось средством обучения и воспитания девушек. Альберти указывал, что женщины, работавшие на полях, получали вознаграждение в виде воловьих шкур [3].

—

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1952, стр. 151.

[2] Д. Ливингстон. Путешествия по Южной Африке с 1840 по 1856 г., стр. 2[illegible]—25.

[3] L. Alberti. Указ. соч., стр. 172—174.

Точно так же у зулусов население краалей, окружающих краали вождя, обрабатывало его поля и выполняло другие трудовые повинности; для живущих вдали от краалей вождя трудовая повинность заменялась натуральным оброком — скотом или различными ремесленными изделиями (мотыги, ассегаи). Когда вождь совершал поездку по территории племени, ему и его приближенным «дарили» скот. Иногда ему «дарили» девушек, а иногда он забирал девушек казненного противника; он выдавал их замуж и получал за них выкуп. «Подарки» были необходимы, чтобы заручиться расположением вождя, получить у него то или иное разрешение и т. п. [1].

У всех племен чрезвычайно широко были распространены «подношения» вождям племени. Когда женился вождь племени или старейшина рода, общинники платили за него лобола, помогали в расходах по устройству свадьбы и разного рода празднеств в честь рождения ребенка, обрезания, похорон и пр. Считалось, что вождь племени или старшина рода заняты общественными делами, а постоянная помощь им трудом или продуктами — долг членов племени, рода.

Наличие эксплуатации, прикрытой традициями первобытно-общинного строя, уже приводило подчас к острым противоречиям между вождем и рядовыми членами племени. Попытки вождей увеличить повинности и натуральные сборы приводили иногда к открытым конфликтам, к сопротивлению рядовых общинников.

Другими средствами обогащения вождей племен были штрафы, конфискация скота казненных преступников и, наконец, грабительские войны. Военные столкновения, нападения одних племен на другие в конце XVIII — начале XIX в. были довольно частым явлением. Причиной их была не только борьба за пастбища и водоемы, но и грабеж соседей, захват скота. Это был такой период в истории первобытно-общинного строя, о котором Энгельс писал:

«Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. ...Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» [2].

Военные набеги не ограничивались захватом скота, но приводили иногда к подчинению одного племени другим, к обложению покоренных систематически выплачиваемой данью, которая поступала в распоряжение племенной верхушки победителей. Так, например, батлапины платили дань баролонгам, а отказ от очередного взноса дани повел к новой войне [3].

Не поддается пока выяснению из-за отсутствия материалов вопрос о рабстве у южных банту. Европейские путешественники и миссионеры единогласно утверждают, что банту Южной Африки не знали ни рабовладения, ни работорговли. «Рабство было зулусам неизвестно» — пишет Брайант [4]. «Обращение в рабство пленных мужчин и женщин было зулусам совершенно неизвестно. ...На войне или при набегах забирали в плен всех, не исключая женщин и детей, но пленниц никогда не принуждали к сожительству и вообще не чинили над ними никаких насилий, а просто

---

[1] E. J. Krige. The social system of the zulus. London, 1936.

[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 169—170.

[3] G. Stow. Указ. соч., стр. 437—438.

[4] А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев, стр. 272.

задерживали, пока не приходили их родственники с коровой в качестве выкупа и не забирали их домой»[1]. Однако столь решительные заявления об отсутствии рабства требуют проверки.

Нам неизвестно, доходили ли арабские работорговцы до территории расселения племен нгуни и суто-чвана, но на границах их территории они были. Португальская работорговля несомненно захватывала эти районы. В конце XVII в. рабов покупали голландские поселенцы Капской колонии. В начале XVIII в. зафиксированы случаи скупки рабов в Натале для продажи в Америку. Тот же Брайант приводит заявление некоего капитана Роберта Дрюри о том, что в 1719 г. они «за одни сутки скупили семьдесят четыре мальчика и девочки»[2]. Кто были эти мальчики и девочки, кто их продавал? Не были ли среди них те девушки, которых «дарили» вождям племен или которых они забирали у казненных ими противников? Не становились ли эти девушки рабынями?

Уровень развития производительных сил у банту в начале XIX в. вполне обеспечивал экономическую целесообразность рабства. Идея рабства, во всяком случае уже в XVII в., была известна южным банту. Матабеле, выселившись в 20-х годах XIX в. из Наталя, широко практиковали рабство покоренных ими народов — бечуанов и машона[3].

Особо следует исследовать вопрос о рабстве у бечуанов. Соседство с бушменами и бакалахари[4], племенами, стоявшими на значительно более низкой ступени развития, создавало, несомненно, благоприятные условия для развития рабства. Известно, что бушмены и бакалахари были обязаны сдавать вождям соседних бечуанских племен бивни слонов и все шкуры убитых ими животных. Стоу одну из глав своей работы назвал: «Балала или бедняки или дети рабов»[5]. Кто такие балала? В описании Стоу это какие-то одиночки, люди вне племени, лишенные скота. Часть их живет в бечуанских поселениях, другая часть живет постоянно вне этих поселений, собирая для вождей племен мед, съедобные коренья и травы, охотится с собаками вождей, сдавая им шкуры. Они ведут бродячий образ жизни, составляют иногда временные общества, но всегда стараются не выполнять своих обязанностей. Моффат знал одного вождя, который с вооруженным отрядом собирал этих балала, чтобы заставить их убирать поля. Молема пишет, что бечуаны называли бакалахари балала, «т. е. вассалы»[6].

Совершенно очевидно, что многочисленные бушмены, бакалахари и балала находились в состоянии зависимости от вождей бечуанских племен. Характер этой зависимости требует дополнительного исследования.

Но как бы ни решался вопрос о рабстве у южных банту, ясно, однако, что труд рабов не имел определяющего значения в материальном производстве.

Частная собственность, основанная на личном труде, как основная форма собственности при сохранении общинной, родо-племенной собственности на землю, наличие богатых и бедных, зависимость бедных от богатых, концентрация богатства в руках родо-племенной верхушки, эксплуатация вождями племен и родовыми старейшинами рядовых общинников — такова в основных чертах картина производственных отношений

---

[1] А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев, стр. 362.
[2] Там же, стр. 362.
[3] См. об этом И. И. Потехин. Военная демократия матабеле, в сб. «Родовое общество. Материалы и исследования». М., 1951.
[4] Бакалахари — это остатки бечуанского племени, смешавшегося с бушменами.
[5] G. Stow. Указ. соч.
[6] S. M. Molema. The Bantu. Past and present.

южноафриканских банту в начале XIX в., таков экономический базис разлагающегося первобытно-общинного строя банту. Ему соответствовала и политическая надстройка.

Высшей формой социальной организации южноафриканских банту являлось племя. Каждое племя было самостоятельно, но уже появились отношения зависимости, господства и подчинения. Сложилась иерархия, соподчинение вождей племен. Пути образования этой иерархической лестницы были различны. В одних случаях она сложилась в результате разделения одного племени на несколько самостоятельных племен и признания одного из вождей этих племен верховным вождем (например, верховный вождь коса Хинтца или верховный вождь пондо Факу и др.). Подобного рода сегментация заложена в самой природе племенной организации общества и имеет место на всех этапах ее истории. Но когда власть вождя стала средством его обогащения и господства над рядовыми общинниками, эта сегментация и связанное с нею соподчинение вождей приняли другой характер. Из добровольного объединения племен, имеющего целью совместную защиту от внешних нападений, это подчинение власти верховного вождя стало принудительным и поддерживалось насилием. В других случаях эта иерархическая лестница создавалась путем войн и подчинения нескольких неродственных племен власти одного вождя. Наконец, в некоторых случаях объединение племен под властью одного вождя происходило и тем и другим путем. Однако крупных межплеменных объединений южноафриканские банту к началу XIX в. еще не знали.

Племенная структура южноафриканских банту начала XIX в. очень трудно поддается анализу. Объясняется это, с одной стороны, тем, что европейские наблюдатели, давшие первые описания социального строя банту, весьма произвольно пользовались терминологией, да и сама терминология в те времена была еще весьма несовершенной. Даже и у более поздних авторов мы встречаемся с этим терминологическим произволом, который обесценивает все их схемы родо-племенной структуры. К ним вполне применима характеристика до-моргановских исследований рода: «Как мало до сих пор понимали сущность рода, показывают прежние сообщения о дикарях и варварах, где различные объединения, из которых образуется родовой строй, без понимания и без разбора смешивают в одну кучу под названиями: племя, клан, тум и пр...» [1].

Жюно, например, пишет: «Мы резервируем термин племя для обозначения нации тсонга» [2]. По Жюно, все тсонга — одно племя, для него племя и нация равнозначащие понятия. Брайант определяет племя как группу «независимых кланов, имеющих общее происхождение и живущих, как правило, по соседству» [3]. В этнической структуре Брайанта племя не имеет определенного места. Вот его структура: раса (негры); подразделения расы, отличающиеся друг от друга по языку (банту); семья, подразделение банту (нгуни); ветвь семьи; группа; клан (зулу); подклан. Термин «племя» он употребляет с оговоркой — «если угодно», предпочитая название «семья кланов» [4]. С другой стороны, и это главное, сама

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. стр. 88.

[2] H. A. Junod. The life of south african tribe. London, 1927, vol. 1, p. 14. В написании этнонима «тсонга» нет единообразия: одни, как Жюно, пишут thonga—тсонга; другие, как Брайант, например, пишут tonga — тонга. См. об этом предисловие Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина к русскому изданию книги А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, стр. 9.

[3] A. T. Bryant. Olden times in Zululand and Natal, p. 3.

[4] А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев, стр. 22.

племенная структура была весьма неустойчивой. Мы наблюдаем калейдоскопическую картину дробления одних племен, объединения других и исчезновения третьих. Устойчивые формы и границы племен исчезали, происходил интенсивный процесс перемешивания племен.

В основе расселения людей все еще лежал принцип кровного родства: соседи были родственниками. Этот принцип сохранился даже в крупных поселениях бечуанов: каждое из них делилось на несколько групп, населенных родственниками. Но жизнь уже вносила существенные поправки к этому принципу. Уходила в прошлое племенная замкнутость и племенная эндогамия. Производительные силы уже переросли и не вмещались в рамки племенной организации. Эта картина разрушения племенной структуры была выражением несоответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Во главе племени стоял выборный вождь. Но на деле власть вождя передавалась по наследству старшему сыну от главной жены, если его не было в живых — его старшему сыну, т. е. внуку умершего вождя, а если и тот не остался в живых — следующему за ним по возрасту и т. д. В том случае, если наследник был малолетним, избирался регент, обычно дядя или двоюродный брат. Правила наследования власти вождя были разработаны с исключительной скрупулезностью [1]. Сохранилось народное собрание, которое решало важнейшие вопросы жизни племени, избирало и смещало вождя племени. Но круг кандидатов был уже строго ограничен, выделялись династические семьи, и борьба за пост вождя сводилась к борьбе его наследников, а народу оставалась лишь возможность поддержки одного из них. «Человек, не принадлежащий к правящей династии, мог быть избран вождем лишь в исключительном случае» [2]. Но соответствующее «обычаю избрание их преемников из одних и тех же семейств,— писал Энгельс об этой стадии первобытно-общинного строя,— мало-помалу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати» [3].

Вождь племени не был абсолютным, неограниченным правителем. В его распоряжении еще не было аппарата насилия, вооруженной силы, противостоящей народу. Он не мог не считаться с волей большинства народного собрания, которое могло сместить его. При нем был совет, состоящий обычно из родовых старшин. Но роль органов первобытной племенной демократии уже неуклонно снижалась. В описаниях ранних путешественников и миссионеров мы чаще всего встречаем вождя племени, решающего подчас жизненно важные для племени вопросы, в окружении узкого круга родственников и приближенных, образующих так сказать малый, тайный совет.

Вождь племени был одновременно военачальником, и беспрекословное подчинение его воле считалось непреложным законом. Он был судьей и широко пользовался этим правом для расправы со своими личными врагами. Он был и верховным колдуном, представителем умерших предков, что давало в его руки сильнейшее средство идеологического порабощения соплеменников. Короче говоря, вождь племени имел достаточно сил

---

[1] См., например, правила наследования вождя у коса: J. H. Soga. Указ. соч.

[2] J. Schapera. The old bantu culture. В кн.: «Western civilisation and natives of South Africa». Edited by J. Schapera. London, 1934, p. 23.

[3] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 170.

и средств для поддержания своей власти. Но, читая описания общественного устройства южноафриканских банту начала XIX в., мы нигде не встречаем таких органов принуждения, насилия, как особые отряды вооруженных людей, полиция, тюрьмы и пр., составляющие сущность всякого государства эксплуататоров.

Итак, перед нами картина первобытно-общинного строя в его последней фазе развития: родо-племенная структура еще жива, но уже утратила свою былую стройность и устойчивость; существует частная собственность, появились богатые и бедные, но общество еще не раскололось на антагонистические классы; управление общественными делами сосредоточено в руках богатых династических семей, но государственного аппарата насилия еще нет.

На этой стадии развития южноафриканские банту вступили в неравную борьбу за свою независимость и свободу с европейскими колонизаторами.

3. ЗУЛУСЫ

К началу XIX в. провинция Наталь в ее современных границах была заселена многочисленной группой племен, говоривших на родственных между собой племенных языках банту — нгуни. Списки этих племен составлялись после английского завоевания, то есть когда прежняя племенная структура была уже разрушена, и потому точное количество племен установить было трудно. Большинство исследователей [1] называет цифру 94.

В книге Брайанта «Старые времена в Зулуленде и Натале» имеется «Список более чем 800 кланов и подкланов, первоначально населявших Зулуленд, Наталь и примыкающие к ним районы». В этом списке нет племен; список имеет три графы: родовое имя (изибонго), формула обращения или приветствия (иситаказело), клановая группа или отцовский клан. В этой последней имеется, например, клановая группа хлутшини, включающая в себя около полусотни кланов. Вероятно, хлутшини — племя, а входящие в него кланы — это и роды и подразделения родов. Казалось бы, подобная группировка дает ключ к разработке племенной структуры населения Наталя, но тут же мы встречаем большое количество кланов, которые включаются непосредственно в ту или иную группу племенных языков без указания принадлежности к клановой группе. Требуется большое специальное исследование для восстановления племенной структуры населения Наталя. Для целей настоящей работы достаточно установить, что к началу XIX в. на территории современной зулусской народности обитало некоторое количество самостоятельных, друг от друга независимых племен, говоривших на своих, племенных языках.

Племенные языки Наталя делились на нтунгва-нгуни и текела-нгуни. Текела-нгуни делились дальше на эмбо (абамбо), или дламини, и тсонга, а последние подразделялись еще на мтетва, лала и дебе. Языки нтунгва, на которых говорили племена зулу, бомвини, тембу и др., считаются языками собственно нгуни, чистыми нгуни. Языки текела, наоборот, смешанные, они испытали влияние языков суто и тсонга; степень этого влияния предопределила и различие языков текела. Племена, говорившие на языках текела-тсонга (мтетва, нгкобо, тули и др.), жили некоторое время среди тсонга, на территории португальской колонии Мозамбик и подверглись их влиянию. «Кровь тонга сказывается в их облике, обычаи тонга —

[1] P. Rassel. Natal. The land and its story. Pietermaritsburg, 1891; A. F. Hettersley. The british settlment of Natal. Cambridge, 1950, и др.

в их быту, что же касается их языка, то их словарь, произношение и грамматический строй настолько «тонгализировались», что стали почти непонятными для родственных им племен» [1]. Племена, говорившие на языках текела-эмбо (дламини, ндвандве, пондо, нгване), на пути своего переселения в Наталь заимствовали многое из обычаев и из языков племен суто, венда, каранга и тсонга.

На карте № 3 показаны расселение наиболее крупных племен и основные группы племенных языков [2]. Современные границы Наталя установлены империалистическими захватчиками и не имеют отношения к границам расселения племен, говорящих на языках нгуни. За северными и южными границами Наталя остались группы племен, родственных племенам Наталя. За северной границей, в южных районах современного Свазиленда, осталась группа племен нгване, родственная по языку племенам эмбо, ндвандве, хлуби и др.; впоследствии нгване стали ядром народа свази. Южная граница разделила племена пондо, говорящие на языках групп текела. По существу, вся территория Наталя, южные районы Свазиленда и вся восточная часть Капской провинции в начале XIX в. представляли собою единую этническую территорию, населенную племенами, говорившими на родственных языках нгуни. Разница между языками племен зулу, хлуби и других, вошедших в состав зулусской народности, была не меньше, чем между языками зулу и коса. Тембу, вошедшие в состав народности коса, говорят на нтунгва-нгуни, т. е. на языке той же подгруппы языков нгуни, что и язык племени зулу, который стал потом языком зулусской народности; часть племен тембу и пондо вошла в состав зулусской народности.

Численность населения Наталя к началу XIX в. неизвестна и оценивается разными исследователями по-различному. По данным английского генерал-губернатора колонии Наталь Шепстона, на территории Наталя насчитывалось около одного миллиона человек [3]. Во всяком случае Наталь была заселена густо. «Страна была густо населена многочисленными племенами во главе с независимыми вождями. Эти племена жили так тесно, что изменение района поселения племени было крайне затруднено, если вообще возможно» [4].

Племена Наталя, как и другие племена банту Южной Африки, находились еще на стадии доклассового общества. Однако, как это отмечалось выше, в недрах родового общества уже существовали элементы эксплуатации и зачатки антагонистических классов. Историческое развитие уже подвело племена Наталя к переходу от доклассового общества к классовому и от племенной общности к народности. Как и у других народов, этот переход не мог пройти мирно, без борьбы и насилия. Известное положение К. Маркса — «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» [5] — относится и к этой стадии исторического развития.

Новые потребности развития, определяемые внутренними закономерностями, дополнялись внешними обстоятельствами. Народы Мозамбика, граничащего с территорией Наталя на севере, уже изнывали под гнетом португальских колонизаторов, они утратили свою свободу и независи-

[1] А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев, стр. 30.
[2] Карта составлена на основе карт Брайанта, опубликованных в его книге: A. T. Bryant. Olden times in Zululand and Natal.
[3] A. Hettersley. Указ. соч., стр. 8.
[4] J. Gibson. The story of the zulus. London, 1911, p. 2.
[5] К. Маркс. Капитал, т. I, 1953, стр. 754.

мость. За южными границами разрозненные племена коса вели неравную борьбу с бурскими и английскими захватчиками. Опасность порабощения нависла и над племенами Наталя. Эта внешняя угроза требовала объединения разрозненных племен.

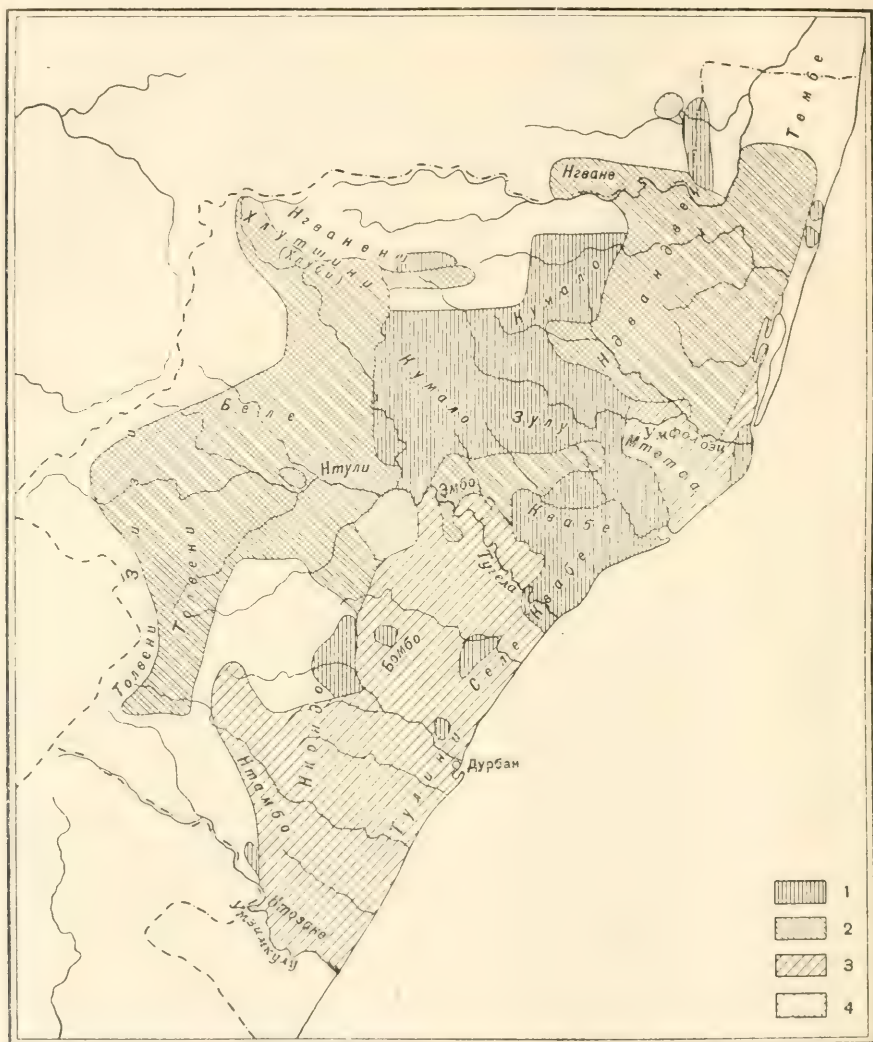

Рис. 3. Крупнейшие племена и лингвистические группы Наталя в начале XIX в.
1 — Нтунгва-нгуни; 2 — Эмбо (дламини)-нгуни; 3 — Тсонга-нгуни; 4 — Суто

Инициаторами такого объединения выступили вожди племени зулу Чака и Дингаан. Английская буржуазная историография приложила немало усилий для того, чтобы извратить роль этих зулусских вождей, особенно Чаки, их место и значение в истории Наталя. При характеристике деятельности Чаки на первый план выдвигается и намеренно преувеличивается его жестокость, его называют не иначе, как тираном, деспотом. Иного отношения к Чаке нельзя и ожидать от историков, получивших задание оправдать английский захват Наталя, изобразить его как «благо-

родную миссию» освобождения племен Наталя от «тирании» Чаки. С сожалением приходится констатировать, что и местная интеллигенция банту в оценке Чаки слепо следует за английской буржуазной историографией. «Чака нанес большой ущерб зулусскому народу»,— пишет один из представителей интеллигенции банту — зулусский поэт Дзломо [1]. Надо надеяться, что прогрессивная часть зулусской интеллигенции не пожалеет своих усилий для восстановления правды о Чаке.

Чака родился в 1787 г. [2] В силу ряда обстоятельств, до смерти своего отца — вождя племени зулу Сензангакона — был вынужден жить в соседнем племени мтетва и выдвинулся там в ряды ближайших помощников и советников вождя Дингисвайо. Последний побывал в стране, захваченной европейцами,— по одним сведениям, это была английская Капская колония [3], по другим — португальский Мозамбик [4],— и наблюдал установленные там порядки. Вернувшись в 1808 г. на родину и встав во главе племени мтетва, он приступил к созданию новой военной организации. В основу этой организации был положен традиционный и общий для всех племен Наталя институт возрастных классов.

Институт возрастных классов является одним из важнейших элементов организации общественной жизни народов, стоящих на стадии первобытно-общинного строя. В той или иной форме он был присущ почти всем народам мира. Институт возрастных классов заключается в том, что все население мужского пола делится на несколько возрастных групп — классов,— каждая из которых выполняет твердо установленные общественные функции, наделена определенными правами и обязанностями. Переход из одного возрастного класса в другой строго фиксируется выполнением ряда обрядов. У племен Наталя все мужчины делились на четыре возрастных класса или, что одно и то же, проходили в своей жизни через четыре социальные ступени. В частности, третий возрастной класс составляли воины: мужчины в возрасте от 20 до 40 лет. Их главная социальная функция заключалась в защите племени от внешних нападений и в военных набегах на соседей. В мирное время они жили в своих краалях и занимались мирным трудом. Иногда вождь племени собирал их в свои резиденции с целью смотра и тренировки.

Дингисвайо разделил всех воинов своего племени на несколько подразделений (ibutho), которые условно называются в литературе полками; полки в свою очередь были подразделены на роты. Во главе каждого подразделения был поставлен командир — индуна, который отвечал за готовность своих воинов и вел их в бой. Каждый полк включал в себя мужчин определенных возрастов, имел свое название и особую окраску щитов. Дингисвайо ввел систематическое обучение своих воинов. Неорганизованная и недифференцированная масса воинов, характерная для прошлого, уступила место стройной организации обученных и дисциплинированных солдат.

Опираясь на эту новую военную организацию, Дингисвайо довольно легко и быстро подчинил себе окружающие племена и распространил свою власть на обширную территорию между рр. Понгола и Тугела, ему подчинялось и племя зулусов. Но Дингисвайо сохранял племенную организацию в неприкосновенности, вожди покоренных им племен оставались на своих постах. Силой оружия Дингисвайо создавал союз племен, и не больше. Чака пошел дальше.

---

[1] H. J. Dhlomo. Tshaka. A revaluation. «Unteteli wa Bantu», 18 Juny 1932.
[2] A. T. Bryant. Olden times in Zululand and Natal, p. 12.
[3] J. Gibson. Указ. соч., стр. 12.
[4] A. T. Bryant. Указ. соч., стр. 91—94.

Еще при жизни Дингисвайо Чака стал в 1816 г. вождем своего племени — зулу. После смерти Дингисвайо (в 1818 г. был убит вождем племени ндвандве Звиде) он подчинил себе племена, подчинявшиеся раньше его патрону.

Чака не только воспринял принципы военной организации Дингисвайо, но развил и усовершенствовал их. При Чаке все мужчины делились также на 4 разряда, но они уже не совпадали с прежними возрастными классами и переход из одного разряда в другой уже зависел не только от возраста. Первый разряд — matzetze — молодежь, юноши, не достигшие, так сказать, призывного возраста. Они занимались хозяйством, пасли скот, а в военных походах служили носильщиками, составляя своеобразную интендантскую часть. Англичанин Генри Фин, лично участвовавший в походах Чаки, пишет, что «мальчики были приписаны к вождям или к командирам, несли их цыновки, подушки, табак и т. п. и сопровождали скот армии. Некоторых вождей сопровождали также девушки, которые несли пиво, хлеб и молоко» [1]. Лет около 20 юноши переводились во второй разряд. Второй разряд — machacha — неженатые воины. Это — основной контингент армии, они почти все время находились или в военных краалях или в походах. Отличившиеся в бою получали право жениться и переходили в следующий разряд. Третий разряд — mantoto — женатые воины. Это «ветераны», «старая гвардия». Внешне они отличались от неженатых воинов тем, что носили на голове кольцо. Наиболее отличившиеся из них переводились в высший, четвертый разряд—induna. Это командующие подразделениями войска, наместники, помощники и советники Чаки.

Вся страна была покрыта сетью военных краалей-гарнизонов (иканда), во главе которых стояли люди, назначенные Чакой, обычно его ближайшие родственники [2]. Собранные в этих краалях воины занимались военным обучением, пасли принадлежащий Чаке скот и выполняли разные хозяйственные работы. Они обеспечивались продовольствием частично за счет принадлежащего Чаке скота и частично за счет крестьян, окружающих эти краали.

Военные краали были одновременно и административными центрами, а главы краалей — управляющими прилегающих к ним территорий. Структура военной организации была одновременно и структурой организации управления страной. Власть вождей племен была таким образом подорвана. Воины оказались изъятыми из-под власти вождей племен, которые лишались, следовательно, вооруженной силы. Реальная власть принадлежала теперь уже не вождям племен, а начальникам военных краалей — ставленникам Чаки. Родовая организация общества уступала место территориальному делению.

Чака ввел новое оружие. При Дингисвайо основным оружием воина были метательные копья (дротики), которые он кидал в неприятеля при сближении с ним на известное расстояние. Чака ввел ударное копье (ассегай) для рукопашного боя. Каждый воин под страхом сурового наказания был обязан приносить ассегай с поля битвы обратно. Введение нового оружия заставило изменить и тактику боевых сражений [3].

---

[1] См. J. Gibson. Указ. соч., стр. 27.

[2] Английский капитан Гардинер, посетивший страну зулусов в 1835 г., сообщает, что по всей стране имелось 14—16 больших и несколько малых иканда. A. J. Gardiner. Narrative of a journey to the zoolu country in South Africa. London, 1836, p. 92.

[3] Более подробное описание зулусской армии см. в статье И. П. Потехин. Военная демократия матабеле, в сб. «Родовое общество. Материалы и исследования». 1951, стр. 245—251.

Точную численность армии Чаки установить невозможно. Файервел называет цифру 14 тыс., Брайант — 20 тыс., Айсекс — 30 тыс., Фин — 50 тыс., но включает сюда мальчиков и девушек, составлявших обоз армии. Во всяком случае это была большая и грозная сила, с которой потом пришлось столкнуться английским захватчикам. Ф. Энгельс, имея в виду войну англичан с зулусами в 1879 г., писал: «Вооруженные только копьями и дротиками, не имея огнестрельного оружия, они под градом пуль скорострельных ружей английской пехоты — по общему признанию первой в мире в сомкнутом строю — доводили дело до штыкового боя, не раз расстраивали ее ряды и даже опрокидывали ее...» [1]

С этой армией Чака прошел по всей территории Наталя. Его войска в 1828 г. доходили до территории племен коса, т. е. проходили через Пондоленд и Тембуленд, воевали с бечуанским племенем батлоква в районе нынешнего Харрисмит, т. е. переваливали через Драконовы горы. Чака перенес свой «королевский крааль» из Булавайо, где жили его предки, далеко на юг, в Дукуза (ныне г. Стейнджер на р. Умвоти), на территорию подчиненного ему племени села; здесь он и похоронен. Один из его краалей был основан еще южнее, в районе нынешнего города Дурбан.

Часть племен, не желая подчиниться Чаке, ушла из Наталя: кумало во главе с Моселекатсе ушли на территорию бечуанских племен (нынешний Трансвааль), а затем на земли машона (ныне Южная Родезия), где они получили новое название — матабеле; часть ндвандве во главе с Сошангане ушла в португальский Мозамбик на земли тсонга, потомки их известны под названием шангаан; часть племен хлуби и несколько других племен ушли в нынешний Транскей, где получили название финго. Все прочие племена — одни добровольно, другие, потерпев поражение,— признали власть зулусов.

Походы Чаки оказали огромное влияние на племена Наталя. Многие племена, потерпев поражение, дробились и расходились в разных направлениях. Происходило массовое перемещение племен. Одни племена просто исчезали с этнической карты Наталя, другие увеличивались за счет пополнения иноплеменниками. Старая племенная структура была в значительной степени разрушена, произошло смешение племен, положившее начало формированию зулусской народности. И вместе с тем, былая племенная раздробленность уступила место централизованной власти, опирающейся на вооруженную силу. Было положено начало образованию зулусского государства.

«Независимые племена... прекратили свое самостоятельное существование, их правящие фамилии были разгромлены или истреблены; все племена без какого-либо различия были перемешаны в одной обширной амальгаме, которую мы можем назвать зулусской нацией во главе с Чакой»,— пишет Брайант [2].

В полном соответствии с тем, что племя зулусов оказалось во главе этого мощного процесса объединения племен в едином государстве, и язык зулусов становился средством общения всех этих племен, вытесняющим все другие племенные языки. В армии Чаки говорили на языке нтунгва. И поскольку эта армия включала в себя взрослых мужчин всех племен, язык нтунгва быстро распространялся по всей обширной территории Наталя. Как пишет Брайант, языки текела сохранялись дольше всего среди женской части населения, но в 20-х годах нашего века на текела говорили уже только немногие старухи [3].

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 100.
[2] A. T. Bryant. Olden times in Zululand and Natal, p. 233.
[3] A. T. Braynt. A zulu-english dictionary, p. 60.

В 1828 г. Чака был убит своим братом Дингааном. Английские буржуазные историки старательно запутывают мотивы, которые побудили Дингаана убить своего брата. Они пытаются объяснить это завистью; Гибсон доходит до того, что приписывает зулусам врожденную склонность к интригам [1]. Неизвестно, чем руководствовался Дингаан, но есть основания предположить, что подлинными инспираторами убийства были английские агенты. Страна Наталь входила в планы ближайших колониальных захватов Англии, английские агенты — морские офицеры Кинг и Файервел, миссионер Айсекс и другие уже в течение пяти лет «трудились» в Натале. Ликвидация племенной раздробленности, создание централизованной власти, располагающей пусть плохо вооруженной, но хорошо организованной и дисциплинированной армией, становились серьезным препятствием на пути осуществления захватнических планов Англии.

Убийство Чаки должно было расчистить дорогу к захвату Наталя, но английские колонизаторы просчитались, — созданное им Зулусское государство не распалось. Дингаан сохранил созданную его братом армию и осуществил ряд мероприятий, направленных на укрепление центральной власти. Так, например, во времена Чаки каждый индуна мог приговорить человека к смертной казни. Дингаан ограничил права индуна, сохранив право вынесения смертного приговора только за тремя индуна, являвшимися его непосредственными помощниками [2]. Об укреплении центральной власти свидетельствует и следующее сообщение Гардинера, с которым произошел такой случай при въезде в Наталь через Транскей. В первой же деревне старшина отказался дать ему носильщиков без разрешения индуна, который жил неподалеку в большом военном поселении. К нему были посланы гонцы. А когда Гардинер добрался до этого индуна, т. е. до первой иканды, расположенной недалеко от границы, ему было заявлено, что ехать дальше ему нельзя без разрешения Дингаана [3].

В 1836 г. начался бурский трек — переселение буров из английской Капской колонии на новые, еще не занятые Англией земли. В ноябре 1837 г. партия бурских трекеров во главе с Питером Ретифом появилась в Натале. Дингаан заключил с ними договор, по которому буры получили право поселиться в Натале, в его южной части, на землях пондо: Дингаан имел в виду использовать бурское поселение в качестве барьера против англичан. Через два дня Питер Ретиф и его компаньоны были совершенно неожиданно убиты по приказанию Дингаана. Участие английских агентов в этом убийстве не подлежит сомнению [4]. Известно, что Англия всячески препятствовала уходу буров из Капской колонии и никак не могла допустить основания новой бурской колонии в Натале. Англия была заинтересована в том, чтобы столкнуть буров с зулусами, затем выступить в роли посредника и навязать ослабевшим противникам свою волю.

С этого времени началась упорная кровавая борьба зулусов с европейскими захватчиками. Весь 1838 г. прошел в непрерывных схватках армии Дингаана с вновь приходящими из-за Драконовых гор бурами. На

---

[1] J. Gibson. Указ. соч., стр. 40.

[2] A. F. Gardiner. Указ. соч., стр. 94.

[3] Там же, стр. 54.

[4] В английской буржуазной литературе уделяется очень много внимания этому событию, приводятся разнообразные причины такого поступка Дингаана и старательно опровергаются предположения об участии английских агентов. Но об этом достаточно убедительно свидетельствуют дневники бурского священника Э. Смита и бурского переселенца Безайденхут, приехавших в Наталь вместе с Питером Ретифом. См. G. E. Cory. The rise of South Africa. A history of the origin of South African colonisation and of its development towards the East from the earliest times to 1875.

помощь бурам пришли англичане. 16 декабря зулусская армия потерпела жестокое поражение и отступила за р. Белая Умфолози. Сражение произошло на р. Инкоме, которая после этого стала называться Кровавой (Blood). Окончательной победе буров над Дингааном способствовало предательство его брата Умпанда, вступившего в сделку с бурами. Буры провозгласили Умпанда королем Зулуленда, как теперь стала называться северная часть Наталя, он же помог им добить остатки армии Дингаана [1].

Большая часть Наталя была таким образом почти полностью захвачена бурскими колонистами. Здесь была создана в 1838 г. бурская республика Наталь; в 1843 г. она была аннексирована Англией и превращена в колонию Наталь. По договору с Умпанда р. Тугела с притоком Умзиньяти (Буффало) была признана границей, отделяющей колонию от Зулуленда, который оставался пока формально независимым зулусским государством. В 1879 г. Англия вновь вмешалась в борьбу зулусов и буров, которые на этот раз с севера, со стороны Трансвааля (район Утрехт) вновь потеснили зулусов, и начала новую войну. Зулусская армия, восстановленная Кетчвайо, сыном и преемником Умпанда, снова оказала захватчикам героическое сопротивление. Англии, стянувшей в Зулуленд около 20 тыс. войск, включавших наряду с пехотой артиллерию и кавалерию, понадобилось шесть месяцев, чтобы одержать еще одну бесславную победу в колониальной войне.

Кетчвайо был взят в плен и отправлен в Лондон, а Зулуленд разделен на 13 «независимых государств» во главе с предателями зулусского народа, перебежавшими во время войны на сторону врагов. Территориальное разграничение этих «государств» и подбор вождей производились в расчете на то, чтобы вызвать в Зулуленде междоусобную борьбу, заставить зулусов воевать между собой и тем окончательно ослабить их. Коварный расчет английских империалистов оправдался. В течение трех лет Зулуленд заливался кровью междоусобных войн, в которые неоднократно вмешивались и английские колониальные войска. Лишь в 1883 г. правительство Гладстона, который в период предвыборной кампании выступал в роли защитника малых народностей против «биконсфильдского империализма», восстановило Кетчвайо как верховного вождя Зулуленда. В 1887 г. Зулуленд был формально объявлен английской территорией и включен в состав колонии Наталь.

Пятьдесят лет (1838—1887) длилась тяжелая борьба зулусов против европейских, англо-бурских захватчиков. События этого полувека привели к дальнейшему разрушению племенной структуры; к еще большему смешению племен. «В результате войн две трети туземцев растеряли свои племенные связи»,— признает английский буржуазный историк проф. Брукс [2].

Очистить южную часть Наталя полностью от зулусов, загнать их всех в Зулуленд колонизаторы не могли, да и не желали этого. Им нужна была не только земля зулусов, но и их рабочая сила. «По завоевании страны ближайшей задачей завоевателей всегда становилось присвоение и людей», — писал К. Маркс [3]. Согнанные в Зулуленд зулусы, испытывая острый земельный голод, постепенно просачивались через демаркационную линию на территорию колонии, возвращались в родные места. К 1843 г. на территории колонии насчитывалось около 100 тыс. зулусов,

---

[1] Сам Дингаан был захвачен в плен в январе 1840 г. и замучен.

[2] E. Brookes. The history of native policy in South Africa from 1830 to the present day. Pretoria, 1927, p. 30—31.

[3] К. Маркс. Капитал, т. 3, 1953, стр. 803.

в 1898 г. 545 тыс. Большая часть их поселилась на фермах колонизаторов, на плантациях сахарного тростника. Для поселения остальных были созданы в разных районах колонии небольшие поселения зулусов — локации, которые должны были служить резервуарами сезонной рабочей силы. Государственный секретарь колоний Англии Грей дал по этому поводу следующую директиву губернатору колонии: «Должны быть созданы на территории колоний постоянные локации. При выборе места для локаций необходимо оставлять между ними достаточные интервалы для расселения европейцев. При таких условиях каждый европейский иммигрант в состоянии будет получать достаточное количество рабочей силы из локации, находящейся в непосредственной близости» [1]. С ростом городов часть зулусов переселилась в города.

В 1898 г. зулусское население колонии (без Зululенда) распределялось таким образом [2]:

на фермах европейцев . .	270 274
в локациях	259 240
в городах	15 500
Всего	545 014

В Зулуленде в 1898 г. насчитывалось 203 тыс. человек коренного африканского населения. Спустя еще полтора десятка лет, по данным комиссии Бьюмонта [3], опубликованным в 1916 г., картина расселения зулусов представлялась в следующем виде (в тысячах):

Наталь (без Зулуленда) . . .	823 720
в том числе	
на фермах европейцев [4] . . .	426 968
в локациях [5]	359 553
в городах и на рудниках . .	37 199
Зулуленд	258 362
Всего	1 082 082

Следовательно, в начале XX в. три четверти зулусов жили вне Зулуленда, в южных районах колонии, из них почти 50% жили на фермах европейцев и в городах. Зулусы, жившие на фермах и в городах, стояли уже вне племени. Многие из них поддерживали те или иные связи со своими племенами, но они уже не входили в состав племени и не подчинялись его вождю. В локациях английские колониальные власти восстановили племенную организацию, но это уже не были старые племена — в большинстве случаев они состояли из представителей разных племен. Это — искусственные, административные объединения, вспомогательный аппарат для управления, сбора налогов и вербовки рабочей силы. «Единственным средством контроля (над зулусами. — *И. П.*) было ... *искусственное* восстановление племенной структуры» [6].

[1] E. Brookes. Указ. соч., стр. 329.
[2] The natives of South Africa. Their economic and social condition. Edited by the South African native races Committee. London, 1901, p. 16.
[3] См. стр. 25. «Union of South Africa. Report of the native land commision», vol. 2, p. 47.
[4] Включая земли компаний и крупных землевладельцев, сданные в коллективную аренду зулусам.
[5] Включая земли миссионерских станций.
[6] E. Brookes. Указ. соч., стр. 30 (подчеркнуто мною.— *И. П.*). В 1897 г. в Натале было больше 300 вождей племен, признанных колониальными властями, из них 83 в Зулуленде.

В Зулуленде сохранилась в известной мере старая племенная структура. Но и там многие племена раскололись и расселились в разных районах, перемешались с другими племенами, а некоторые совсем распались и исчезли с этнической карты. Основное в этом процессе состоит в том, что старая племенная форма организации наполнилась новым, не соответствующим ей содержанием.

Вождь племени превратился в чиновника английской колониальной администрации. Он назначается и вводится в должность английским чиновником и при этом не имеет никакого существенного значения, является данная кандидатура наследственным вождем или не является,— он должен служить английскому империализму против интересов своего народа. Независимый от своих соплеменников, используя предоставленные ему права распоряжаться земельным фондом племени, собирать налоги, вербовать рабочую силу, судить и налагать штрафы, он превратился в эксплуататора соплеменников. Феодализация вождей племен, начавшаяся еще до вторжения европейских колонизаторов, стала развиваться теперь уже в новых формах, ускоренными темпами. Зулуленд превратился в миниатюрное марионеточное феодальное княжество, а потомки Сензангаконы — в династию феодальных правителей.

Рассмотрим, воспользовавшись списками племен, составленными правительственным этнографом Южно-Африканского Союза Ван Вармело [1], современное расселение племен, сложившееся в результате событий XIX в. Списки относятся к 30-м годам XX в.; за последние тридцать лет изменилась несколько численность племен, но в расселении племен за это время не произошло никаких заметных перемен.

В списках Ван Вармело указано около полутораста племен, т. е. в полтора раза больше, чем их было в начале XIX в. Численность племен колеблется от 450 человек (племя зване) до 90 000 чел. (племя зулу). При рассмотрении этих списков бросается в глаза прежде всего исключительная племенная «чересполосица»: все племена расселены в разных дистриктах вперемежку с другими племенами. Рассмотрим расселение нескольких племен.

З у л у. Приблизительная численность — 90 тыс. чел. В начале XIX в. численность племени зулу определялась приблизительно в 2 тыс. чел. [2] Увеличиться в течение одного столетия в 45 раз за счет собственного прироста оно не могло. Ясно, что нынешнее племя зулу образовалось путем поглощения ряда других племен. В начале XIX в. это племя жило в среднем течении р. Белая Умфолози, в основном в пределах нынешних дистриктов Нкуту и Бабанаго. Сейчас племя зулу расселено на территории 11 дистриктов, общей площадью в 26 тыс. кв. км (т. е. почти равной территории Бельгии — 30 тыс. кв. км), две трети которой лежит вне Зулуленда (рис. 4). По переписи 1921 г. на этой территории проживало около 340 тыс. африканцев и 11 тыс. европейцев. Племя зулу составляло примерно одну четвертую часть всего населения этой территории. Только в дистрикте Нонгома племя зулу занимает всю территорию, составляя 100% населения дистрикта. В этом дистрикте, по данным Ван Вармело, проживает 27 тыс. чел., или 30% от общей численности племени зулу. Это основное ядро племени, сохранившееся с начала XIX в. В соседних дистриктах Емтожанени и Нготше племя зулу составляет 60 и 50% соответственно. В дистрикте Емтожанени расселено, кроме племени зулу, племя бийела; по спискам Ван Вармело нельзя установить, живут эти два пле-

[1] N. J. V a n W a r m e l o. A. preliminary survey of the bantu tribes of South Africa. Department of native affairs. Pretoria, 1935.

[2] R. R a s s e l. Natal. The land and its story, p. 127—128.

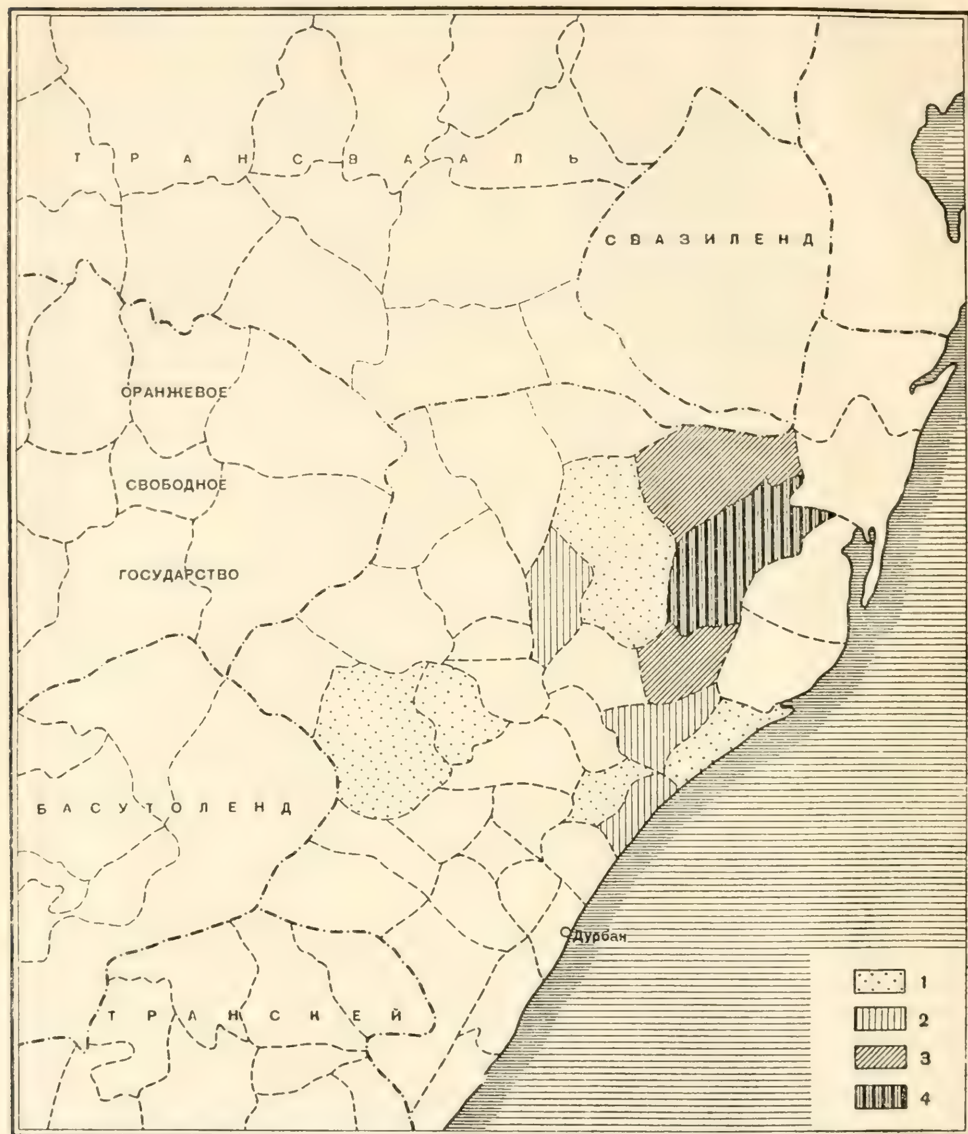

Рис. 4. Расселение племени зулу (по Ван Вармело). Процент от общей численности: 1 – 0 – 10%; 2 — 10 – 35%; 3 – 35 – 65%; 4 — 90 – 100%

мени смешанно или занимают каждое свою территорию. В дистрикте Нготше, кроме племени зулу, расселены пять других племен. В остальных восьми дистриктах племя зулу составляет от 2 до 14% всего населения.

Мтетва. Приблизительная численность — 20 тыс. чел. В начале XIX в. населяли побережье между р. Умфолози и р. Итселени, примерно в пределах нынешнего дистрикта Нижняя Умфолози. Сейчас мтетва расселены широко (рис. 5) в дистриктах Нижняя Умфолози, Нготше, Фрейхейд, Паулпитерсбург и Пит-Ретиф (в Трансваале). Только в Нижней Умфолози они составляют около 40% африканского населения, в четырех

Рис. 5. Расселение племени мтетва (по Ван Вармело). Процент от общей численности: 1 — 0 — 10%; 2 — 10 — 35%; 3 — 35 — 65%

остальных дистриктах — от одного до двадцати процентов. В Нготше численно преобладают зулу и бомвини; в Фрейхейде живут части 9 племен, составляя вместе около 40 тыс. чел. населения, Паулпитерсбург населяют 7 племен, общей численностью около 13 тыс. чел.

Б о м в и н и. Приблизительная численность — 75 тыс. чел. Расселены, за очень небольшим исключением, за пределами Зулуленда на площади в 20 тыс. кв. км с населением в 220 тыс. чел. (рис. 6), т. е. составляют одну треть населения этой территории. В Махлабатини они насчитывают 50% населения, в остальных девяти дистриктах — от 1 до 25%. Область расселения бомвини — это область преимущественно европейского круп-

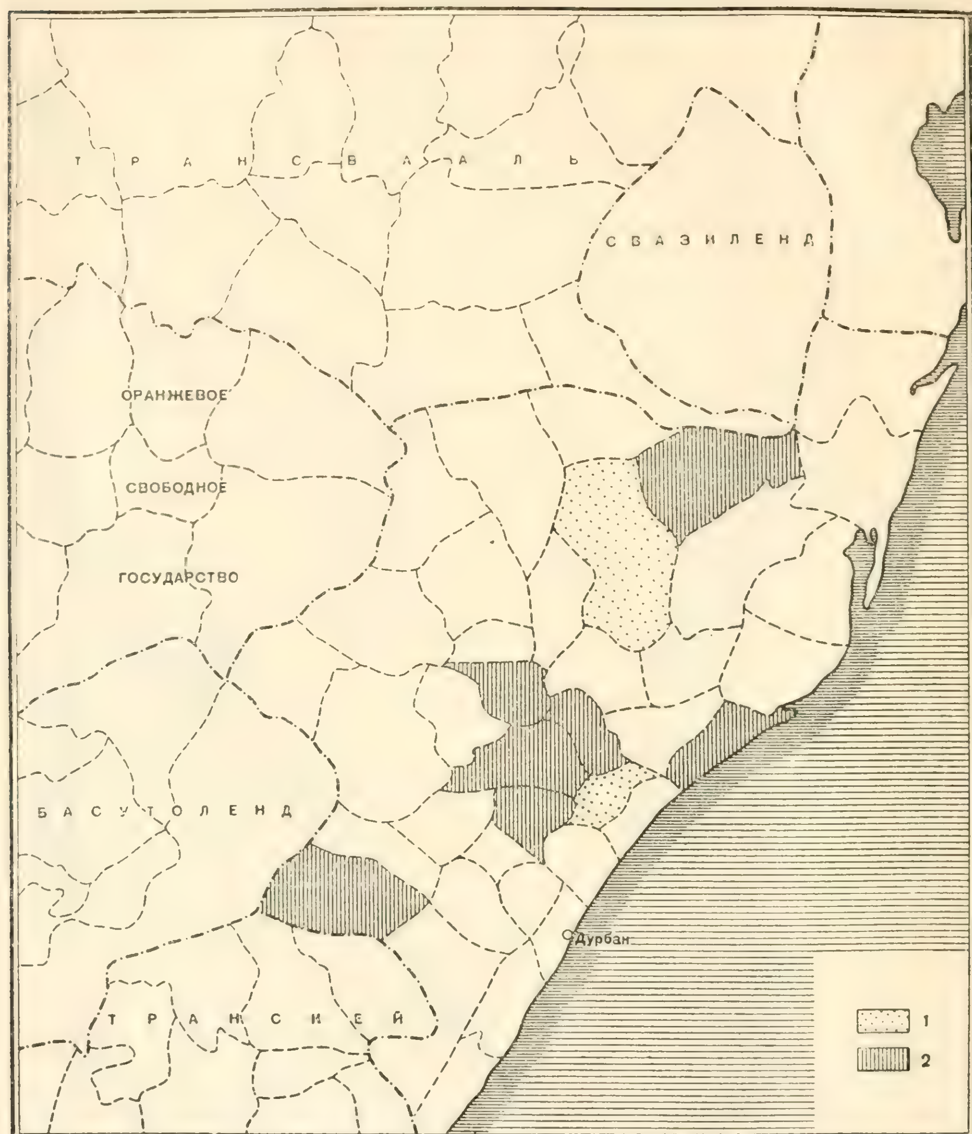

Рис. 6. Расселение племени бомвины (по Ван Вармело). Процент от общей численности: 1 — 0–10%; 2 — 10 — 35%

ного землевладения. По данным комиссии Бьюмонта, половина африканского населения этой области расселена по фермам европейцев.

К о л в а. Приблизительная численность—45 тыс. чел. Расселены почти по всей провинции Наталь (рис. 7). В дистрикте Клипривер они составляют 23% африканского населения, кроме колва в этом дистрикте живут группы еще 11 племен. Это район европейского землевладения. Здесь, по данным комиссии Бьюмонта, около 80% африканского населения расселено небольшими группами на европейских фермах. В дистрикте Питермарицбург колва составляют 20% африканского населения; кроме колва,

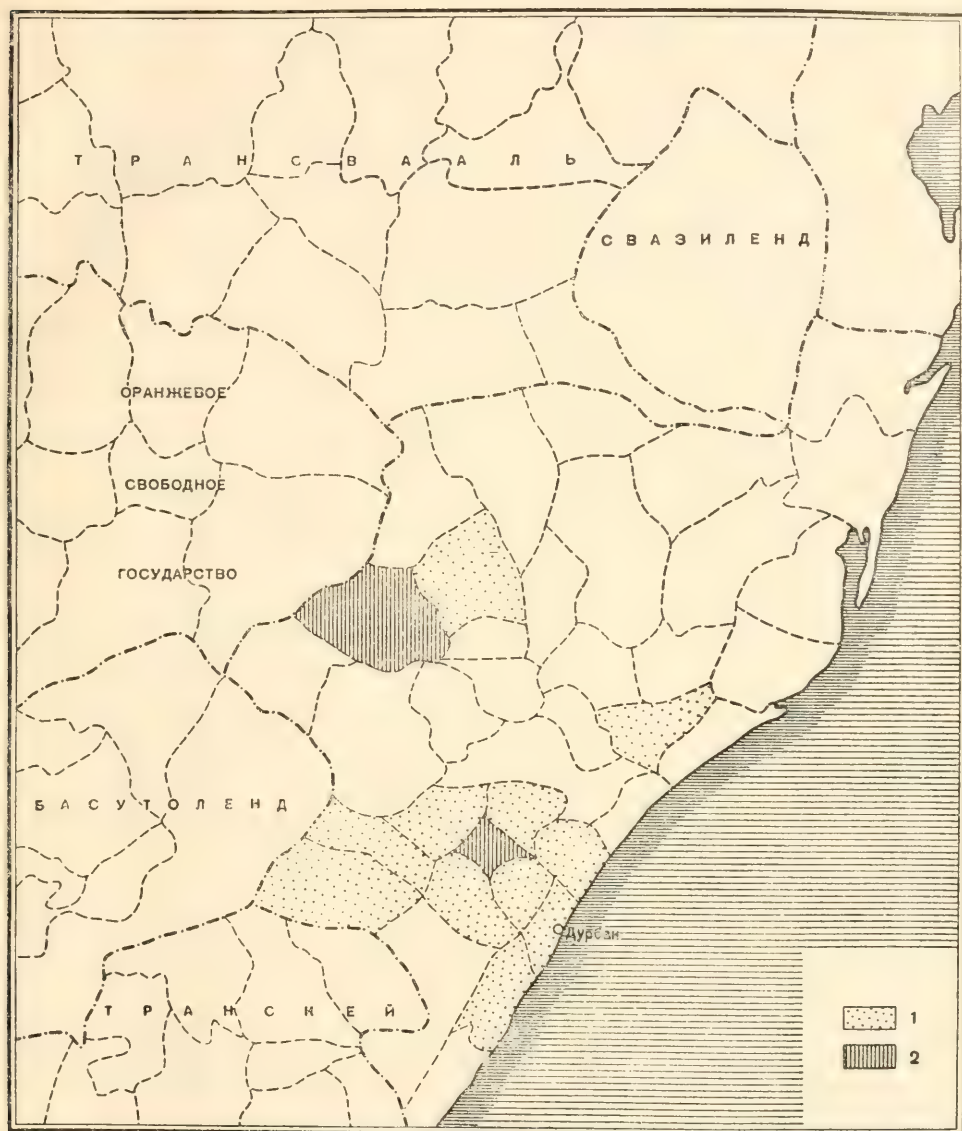

Рис. 7. Расселение племени колва (по Ван Вармело). Процент от общей численности: 1 — 0 — 10%; 2 — 10 — 85%

здесь живут представители еще девяти племен, составляющих вместе около 40 тыс. чел.

На рис. 8 показано расселение этих четырех племен вместе. Списки Ван Вармело дают возможность дать аналогичную характеристику расселения всех 150 племен, но в этом нет надобности. В работе рассматриваются лишь четыре племени из наиболее крупных, два из них расселены в Зулуленде, два — в основном вне Зулуленда. Расселение всех других племен дает ту же картину смешения племен. Эта картина была бы значительно точнее и выразительнее, если бы можно было обозначить на

карте расселение племен внутри каждого дистрикта. Но такой возможности нет.

Некоторые сведения доклада комиссии Бьюмонта позволяют уточнить данные о расселении племен.

Локация № 4 в дистрикте Нижняя Умфолози. В локации 690 хижин; считая в среднем по три человека на хижину, получается 2070 чел. населения; живут два племени — себекулу и бьела; характер их расселения (вперемежку или порознь) неизвестен [1].

Локация № 5 в том же дистрикте. В локации 1734 хижины—5202 чел.; живет три племени — в одном 3777 чел., в другом — 858 и в третьем 567 чел.; характер расселения неизвестен [2].

Локация № 12 в дистрикте Хлабиса. Живут три племени, каждому отведен свой район расселения [3].

Локация № 1 в дистрикте Убомбо. Живут три племени, насчитывающие вместе всего лишь 1750 чел. [4].

Локация Умвоти. Расположена в дистриктах Умвоти, Мапумуло, Кранскоп; живет десять племен общей численностью 10 644 чел., каждое из них имеет свой район расселения [5].

Локация Клипривер расположена в дистриктах Клипривер и Хелпмакаар; имеется четыре вождя; у одного 14 400 «подданных», у другого—495, у третьего — 387 и у четвертого — 75 [6].

В каждой локации живет по нескольку племен, и в большинстве случаев каждое занимает отдельную территорию. Но эти племена уже не представляют собой единого целого — каждое или почти каждое племя разбито между несколькими локациями.

Характерны показания зулусов перед комиссией Бьюмонта о племенной принадлежности. Одни из них на вопрос о племенной принадлежности называли просто свое племя: хлуби, селе и т. д. Но другие на этот вопрос отвечали вопросами: «Вы имеете в виду племя, из которого я происхожу?» [7]. Они осознают себя уже зулусами и рассматривают племенную принадлежность лишь как указатель происхождения.

Приведенные выше материалы дают достаточное основание сделать вполне определенные выводы.

1. Племена в Натале утратили единство племенной территории. Многие из них разорваны на куски и расселены в разных, иногда далеко друг от друга отстоящих дистриктах.

2. Абсолютное большинство племен не имеет поэтому единой племенной организации во главе со своим традиционным вождем. Разорванные части племени возглавляют различные вожди, назначенные колониальными властями.

3. То, что называется сейчас племенами, является лишь пережитком, искусственно сохраняемым правительством Южно-Африканского Союза в административно-фискальных целях. Они состоят, как правило, из обломков разных племен, существовавших в XIX в. и затем разрушенных. Современная социальная жизнь зулусов имеет характерные черты классового, но не родо-племенного общества.

4. Большая часть зулусов — 56%,— живущая на европейских фермах,

---

[1] Union of South Africa. Report of the natives land commission», vol. 2, p. 460.
[2] Там же, стр. 461.
[3] Там же, стр. 463.
[4] Там же, стр. 465.
[5] Там же, стр. 544.
[6] Там же, стр. 589.
[7] Там же, стр. 485.

РАССЕЛЕНИЕ ПЛЕМЕН ЗУЛУ, БОМВИНИ, КОЛВА, МТЕТВА (ПО ВАН-ВАРМЕЛО)

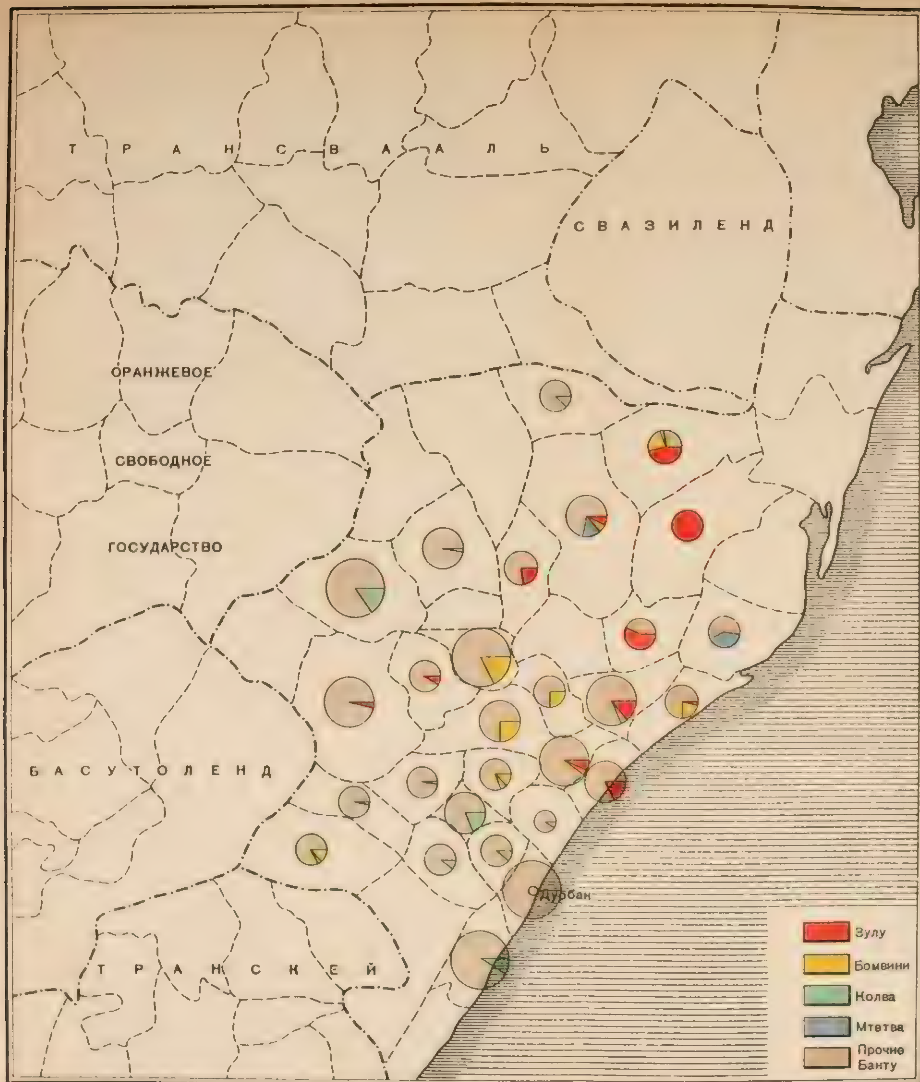

Рис. 8.

на плантациях и в городах, находится вне какой бы то ни было племенной организации.

Перед нами уже не группа племен, а народность, объединенная единством территории, языка и культуры. Племенные языки отошли в прошлое, уступив место единому зулусскому языку, ставшему в последние десятилетия литературным языком. Зулусская народность еще несет на себе немалый груз прошлого. Искусственно сохраняемая племенная организация и еще далеко не изжитые традиции племенного партикуляризма, поддерживаемые и разжигаемые колониальными властями, не могут не оказывать влияния на самосознание и весь уклад общественной жизни зулусов. Но от этого они не перестают быть народностью.

4. СВАЗИ

Во времена Чаки не было ни народа свази, ни Свазиленда. Северные районы территории нынешнего Свазиленда в начале XIX в. были населены племенами, говорившими на языках суто и шона, т. е. входили составной частью в этнические территории басуто[1], населяющих Трансвааль, и машона, населяющих Южную Родезию. В южной части Свазиленда, между реками Понгола и Большая Усуту, жили племена, которые по языку относятся к той же группе, что и зулусы,— нтунгва-нгуни. Во главе этих племен стоял вождь Нгване.

В 1815 г. на эти племена напал вождь племени ндвандве Звиде. Большая часть племен во главе с вождем Собуза отступила в северном направлении, ушла за р. Большая Усуту и поселилась в районе нынешнего города Бремерсдорп. Они покорили и впоследствии ассимилировали жившие здесь ранее племена басуто. Расширяя свою территорию, они постепенно расселились до Барбертона на севере, Каролины и Эрмело на западе (современный Трансвааль); племена, населяющие нынешний дистрикт Лейденбург, платили им дань.

При наследнике Собузы Мсвази (Свази) на этой территории появились бурские колонизаторы. Для прикрытия захвата чужих земель одному из вожаков бурских трекеров Потгиетеру удалось уговорить Мсвази «продать» им за 100 голов скота не принадлежащую ему территорию племен басуто в восточной части Трансвааля. Обманутые своим вождем, свази не только не оказали бурам сопротивления, но и неоднократно помогали им против зулусов и басуто.

К этому времени относится появление и названия страны — Свазиленд, что означает всего лишь землю вождя Свази. Сами свази предпочитают называть себя ама-нгване, т. е. народ Нгване, по имени вождя Нгване, а свою страну — ка-Нгване[2]. Так называют их и соседние народы. Поскольку, однако, названия свази и Свазиленд являются официальными и прочно вошли в литературу, в настоящем исследовании сохраняется это название.

Первоначально Свазиленд принадлежал бурской республике Трансвааль. После англо-бурской войны его захватила Англия и управление им было передано сначала трансваальскому губернатору, а с 1906 г. английскому верховному комиссару в Южной Африке, которому подчинены и другие южноафриканские протектораты. Верховный вождь Свазиленда и окружающая его аристократическая верхушка перешли на службу английскому империализму, получили новые возможности для обогаще-

---

[1] Известно, например, что район г. Мбабане — административный центр Свазиленда — был заселен подразделением племени бапеди-мнези. A. T. Bryant. The Olden times in Natal and Zululand, p. 311.

[2] «Colonial reports. Swaziland, 1950». London, 1952.

ния за счет эксплуатации соплеменников и превратились в феодальную аристократию. Сейчас Свазиленд — зависимое от английских империалистов феодальное княжество.

С этнической точки зрения Свазиленд, как и многие другие колонии, грубо вырванный кусок африканской территории. На языке свази говорят сейчас около 400 тыс. чел., но большая часть их находится за границами Свазиленда. По переписи 1946 г. в Южно-Африканском Союзе было учтено 223 тыс. чел., говорящих на свази, из них 211 тыс. в Трансваале, около 10 тыс. в Натале, остальные в Капской провинции и Оранжевом Свободном Государстве. В Свазиленде насчитывается около 160 тыс. свази, т. е. только 40% общей численности, говорящих на языке свази.

Значительная часть свази, оказавшихся в пределах Трансвааля, населяет пограничные с Свазилендом дистрикты Барбертон, Эрмело, Пит-Ретиф и др. В Барбертоне они составляют основную часть населения, в других дистриктах—меньшинство; вместе с ними в этих дистриктах живут зулусы, тсонга и басуто. Свази, проживающие в пограничной полосе, сохраняют свой язык и поддерживают связи с Свазилендом. Другая, не менее значительная часть свази живет в горнопромышленном районе Витватерсранда. Свазиленд, как и другие протектораты, является поставщиком рабочей силы для горной промышленности Южно-Африканского Союза: 8—10 тыс. свази ежегодно уходят на заработки в Витватерсранд. Исследователи современного положения свази отмечают, что их связь с Южно-Африканским Союзом более тесная, чем внутри Свазиленда, что свази знают Витватерсранд больше, чем резиденцию своего короля [1].

В Свазиленде свази составляют сейчас 85% всего населения. Остальные 15% приходятся на зулусов (около 15 тыс. чел.) и потомков тех басуто, которые жили на этой территории до прихода нгване: они восприняли язык и культуру свази, но попрежнему известны как басуто. Численность европейцев едва превышает 3 тыс. чел.

Согласно спискам Ван Вармело, свази Свазиленда делятся на 26 племен. Самое крупное из них — нкоси: оно насчитывает более 40 тыс. чел., составляя, следовательно, одну четвертую часть всех свази, и расселено по всей территории протектората. Но принадлежность к племени означает сейчас не больше как указание на происхождение. Старая племенная структура была подорвана еще в период переселения нгване на новые места и ассимиляции покоренных ими басуто. Установление колониального режима окончательно разрушило ее.

Первоначально европейские колонизаторы захватили две трети всех земель Свазиленда, согнав свази в 35 небольших резерватов, разбросанных по всей стране между земельными владениями европейцев. Затем их заставили выкупить малопригодные земли, вернули им часть коронных земель. Сейчас в распоряжении свази находится около половины всего земельного фонда. Одна шестая часть всех африканцев Свазиленда совсем не имеет земли и живет на фермах европейцев. Это «землеустройство» сопровождалось перемещением племен, дроблением, расселением их по разным районам, что не могло не привести, и на самом деле привело, к ликвидации племенной организации. Сейчас страна разделена на 169 небольших административных единиц, во главе которых стоят признанные колониальными властями вожди племен. Но совершенно очевидно, что за этим традиционным названием вождя скрывается принципиально иное содержание, а именно: старшина, назначенный феодальным правителем Свазиленда с одобрения колониальных властей.

[1] H. Kuper. The uniform of colour. A study of the white-black relationships in Swaziland. Johannesburg, 1947, p. 92.

Родо-племенной строй у свази — пройденный этап. Но образуют ли они народность?

Основу народа свази составляют племена той же группы, которая явилась основой зулусской народности. Часть этих племен, которая не переселилась с вождем Собуза за р. Большая Усуту, органически вошла в состав зулусской народности. Язык свази — это зулусский язык, с небольшими диалектными особенностями. В школах Свазиленда детей обучают по зулусским учебникам. Единственная в Свазиленде газета для коренного населения «Izwilama Swazi» («Голос свази») издается не на свази, а на зулусском языке. На языке свази нет никакой литературы. Зулусская художественная литература имеет такое же распространение в Свазиленде, как и в Натале. Смешанные свази-зулусские браки — обычное явление. Все это дает основание рассматривать свази как этнографическую группу зулусской народности, отделенную от нее колониальной границей.

5. КОСА

Согласно преданиям, основателем племени коса был Звиде, живший где-то в районе Великих озер. Его сыновья разделили племя на три части, образовали три племени, каждое из которых стало называться по имени одного из этих сыновей: Коса — амакоса, Мтембу — аматембу, Мпондо — амапондо; в литературе их принято называть без префиксов — коса, тембу, пондо. Затем эти племена дробились вновь и образовали группы племен коса, пондо и тебу. В группу коса, по данным XVIII в., входили, кроме племени коса, племена гкалека, нгика или гайка и др.; в группу пондо — пондо, бхала, квало и др.; в группу тембу — тембу, пондомиси, бомвана и др. В дальнейшем в этой работе термины коса, пондо и тембу будут употребляться только как название соответствующих групп, а термин коса, кроме того, и как общее название всех этих групп, образовавших народность коса.

К середине XVIII в., т. е. к моменту встречи с европейскими колонизаторами, племена коса населяли территорию между реками Грейт-Фиш и Умзимкулу, ограниченную с севера Драконовыми горами; пондо жили между реками Умзимкулу и Умтата; тембу — на запад от них, между реками Умтата и Баши; коса — еще западнее, от р. Баши до р. Грейт-Фиш.

Коса испытали на себе значительное влияние готтентотов. Оно сказывается и в физическом облике ряда племен, и в языке, и в культуре. Некоторые племена готтентотов смешались с коса, ассимилировались, передав им некоторые черты своей культуры. Смешанные коса-готтентотские браки были обычным явлением. Так, например, племя коса аматинде поглотило готтентотское племя дамаква, племя гунуквебе ассимилировало готтентотов донаква[1]. В дистрикте Эллиотдейл живет сейчас племя бомвана, по цвету кожи более светлое, чем обычные негроиды: это результат смешения их с бушменами и готтентотами[2]. Готтентоты наделили язык коса характерными щелкающими звуками. Из всех языков южных банту готтентотское прищелкивание более всего проникло в язык коса. Из 2395 слов коса, содержащих щелкающие звуки, только 376 встречаются в языках зулу и суто[3].

В 70-х годах XVIII в. на р. Грейт-Фиш появились бурские колонисты. В 1778 г. голландский губернатор Капской колонии объявил р. Грейт-

[1] W. Bourquin. Click-words which xhosa, zulu and sotho have in common. «African Studies», 1951, N 2.

[2] P. A. W. Cook. The education of a south african tribe. Cape Town, 1934, p. VIII.

[3] W. Bourquin. Указ. соч., стр. 81.

Фиш восточной границей колонии. С этого времени в истории племен коса началась полоса тяжелой борьбы за свободу и независимость сначала против бурских, а затем против английских захватчиков, продолжавшаяся около ста лет и закончившаяся поражением коса и установлением колониального режима. Принятое в буржуазной исторической литературе деление истории этой борьбы на восемь так называемых каффрских войн весьма условно, так как мелкие стычки, нападения вооруженных банд колонизаторов никогда не прекращались. Да и сами эти войны были чаще всего карательными экспедициями колониальной армии против мирного и безоружного народа, отстаивающего право на жизнь.

Буржуазные историки англо-бурской колонизации объясняют войны против коса тем, что якобы коса, будучи жестокими дикарями, нападали на мирных бурских фермеров, воровали у них скот и т. п. Но уже один факт быстрого роста стад у колонистов, при наличии по соседству слабых скотоводческих племен, свидетельствует об обратном, о том, что колонисты увеличивали свои стада за счет захвата скота у коса. В работе одного из весьма компетентных английских историков, проф. Мак-Миллана, читатель находит следующую, весьма характерную картину:

«Бур приходил на военный пограничный пост и заявлял, что у него потерялось столько-то скота. Начальник поста немедленно поднимал на ноги солдат. Никакого расследования факта воровства, никаких свидетельств о количестве украденного скота не требовалось. Солдаты захватывали первый попавшийся им скот каффров, и, если последние пытались оказать сопротивление, их тут же пристреливали как собак»[1].

До перехода Капской колонии к Англии и появления регулярной армии коса с большими потерями удавалось сдерживать колонизаторов на р. Грейт-Фиш, а в самой южной, приморской полосе они продвинулись даже западнее, до р. Бушмен. Противостоять английской регулярной армии они не могли. В 1814 г. все коса (около 20 тыс.) были изгнаны за р. Грейт-Фиш, в 1819 г. граница колонии была передвинута на р. Кейскама, в 1835 г. — на р. Кей и в 1858 г. — на р. Баши, составлявшую восточную границу расселения племен коса. Территория племен тембу и пондо была аннексирована Англией путем заключения «договоров» с вождями этих племен.

В отличие от Наталя, где англо-бурским захватчикам противостояло созданное Чакой—Дингааном зулусское государство, располагавшее хорошо организованной армией, в восточной части Капской колонии Англия имела дело с разрозненными племенами. Несмотря на неоднократные попытки отдельных, более дальновидных вождей племен создать военный союз против захватчиков, коса, тембу и пондо ни разу не выступили совместно. Не было единства даже среди коса, принявших на себя главный удар колонизаторов, и этим искусно воспользовалась Англия. Так, Англия использовала, например, племя вождя Гайка против племени вождя Ндламби. В борьбе против коса Англии удалось использовать пондо, тембу, финго и готтентотов.

Территория пондо в 20—40 годах XIX в. была объектом борьбы между зулусами, Англией и бурами. В 1828 г. на территории пондо появилась армия Чаки, которая дошла до р. Умтата. Английские власти Капской колонии воспользовались этим обстоятельством, чтобы выступить в роли защитников пондо, тембу и коса. Они сколотили из местных племен армию в шесть тысяч человек, придали им небольшой добровольческий отряд англо-бурских колонистов, вооруженных огнестрель-

[1] W. M. Macmillan. Bantu, Boer and Briton: the making of the South African native problem. London, 1929, p. 81.

ным оружием, под командой майора Дунда, и заставили зулусов отступить в пределы Наталя. Через семь лет англичане заставили вождя пондо Факу воевать против коса (шестая «каффрская война» 1834—1835 гг.), а после войны обратиться к Англии с просьбой о покровительстве. Основанная в Натале после войны с Дингааном бурская республика установила связь с Факу, пыталась привлечь его на свою сторону и превратить Пондоленд в заслон против английской агрессии. Но Англия, уже прочно державшая Факу в своих руках, выступила в роли гаранта границы Пондоленда по р. Умзимкулу. Формальное присоединение Пондоленда к Капской колонии произошло в 1894 г.

Аналогично сложились отношения с Англией и у вождя тембу Вузани. Англия заставила его воевать против коса и затем «просить» у нее покровительства.

Одна часть тембу во главе с вождем Бавана после нашествия зулусов в 1828 г. переселилась на территорию нынешнего дистрикта Квинстаун. За участие в войне коса против Англии в 1851—1852 гг. они были переселены в дистрикт Глен Грей.

Переселения племен в процессе колонизации были самым обычным явлением. В течение полусотни лет племена коса жили на родной земле в положении изгнанников, многократно перегонялись с одного места на другое, теряя при этом скот и другое имущество. После каждой «каффрской войны» колонизаторы занимались «землеустройством» — очищали земли для поселения белых колонистов, переселяя и перетасовывая племена коса. Вооруженные банды колонистов сжигали поселения коса, забирали их скот, перегоняли их в другое место.

Как уже говорилось раньше, во времена Чаки несколько зулусских племен (нгване, хлуби, дламини и др.) сбежало на территорию коса. Здесь они расселились небольшими группами среди местного населения и стали называться амафенгу или финго, что буквально значит бродяги. Вожди племен коса не преминули воспользоваться бедственным, зависимым положением финго для своего обогащения за их счет. Они «забирали у них девушек без выплаты установленной обычаем компенсации, конфисковали их имущество» [1]. Это позволило английским властям использовать финго против коса. Они неоднократно участвовали в войнах против коса и были признаны британскими подданными. После войны 1834—1835 гг. английские власти собрали 18 тысяч финго и поселили их между рр. Грейт-Фиш и Кейскама в качестве барьера, отделяющего колонию от территории коса. К 1865 г. в этом районе насчитывалось уже 40 тысяч финго. В том году они были переселены на новую, очищенную от коса территорию между рр. Кей и Баши, в нынешние дистрикты Тсомо, Нгамакве, Баттеруэрт.

На землях коса английские власти Капской колонии расселяли и готтентотов. Еще в 1829 г. на восточном берегу р. Грейт-Фиш они создали линию военных поселений готтентотов. Кстати сказать, с этой затеей англичане провалились: в войне 1834—1835 гг. вооруженные англичанами готтентоты выступили на стороне коса. В северо-восточный угол территории коса, называемый теперь Восточным Грикволендом, в 1861 г. были переселены из западных районов колонии грикса. Гриква представляли совершенно искусственное этническое образование. В 20-х годах XIX в. английские миссионеры собрали жалкие остатки некоторых разбитых и уничтоженных колонизаторами готтентотских пле-

[1] Сообщение английского резидента из Грахамстауна. Приложение к донесению губернатора Капской колонии Дурбана лорду Гленелг от 13 августа 1837 г. «Return: Kaffir tribes», London, 1851, p. 20.

мен, бушмено-готтентотских метисов и поселили их в трех деревнях (Гриквата ун и др.). В 1823 г. их насчитывалось около 3 тыс. чел.

К концу XIX в. процесс колонизации был завершен, установившиеся к этому времени границы Капской колонии совпадают с современными границами Капской провинции Южно-Африканского Союза. По соотношению количества земель, захваченных европейскими колонизаторами и оставшихся в распоряжении африканцев, Капская провинция делится отчетливо на две части: западнее р. Кей и восточнее р. Кей, так называемый Транскей, которая в свою очередь делится на собственно Транскей, Тембуленд, Пондоленд и Восточный Грикваленд. В западной части вся земля принадлежит теперь европейцам: отведенные для африканцев резерваты и локации составляют, по данным комиссии Бьюмонта, только 4% всего земельного фонда. В Транскей, наоборот, все виды европейского землевладения (коронные, частные и церковные земли) составляют только 18%. Транскей является «туземной территорией», подобно Зулуленду в Натале. Население европейского происхождения по переписи 1891 г. составляло в Транскей лишь 2% общей численности населения, тогда как на запад от р. Кей — более одной трети.

Африканское население, по данным той же переписи 1891 г., распределялось между Транскей и западной частью Капской колонии следующим образом (в тысячах) [1]:

	«Каффры» и бечуаны	Финго	Готтентоты	Смешанные	Всего
Западная часть . . .	336	85	50	245	716
Транскей (без Пондоленда)	324	144	1	5	474
Пондоленд[2]	204		—	1	205
Всего . .	1093		51	251	1395

Из 1395 тыс. чел. африканского населения 716 тыс. или немного больше половины осталось в западной части колонии, где оно расселилось или по принадлежащим европейцам фермам, или в небольших локациях, разбросанных между этими фермами.

Готтентоты почти все остались в западной части. Группа «смешанных» также почти вся осталась в западной части; она включает в себя главным образом мулатов (239 тыс.). Бечуанов в Капской колонии насчитывалось около 70 тыс., все они жили в западной части. «Каффры» составляли, следовательно, 1023 тыс. чел.; большая часть их сосредоточена в Транскей.

Основными племенными группами «каффров» Капской колонии (без Пондоленда) к началу 90-годов XIX в. были: коса — 249 тыс., тембу — 227 тыс., финго — 229 тыс., басуто — 39 тыс. и пондо — 7 тыс. чел.

Рассмотрим расселение этих племенных групп в Транскей по отдельным дистриктам, пользуясь списками Ван Вармело.

Рис. 9—13 показывают расселение тембу, пондо, коса, финго и этнический состав банту Транскей в целом.

Сохраняются более или менее четко выраженные территории племенных групп. 83% пондо живут в Пондоленде, где они составляют 86% всех банту. 89% коса живут в дистриктах собственно Транскей, составляя 96% в Кентани, 62% в Идутива и 53% в Уиллоувейл. 78%

[1] «The native races of South Africa». London, 1901, p. 9—10.

[2] Пондоленд был формально аннексирован в 1894 г., и потому перепись населения 1891 г. в нем не проводилась. Приведенные здесь данные по Пондоленду — оценка 1900 г.; «каффры», бечуаны и финго в этой оценке даны общей цифрой.

Таблица 1

Дистрикты	Коса	Пондо	Тембу	Финго	Басуто	Всего
	в тыс.[1]					
Восточный Гриквеленд						
Мататиеле	—	—	1	37	32	70
Маунт-Эйлиф	—	1	—	32	1	34
Маунт-Карри	—	—	—	13	—	13
Маунт-Флетчер	1	1	—	18	28	48
Маунт-Фрир	—	—	1	55	—	56
Кумбу	—	—	25	20	3	48
Тсоло	1	—	33	19	—	53
Умзимкулу	—	5	—	70	1	76
Итого	2	7	59	265	66	400
Тембуленд						
Эллиотдейл	7	2	36	1	—	46
Энкобо	—	1	80	15	—	96
Мкандули	—	6	50	4	—	60
Сент-Маркс	5	—	57	5	—	67
Умтата	—	—	71	—	—	71
Ксаланга	—	—	20	3	—	23
Итого	13	10	316	28	—	367
Транскей						
Баттеруэрт	—	—	—	32	—	32
Идутива	33	—	1	21	—	55
Кентани	56	—	—	6	—	62
Нкамакве	1	1	—	50	—	52
Тсомо	—	—	2	47	4	53
Уиллоувейл	38	—	—	35	—	73
Итого	129	1	3	192	4	329
Пондоленд						
Бизана	—	48	—	19	—	67
Флагстафф	—	45	—	2	—	47
Либоде	—	39	—	6	—	45
Лусикисики	—	85	—	—	—	85
Нкелени	—	53	11	13	—	77
Порт-Сент-Джонс	—	28	—	—	—	28
Табанкулу	—	52	—	2	1	56
Итого		352	11	42	3	408
Всего	144	369	390	528	73	1505

[1] В целях упрощения таблицы количества меньше тысячи обозначены как тысяча, поэтому сумма чисел не совпадает с общей численностью.

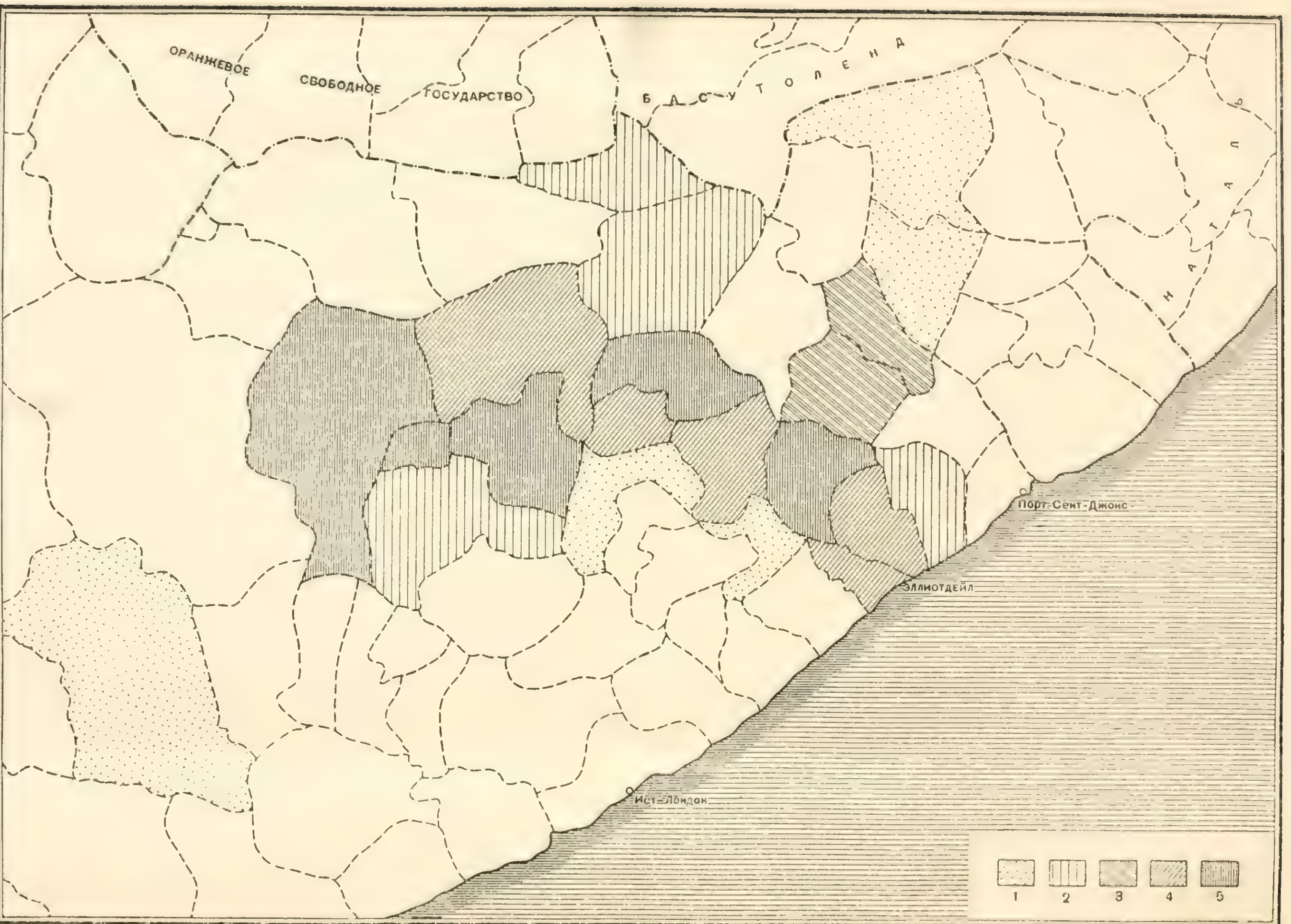

Рис. 9. Расселение племен группы тембу (по Ван Вармело). Процент от общей численности банту:
1 — 0 — 10%; 2 — 10 — 35%; 3 — 35 — 65%; 4 — 65— 90%; 5 — 90 — 100%

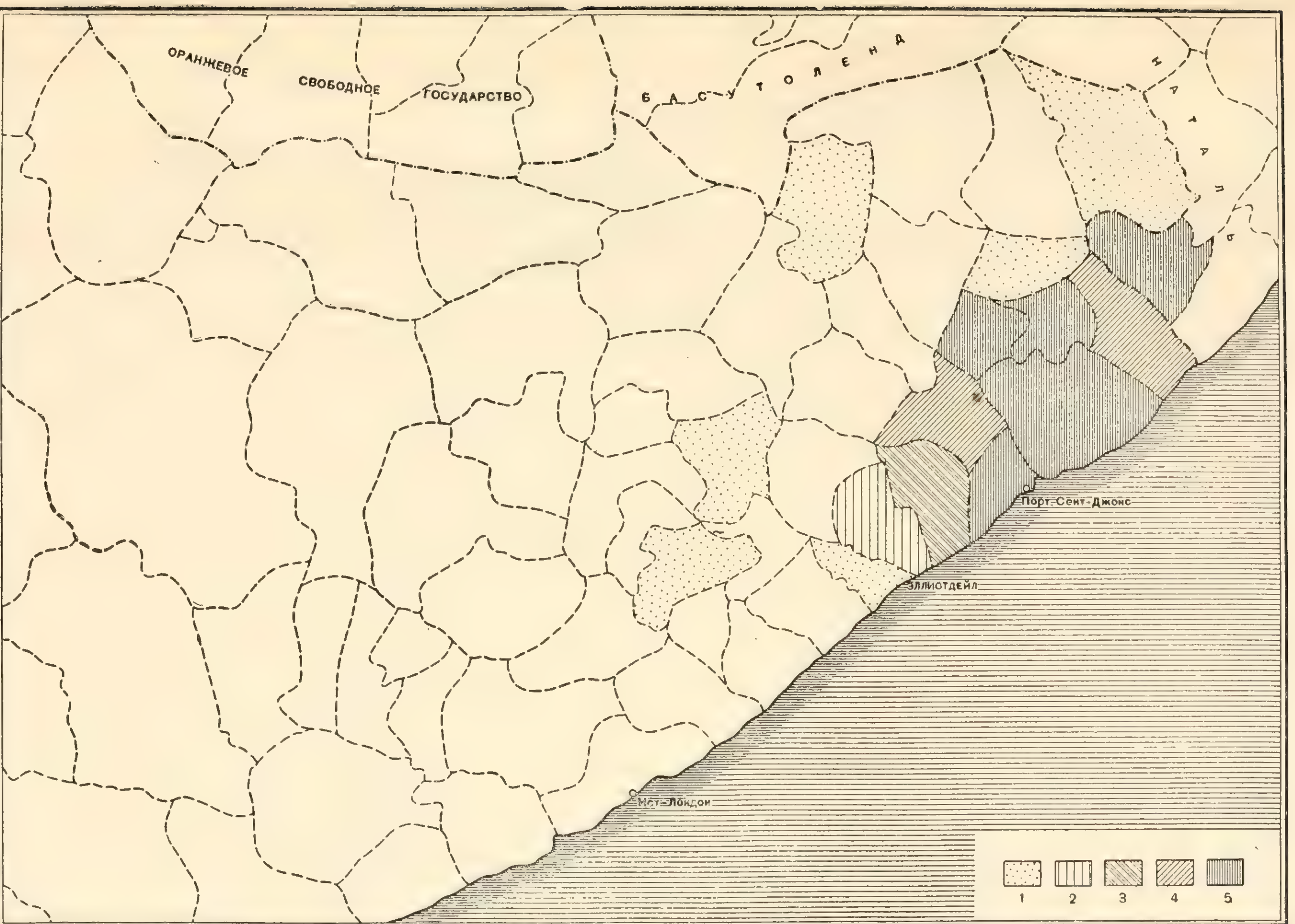

Рис. 10. Расселение племен группы пондо (по Ван Вармело). Процент от общей численности банту:
1 — 0 — 10%; 2 — 10 — 35%; 3 — 35 — 65%; 4 — 65 — 90%; 5 — 90 — 100%

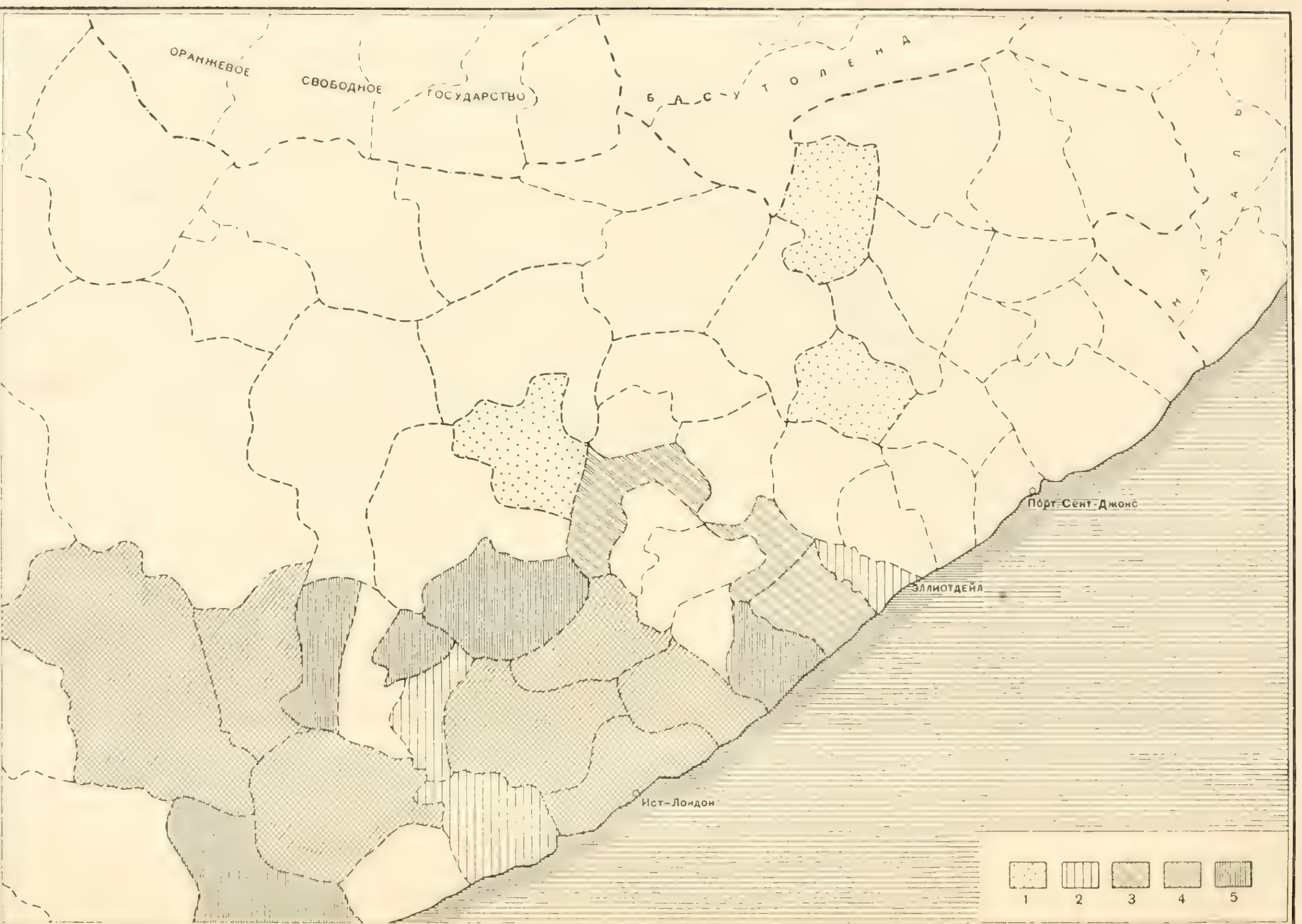

Рис. 11. Расселение племен группы коса (по Ван Вармело). Процент от общей численности банту:
1 – 0 – 10%; 2 – 10 – 35%; 3 – 35 – 65%; 4 – 65 – 90%; 5 – 90 – 100%

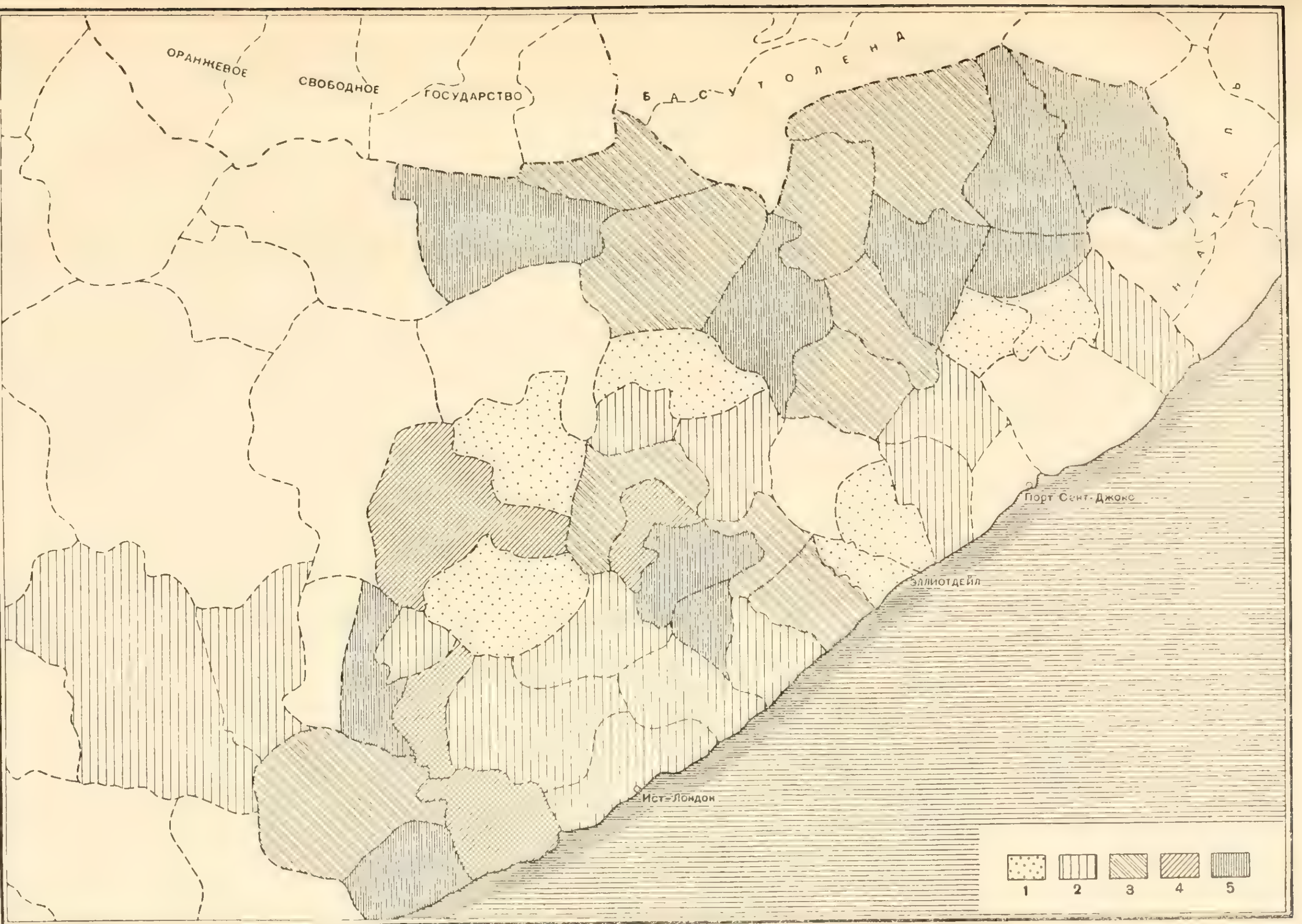

Рис. 12. Расселение финго (по Ван Вармело). Процент от общей численности банту;
1 — 0 — 10%; 2 — 10 — 35%; 3 — 35 — 65%; 4 — 65 — 90%; 5 — 90 — 100%;

тембу живут в Тембуленде, составляя там 63% населения. Финго живут главным образом в Транскей и Восточном Грикваленде. В двух дистриктах Восточного Гриквеленда, примыкающих к Басутоленду, большую часть составляют басуто.

Вместе с тем дистриктов, населенных какой-либо одноплеменной группой, почти нет; исключение составляют Маунт-Карри (финго), Умтата (тембу), Лусикисики и Порт-Сент-Джонс (пондо). Большая часть дистриктов населена 2—3 племенными группами. Списки Ван Вармело не позволяют судить о степени смешения этих групп в пределах дистриктов. Имеются, однако, многочисленные свидетельства того, что процесс взаимного проникновения, перемешивания зашел уже далеко. По данным Ван Вармело, в Мататиеле басуто, финго и тембу живут в разных локациях, а в Маунт-Флетчер басуто и финго живут смешанно в общих локациях. В этих случаях племенная организация создается совершенно искусственно, в административном порядке. Например, все африканское население дистрикта Эллиотдейл разделено на три группы во главе с вождями. Одному вождю из племени гкалека вместе с гкалека подчинены тембу и финго, а вождю из племени тембу подчинены вместе с тембу гкалека и пондо.

Что касается расселения в западной части, то здесь процесс смешения зашел значительно дальше. Правительство Южно-Африканского Союза, верное своей реакционной политике консервации племенной организации, пыталось создать локации с однородным населением по принципу: каждому племени своя локация, в каждой локации одно племя. Но так как часто было невозможно выполнить это условие, то наряду с локациями, населенными одним племенем, скорее частью племени, встречаются локации со смешанным племенным составом. По данным Ван Вармело, в локациях дистрикта Хершель живут смешанно басуто, финго, тембу и гриква; в локациях дистрикта Либоде живут смешанно пондо и финго и т. д.

Большое количество банту, прежде всего жители городов, уже к началу XX в. порвало со всякой племенной организацией, оказалось вне племенной структуры. По данным комиссии Бьюмонта, 128 тыс. банту Капской провинции жили в городах и горнопромышленных центрах. С племенной организацией порвали затем банту, живущие постоянно на европейских фермах,— 247 тыс., в миссионерских станциях — 24 тыс. и, наконец, 40 тыс. чел., живущих на земле, так или иначе приобретенной в частную собственность. Вместе взятые, они составляют более полумиллиона человек, или почти одну треть всех банту провинции. Они еще помнят о своей принадлежности к тому или иному племени, поддерживают связь со своими соплеменниками, но это уже, употребляя терминологию английских колонизаторов, «детрайбализованные туземцы».

Но и то, что считается еще племенем, является уже искусственно поддерживаемым пережитком. Разрушена сама экономическая основа племенного строя—общинное, племенное землевладение. Многие племена вообще лишены земли и живут на землях, принадлежащих европейцам. В ряде дистриктов общинное землевладение заменено индивидуальным по так называемой системе Глен Грей. Введенное в 1894 г. первоначально только в дистрикте Глен Грей, индивидуальное землевладение было затем распространено на дистрикты Баттеруэрт, Нкамакве, Тсомо, Умтата и др. В результате введения этой системы и в резерватах появились безземельные крестьяне, усилилась классовая дифференциация крестьянства. Если и раньше, до колонизации, имущественное неравенство было вполне ощутимым явлением, если и раньше были заметны

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ БАНТУ ТРАНСКЕЙ (ПО ВАН-ВАРМЕЛО)

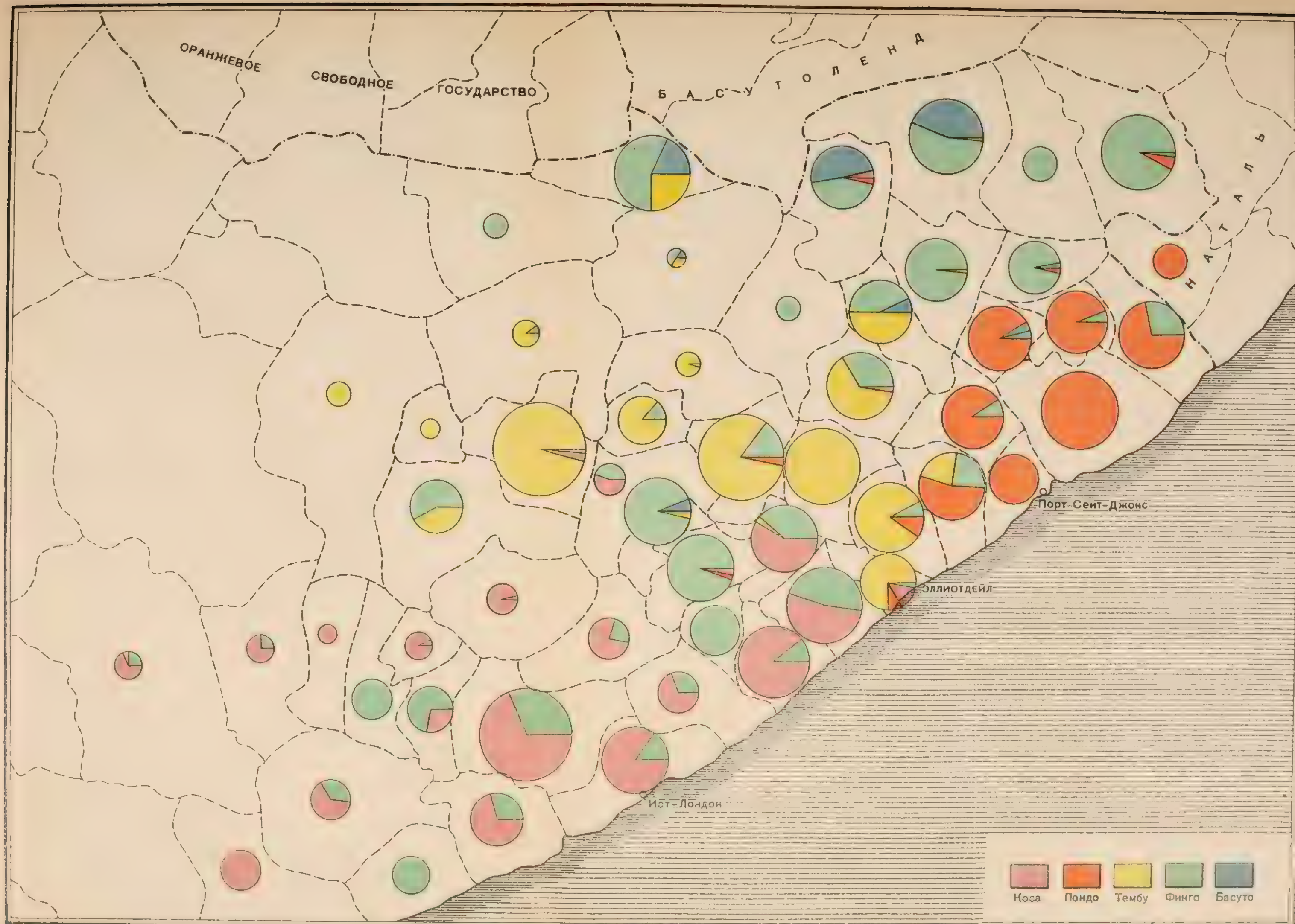

Рис. 13.

элементы эксплуатации, то сейчас кулак и батрак стали резко отличающимися фигурами.

Принципиально иное содержание приобрела жизнь племени. Из кровно-родственной общины, основанной на коллективном владении землей, взаимном обеспечении безопасности и едином мировоззрении, племенная община превратилась в ячейку колониальной администрации. Племя или лишено земли или распоряжение ею изъято из рук племенной общины. Взаимное обеспечение безопасности уступило место полицейскому контролю. Многие приняли христианство и больше не поклоняются духам предков племенной общины. Вместе с классовой дифференциацией развивается и классовая идеология.

Принципиально иной стала фигура вождя племени. Как и в Зululенде, он теперь назначается колониальными властями и независим от своей племенной общины: из исполнителя воли общины он стал исполнителем воли колониальных властей, направленной против интересов общины. При поддержке колониальных властей завершился начавшийся еще до колонизации процесс феодализации вождей племени.

Все это означает, что существующая племенная структура и племенная организация уже не представляют племенной строй. Старая племенная структура и племенная организация разрушены, а то, что продолжает именоваться племенем, представляет собой уродливое порождение колониального режима, им созданное и поддерживаемое в интересах колониального угнетения народа.

Разрушение племенной структуры, перемешивание племен привели к ликвидации племенной замкнутости, отчужденности. Вместе с этим отошли в прошлое и племенные языки, уступив место одному, общему языку. Таким общим языком всех племен этой части Южной Африки стал язык коса. Победа языка коса над всеми другими языками южных нгуни была обусловлена рядом обстоятельств. Немалую роль сыграла при этом и политика колониальных властей. Коса были первыми из южных нгу́ни, с которыми встретились колонизаторы. Среди коса раньше, чем среди других народов этой группы, начали свою работу европейские религиозные миссии. Задачи колониального управления требовали изучения прежде всего языка коса. Уже в 1846 г. была предпринята первая попытка создать словарь коса[1]. В 1850 г. вышел первый научный труд по языку коса[2]. Он стал языком письменным. Колониальные власти издавали на коса свои распоряжения. После захвата территории пондо и тембу колониальные власти ввели язык коса как официальный язык для общения с банту всей Капской колонии. Он стал языком школьного обучения африканцев по всей Капской провинции. Язык коса «от р. Фиш до р. Умзимкулу быстро становится единым средством общения всех племен этой территории[3]. На языке коса имеется художественная литература.

Исследовательница племени пондо Моника Хантер пишет о жителях локации Грахамстаун (Ист-Лондон), в которой живут совместно пондо, коса и тембу:

«Все говорят на одном языке с небольшими диалектальными различиями, у всех очень схожие обычаи. Кланы финго, прожившие долгое время в Пондоленде, называют себя пондо. Группы коса и финго, переселившиеся в течение последних 30 лет в Пондоленд, во втором поколении уже считают себя пондо»[4].

[1] J. Ayliff. A vocabulary of the kafir language. London, 1846.
[2] J. W. Appleyard. The kafir language, King Williams Town, 1850.
[3] J. H. Soga. Указ. соч., стр. VI.
[4] M. Hunter. Reaction to conguest... London, 1936, p. 438.

Культура, весь образ жизни коса, пондо и тембу и в прошлом имели множество общих черт. И общий тип хозяйства — животноводство в сочетании с земледелием; и общий характер материальной культуры — жилище, одежда, пища; и общий характер религиозных воззрений; и общий в своей основе язык,— все это делало их в сущности единым народом, разделенным племенными перегородками. Различия касались лишь некоторых деталей, частностей. Пали племенные перегородки, и стали быстро исчезать эти частные различия в материальной культуре, в быту, обычаях и нравах.

«Нет существенного отличия культуры пондо от культуры их соседей. Язык и обычаи стали настолько общими, что язык западных пондо отличается от языка восточных пондо больше, чем от языка своих западных соседей — тембу»[1].

Так сложилась вслед за зулусами и другая народность южноафриканских банту — коса, насчитывающая сейчас немногим менее двух с половиной миллионов человек. У нее единая, общая территория, общий литературный язык и единая культура. Коса, пондо и тембу еще называют свою племенную принадлежность, но лишь как показатель происхождения. Все они говорят на одном языке и осознают себя единой народностью. Если еще в последнем десятилетии XIX в. в официальных документах колониальных властей фигурировали коса, пондо, тембу и даже еще более дробные племенные названия — гайка, ндламбе и др., то сейчас все они учитываются как коса. Наличие искусственно поддерживаемой племенной организации не может служить отрицанием очевидного факта существования народности коса.

6. БАСУТО И БЕЧУАНЫ

К началу XIX в. басуто и бечуаны занимали обширную территорию, включающую современные протектораты Бечуаналенд и Басутоленд, всю провинцию Оранжевое Свободное Государство, почти всю провинцию Трансвааль и северную часть Капской провинции. В общей сложности территория их расселения составляла площадь порядка 1 млн. кв. км, т. е. равную площади Франции и Испании вместе взятых. Значительную часть этой территории занимает пустыня Калахари. На юге, юго-востоке и востоке этническая территория басуто и бечуанов была ограничена естественными рубежами — рекой Оранжевой и Драконовыми горами. За этими рубежами жили готтентоты, коса, зулусы и тсонга. Естественно, что эти границы были условными и весьма подвижными. Западная часть этнической территории басуто и бечуанов — пустыня Калахари — заселена бушменами и бечуанами так, что между ними невозможно провести разграничительную линию. Северными соседями бечуанов были племена группы машона. Установить численность басуто и бечуанов в начале XIX в. не представляется возможным. По переписи 1946 г. их насчитывается свыше 3 млн. Если взять естественный годовой прирост населения за 1% и исключить все привходящие обстоятельства (например, истребление части населения в период англо-бурской колонизации), то можно предположить, что сто лет назад численность басуто и бечуанов составляла около 1100 тыс. лет.

Все басуто и бечуаны делились на большое число племен и никакого общего самоназвания не имели. Они не называли себя ни басуто, ни бечуана; каждый человек знал лишь название своего племени. Дж. Кэмпбелл, посетивший впервые племя баролонгов в 1820 г., пишет, что они

[1] M. Hunter. Указ. соч., стр. 379.

называют себя не бечуанами, а баролонгами [1]. Термины басуто и бечуана, как этнические названия, появились не раньше конца XVIII или начала XIX в. Происхождение и первоначальный смысл этих терминов до сих пор служат предметом различных догадок. Стоу, например, расшифровывает термин бечуаны таким образом: люди, которые все равны или все одинаковы, или люди, происходящие от одного корня [2]. Браун, проживший среди бечуанов около 40 лет (1885—1924), считает, что название бечуаны происходит от bacwaana и означает «сепаратисты», т. е. люди, которые не могут жить вместе [3]. Этноним басуто Брайант производит от названия р. Усуту, протекающей через Свазиленд и впадающей в бухту Делагоа.

Брайант и Стоу следующим образом рисуют картину этнической истории басуто-бечуанов в последние три-четыре столетия до начала европейской колонизации. К началу XVI в. в верховьях р. Ваал обитала многочисленная группа племен ба-кони (на языке суто) или а-ба-нгуни (на языках зулу и коса) [4], давшая начало всем народностям банту, являющимся объектом настоящего исследования. В начале XVI в. одна часть племен переселилась в нынешнюю провинцию Наталь, образовав там впоследствии зулусскую народность, другая — в нынешнюю Капскую провинцию, образовав там народность коса. Несколько позднее в юго-восточном направлении стали расселяться из бассейна р. Олифантс племена бапеди. Они дошли до р. Усуту и встретились там с племенами группы амбо-текела, которые и назвали их ба-суту, т. е. люди с р. Усуту. Затем это название распространилось на все племена банту, населяющие обозначенную выше этническую территорию басуто-бечуанов. Согласно Брайанту, в первой четверти XIX в. южные басуто стали называть северных басуто бечуанами [5].

Можно полагать, что эта картина в своей основе соответствует действительности, поскольку суждения других исследователей вопроса расходятся лишь в деталях. Но это значит, что басуто и бечуаны — один народ, говоривший на родственных племенных языках. Эти языки были настолько близкими друг другу, что первые европейские миссионеры, изучив язык одного племени, могли свободно объясняться со всеми другими племенами. Моффат, например, знал язык племени батлапин, а Ливингстон — баквена, и они могли без переводчиков путешествовать среди всех других племен. Лингвисты разбили эти языки на две группы: западные, или собственно сечуана, и восточные, или сесуто. Различия между ними несущественные. Сесуто испытал на себе влияние зулусского языка и под его влиянием стал мягче: через зулусский язык в сесуто проникли щелкающие звуки, которых нет в языках собственно сечуана. Грамматический строй языков западной группы считается более примитивным. Надо полагать, что эти различия возникли не ранее XIX в. Группу восточных языков делят еще на северные и южные. Северные языки имеют свое особое название — сепеди, а говорящие на них племена называются бапеди или просто педи, иногда трансваальскими басуто.

Племенная структура и расселение племен в начале XIX в. подробно изучены только в западной части территории, т. е. в отношении бечуанов, где работали многие английские миссионеры. Племена восточ-

---

[1] J. Campbell. Указ. соч., vol. 1, стр. 299.
[2] G. W. Stow. Указ. соч., стр. 407—408.
[3] T. Brown. Among the bantu nomads. London, 1926, p. 25—26.
[4] Звук «к» в языке суто соответствует зулусскому «нг».
[5] A. T. Bryant. The Olden times in Natal and Zululand, p. 310.

ной части, особенно бапеди, стали объектом изучения уже после колонизации, и потому многое до сих пор остается неясным. Наиболее крупными, вошедшими в историю XIX в. племенами были барампулана, батлапин, баквена, баролонг, бамангвато и др. [1].

Судя по материалам первых английских путешественников и миссионеров, процесс смешения племен начался еще до XIX в., в начале XIX в. он стал уже весьма заметным: племена раскалывались, расселялись, смешивались, вожди одних племен вели борьбу за подчинение других племен, старые границы племенных территорий исчезали. Борьба против английских колонизаторов, земельные ограбления и связанные с этим переселения племен ускорили процесс разрушения старой племенной структуры, однако, в отличие от коса и зулу, не привели к образованию единой народности.

Басуто

В первой четверти XIX в. басуто-бечуанские племена оказались под сильным воздействием событий, развернувшихся на соседней территории Наталя в связи с походами Чаки и образованием зулусского государства. Как уже говорилось выше, многие зулусские племена или группы разбитых племен уходили за Драконовы горы и расселялись на землях басуто. Сюда же направлялся поток переселенцев с юга, из районов Транскей, вызванный вторжением зулусских племен (финго). В 1824 г. на территории басуто-бечуанских племен появились матабеле во главе с Моселекатсе. Это были уже не слабые, бежавшие в панике от сильного противника группы, а хорошо организованная и вооруженная часть армии Чаки с ее новым оружием и новой тактикой. Басуто-бечуанские племена не могли противостоять матабеле. «Пятьдесят матабеле были по своей силе равны более чем пятистам бечуанов»,— писал известный историк Южной Африки Дж. Тиль [2].

Рассказы проимпериалистических южноафриканских историков о жестокости и зверствах матабеле преувеличены. Им нужно это преувеличение для того, чтобы выдать англо-бурских захватчиков за освободителей басуто-бечуанских племен от «тирании» Моселекатсе. Но несомненно, что нашествие матабеле было бедствием для басуто-бечуанских племен. Миссионер Моффат, проехавший в 1829 г. от Курумана до резиденции Моселекатсе, наблюдал картину опустошения — разрушенные поселения, заброшенные поля кукурузы и т. п. [3].

Моселекатсе основал свой главный крааль на территории племени баквена, в нескольких километрах севернее нынешней столицы Южно-Африканского Союза — Претории. Отсюда он распространял свое влияние на большую территорию между рр. Лимпопо и Ваал. Его передовые отряды доходили до современных границ Басутоленда на юге и до Курумана на западе. Многие племена были разбиты, остатки их разошлись в разные стороны, на земли других племен, слились с ними или образовали новые племена (бакхатла, бапели и др.). В Басутоленд хлынул новый поток переселенцев с севера.

Таким образом, труднодоступные горы Басутоленда, населенные племенами баквена, батонг, батлоква, бафути и др., оказались убежищем

[1] Названия племен образуются путем прибавления префикса *ба* к основе слова, обозначающего действительного или мифического основателя племени, или животное, считающееся тотемом. Так, батлапин означает люди рыбы, баквена — люди крокодила, баролонг — люди Ронга и т. д.

[2] G. M. Theal. South Africa. London, 1917, p. 169.

[3] The Matabele journals of Robert Moffat, vol. I, p. 8—9.

для разбитых Чакой и Моселекатсе зулусских и басуто-бечуанских племен. К началу 30-х годов XIX в. территория Басутоленда была густо заселена весьма пестрой, разноплеменной массой людей, говорящих на родственных языках банту. Большое количество новых поселенцев утратило старые племенные связи, оказалось вне племенной организации. Эта новая ситуация требовала новых форм организации общественной жизни: старая, родо-племенная система управления общественной жизнью оказалась уже недостаточной и должна была уступить место новой системе; старое, родо-племенное деление общества должно было уступить место новому, территориальному делению.

К этому времени над Басутолендом нависла реальная угроза англо-бурского вторжения. Английские колонизаторы уже обходили горы Басутоленда с юга — они хозяйничали в Транскей, жестоко подавляя сопротивление разрозненных племен коса. Английские агенты орудовали и в Натале. Уже с 1824 г. бурские колонисты стали появляться на северной стороне р. Оранжевая. Обстановка настойчиво требовала объединения сил для борьбы против колониальной агрессии.

«В последние годы не прекращающееся давление белых, кажется, открыло глаза туземцам, — писал французский миссионер Казалис, поселившийся в Басутоленде в 1833 г.— Их внимание привлекает тот, кто стоит за общие интересы;... идея объединения племен для оказания сопротивления иноземцам с каждым днем все прочнее внедряется в их сознание». Он передает беседу с одним из вождей племен, который, доказывая необходимость единства, «указал мне на окна комнаты, где мы сидели, и добавил: разбейте одно окно, холод проникнет в дом, несмотря на то, что другое окно останется целым»[1].

Все эти обстоятельства выдвинули на историческую арену молодого и энергичного вождя племени баквена — Мошеша. Мошеш родился в 90-х годах XVIII в. в Монкхоаненг, около Бута-Буте (на северной границе современного Басутоленда) [2]. Опираясь на аристократическую верхушку своего племени, он добился признания себя верховным вождем Басутоленда. Он разделил Басутоленд на три области, поставив во главе каждой области своих близких родственников в качестве наместников. Этим было положено начало образованию государства Басутоленд, на территории которого сложилось ядро народного басуто.

В состав этого ядра вошло более двух десятков племен и групп разбитых Моселекатсе племен (баквена — основное ядро, затем бафокенг, бакхатла, бафути, басия и др. [3]) и, кроме того, значительное число зулусов, бежавших от Чаки в горы Басутоленда.

Моселекатсе попытался овладеть горами Басутоленда, но безуспешно, и в дальнейшем между ним и Мошешом установились дружественные отношения.

Последующий процесс объединения племен был прерван англо-бурской колонизацией. В 1836 г. начался бурский трек. К началу 1837 г. в междуречье Оранжевой и Ваал насчитывалось уже около тысячи бурских фургонов. 6 июня 1837 г. во вновь основанном городе Винбург состоялся съезд бурских переселенцев, на котором была принята временная конституция новой бурской колонии. И с этого времени в течение тридцати лет

---

[1] J. E. Casalis. Указ. соч., стр. 267.

[2] О его отце Мокачоне см. в книге французского миссионера J. E. Casalis. Указ. соч.

[3] Полный список басуто-бечуанских племен, вошедших в состав басуто, приведен в книге G. Lagden. The Basutos: the mountaineers and their country. London 1909, 2 vols. Автор был английским резидентом в Басутоленде и составил этот список со слов сына Мошеша.

Мошеш был вынужден вести непрерывную, напряженную вооруженную и дипломатическую борьбу за независимость Басутоленда как против бурских, так и против английских колонизаторов. История этой тридцатилетней борьбы наполнена английскими интригами, провокациями и шантажом. Изучение этой истории не входит в задачу данного исследования. Мошеш проявил себя в этой борьбе как дальновидный государственный деятель, искусный дипломат и организатор. Но соотношение сил было явно не в пользу слабого и молодого государства. В 1868 г. Англия установила свой протекторат над Басутолендом. В 1870 г. умер Мошеш.

В распоряжении молодой народности басуто остался небольшой горный район, площадью в 30 тыс. кв. км. Население этого района по переписи 1891 г. составляло 218 тыс. чел.[1]. Установившиеся в результате борьбы с колонизаторами границы Басутоленда не являются этническими границами. По данным той же переписи, в соседних с Басутолендом районах Капской колонии насчитывалось около 40 тыс. басуто[2]. В Оранжевом Свободном Государстве по переписи 1904 г. проживало 130 тыс. басуто[3] и, наконец, значительное количество басуто оказалось в пределах Трансваальской республики.

Для выяснения племенного состава современного населения Басутоленда воспользуемся списками Ван Вармело (в тыс.)[4].

Таблица 2

Дистрикты / Племена	Масеру	Мохалес-Хук	Кутинг	Мафетенг	Лерибе	Качас-Нек	Береа	Общая численность
Смешанные	61	9	25	11	—	66	—	174
Баквена	29	—	12	4	100	—	—	146
Бафокенг	—	—	1	19	—	—	54	75
Бафути	—	50	4	—	—	—	—	55
Матабеле	—	3	—	—	39	—	12	54
Батонг	—	12	1	25	—	—	—	38
Батлоква	—	—	1	—	—	18	—	19
Макхоакхоа	—	—	1	1	19	—	—	19
Басиа	—	—	1	15	—	—	—	16
Бакубунг	—	6	—	—	—	—	—	6
Бахлаквана	—	—	1	3	—	—	—	3
Амавундла	—	—	3	—	—	—	—	3
Бакхатла	—	—	1	—	—	—	—	1

При анализе данных Ван Вармело обращает на себя внимание прежде всего группа «смешанные». Они составляют более чем одну четвертую часть всего населения. Судя по содержанию работы Ван Вармело, он со всей тщательностью пытался установить все племенные подразделения. Наличие в его списках племен группы «смешанные» говорит о том, что здесь действительно произошло смешение, причем такое, что выделить территории племенных подразделений уже невозможно. Наиболее значительна эта группа в дистрикте Масеру (рис. 14). Он включает в себя столицу Басутоленда — г. Масеру, но население этого города в год публикации списков Ван Вармело составляло всего лишь 3330 человек, и, следовательно, наличие смешанного населения нельзя

[1] «The natives of South Affrica: their economic and social conditions», p. 17.

[2] Там же, стр. 9.

[3] Blue Book on native affairs, 1910». Cape Town, 1911, p. 52.

[4] Для упрощения таблицы числа менее тысячи обозначены как тысяча; десятые доли откинуты, и поэтому сумма чисел не совпадает с общей численностью.

РАССЕЛЕНИЕ ПЛЕМЕН В БАСУТОЛЕНДЕ (ПО ВАН-ВАРМЕЛО)

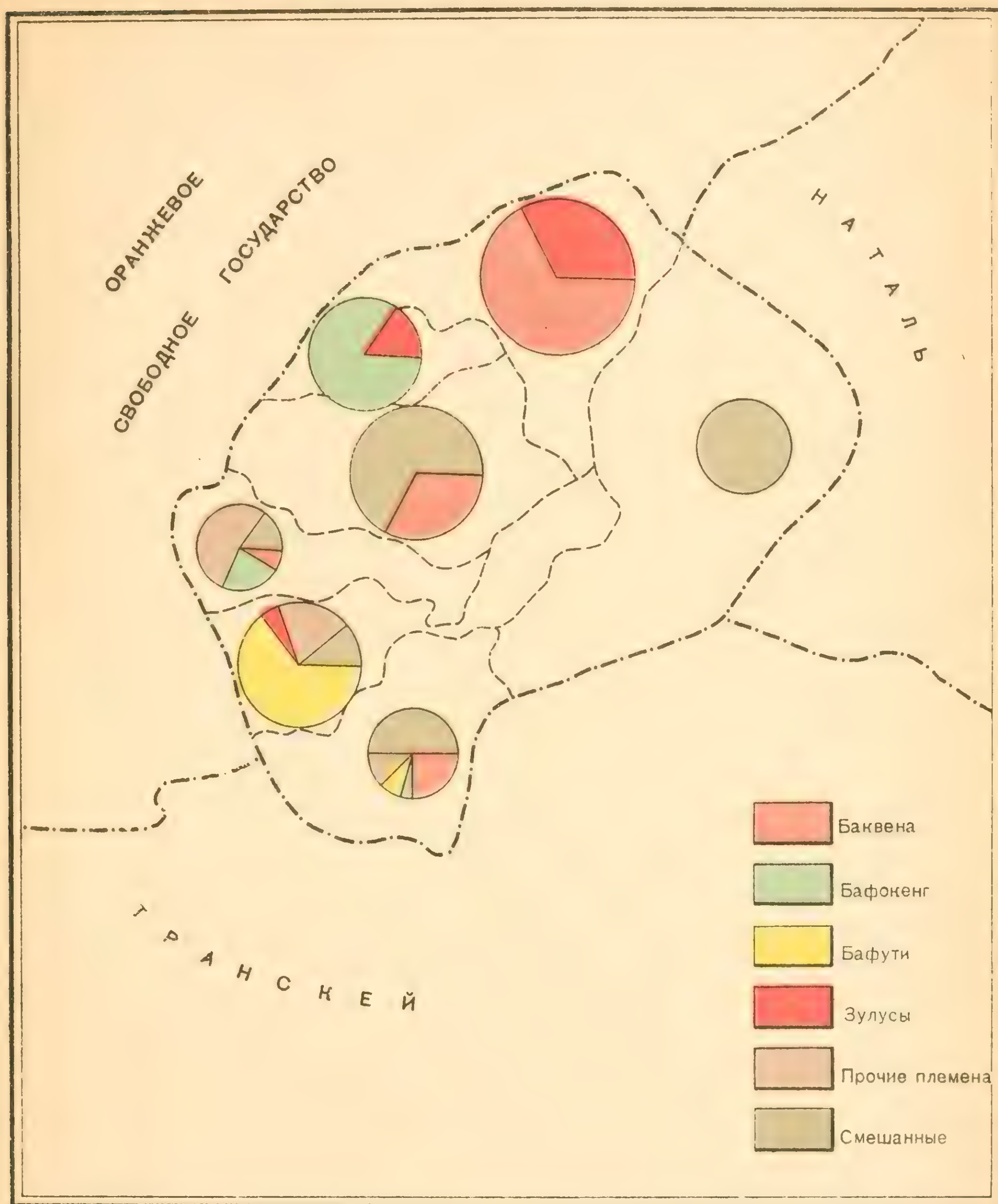

Рис. 14.

объяснить концентрацией разноплеменного населения в городе. Другой дистрикт, где эта группа населения наиболее значительна, — Качас-Нек — находится на противоположном конце страны, на границе с зулусской этнической территорией. Это районы интенсивного смешения народностей басуто с зулусами. Дистрикт Кутинг, где эта группа также значительна, находится на юге, на границе этнической территории коса и, очевидно, представляет собой результат смешения басуто и коса. Такое предположение подтверждается наличием в этом дистрикте племенных подразделений с префиксом *ма* или *ама,* явно принадлежащих к группе нгуни. Группа «смешанные» включает в себя, следовательно, не только бывшие племена басуто, но коса и зулу.

Самым крупным из племен является племя баквена, оно составляет почти одну четвертую часть населения Басутоленда. Баквена населяют смежные дистрикты Лерибе, Масеру и Мафетенг и лишь небольшая их часть — около 12 тыс. чел. — живет отдельно от основной массы на юге страны в дистрикте Кутинг. В дистрикте Лерибе вместе с баквена живет племя макхоакхоа и матабеле. Неясно происхождение этих матабеле: или это потомки матабеле, пришедших с Моселекатсе, оставшиеся здесь после переселения Моселекатсе в Южную Родезию, или они представляют особую группу зулусов. Другая значительная группа матабеле живет в соседнем с Лерибе дистрикте Береа, и, наконец, около 3 тыс. чел. совершенно изолировано от них в Мохалес-Хук, где матабеле во главе с Моселекатсе никогда не появлялись. Очевидно, эти матабеле — просто зулусы. Басуто называют всех зулусов, переселившихся в Басутоленд,— матабеле; басуто, живущие в дистрикте Нкуту, провинция Наталь, называют своих соседей — зулусов — также матабеле. В каждом из дистриктов живут два и более племени. Особенно пестрый племенной состав населения наблюдается в дистриктах Мафетенг и Кутинг.

В Басутоленде сохраняются еще племена и племенные территории, но все это, даже в большей степени, чем у зулу и коса, лишь пережитки старого, доклассового общества. Уже к концу XIX в. Басутоленд представлял собою феодальное княжество с характерными для феодального общества отношениями. Наследники Мошеша стали распорядителями, фактически владельцами всей земли и крупными скотовладельцами. Земля и скот — основное богатство страны — оказались сосредоточенными в руках немногочисленной аристократической верхушки. Крестьяне были обязаны обрабатывать ее поля и пасти ее скот, отдавать ей часть продуктов своего хозяйства.

По своему политическому устройству Басутоленд — наследственная феодальная монархия, в которой все важнейшие государственные посты— верховный вождь, вожди дистриктов и другие — находятся в руках одной династической семьи, а народные массы отстранены от государственных дел[1]. Учрежденный в 1903 г. Национальный совет Басутоленда (питсо) состоял из верховного вождя, 94 членов, назначаемых верховным вождем, и пяти членов, назначаемых английским комиссаром. Этот последний и является фактически правителем страны, использующим для прикрытия английского империалистического господства ее феодальную знать.

Перед нами совершенно ясная картина смешения племен, слияния их в новой, более высокой форме этнической общности — народности. Необходимо еще раз подчеркнуть, что в этой народности слились не только племена басуто, но и часть зулусских племен, а также племен

[1] См. «South Africa. South African native affairs commission 1903—1905», t. 4, p. 384.

коса. Эта народность имеет свою территорию, свое твердо установившееся самоназвание и свой язык. Язык басуто является единственным средством общения всех басуто, населяющих Басутоленд. На нем ведется обучение в начальных школах, на нем издаются распоряжения колониальных властей, на нем ведется судопроизводство. Сесуто — литературный язык. Басуто выдвинули из своей среды уже значительную группу писателей, поэтов, журналистов. Первые художественные произведения на языке басуто относятся к первому десятилетию XX в. (Азариель Секесе и Томас Мофоло).

В других условиях этнического развития оказались южные басуто за пределами Басутоленда. Относительно басуто в Транскей уже говорилось. О расселении басуто в Оранжевом Свободном Государстве Ван Вармело не дает никаких сведений, исключая резерваты Таба Нчу и Витзисхук. В первом из них живут 18 тыс. бечуанов (баролонг) и около 8 тыс. басуто, во втором — около десятка тысяч басуто из различных племен. Других резерватов в Оранжевом Свободном Государстве нет. Основная часть басуто расселена мелкими группами по европейским фермам.

Свидетельские показания перед комиссией Бьюмонта дают представление об этническом смешении на фермах Оранжевого Свободного Государства. Вместе живут, работают и борются против произвола хозяев басуто, бечуаны, финго, зулусы, мулаты — «все расы, какие вы только можете назвать»,—заявил один из опрашиваемых комиссией в дистрикте Винбург[1]. Ван Вармело, объясняя отсутствие в его списках сведений по Оранжевому Свободному Государству, пишет, что басуто уже «детрайбализованы» и уже не могут своими воспоминаниями помочь в изучении племенной структуры[2].

Бечуаны

В отличие от зулусов, коса или басуто бечуаны не оказали англо-бурским колонизаторам почти никакого сопротивления. Захват территории бечуанов был подготовлен деятельностью миссионеров (Дж. Кэмпбелл, Р. Моффат и др.). В течение нескольких десятилетий они отравляли сознание бечуанов лживой христианской проповедью смирения, обхаживали и приручали аристократическую верхушку, а в период колонизации натравливали одни племена на другие. Бечуаны оказались оружием в руках английских и бурских колонизаторов, боровшихся за раздел территории севернее р. Оранжевой. Так, например, один из вождей баролонгов, Монтсиба, помогал англичанам против буров, другой вождь баролонгов, Мачаби, был на стороне англичан. Раскол буржуазных историков Южной Африки на два лагеря — пробурский и проанглийский — помогает взаимными разоблачениями распутать этот сложный клубок грязных интриг и шантажа, но уводит в сторону от прямых задач исследования.

В результате колонизации этническая территория бечуанов, так же, как и этническая территория басуто, оказалась разорванной на несколько частей. Южная часть, между рр. Оранжевой и Молопо, населенная племенами батлапин и баролонг, была присоединена под названием Британского Бечуаналенда к Капской колонии (дистрикты — Мафекинг, Куруман, Тонг, Баркли-Уэст, Хей, Фрейбург, Кимберли). Часть баролонгов оказалась в пределах Оранжевого Свободного Государства. Восточная часть, населенная племенами баквена, батлоква и другими, вошла в со-

---

[1] «Report of the native land commission», vol. 2, p. 9.
[2] N. J. Van Warmelo. Указ. соч., стр. 98.

став Трансваальской бурской республики (дистрикты Претория, Рюстенбург, Марико, Лихтенбург и др.). Остальная часть была превращена в английский протекторат; по своим размерам эта территория представляет собою наибольшую часть этнической территории бечуанов, но это в основном пустыня. Вследствие раздела этнической территории различными оказались и условия дальнейшего развития.

В Британском Бечуаналенде старая племенная структура бечуанов была разрушена. Было уничтожено прежде всего единство племенной территории. Подобно тому, как это делалось в Натале, земли бечуанов были разделены между колонистами, а сами бечуаны расселены небольшими группами в резерватах, разбросанных между фермами колонистов. Согласно спискам Ван Вармело, только в резервате Тонг, населенном батлапинами, насчитывается около 20 тыс. чел. населения; остальные резерваты имеют население от 100 до 2—3 тыс. человек каждый. Например, в дистрикте Куруман 20 резерватов, из них три имеют населения менее чем по триста человек и только четыре — более чем по тысяче человек.

В каждом резервате были поселены, как правило, люди одного племени; резерватов со смешанным составом населения мало. Племена остались на своих, чрезвычайно урезанных племенных территориях, т. е. перемешивания племен, как в Натале, например, здесь не было и потому каждое племя продолжало занимать единый район. Но каждое племя оказалось разбитым на несколько групп (батлапин—около 20, баролонги — около 30, батларо—около 20), разделенных европейскими фермами. При таком расселении невозможно было сохранить старую племенную организацию. В каждом резервате имеется старшина, назначаемый колониальными властями и от них целиком зависимый. Единой племенной организации во главе с наследственным вождем больше не существует.

Общая площадь этих принадлежащих бечуанам островков, затерявшихся в громадном массиве захваченных колонизаторами земель, по данным доклада комиссии Бьюмонта, составляет не более 6% общего земельного фонда. На них согнали около трех четвертей всех бечуанов. Остальные совершенно лишены земли и живут группами по нескольку семей на фермах европейцев.

На этих фермах работает и бо́льшая часть взрослого мужского населения резерватов, так как при существующей в них земельной тесноте вести самостоятельное крестьянское хозяйство, обеспечивающее средства к жизни, невозможно. На фермах происходит интенсивный процесс этнического сближения бечуанов со всеми другими группами африканского населения Южной Африки. Вместе с бечуанами на фермах живут и работают мулаты, басуто, коса и др. Согласно свидетельским показаниям перед комиссией Бьюмонта, на фермах дистрикта Баркли-Уэст живут баролонги, батлапины, готтентоты и гриква; на фермах дистрикта Мафекинг — баролонги, басуто, финго, коса; аналогичная картина наблюдается и в других дистриктах [1].

В Западном Трансваале процесс разрушения племенной сртуктуры и перемешивания племен в результате колонизации зашел еще дальше. Первый значительный удар по племенной структуре бечуанов западного Трансвааля был нанесен вторжением матабеле, появление бурских колонизаторов явилось вторым и решающим ударом. Если после нашествия матабеле восстановление племенных порядков было еще возмож-

[1] «Report of the natives land commission», vol. 2, p. 82, 90, 99—100.

но, то установление колониального режима означало начало конца этих порядков.

Как и в Британском Бечуаналенде, земли коренного населения были экспроприированы. В одних дистриктах, как Претория, например, у бечуанов отобрали всю землю, а их расселили по бурским фермам. В других дистриктах одну часть бечуанов загнали в резерваты, общая площадь которых составляет лишь около 5% их прежней территории, других расселили по фермам. В Марико, например, согласно докладу комиссии Бьюмонта, в резерватах сосредоточено 50% всего африканского населения дистрикта, в Ватерберге—30%, в Почефстроме—только 6% и т. д. В целом процент населения, совсем лишенного земли и расселившегося по бурским фермам, здесь выше, чем в Британском Бечуаналенде, и потому здесь относительно большая масса людей порвала территориальные и экономические связи со своими племенами. В следующей таблице дается племенной состав африканского населения некоторых дистриктов[1] западного Трансвааля (в процентах ко всему населению дистрикта).

Таблица 3

Дистрикты	Смешанное население	Основные племена				Прочие племена
		бахурутсе	бэквена	бакхатла	баролонг	
Марико	30	50	—	1	—	19
Рюстенбург	20	1	40	19	—	20
Претория	30	—	10	40	—	20
Ватерберг	55	—	1	11	—	33
Вентерсдорп	81	7	—	—	—	12
Лихтенбург	80	—	—	—	11	9

Нет ни одного дистрикта, где бы какое-то одно племя составляло большинство населения. Только в Марико бахурутсе составляют половину населения, но кроме Марико они живут в Рюстенбурге и в ряде районов протектората Бечуаналенд. Во всех дистриктах значителен процент смешанного населения, в дистриктах Вентерсдорп и Лихтенбург оно составляет основную массу населения. Большинство населения этой группы живет на фермах европейцев, где можно встретить людей из всех этнических групп Южной Африки. Резерваты, как правило, населены людьми одного племени, но ни одно племя в целом не имеет общей племенной территории.

Иную картину наблюдаем мы в протекторате Бечуаналенд. Если в Британском Бечуаналенде африканское население составляло по переписи 1911 г. 75% общей численности населения, в западной части Трансвааля — 60%, то в протекторате 99,6% всего населения составляли африканцы. По переписи 1911 г. в Бечуаналенде насчитывалось только 1692 человека европейского происхождения; численность европейского населения и сейчас едва переваливает за две тысячи. Кроме того, африканское население Бечуаналенда однородно по своему племенному составу. Если в Британском Бечуаналенде и в западных районах Трансвааля происходит, особенно на фермах европейцев, смешение бечуанских племен с племенами других групп южноафриканских банту, то в протек-

[1] По остальным дистриктам нет сведений в списках Ван Вармело, но, судя по другим данным, в этих дистриктах преобладает смешанное, разноплеменное население.

торате такого смешения нет — за исключением небольшого числа бушменов и готтентотов население протектората состоит из бечуанских племен. Мужское население протектората систематически ходит на заработки в Южно-Африканский Союз, живет там среди европейцев, разноплеменного населения банту и подвергается их влиянию. Основная масса населения протектората не испытывает непосредственного влияния других этнических групп. В отличие от Басутоленда здесь формирование народности происходило, следовательно, на более однородной основе.

Другой особенностью этнического развития бечуанов протектората является сохранение племенной структуры в том виде, как она сложилась к середине XIX в. Крупнейшие племена — батавана, бамангвато и др.— сохранили единство своих территорий. Земли, принадлежащие европейским компаниям и частным лицам, составляют лишь 10% всей территории протектората и расположены на его восточной окраине, на границе с Трансваалем. Почти две трети территории протектората — в основном наиболее пустынная западная часть, служившая в прошлом охотничьей территорией бушменов, — объявлены собственностью английской короны и до последнего времени не были использованы.

Бечуаны, как уже говорилось выше, не оказали сопротивления захватчикам. Племенная верхушка бечуанских племен, превратившаяся к середине XIX в. в эксплуататоров и соответствующим образом обработанная миссионерами, пошла на сговор с английскими империалистами. Английское правительство сохранило за вождями племен их права и привилегии, поставив над ними своих резидентов. В 1899 г. племенные территории были превращены в резерваты, получившие названия соответствующих племен. Крупнейшим из них является резерват Нгвато: в нем сосредоточено более одной трети всего населения Бечуаналенда. За ним по численности населения идут Тавана, Квена, Нгвакетсе и Кгатла.

Английские этнографы продолжают называть население этих резерватов племенами. По форме оно и на самом деле выглядит как племя: в резервате имеются вождь и совет племени, сохраняется множество старых установлений, характерных для племенного строя. Однако племенные учреждения представляют лишь внешнюю оболочку, наполненную принципиально новым содержанием. Фактически резерваты являются миниатюрными феодальными княжествами.

Прежде всего население каждого из резерватов совсем не принадлежит к одному племени. В резервате Нгвато 110 тыс. чел. населения, но Ван Вармело насчитал только четыре тысячи налогоплательщиков или около 18 тыс. чел, собственно бамангвато; остальные 92 тыс.— иноплеменники (бакаа, бафаленг, бахурутсе, бабирва и др.). Бамангвато называют всех их одним термином — бафалади. Собственно бамангвато занимают привилегированное положение, к ним принадлежит вся правящая верхушка. Подобная картина и в других резерватах. Большой знаток бечуанов проф. Кейптаунского университета Шапера пишет о современных племенах Бечуаналенда следующее: «Племя состоит из многих родов, отличающихся по языку и культуре. Так, например, члены племени бамангвато [1] говорят, по крайней мере, на пяти различных языках банту и на нескольких бушменских диалектах» [2].

Правящая верхушка этих «племен» превратилась в феодальную знать. Вождь племени — это прежде всего крупный скотовладелец, ему принадлежат лучшие пастбища, он распоряжается землей и получает в той или

[1] Шапера считает правильно бангвато, а не бамангвато.
[2] «Times» (лондонский), 3 Aug. 1951.

иной форме ренту[1]. Он полностью зависит от английских колониальных властей, состоит у них на службе, колониальный режим ограничивает его возможности эксплуатации соплеменников, но от этого он не перестает быть феодалом.

Если в Басутоленде образовалось одно феодальное княжество, то в Бечуаналенде образовалось несколько миниатюрных княжеств. Получилась своеобразная феодальная раздробленность. Своеобразие это состоит в том, что все княжества входят в состав одной колонии, подчиняются единой власти, единой политике и что эта единая власть является чуждой, империалистической властью; в протекторате действует единое колониальное законодательство (если можно произвол колониальных властей называть законодательством) во всех областях экономической и общественной жизни.

Но наличие этой раздробленности отражается на развитии языка сечуана и на многих других сторонах общественной и культурной жизни. Первые литературные произведения бечуанов, относящиеся к началу XX в., написаны еще на племенных языках. Основанная Плаатье газета выходила на языке серолонг (и английском)[2]. Вышедшая в 1913 г. «История бечуанов» Вуки[3] написана на языке батлапинов. Сейчас племенные языки отошли в прошлое, превратившись в территориальные диалекты единого языка сечуана. За пределами резерватов говорят на этом общем языке, но в резерватах говорят на своих диалектах — серолонг, секхатла и др. Сечуана — язык литературный, но единой литературной формы еще не установилось[4]. Художественная литература на языках южноафриканских банту вообще очень молода и незначительна. На сечуана, если не считать сделанных Плаатье переводов Шекспира, ее почти нет. Но и то немногое, что написано на сечуана, недоступно вследствие неграмотности подавляющего большинства населения. Все это предопределяет более длительное и более заметное существование диалектных различий в языке бечуанов протектората.

Педи

Педи (бапеди) — одно из многих племен, языки которых относятся к северной группе суто. В середине XIX в., т. е. к началу колонизации северной части Трансвааля бурскими треккерами, оно населяло горы Лулу и прилегающие к ним районы нынешнего дистрикта Лейденбург. В течение длительного времени племя педи занимало господствующее положение по отношению к окружающим племенам батау, баконп, баквена, барока и др. История африканского населения Трансвааля изучена плохо, и нет пока возможности определить границы влияния педи, а также невозможно сказать, на чем оно основывалось. Ясно лишь, что это влияние было достаточно сильным и что к середине XIX в. вокруг педи, как основного ядра, сложилось какое-то крупное этническое образование. Ван Вармело включает все эти племена в одну группу центральных суто: по его данным, педи составляют около одной пятой общей численности этой группы.

[1] Подробные сведения о формах феодальной эксплуатации соплеменников вождем племени бакхатла приведены в статье J. Schapera. Economic conditions in a Bechuanaland native reserve, опубликованной в «South African journal of science», Oct. 1933.

[2] Дата основания газеты неизвестна. Плаатье говорил о ее существовании в 1903 г.

[3] A. J. Wookey. Dinwao leha e le dipolelo kaga dico tsa Secwana. Tigerkloof, 1913.

[4] G. P. Lestrade. European influences upon the development on bantu language and literature. В кн.: «Western civilization and the natives of South Africa», под ред. J. Schapera. London, 1934, p. 109.

Северными соседями педи в течение длительного времени были племена бавенда. Территория расселения бавенда включена сейчас в пограничный с Южной Родезией дистрикт Зутпансберг; по переписи 1946 г. насчитывается около 130 тыс. бавенда, и все они за небольшим исключением живут в этом дистрикте. Бавенда родственны населению восточной части Южной Родезии — машона и, вероятно, вместе с машона входили в состав государства Мономотапа, разрушенного португальскими колонизаторами в XVI в. Язык бавенда фонетически и по грамматическому строю близок к языку машона и резко отличается от языка суто [1]. Однако по своей культуре, по образу жизни они очень близки к некоторым племенам северных суто (балобеду, балемба и др.). Шапера считает, что «венда образуют, очевидно, связующее звено между двумя группами» — басуто и машона [2].

Западные соседи бапеди — ндебеле. Это племена, родственные зулусам, переселившиеся на территорию нынешнего Трансвааля три-четыре столетия тому назад [3]; сейчас их насчитывается около 155 тыс. чел. Они делятся на две территориально разобщенные группы — южную и северную, причем, как утверждает Ван Вармело, они говорят на разных диалектах и некоторые ндебеле одной группы не подозревают о существовании второй группы [4]. Восточные соседи бапеди — зулусы и свази.

В 30-х годах XIX в. в Восточный Трансвааль переселилось из Мозамбика большое количество тсонга; в Южно-Африканском Союзе их называют шангаан. Публикуемая здесь карта (рис. 15), составленная Е. Кридж [5], а также рис. 16 показывают этнические территории и характер расселения перечисленных выше этнических компонентов населения восточной части Трансвааля.

Судьба тсонга в Трансваале в известной мере аналогична судьбе финго в Транскей. Так же как и финго, они широко расселились среди местного населения и подчинились его правителям. Существенное различие между ними состоит в том, что финго расселились среди населения, говорившего на весьма близком им языке, который они быстро и восприняли, тсонга же оказались в иноязычной среде. По своему основному словарному фонду и по фонетике язык тсонга близок языкам суто и венда, однако не в такой мере, как зулу и коса. Процесс языковой ассимиляции проходит здесь с большими трудностями и потому медленнее.

Педи и близкие к ним племена северных суто, бавенда, ндебеле и тсонга — таковы основные этнические группы населения Восточного Трансвааля в середине XIX в. Здесь мы встречаемся, следовательно, с довольно сложной обстановкой, резко отличающейся от того, что мы наблюдали в Натале и в восточной части Капской колонии. Вместе с тем и колонизация проходила здесь несколько иначе: она не оказала такого большого влияния на процессы этнического развития, как в Натале и в Капской колонии. В Капской колонии борьба за территории, населенные коса, продолжалась много десятков лет и сопровождалась неоднократным массовым перемещением племен и разрушением племенной структуры. В Натале племенная структура была разрушена еще до на-

[1] G. P. Lestrade. Some notes on the ethnic history of the Bavenda and their Rhodesian affinities. «South African journal of science», vol. XXIV, p. 487. Цит. по H. A. Stayt. The bavenda. London, 1931.

[2] «Bantu studies», 1934, № 3, p. 241.

[3] Ндебеле не следует путать с матабеле Южной Родезии, которых иногда называют также ндебеле. Они переселились сюда раньше, чем матабеле Моселекатсе, и никак с ними не связаны.

[4] N. J. Van Warmelo. Указ. соч., стр. 87—88.

[5] E. J. Krige. The sotho of Northern Transvaal. «Bantu studies», 1937, № 4.

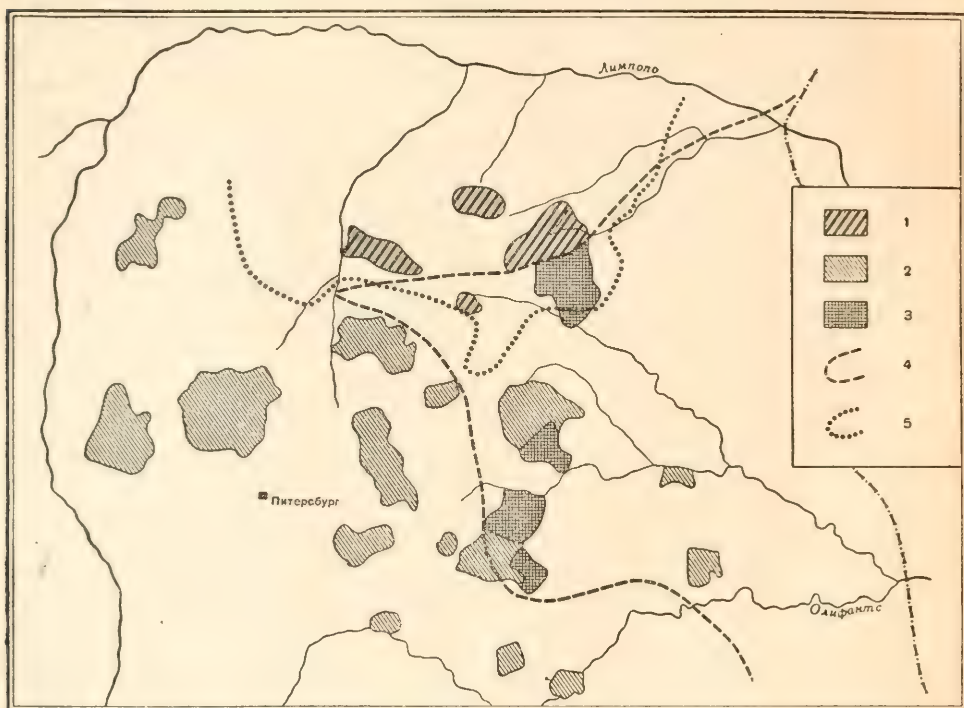

Рис. 15. Расселение венда, тонга и басуто в Трансваале (по Криндж):
1—локации венда; 2—локации басуто; 3—локации тонга (шангаан); 4—граница расселения тонга (шангаан); 5—южная граница расселения венда

чала колонизации, созданное во времена Чаки-Дингаана зулусское государство оказало упорное и организованное сопротивление колонизаторам. В Восточном Трансваале не было ни того, ни другого — ни организованного сопротивления, ни массового перемещения населения.

Колонизация Трансвааля началась вместе с началом бурского трека. Путь на север бурским колонистам преграждали матабеле во главе с Моселекатсе. В январе 1837 г. начались столкновения буров с матабеле, продолжавшиеся в течение всего года. Буры натравили на матабеле баролонгов и гриква, и с их помощью заставили Моселекатсе уйти на новые места, открыть бурам дорогу на север. В 1839 г. один из вожаков бурских треккеров Гендрик Потгитер основал севернее р. Ваал — в Трансваале — город Потчефстром. В 1845 г. буры из Потчефстрома во главе с тем же Потгитером продвинулись далеко на восток и обосновались в нынешнем дистрикте Лейденбург на землях бапеди. Еще через четыре года, в 1849 г., Потгитер с группой бурских поселенцев появился в Зутпансберге, на землях бавенда. Обманывая вождей племен, используя межплеменную вражду, немногочисленные вооруженные отряды буров, не встречая сопротивления, захватывали один район за другим и устанавливали в них свои порядки. Только спустя 30 лет, когда гнет колонизаторов стал остро ощущаться, педи во главе с вождем Сикукуни попытались изгнать захватчиков (1876—1877 гг.).

Бурам Трансвааля пришлось вести тяжелую борьбу, но не с местным африканским населением, а с английским империализмом.

В результате англо-бурской колонизации коренное африканское население лишилось почти всей земли. Резерваты составляют ничтожный

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ БАНТУ ТРАНСВААЛЯ (ПО ВАН-ВЕРМЕЛО)

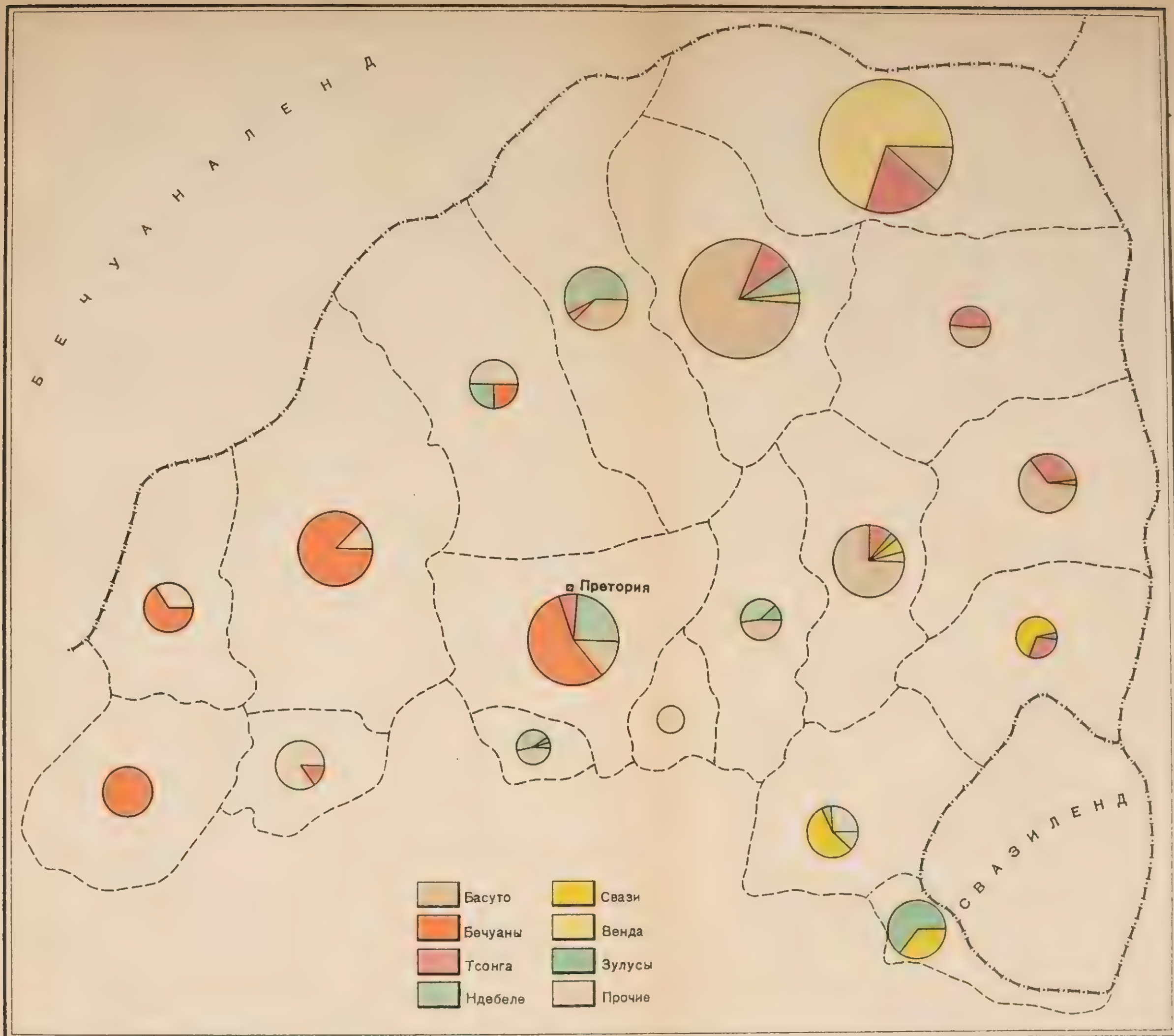

Рис. 16.

процент территории. Огромные земельные массивы были захвачены колонистами, которые затем часть земли сдали в коллективную аренду ее бывшим владельцам, африканским племенам; часть земель, объявленных собственностью английской короны, была также сдана в аренду африканцам. Часть земли африканцы выкупили у захватчиков. По данным комиссии Бьюмонта, общее количество всех земель, занятых африканцами (резерваты, собственные земли африканцев, земли религиозных миссий, компаний и коронные земли, сданные в аренду африканцам), составляло в Питерсбурге 32% всей площади дистрикта, в Лейденбурге — 25%, в Зутпансберге — 12% и т. д. Тот же доклад дает следующие сведения о расселении африканцев по различным категориям земель (в тысячах):

Таблица 4

Дистрикты	Всего африканского населения	В резерватах	На собственных землях	На землях миссий	На коронных землях	На землях компаний	Итого	На фермах европейцев	В городах
Барбертон	35	—	—	—	16	5	21	13	1
Бетал	8	—	—	—	—	—	—	7,2	0,8
Каролина	12	—	—	—	—	—	—	11	1
Эрмело	25	—	—	—	—	—	—	24	1
Лейденбург	107	24	—	—	13	31	68	37	2
Миддельбург	52	9	4	2	—	18	33	15	4
Питерсбург	239	79	4	7	15	63	173	61	5
Пит-Ретиф	27	—	—	—	—	8	8	18,5	0,5
Зутпансберг	197	84	1	8	24	63	180	17	—

Около одной трети всего африканского населения живет на фермах европейцев и в городах, оторвавшись от своего племени и образовав смешанное разноплеменное население. Две трети живет на землях, оставшихся в распоряжении племен или арендованных ими.

Для выяснения картины этнического развития африканского населения Восточного Трансвааля следует дать ответы на два основных вопроса: как далеко зашел процесс консолидации северных басуто в народность; как развиваются этнические связи басуто с венда, тсонга и ндебеле. Имеющийся в печати материал, к сожалению, крайне недостаточен, чтобы дать исчерпывающие ответы.

Басуто — самая многочисленная этническая группа Восточного Трансвааля, она составляет не меньше половины всего населения и в основной своей части расселена в четырех смежных дистриктах — Лейденбург, Питерсбург, Миддельбург и Пилгримрест. Племенной состав северных басуто очень сложен и мало изучен; происхождение многих племен неизвестно. В списках Ван Вармело значится около 30 племен и более 200 подразделений племен. Наиболее крупные племена — бакони, барампулана, баловеду, бапеди (педи).

Ван Вармело составил карты расселения племен. Они очень сложны и с большим трудом читаются. Ниже публикуется одна из этих карт — небольшая часть дистрикта Лейденбург,— на которой племенные названия покрыты различной штриховкой (рис. 17). В таком виде карта дает довольно четкое представление о племенной чересполосице. Племена не имеют сплошной территории расселения, они разбиты на группы и расселены в разных местах, вперемежку с другими. Во главе каждой группы

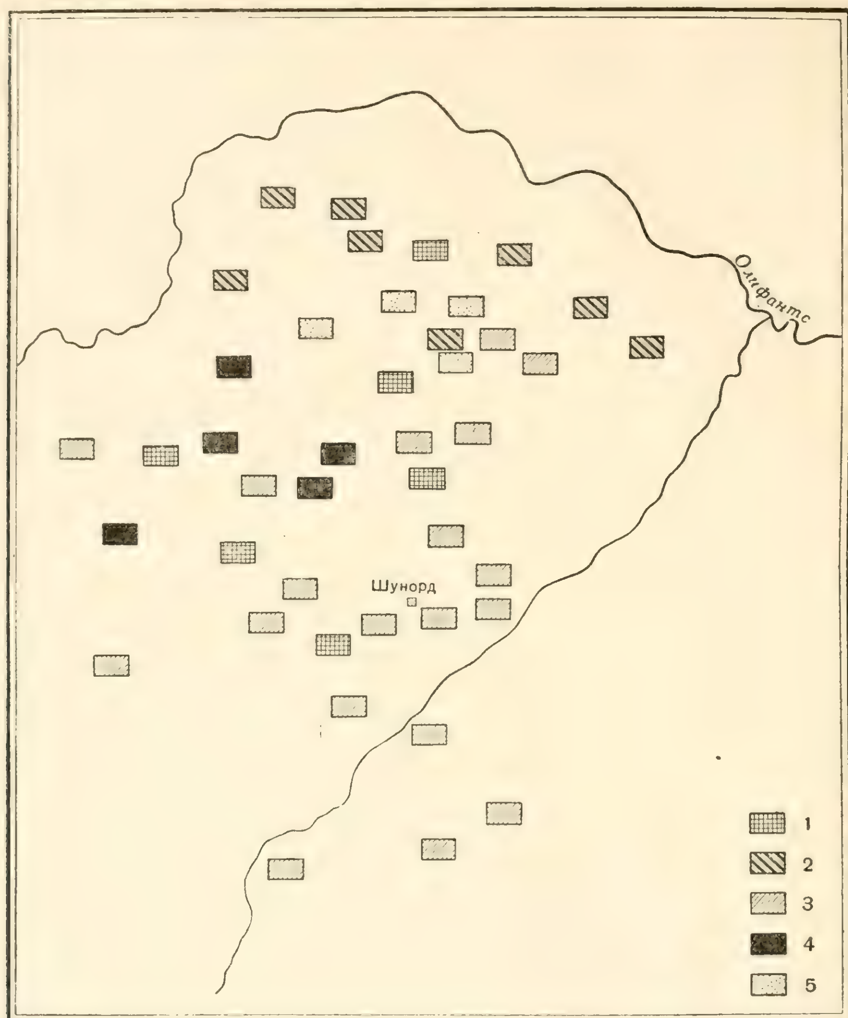

Рис. 17. Расселение племен в районе Шунорд (по Ван Вармело):
1—педи; 2—рока; 3—бакони; 4—тау; 5—квена

колониальными властями поставлен так называемый вождь, по существу старшина; единой племенной организации нет и в этих условиях расселения не может быть. Барока, например, по данным Ван Вармело, не имеют уже никаких остатков племенной организации и входят в различные подразделения других племен. Все это является свидетельством того очевидного факта, что старая племенная структура и старая племенная организация разрушены, что произошло уже значительное перемешивание племен.

Раньше уже указывалось, что племена восточной части Трансвааля в прошлом продолжительное время находились под влиянием педи. Педи оказались наиболее сильным, организованным и развитым племенем. Правительство Южно-Африканского Союза превратило язык сепеди в основу письменного языка суто для всего Восточного Трансвааля. Изу-

чение сепеди началось еще в прошлом столетии [1]. Сейчас сепеди — язык школьного обучения и местного делопроизводства для всех трансваальских басуто. Как широко распространяется этот язык в домашнем быту других племен — сказать трудно, но он является теперь единственным средством общения между всеми племенами трансваальских басуто, а также между басуто и колониальными чиновниками. Мы, несомненно, имеем дело с формированием в Восточном Трансваале народности на базе языка сепеди. Перепись населения 1946 г. уже не учитывала отдельные племена северных басуто, все они включались в одну группу, учитывались по одной графе — педи.

Еще труднее ответить на второй вопрос: как развиваются этнические связи между этой народностью и другими этническими группами. Бавенда живут компактной массой в дистрикте Зутпансберг, имеют свой племенной язык. В районе южной этнической границы происходит смешение с басуто и тсонга. В ряде мест басуто и тсонга живут вместе с бавенда, подчиняясь вождям бавенда. Ван Вармело отмечает, что в языке племени тлоква (басуто), например, заметно сильное влияние венда. С другой стороны, отмечается еще большее влияние басуто на бавенда: некоторые подразделения бавенда уже забывают свой язык и переходят на язык сесуто.

Ндебеле живут компактной массой в дистрикте Потгитерсраст, где они составляют абсолютное большинство населения. Но бо̀льшая их часть расселена в ряде других дистриктов, где они испытывают сильное влияние басуто. Хотя невозможно сказать, насколько язык басуто проник уже в быт, происходит, несомненно, процесс ассимиляции ндебеле.

Тсонга ни в одном из дистриктов не составляют даже относительного большинства. Они расселены очень широко среди басуто и бавенда, входят частично в их племенные подразделения, воспринимая их языки и культуру.

Общая этническая картина в восточной части Трансвааля представляется, следовательно, в таком виде: складывается или уже сложилась народность северных басуто — педи; наряду с ней существуют другие этнические группы — бавенда, ндебеле, тсонга; происходит сближение языков и культуры всех этнических компонентов, при преобладающем влиянии педи.

Общие итоги этнического развития басуто-бечуанов за последние полтораста лет можно сформулировать так:

1. На базе единого басуто-бечуанского этнического массива образовалось три народности: басуто, бечуаны, педи. Главными обстоятельствами, обусловившими разделение единого этнического массива на три народности, были обстоятельства внешнего порядка: империалистическое завоевание; установление политических границ, разорвавших этот массив на три части; создание между ними этнических полос с весьма разнообразным по этнической принадлежности населением — горнопромышленный район Витватерсранда, отделивший южный басуто от северных басуто, и Оранжевое Свободное Государство, отделившее южных басуто от бечуанов.

2. Современное состояние этих народностей показывает разные ступени консолидации народности. На низшей ступени находится народность педи. Процесс консолидации педи задерживается, исключая империалистический гнет, как явление, общее для всех народностей, сложностью племенного состава северных басуто — с одной стороны, и наличием иноязычного населения, расселившегося между ними, — с другой стороны. Вслед

[1] K. Endemann. Versuch einer Grammatic des sotho. Berlin, 1876.

за педи идут бечуаны. Народность бечуанов сложилась на однородной племенной основе, но феодальная раздробленность Бечуаналенда при всей ее специфичности обусловила длительное сохранение территориальных диалектов. Наиболее высокой степени консолидации достигли южные басуто. Народность басуто сложилась из племен, языки которых относятся к разным, хотя и близким, родственным, языковым группам, но наличие централизованного феодального государства облегчило создание единого языка и единой культуры.

3. Смешанные этнические полосы, образовавшиеся в процессе колонизации, служат мостами, соединяющими эти народности. Здесь собираются большие массы басуто, бечуанов и бапеди, здесь они встречаются с зулусами, коса и др., здесь они взаимно обогащают свои языки, обмениваются культурными ценностями. Это облегчит последующее слияние басуто, бечуанов и педи в одну этническую общность — нацию.

7. ВЫВОДЫ

Анализ обширного материала, относящегося к формированию народностей, приводит к следующим выводам.

1. В начале XIX в. южноафриканские банту стояли на грани перехода от доклассового общества к классовому и от племенного строя к народности. На территории Наталя еще до европейской колонизации началось формирование зулусской народности.

2. Длительная и ожесточенная борьба против колонизации чрезвычайно ускорила процесс формирования и консолидации народностей. В этой борьбе старой племенной структуре и племенной организации был нанесен непоправимый удар.

В процессе борьбы происходили массовые перемещения племен, дробление их на части и перемешивание этих частей. В результате колонизации одни племена совсем лишились земли, другие утратили единство племенной территории и оказались расселенными по группам в разных местах. Значительная часть людей, вынужденная поселиться на фермах европейцев и в городах, совсем утратила связи со своими племенами. Аристократическая верхушка племен перешла на службу к империалистам и превратилась в феодалов или полуфеодалов. Колониальные власти, а затем правительство Южно-Африканского Союза, проводя в целях укрепления своего господства реакционную политику консервации всего старого и отжившего, смогли восстановить лишь некоторое подобие старой формы, уже не соответствующей новому содержанию.

3. Колонизация нарушила естественный ход формирования народностей и привела к дроблению единых этнических массивов на несколько народностей. Английские власти Капской колонии воспрепятствовали включению территорий пондо, тембу и коса в Зулусское государство, что могло бы привести к слиянию этих групп племен вместе с родственными им по языку и культуре зулусами в единую народность. Образование бурских республик Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство, а также последующая англо-бурская борьба за раздел территорий привели к расчленению этнической территории басуто-бечуанов на несколько частей и формированию трех родственных народностей.

4. Установленный в результате победы англо-бурских захватчиков колониальный режим создал весьма трудные и противоречивые условия дальнейшего этнического развития южноафриканских банту.

ЧАСТЬ II

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОАФРИКАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ

ГЛАВА 4

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ — ДОМИНИОН БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

К концу XIX в. Англия владела в Южной Африке колониями Капская и Наталь, протектораторами Басутоленд и Бечуаналенд. Юго-Западную Африку захватила Германия. Северная часть юго-восточного побережья принадлежала Португалии. Южная Родезия была превращена во владение основанной Сесилем Родсом Британской южно-африканской компании. Окруженные колониями Англии, Германии и Португалии в центральной части Южной Африки существовали две бурских республики — Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство. Свализенд принадлежал Трансваалю.

Английский империализм не хотел мириться с существованием независимых от него бурских республик. С первых дней основания (Трансвааль — 1852 г., Оранжевое Свободное Государство — 1854 г.) им пришлось вести напряженную борьбу против английских империалистических притязаний. В этой борьбе они искали поддержки у Германии, что создавало для Англии опасность укрепления позиций германского империализма. Открытие на территории бурских республик богатых месторождений алмазов и золота усилило хищнические устремления английского империализма. Используя в качестве предлога отказ Трансвааля предоставить англичанам, поселившимся на территории бурских республик, широкие политические права, Англия в октябре 1899 г. начала военные действия. В конце мая 1902 г. представители бурских республик подписали в Претории мирный договор с Англией, по которому буры отказались от своей независимости и признали себя подданными английской короны. Захватническую, грабительскую войну Англии против бурских республик В. И. Ленин считал одной из первых империалистических войн [1]. В результате этой войны Англия приобрела еще две колонии. Теперь в состав английских владений в Южной Африке входили колонии — Капская, Наталь, Трансвааль, Оранжевое Свободное Государство, Южная Родезия и протектораты — Басутоленд, Бечуаналенд, Свазиленд. общей площадью около 2,5 кв. км, в 10 раз превышающей площадь Соединенного королевства. Английские империалисты стали полновластными хозяевами почти всей Южной Африки.

По договору 1902 г. бывшие бурские республики сохранили за собой право на автономию в решении своих внутренних дел. В первое время самоуправление новых колоний было организовано по образцу других английских колоний: председателем законодательного и исполнительного советов был английский губернатор, члены советов не выбирались, а на-

[1] См. В. И. Ленин. Империализм и раскол социализма. Соч., т. 23, стр. 95.

значались губернатором. Но уже в 1906 г. в Трансваале, а в 1907 г. и в Оранжевом Свободном Государстве был введен такой же политический режим, какой существовал в Капской колонии и в колонии Наталь: парламент и ответственное перед ним правительство. В результате выборов к власти пришли старые бурские лидеры — Луис Бота, де Вет и др.

Автономия колоний, хотя все они и подчинялись представителю английской короны — верховному комиссару Южной Африки,— создавала препятствия на пути экономического развития. Интересы английских капиталистов, вкладывающих свои капиталы в горную промышленность, требовали унификации законодательства в части отчуждения земель, торговли, налогов и пр., выработки единой политики по отношению к коренному африканскому населению. Английские империалисты искали пути ликвидации бурского национализма и сепаратизма. Поэтому уже в начале 1907 г. лорд Селборн, верховный комиссар Южной Африки, выступил с предложением об объединении колоний. В мае 1908 г. была созвана в Претории межколониальная конференция, поддержавшая предложение Селборна. В сентябре 1909 г. английский парламент принял закон об образовании Южно-Африканского Союза — Акт о Южной Африке 1909 г., являющийся основным законом страны и в настоящее время. Официальной датой образования Союза считается 31 мая 1910 г.

Объединенные в Южно-Африканский Союз колонии — Капская, Наталь, Трансвааль, Оранжевое Свободное Государство — насчитывали в 1910 г. 5877 тыс. чел. населения. В том числе: европейцев — 1255 тыс., банту — 3953 тыс., переселенцев из Азии — 151 тыс., мулатов и других неевропейцев — 517 тыс.

За пределами Союза остались Южная Родезия и три протектората. Закон 1909 г. предусматривал возможность передачи Южной Родезии, владения Британской южноафриканской компании, Южно-Африканскому Союзу, но всякий раз, когда поднимался этот вопрос, правительство Англии выступало против. Правительство Южно-Африканского Союза попыталось захватить Южную Родезию в 1923 г., когда решался вопрос о ее дальнейшей судьбе в связи с истечением полномочий компании, полученных ею от английского короля в 1888 г. Эти попытки продолжались до самого последнего времени, что явилось одной из причин включения Южной Родезии в состав Федерации Родезии и Ньясаленда.

Закон 1909 г. предусматривал также возможность включения в состав Южно-Африканского Союза протекторатов — Басутоленд, Бечуаналенд и Свазиленд.

Образованием Южно-Африканского Союза и предоставлением бывшим бурским республикам тех же прав, что и бывшим английским колониям, Англии удалось привлечь на свою сторону значительную часть бурских помещиков и бурской буржуазии, но бурский национализм не умер, борьба буров против английского господства не прекратилась. Выдвинутый еще в 80-х годах прошлого столетия лозунг «Африка для африкандеров» звучал попрежнему злободневно. Не угасло еще чувство национальной обиды за попранное английским империализмом право распоряжаться своей судьбой, самостоятельно господствовать над коренным африканским населением и обогащаться за его счет. Но дело было не только и не столько в этой обиде. Ущемление национальных интересов дополнялось ущемлением экономических интересов.

Главным занятием буров было сельское хозяйство, основанное на феодальной, крепостнической, по существу, эксплуатации банту. Бурские фермы были тогда, как правило, крупными поместьями, в которых широко практиковалась сдача земли в аренду крестьянам-банту на условиях

отработочной и издольной ренты; не менее широко была распространена и денежная рента.

Английские компании вкладывали свои капиталы в промышленность, главным образом в горную — алмазо- и золотодобывающую. По окончании англо-бурской войны горная промышленность стала развиваться особенно быстро. Экспорт золота с 4 млн. ф. ст. в 1892 г. увеличился до 32 млн. в 1909 г. Горная промышленность требовала рабочей силы тех же самых банту, на эксплуатации которых держалось крупное фермерское хозяйство буров. По данным Горной палаты Витватерсранда, количество рабочих-банту, занятых только в золотодобывающей промышленности Трансвааля, увеличилось с 77 тыс. в 1904 г. до 195 тыс. в 1910 г. [1]. Горная промышленность испытывала недостаток в дешевой рабочей силе. Уже в 1903 г. Трансваальская комиссия по вопросам рабочей силы отмечала в своем докладе, что горной промышленности не хватает 130 тыс. рабочих [2].

Попытка разрешить проблему рабочей силы путем ввоза китайских рабочих успеха не имела. Горные компании предлагали сократить количество банту на бурских фермах путем запрещения денежной и издольной аренды земли. Так началась борьба бурских помещиков и английских капиталистов за преимущественное право эксплуатации народов банту. Эта борьба красной нитью проходит через всю историю Южно-Африканского Союза. Она продолжается и теперь, сохраняя свою национальную окраску, несмотря на то, что выросшая бурская буржуазия занимает определенные позиции в промышленности, а среди землевладельцев и фермеров немалый процент составляют англичане.

В мае 1910 г. было сформировано первое правительство Южно-Африканского Союза. Во главе правительства был поставлен бурский генерал Луис Бота, выражавший интересы той части бурской эксплуататорской верхушки, которая искала примирения с английским империализмом, вступала с ним в сделку на основе совместной эксплуатации банту. Однако портфель министра юстиции получил бурский националист генерал Джемс Герцог. Острая борьба внутри правительства привела в 1912 г. к его отставке и формированию нового правительства Бота, но уже без Герцога.

В годы первой мировой империалистической войны бурские националисты выступили открыто против Англии. Генерал Маритц, командовавший войсками Южно-Африканского Союза в Юго-Западной Африке, перешел на сторону Германии. В Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве бурские новобранцы во главе с де Ветом подняли восстание под лозунгом «За независимость от Англии!».

После первой мировой войны, в обстановке дальнейшего обострения всех противоречий империализма, правящие круги Англии были вынуждены пойти на широкие уступки своим переселенческим колониям. В 1921г. был окончательно оформлен статут доминиона Южно-Африканского Союза. За ним было признано право самостоятельного вступления в Лигу Наций, право самостоятельного заключения международных договоров. Решениями имперской конференции 1926 г. Англия и доминионы формально были объявлены «автономными образованиями внутри Британской империи, равными по статуту, ни в каком отношении не подчиненными

---

[1] «Report of the Witwatersrand chumber of mines for 1911». В кн.: W. B. Worsfold. The Union of South Africa. With chapters on Rhodesia and the native territories of the high commission. London, 1912, p. 323.

[2] «Report of the Transvaal Labour commission 19th November 1903». В кн.: W. B. Worsfold. The reconstruction of the new colonies under lord Milner. London, 1913, vol. I, p. 272.

друг другу в каком бы то ни было смысле в их внутренних и иностранных делах, хотя и объединенными общим подданством короне».

Наконец, в 1931 г. английский парламент принял так называемый Вестминстерский статут, определяющий формально и сейчас взаимоотношения между Великобританией и ее доминионами.

Согласно Вестминстерскому статуту Южно-Африканский Союз пользуется формально полной политической самостоятельностью. Он имеет свой парламент и свое правительство, ответственное перед парламентом. «Ни один акт парламента Соединенного королевства, принятый по введению в действие настоящего акта, — говорится в Вестминстерском статуте,— не будет распространяться или считаться распространяющимся на доминион в качестве составной части законодательства данного доминиона, поскольку в этом же акте не будет определенно объявлено, что данный доминион просил и согласился его ввести» [1].

В настоящее время Южно-Африканский Союз является членом Организации Объединенных Наций, он самостоятельно устанавливает и разрывает дипломатические отношения с другими государствами, проводит свою внешнюю политику.

Так Южно-Африканский Союз превратился в формально независимое государство.

Формальная политическая самостоятельность не мешает, однако, английскому финансовому капиталу занимать господствующее положение в экономике, а следовательно, и в политике Союза. Исследуя характерные признаки капитализма в его монополистической стадии, В. И. Ленин писал: «Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью» [2]. Независимый формально, Южно-Африканский Союз остается фактически зависимой от английских монополий страной.

Южно-Африканский Союз с его богатейшими алмазными и золотыми месторождениями привлекает огромное количество иностранного капитала. Перед второй мировой войной общая сумма капиталовложений в экономику Южно-Африканского Союза оценивалась более чем в 500 млн. ф. ст., что составляло более 40% всех иностранных капиталов во всей Африке [3]. За пять первых послевоенных лет (1946—1950) частные капиталовложения из-за границы составили около 400 млн. ф. ст. [4].

О соотношении местного, т. е. южноафриканского, и иностранного капиталов можно судить по распределению дивидендов. По подсчетам профессора Витватерсрандского университета Х. Френкеля, из общей массы дивидендов, выплаченных в 1932 г. золотодобывающими компаниями, 75% было выплачено за границу [5]. За 1947 г. официальный ежегодник Южно-Африканского Союза показывает следующее распределение прибылей: выплачено в Южно-Африканском Союзе — 9749 тыс. ф. ст., выплачено вне Южно-Африканского Союза — 8122 тыс. ф. ст. [6], или около 45%. Часть дивидендов, выплаченная в Южно-Африканском Союзе, принадлежит также иностранному капиталу, так как многие иностранные держатели акций имеют текущие счета в банках Южно-Африканского

[1] Конституции буржуазных стран, т. IV. М., 1936 г., стр. 41.

[2] В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22, стр. 246.

[3] H. Frenkel. Capital investment in Africa. London, 1938, p. 151.

[4] «Foreign commerce weekly», 17 Sept. 1951.

[5] H. Frenkel. Указ. соч., стр. 89.

[6] «Official yearbook of the Union of South Africa», № 24, p. 929.

Союза и так как часть акций принадлежит иностранным банкам, оперирующим в Южно-Африканском Союзе. Надо считать, что все еще бо́льшая часть прибыли уходит за границу.

Иностранные капиталы в Южно-Африканском Союзе, — это прежде всего английские капиталы, после второй мировой войны начался усиленный приток американского капитала. Ему удалось несколько потеснить своего ослабевшего в войне партнера, но и сейчас соотношение американского и английского капиталов равно [1] примерно 1 : 8.

Засилье иностранного капитала, как правило, всегда приводит к однобокому, уродливому развитию хозяйства. Господство иностранного капитала исключает гармоничное экономическое развитие страны. В Южно-Африканском Союзе золото и алмазы стали своего рода «монокультурой».

Золото- и алмазодобывающая промышленность привлекает основную часть капиталовложений в ущерб всем другим отраслям хозяйства. Так, например, за период с 1934 по 1939 г. в золотодобывающую промышленность было вложено 64,5 млн. ф. ст., в сельское хозяйство только 31,5 и в обрабатывающую промышленность — 26 млн. ф. ст. [2]. В 1946 г. рыночная стоимость акций золотодобывающей промышленности оценивалась в 3 млрд. долл., а всех прочих отраслей хозяйства — 1,5 млрд. долл. [3].

Сельское хозяйство — основной источник существования для двух третей населения — заброшено и крайне отстало. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить урожайность двух главных сельскохозяйственных культур — кукурузы и пшеницы (вместе они дают около 60% стоимости всей продукции полеводства) — в Южно-Африканском Союзе и в ряде других стран (в квинталах с гектара) [4].

Таблица 5

Страна	Средняя урожайность за 1928—1932 гг.	1933	1934	1935	1936	1937	1938
			Кукуруза				
Аргентина	19,3	15,9	20,1	19,6	18,9	15,0	—
Австралия	16,3	15,5	17,2	15,7	19,3	13,4	—
США	15,5	14,2	9,9	15,1	10,2	17,8	17,4
Южная Африка	5,0	7,0	5,7	5,4	8,2	5,7	8,9
			Пшеница				
Англия	21,9	24,1	25,2	23,4	20,6	20,6	25,6
Германия	21,1	24,2	20,6	22,1	21,2	22,6	27,4
США	9,7	7,5	8,2	8,2	8,2	9,1	8,9
Аргентина	8,8	10,7	9,4	9,4	10,6	8,2	11,8
Австралия	7,8	8,0	7,2	7,2	8,3	9,2	7,2
Южная Африка	5,4	6,5	5,9	5,9	5,1	3,9	5,5

[1] Английские капиталовложения в 1950 г. составляли по рыночной оценке около 400 млн. ф. ст., что в переводе на доллары (переводный коэффициент — 2,8) составляет, примерно, 1100 млн. Американские капиталовложения составляли в 1950 г. 140 млн. Источники: «Banker», Nov. 1950; «Survey of current business», Dec. 1952. А. Р. Конэн. Стерлинговая зона, М., 1954 г.

[2] Д. Уолтон. Куда идет Южная Африка. Народ банту в борьбе за свое освобождение. М., 1948, стр. 110.

[3] «Fortune», Oct. 1946.

[4] E. S. Sachs. The choice before South Africa. London, 1952, p. 113.

По Южной Африке здесь взята урожайность только на фермах, принадлежащих европейцам. В резерватах она очень низкая. Поэтому средняя урожайность по Южной Африке, с учетом крестьянского хозяйства банту, будет значительно ниже.

«В Англии один работник, занятый в сельском хозяйстве, способен прокормить своей продукцией по крайней мере десять человек. В Австралии труда одного мужчины достаточно, чтобы обеспечить вполне нормальным питанием 25 человек. В Новой Зеландии один мужчина, занятый в фермерском хозяйстве, может произвести продуктов питания достаточно для 40 человек. В Южной Африке едва ли может мужчина, занятый в сельском хозяйстве, прокормить двух человек» [1].

Наличие дешевой рабочей силы обезземеленных крестьян банту препятствует применению машин и улучшению методов полеводства. Сельскохозяйственная страна, Южно-Африканский Союз ввозит продовольствие. В 1939 г. сельскохозяйственная продукция составляла 6,3% всей стоимости импорта Южно-Африканского Союза, а в 1946 г. — даже 12,5%. Доля сельского хозяйства (включая лесное хозяйство и рыболовство) в национальном доходе страны не достигает и 15%.

Золотодобывающая промышленность, вместе с добычей алмазов, занимает ведущее место в экономике Южно-Африканского Союза; интересы золотодобывающей промышленности являются господствующими, им подчиняется все остальное. «Правительства, сменявшие друг друга, считали, что срок их пребывания у власти определяется скорее ростом добычи золота, чем плановым развитием всех национальных ресуров»,— писал Дуглас Уолтон, принимавший активное участие в общественно-политической жизни Южно-Африканского Союза [2].

В увеличении добычи золота заинтересованы правительство Англии, английские монополии и правительство Южно-Африканского Союза. Золото, выступающее как «абсолютно общественная материализация богатства» [3], как всеобщее платежное и покупательное средство, является могучим рычагом международной валютной конкуренции, сильнейшим оружием борьбы за господство на мировых рынках. «Золото — это торговая независимость» [4]. Борьба за золотые запасы составляет важнейший элемент истории экономического соперничества капиталистических государств. Концентрация золотых запасов в руках немногих государств является одной из форм проявления неравномерности капиталистического развития. За годы второй мировой войны золотой запас США увеличился с 14,5 млрд. до 24,2 млрд. долл. за счет сокращения золотых запасов других капиталистических государств и, в частности, Англии. В 1951 г. США владели двумя третями монетарного запаса золота капиталистических стран, а по добыче золота, первое место среди капиталистических стран принадлежит Южно-Африканскому Союзу (1948 г. — 51%).

Англия уже в течение ряда десятилетий имеет дефицитный торговый баланс — ввоз превышает вывоз. Этот дефицит покрывался раньше за счет доходов от заграничных капиталовложений, доходов от судоходства, фрахта, банковских услуг и т. п. (так называемый невидимый экспорт). Платежный баланс Англии был не только активным, но имелся всегда большой остаток для экспорта капитала. Однако к концу войны английские капиталовложения за границей сократились почти на 40%, значи-

[1] E. S. Sachs. The choice before South Africa. London, 1952, p. 113.
[2] Д. Уолтон. Указ. соч., стр. 105—106.
[3] К. Маркс. Капитал, т. I, 1953, стр. 150.
[4] Ф. И. Михайловский. Золото в системе капитализма после второй мировой войны. М., 1952, стр. 41.

тельно снизились доходы и от «невидимого экспорта». Доходы от английских капиталовложений за границей сократились с 175 до 50 млн. ф. ст. Англия лишилась возможности расплачиваться за свои покупки за границей. Непомерные военные расходы обострили еще больше кризис платежного баланса. В связи с этим возросло для Англии значение южноафриканского золота.

Англия приобретает южноафриканское золото в обмен на товары. Ввоз Южно-Африканского Союза из Англии всегда превышал вывоз товаров в Англию. Официальный ежегодник Южно-Африканского Союза дает такие данные по этому вопросу:

	Ввоз из Англии	Вывоз в Англию	Дефицит
	(в млн. ф. ст.)		
1930—1934*	25	10	15
1935—1939*	39	12	27
1940—1944*	37	14	23
1945	37	17	20
1950	114	57	57

* Среднегодовое.

Дефицит покрывается вывозом золотых слитков. Англия вывозит основную массу добываемого золота. И это одностороннее направление золотого потока является наиболее ярким доказательством зависимого положения Южно-Африканского Союза. Соглашение 1946 г., обязавшее ЮАС продавать Англии в 1946 и 1947 гг. золота минимум на 70 млн. ф. ст. ежегодно, равно как и соглашение о золотом займе 1948 г. на 80 млн. ф. ст., имели характер диктата. Эти соглашения заставили правительство ЮАС в 1948 г. резко сократить закупки товаров в других странах.

Южноафриканское золото является в послевоенные годы объектом острой борьбы между Англией и США. Не менее острая борьба идет вокруг «цены» золота. «Цена» золота, по которой покупают его США, установленная в 1934 г. (35 долларов за унцию), остается до сих пор неизменной, хотя цены на товары за это время увеличились почти в два раза. США, как основной покупатель золота, препятствует повышению «цены» золота, а Англия, как продавец, наоборот, заинтересована в ее повышении.

Не ограниченная никакими законами эксплуатация нескольких сот тысяч горнорабочих из коренного населения [1] обеспечивает английским монополиям высокие колониальные прибыли. Официально объявленные дивиденды золотодобывающих предприятий Витватерсранда в отношении к их номинальному капиталу, в зависимости от конъюнктуры мирового рынка, колеблются около 30% [2].

Часть этих прибылей отчисляется в бюджет государства. В 1936 г. компании получили 17 млн. ф. ст., правительство — 14 млн., а в 1941 г.— 19 и 26, в 1945 г. — 13 и 18 млн. соответственно [3]. Доходы от золотодобывающей промышленности составляют около половины всей доходной

[1] Среднемесячная численность рабочих, занятых в золотодобывающей промышленности, в 1952 г. составляла 320 тыс. африканцев и 47 тыс. европейцев. В горной промышленности в целом — 446 тыс. африканцев и 59 тыс. европейцев («Monthly bulletin of statistics». 1954, July).

[2] «South Africa mining and engineering journal». 1948, p. 633.

[3] «African manuel. Mining and industry». London, 1949.

части государственного бюджета. Это достаточное основание для того, чтобы заставить правительство служить интересам золотодобывающей промышленности.

Добыча золота строго централизована. Все золотодобывающие компании объединены в семь больших групп. Каждая группа, помимо золотодобывающих компаний, контролирует компании по добыче угля, меди, платины, хромовой руды, располагает большими земельными имуществами и т. д. Все эти группы теснейшим образом связаны сложной системой дочерних предприятий, взаимного участия в прибылях, личной унией и т. п., что, конечно, не устраняет конкуренцию между ними. Наконец, всех их объединяет Горная палата Трансвааля во главе с Комитетом золотопромышленников, небольшой группой финансовых магнатов. Один из, этих магнатов, Генри Оппенхеймер, состоит председателем или членом правлений 56 компаний. Его сын Эрнст Оппенхеймер является председателем или членом правлений 44 компаний. Он возглавляет крупнейшую монополистическую компанию — Англо-Америкэн корпорейшн, под контролем которой находится больше 30 компаний с общим капиталом в 1500 млн. долл., добывающих золото, алмазы и медь. Он — председатель другой крупнейшей монополии де Берс, которая, кроме добычи алмазов, контролирует почти половину всей добычи каменного угля Южно-Африканского Союза и некоторые отрасли обрабатывающей промышленности. Он — член лондонского правления крупнейшего колониального банка Барклея. Весьма колоритной фигурой финансового мира является Джон Мартин. Он был длительное время членом правления и одним из директоров Английского банка, президентом Горной палаты Трансвааля, главой крупнейшего в Южно-Африканском Союзе газетного объединения «Аргус» и т. д.

Оппенхеймеры, Джон Мартин, Кеннет Ричардсон, Джордж Вернер Албу и др. — небольшая группа финансовых тузов, теснейшим образом связанная с лондонским Сити, контролирует всю экономическую жизнь Южно-Африканского Союза и определяет политику правительства, призванного обеспечивать неуклонное возрастание дивидендов горнопромышленных и прежде всего золотодобывающих монополий.

Английский капитал господствует не только в горной промышленности. Он прочно господствует и в кредитно-банковской системе.

В Южно-Африканском Союзе имеется пять коммерческих банков, из них два местных, один голландский и два английских — банк Барклея и Стандарт банк. На долю этих двух последних приходится 86% отделений и агентств и 95% банковского капитала всех пяти банков. Из общей суммы вкладов на 30 июня 1950 г. в 665 млн. ф. ст. 305 млн. приходится на заграничные вклады [1]. Местные вклады в значительной части принадлежат компаниям, контролируемым из-за границы. Из 108 страховых компаний, оперирующих в ЮАС, только 30% компаний имеют свои правления в Южно-Африканском Союзе, правления 60% компаний находятся в Лондоне. Страховые и банковские операции на других территориях Южной Африки монополизированы этими же финансовыми корпорациями.

Англия занимает ведущее место и во внешней торговле Южно-Африканского Союза. Доля некоторых стран во внешней торговле Южно-Африканского Союза (без золота в слитках и монетах) отражена в следующей таблице [2]:

---

[1] «Monthly bulletin of statistics», Dec. 1950.

[2] «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны». Статистический сборник. М., 1953, стр. 224.

Таблица 6

	Экспорт			Импорт		
	1937	1948	1951	1937	1948	1951
Англия	37,5	26,0	23,8	42,0	34,0	35,4
США	3,4	7,0	10,9	20,6	35,0	19,3
Франция	6,0	8,0	14,7	0,8	0,6	1,7
Западная Германия*	12,2	4,0	3,5	5,4	—	3,2
Япония	8,1	—	0,8	4,0	—	2,6

* 1937 г. относится ко всей Германии; в источнике не оговорено.

Доля Англии за последние 15 лет существенно снизилась, но она все еще остается наиболее крупным поставщиком и покупателем продукции Южно-Африканского Союза.

Добившись формальной политической самостоятельности, Южно-Африканский Союз остается пока в сильной экономической зависимости от Великобритании. Однако характер и степень этой зависимости за последние десятилетия претерпели существенные изменения.

В экономике страны постепенно снижается роль золото- и алмазодобывающей промышленности, где главным образом и господствует английский капитал, повышается роль других отраслей хозяйства — обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, где местный капитал занимает более прочные позиции. В довоенные годы стоимость экспортируемого золота составляла около 70% всего экспорта, а в 1952 г. — только 37%. В годы войны стоимость добытого золота превышала стоимость импорта, в 1951 г. составляла только 33% стоимости импорта [1]. Это снижение роли золота в платежном балансе Южно-Африканского Союза не может быть объяснено только снижением покупательной способности золота (то есть более быстрым повышением цен на товары, чем на золото). Это объясняется также увеличением физического объема внешней торговли при некотором снижении добычи золота.

Сократилась доля золота, горнодобывающей промышленности вообще, в иностранных капиталовложениях. Если за 1924—1939 гг. в горную промышленность было вложено 64,5 млн. ф. ст., а в обрабатывающую только 26 млн. ф. ст., то за 1946—1950 гг. и в горную и в обрабатывающую промышленность было вложено поровну — по 100 млн. ф. ст. [2]. В довоенные годы численность рабочих, занятых в золотодобывающей промышленности, составляла по отношению к рабочим обрабатывающей промышленности около 140%, а в середине 1951 г. лишь около 80%. Удельный вес всей горной промышленности в национальном доходе Южно-Африканского Союза составлял: [3]

1911—1912 гг. — 27,5
1938—1939 гг. — 20,6
1942—1943 гг. — 17,0
1949—1950 гг. — 14,3

[1] «The South African journal of economics». 1954, Mar., p. 81—82.
[2] А. Р. Конэн. Стерлинговая зона. М., 1954, стр. 146.
[3] Источники: 1911—1943 гг. «The South African journal of economics», 1945, Mar.; «Foreign commerce weekly», 17 Sept. 1951.

Удельный вес обрабатывающей промышленности в национальном доходе за эти же годы увеличивался следующим образом: 6,8—17,7—19,4—23,7.

Это уменьшение роли золотодобывающей промышленности — с одной стороны, и увеличение роли обрабатывающей промышленности — с другой стороны, безусловно означают некоторое уменьшение зависимости экономики Южно-Африканского Союза от Великобритании. Слабее стала зависимость Южно-Африканского Союза от Великобритании и по линии внешней торговли. Если в предвоенные годы на долю Англии приходилось около 40% экспорта (исключая золото) и около 45% импорта, то в 1951 г. доля Англии соответственно составляла 24 и 36%. Резко сократился внешний государственный долг при увеличении общего государственного долга более чем вдвое; внешняя задолженность по отношению ко всему государственному долгу составляла в 1939 г. 36,3%, а в 1953 г. только 6,0% [1].

В Южно-Африканском Союзе выросла своя буржуазия, у которой появились свои империалистические интересы, не всегда совпадающие с интересами британского империализма. При этом неважно, из какой национальной среды она вышла — из английской или из африкандерской. Патриотизм буржуазии продается и покупается: душа капиталиста там, где вложены его деньги, где они приносят наибольшую прибыль. Старые противоречия между помещиками и капиталистами внутри Южно-Африканского Союза сглаживаются и отступают на второй план, на первый план выдвигаются внешние империалистические противоречия между Южно-Африканским Союзом и Великобританией.

Южно-Африканский Союз продолжает оставаться страной, зависимой от Великобритании, но в его отношениях с Великобританией появились сейчас новые и весьма существенные моменты.

Южноафриканские империалисты охотно приняли «помощь» американских монополий, чтобы ослабить свою экономическую зависимость от Англии, заставить Англию итти на уступки, завоевать бóльшую самостоятельность. «Помощь» США нужна им для борьбы против Англии. Но они не могут не учитывать угрозы американского господства. Для борьбы против этой угрозы им нужна Англия. Британская империя; — это обеспеченный рынок, это устойчивые торговые связи, это сила, на которую можно опереться в трудную минуту.

Необходимость сохранения союза с Англией не в меньшей мере диктуется и внутриполитической обстановкой. За последние три десятилетия и особенно после второй мировой войны расстановка общественных сил в Южно-Африканском Союзе изменилась коренным образом. В период образования Южно-Африканского Союза и до победы социалистической революции в России расстановка общественных сил была довольно проста: на одной стороне потерпевшие тяжелое поражение, порабощенные, жестоко угнетенные народы банту; на другой стороне — англо-бурские колонизаторы, за спиной которых стоит могущественная империя. В лагере колонизаторов шла борьба, но в отношении к народам банту это был единый лагерь, демократические силы еще только зарождались и самостоятельной политической роли еще не играли.

Сейчас европейское население Южно-Африканского Союза не составляет единого лагеря колонизаторов, противостоящего народам банту. Если раньше на первый план выступали национальные противоречия, в основе которых лежали противоречия бурских помещиков и английских

---

[1] «Investment in Union of South Africa. Conditions and outlook for United States investors». Washington, 1954, p. 38.

капиталистов, то теперь на первом плане стоят классовые антагонистические противоречия — капиталисты и рабочие, помещики и обезземеленные мелкие фермеры. Выросли и окрепли демократические силы. Европейское население разделилось на два лагеря — лагерь реакции и лагерь демократии.

Выросло и окрепло национально-освободительное движение народов банту, создавших свои национальные и классовые организации, возглавляющие борьбу против колониального порабощения. Демократическое движение среди европейского населения смыкается с национально-освободительным движением народов банту, образуя единый антиимпериалистический демократический фронт. Вместе с тем происходит консолидация и реакционных сил.

По английскому образцу в Южно-Африканском Союзе долгое время действовала «система двух партий». До 1934 г. такими партиями были: Националистическая и Южноафриканская партии. Националистическая партия была создана в 1914 г. генералом Герцогом, состояла первоначально исключительно из буров и отражала интересы крупных бурских землевладельцев. Южноафриканская партия была создана в 1910 г. также бурским генералом Бота; после его смерти партию возглавлял Смэтс. Она возникла как партия бурской буржуазии, вставшей на путь компромисса, сотрудничества с британским империализмом, впоследствии она стала партией, отражающей «интересы имперского монополистического капитала, местных горнопромышленников и крупных торговцев»[1]. Еще раньше, в 1907 г., была создана лейбористская партия, но она никогда серьезной самостоятельной роли не играла.

Первые 14 лет существования Южно-Африканского Союза (1910—1924) у власти стояла Южноафриканская партия — правительства Бота и Смэтса. В 1924 г. к власти пришла националистическая партия Герцога. В 1933 г., когда классовые противоречия в результате мирового экономического кризиса резко обострились, Герцог и Смэтс договорились о формировании коалиционного правительства во главе с Герцогом, а в следующем 1934 г. возглавляемые ими партии слились в Объединенную Южноафриканскую партию. «В этой партии, консервативной по своему характеру, объединились крупнокапиталистические элементы страны, независимо от их национальной принадлежности» [2].

Наиболее реакционная часть бурских националистов не пошла в Объединенную партию и образовала под старым названием новую партию во главе с Маланом. В 1948 г. эта партия пришла к власти.

Националистическая партия Малана шла на парламентские выборы 1948 г. под флагом «апертхейда» [3], дальнейшего усиления расовой дискриминации коренного африканского населения. «Указать туземцу его место» — таков был лейтмотив избирательной агитации маланистов. Центральный комитет Коммунистической партии Южно-Африканского Союза в резолюции, принятой в январе 1949 г., характеризовал правительство Малана как «правительство, представляющее наиболее расистские и реакционные капиталистические группы в Южной Африке, глубоко проникнутые фашистской идеологией. Его основная цель — усиление эксплуа-

---

[1] Д. Уолтон. Указ. соч., стр. 121.

[2] И. П. Ястребова. Южно-Африканский Союз после второй мировой войны. М., 1952 г., стр. 93.

[3] Апертхейд (apartheid) на языке африкаанс означает разделение или изоляцию. Этот термин националисты стали применять вместо английского термина «сегрегация» после того, как Смэтс в 1944 г. признал, что политика сегрегации неевропейского населения потерпела неудачу.

тации и угнетения рабочих масс нашей страны. Для этого оно использует орудие расовой дискриминации»[1].

Став у власти, Националистическая партия провела через послушный ей парламент серию реакционных расистских законов, предоставила свободу действий фашистским организациям и добилась запрещения Коммунистической партии. Партия Малана установила в стране полицейский режим.

Объединенная партия, оказавшись в оппозиции, не смогла противопоставить политике Малана какую-нибудь положительную программу действий. Ее депутаты в парламенте выступали против реакционных законопроектов Малана, а затем с пустяковыми оговорками голосовали за них. Как справедливо пишет прогрессивная южноафриканская газета «Адванс», разница между Объединенной и Националистической партиями сводится к тому, что первая называет реакционную политику угнетения народов банту «сегрегацией», а вторая — «апертхейдом».

На последнем съезде Объединенной партии, состоявшемся в Блумфонтейне в ноябре 1954 г., обсуждалась линия партии по «туземному вопросу». На обсуждение съезда были вынесены следующие предложения:

1. Передача дела просвещения туземцев в ведение министерства просвещения. (Правительство Малана изъяло дело просвещения банту из ведения провинциальных советов и передало в руки министерства по туземным делам).

2. Увеличение числа сенаторов, «представляющих» интересы банту в парламенте, с четырех до шести.

3. Расширение самоуправления банту в резерватах.

По существу эти предложения ничем не отличаются от программы националистов. Отсутствие четкой политики, противостоящей политике националистов, приводит к ослаблению позиций партии. На парламентских выборах в апреле 1953 г. Объединенная партия получила 57 мандатов против 65 мандатов в 1948 г., Националистическая партия, наоборот, увеличила число мандатов с 79 до 94. На выборах в провинциальные советы в августе 1954 г. Объединенная партия собрала также меньше голосов, чем на предыдущих выборах. Провинциальный Совет Оранжевого Свободного Государства состоит целиком из националистов, в провинциальных советах Трансвааля и Капской провинции они имеют большинство (в Трансваале — 45 националистов и 23 представителя Объединенной партии, в Капской — 29 и 24). По этим трем провинциям Объединенная партия получила 47 мест вместо 54 в 1949 г. Только в провинции Наталь, где европейское население состоит в основном из англичан, Объединенная партия удерживает свои старые позиции.

Но политика «завинчивания гаек», проводимая националистами и вызывающая массовое сопротивление широких народных масс, пугает средние слои европейской части населения. Антибританские настроения, насаждаемые националистами и поддерживаемые тайно американскими компаниями, отталкивают от националистов и некоторые группы англоязычной буржуазии. Это выражается в острой борьбе внутри Объединенной партии, в расколах и образовании новых буржуазных партий.

Образовалась Южно-Африканская либеральная партия. Первый ее съезд состоялся в июле 1953 г., второй — в июле 1954 г. Основателем и

---

[1] «World news and views», 26 Febr. 1949.

лидером либеральной партии является Маргарита Балинжер, одна из трех депутатов парламента от туземной курии. Этой партии присущи все те характерные черты либерализма, о которых писал в свое время В. И. Ленин: широковещательные декларации на словах и крохоборчество на деле.

Либеральная партия провозгласила следующие важные принципы (статья 2 Устава):

1. Признание достоинства, присущего каждому человеку, независимо от его расы, цвета кожи и религии, и защита его основных прав.

2. Право каждого человека на полную степень развития, поскольку это совместимо с уважением прав других.

3. Поддержание общественного порядка.

4. Никому не может быть запрещено участвовать в делах управления и других видах демократической деятельности страны исключительно по признаку расы, цвета кожи или вероисповедания.

В характеристике целей партии на первом месте стоит: «Равенство в политических правах, основанное на включении в избирательные списки всех лиц, отвечающих установленным требованиям».

Каковы же эти требования? Партия предлагает включить в избирательные списки всех лиц, достигших 21 года и отвечающих одному из следующих трех условий:

1. Иметь удостоверение об окончании шестого класса начальных школ.

2. Располагать годовым доходом не меньше 250 фунтов наличными или натурой или же владеть незаложенным имуществом, оцениваемым, по меньшей мере, в 500 фунтов.

3. Принадлежать к числу лиц, достигших 35-летнего возраста, которые по особому решению суда признаются достойными пользоваться избирательным правом, ввиду того, что они занимают особое ответственное положение или же оказали существенные услуги обществу.

На деле это означает сохранение статус кво для основной массы африканцев. Как пишет прогрессивная газета «Адванс», при соблюдении этого условия ежегодный прирост числа избирателей-африканцев не будет превышать естественного прироста европейского населения.

Что касается дохода, то надо иметь в виду, что средний годовой заработок африканского рабочего по исчислению за 1949—1951 гг. составляет 111 фунтов в обрабатывающей промышленности и 55 фунтов в горной.

При этих условиях избирательным правом могут воспользоваться тонкая прослойка африканской буржуазии, некоторая часть интеллигенции и так называемые вожди племен (третье условие имеет в виду именно эти слова). Программа либеральной партии на это и рассчитана: привлечь на сторону англо-африкандерских помещиков и буржуазии верхушку африканского населения и таким образом расколоть единый национальный фронт африканцев.

Типичная представительница либерализма, М. Балинжер признает, что недовольство африканцев справедливо, и вместе с тем в своих публичных выступлениях оправдывает аресты и репрессии в отношении африканцев, которые выражают эти справедливые требования «незаконным» порядком.

В 1953 г. была основана еще одна буржуазная партия — Южно-африканская федеральная партия. Основатель и лидер партии — член сената Никольс. Эта партия опирается в основном на англо-язычное население провинции Наталь. Выступает за расширение полномочий провинциаль-

ных советов и превращение ЮАС в федеральное государство, грозит выходом провинции Наталь из состава Южно-Африканского Союза в случае провозглашения ЮАС республикой.

В отношении политических прав неевропейского населения программа федеральной партии мало чем отличается от программы Объединенной партии. Она за сохранение «действующей системы ограниченного коллективного представительства туземцев», с тем чтобы постепенно, «в течение многих лет» добиться «включения в общие избирательные списки всех неевропейцев, могущих представить известные доказательства в повышении их уровня жизни».

Федеральная партия высказалась за сохранение политики сегрегации африканского населения. «Мы признаем, что было бы желательно, чтобы европейцы и неевропейцы жили отдельно и были разделены в социальном отношении, но это должно осуществляться с соблюдением справедливых и правильных гарантий».

В конце 1954 г. от Объединенной партии откололась группа ее членов во главе с членом парламента, бывшим лидером Объединенной партии в Трансваале Байли Беккером, и основала новую партию — Национальную консервативную партию. Это правое крыло партии. Беккер обвиняет лидера Объединенной партии Страуса в том, что под его руководством партия «отказалась от своих традиционных принципов и безудержно катится налево к более либеральной позиции». Национальная консервативная партия ратует за политику апертхейда и обещает националистам помощь в проведении этой политики.

Общая картина состояния буржуазных политических партий характеризуется, следовательно, укреплением правящей националистической партии (в 1951 г. к ней присоединилась возглавляемая министром финансов Хавенгой партия африкандеров) и разбродом в стане оппозиции, формированием новых партий, выступающих по отношению к африканцам с либеральными декларациями.

Лейбористская партия Южной Африки никогда не пользовалась значительным влиянием и никогда не стояла у власти (в 1924—1928 гг. в правительстве Герцога были министры — лейбористы). На парламентских выборах 1948 г. она получила шесть мест, а на выборах 1953 г. только четыре. Лейбористская партия всегда поддерживала империалистическую политику сегрегации африканцев, прикрываясь демагогическими заявлениями об охране интересов «белых рабочих». В 1954—1955 гг. Лейбористская партия выступила с рядом заявлений по вопросу об избирательных правах неевропейцев. Партия предлагает:

1. Сохранить к Капской провинции существующую систему представительства туземцев в парламенте (с этим согласны все буржуазные партии, включая и националистов).

2. Распространить ее на остальные три провинции, предоставить африканцам Трансвааля право избирать в палату общин трех европейцев, африканцам Наталя и Оранжевого Свободного Государства — по два.

3. Вместо четырех сенаторов-европейцев, избираемых африканцами, должно быть восемь, по два от каждой провинции, но тоже европейцев (лидер Объединенной партии Страус назвал это предложение «нереалистичным» и предложил шесть сенаторов).

4. Образовательный ценз избирателей-африканцев — 5 классов (Либеральная партия — 6 классов).

Как видно из этого предложения лейбористской партии по этому важнейшему вопросу ни в чем существенном не отличаются от предложе-

ний всех других буржуазных партий; они даже более умеренны, чем предложения либеральной партии [1].

Националисты продолжают выступать с антибританскими заявлениями, пугают выходом из британской империи, учреждением республики и т. п. Но это пока всего лишь маневры, рассчитанные, во-первых, на то, чтобы обмануть идущее за партией мелкое бурское фермерство, и, во-вторых, на то, чтобы добиться от Англии новых экономических уступок. Они не собираются порывать ни с английским, ни с американским империализмом, ни уступать им завоеванных позиций. Несмотря на противоречия, они прочно связаны единством империалистических интересов. Это союз империалистических хищников для эксплуатации порабощенных народов колоний. Они нужны друг другу.

В. И. Ленин еще накануне первой мировой войны говорил о двух течениях империализма:

«1) великодержавный империализм (участие в империализме Великобритании).

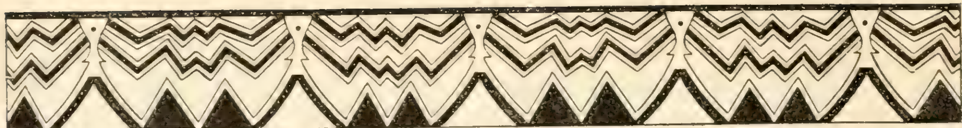
2) **«локальный империализм»** — своя обособленность... замкнутость», и указывал при этом, что оба эти течения «вполне примиримы» [2].

В период, когда угнетенные народы Африки настоятельно требуют национальной независимости и заявляют о своей решимости завоевать ее, империалистический Южно-Африканский Союз нужен Англии как надежная опора на африканском континенте. Правительство националистов, во главе которого в 1954 г. вместо Малана встал Стрейдом, охотно берет на себя эту функцию «антикоммунистического» стража, рассчитывая вместе с тем на помощь Англии в случае «беспорядков» в своем собственном доме.

---

[1] При характеристике буржуазных партий использованы материалы Второго доклада комиссии Организации Объединенных Наций по изучению расовых взаимоотношений в Южно-Африканском Союзе. Нью-Йорк, 1954, стр. 25, 77—78.

[2] В. И. Ленин. Тетради по империализму. М., 1939, стр. 478.

ГЛАВА 5

АНГЛО-АФРИКАНДЕРЫ — ГОСПОДСТВУЮЩАЯ НАЦИЯ [1]

Численность населения европейского происхождения к моменту образования Южно-Африканского Союза составляла, как уже указывалось, 1255 тыс. чел. [2]. В 1950 г. насчитывалось 2620 тыс. чел. европейского населения. За 40 лет численность европейского населения увеличилась на 113,4%. Рост происходил в основном за счет естественного прироста. Подсчет миграционных данных за 20 лет (1924—1937 и 1943—1949) показывает следующее: на постоянное жительство въехало европейцев — 180 тыс. чел., выехало навсегда — 91 тыс., прирост населения за счет иммигрантов — 89 тыс. чел. Европейское население за эти 20 лет увеличилось на 600 с лишним тысяч человек; прирост за счет иммигрантов составляет, следовательно, около 15% всего прироста.

До второй мировой войны большую часть иммигрантов составляли англичане. Так, например, за 1929—1935 гг. англичане составляли 50,5% всех «белых», въехавших в Южно-Африканский Союз на постоянное жительство, немцы — 12,6% и голландцы — 4,4%. В первые послевоенные годы наблюдался массовый приток переселенцев из Англии. За 1947—1948 гг. на постоянное местожительство приехало в Южно-Африканский Союз 45 513 чел., т. е. два с половиной раза больше, чем за семь довоенных лет; в общей массе иммигрантов англичане составляли более 70%. Приход к власти Националистической партии Малана в 1948 г. вызвал резкое сокращение иммиграции из Англии и увеличение иммиграции из Голландии и особенно из Германии:

Годы	Численность иммигрантов из Англии	Голландии	Германии
1947	20 459	1006	28
1948	25 054	2753	12
1949	9 655	1320	14
1950	5 084	2217	1862
1951	5 901	2572	2319
1952	6 936	4473	2361
1953	5 416	3486	2824

Следующая таблица дает общее представление о миграционных потоках «белого» населения [3]:

[1] Отдельные материалы и выводы глав пятой и шестой настоящей монографии были предварительно опубликованы в книге «Народы Африки». М., 1954.

[2] Оценочные данные. «Official yearbook of the Union of South Africa», 1934—1935, № 17. По переписи 1911 г. — 1 276 242.

[3] Все статистические данные о миграции в послевоенные годы взяты из официального бюллетеня «Union of South Africa. Monthly bulletin of statistics».

Годы	Въехавших на постоянное местожительство	Выехавших навсегда	Разница
1937	7 927	3 716	4 211
1946	11 256	9 045	2 211
1947	28 839	7 917	20 922
1948	35 631	7 537	28 094
1949	14 780	9 215	5 565
1950	12 806	14 646	—1 840
1951	15 243	15 381	— 138
1952	18 317	9 755	8 362
1953	16 257	10 220	6 037

Как видно из этого, миграционные связи Южно-Африканского Союза с остальным миром крайне незначительны: ежегодное число эмигрантов составляет менее половины процента общей численности европейского населения, а число иммигрантов — около одного процента.

Европейское население является в своей основной массе постоянным, коренным населением Южной Африки. Оно считает Южную Африку своей родиной. Уже по переписи 1911 г. 80% европейского населения Южно-Африканского Союза родилось в Союзе и только 20% — вне Союза, к 1946 г. процент первых поднялся до 89. Это относится прежде всего и главным образом к африкандерам, которые живут в Южной Африке уже почти три сотни лет, тогда как англичане, по сравнению с ними, являются новичками. Африкандеры полностью порвали со своей первой родиной — Голландией. Они не считают Голландию своей родиной, и Голландия не считает их своими гражданами. Англичанин же, даже родившийся в Южной Африке, все еще считает Англию своей родиной. Африкандеры забыли язык своей первой родины — Голландии, они говорят на своем языке — африкаанс. Англичане же сохраняют языковое единство с населением Англии — английский язык Южной Африки ничем не отличается от языка британских островов.

Англичане все еще ездят «домой», в Англию, тогда как поездки африкандеров в Голландию — редкое явление. «Недавно я читал,— пишет английский исследователь бурского вопроса Вильям Доусон,— как одна бурская девушка из Южной Африки поехала в Европу, полагая, что Голландия все еще ее alma mater, и как жестоко была она разочарована, когда не нашла никого, кто мог бы говорить на ее любимом африкандерском языке или проявлял бы какое-нибудь внимание к ее стране. Поэтому буры и говорят: «Мы здесь постоянно и навсегда, вы же приезжаете и уезжаете»» [1].

В общей численности населения Южно-Африканского Союза лица европейского происхождения составляют около 20%.

Удельный вес этнических групп в общей массе населения показан в следующей таблице:

Таблица 7

Годы переписи	Население (в процентах)			
	банту	европейское	смешанное	азиатское
1911	67,3	21,4	8,8	2,5
1921	67,8	21,9	7,9	2,4
1936	68,8	20,9	8,0	2,3
1946	68,5	20,8	8,2	2,5

[1] W. N. Dawson. South Africa: people, places and problems. London, 1925, p. 66.

Соотношение этнических групп на протяжении 35 лет остается по существу стабильным: удельный вес банту увеличился на 1,2% за счет уменьшения удельного веса европейского населения на 0,6% и смешанного населения на 0,6%.

Основную массу европейского населения составляют буры, или африкандеры, — 60% всего европейского населения и англичане — 35%. Представители других европейских национальностей немногочисленны. По данным переписи 1936 г., родным языком считали:

немецкий	— 17 810	человек	— 0,89%	всего	европейского	населения
еврейский	— 17 684	»	— 0,88%	»	»	»
голландский	— 3 908	»	— 0,19%	»	»	»
греческий	— 1 918	»	— 0,10%	»	»	»
португальский	— 1 743	»	— 0,09%	»	»	»
итальянский	— 1 679	»	— 0,08%	»	»	»
французский	— 1 445	»	— 0,07%	»	»	»
другие	— 2 773	»	— 0,14%	»	»	»

После буров и англичан первое место занимают, следовательно, немцы. В нашем распоряжении нет последних сведений о численности немцев в Южно-Африканском Союзе; несомненно, однако, что за последние 20 лет численность их заметно возросла. С приходом к власти националистского правительства Малана началось, как мы уже видели, массовое переселение немцев из Западной Германии. Малан поощрял переезд в Южную Африку бывших эсесовцев, ярых сторонников германского фашизма, рассматривая их как надежную опору в борьбе против растущих демократических сил.

Но все представители европейских национальностей вместе взятые, исключая африкандеров и англичан, составляют сейчас около 5%. Остальные 95% — африкандеры и англичане.

Поселение африкандеров и англичан не разграничено: они живут совместно на общих территориях. Если взять учет населения по провинциям по признаку языка, на котором говорят в домашней среде, то получается следующая картина (перепись 1946 г.):

Таблица 8

Домашний язык	Абсолютная численность (в тыс.)				% к общей численности африкандеров и англичан провинции			
	Капская	Наталь	Трансвааль	Оранжевое Свободное Государство	Капская	Наталь	Трансвааль	Оранжевое Свободное Государство
Английский	337	175	397	23	39,3	70,8	38,4	11,6
Африкаанс	512	51	621	175	59,6	20,7	60,0	87,9
Оба	9	2	16	1	1,1	8,5	1,6	0,5

В Натале англичане составляют подавляющее большинство европейского населения — 70,8%, в остальных трех провинциях большинство принадлежит африкандерам, наиболее значительное — 87,9% — в Оранжевом Свободном Государстве. В пределах провинций можно выделить английские или африкандерские микрорайоны, но нет ни одной сколько-нибудь

значительной территории, населенной только англичанами или африкандерами.

До сих пор сохраняется некоторое разграничение сфер занятий: буры занимаются преимущественно сельским хозяйством, англичане — промышленностью, торговлей и т. п. Поэтому буры живут главным образом в сельских местностях, а англичане — в городах. «До сравнительно недавнего времени города Южной Африки были преимущественно английскими, тогда как сельские местности, за исключением Наталя и некоторых восточных районов Капской провинции, где проживают потомки поселенцев 1820 г., были преимущественно бурскими»,—писал Гофмейер в 1931 г.[1] С течением времени это разграничение постепенно сглаживается, но все еще остается значительным.

Первоначально каждый бурский колонист был фермером и крупным землевладельцем. Характерной формой поселения являлась отдельная изолированная ферма; расстояние между соседними фермами исчислялось иногда многими милями. Это налагало определенный отпечаток на весь жизненный уклад колонистов, на формирование национального характера африкандеров.

Хозяйство первых колонистов было по преимуществу натуральным или полунатуральным. Колонист старался все необходимое производить на своей ферме: он был плотником, кузнецом, столяром, шорником, сапожником, портным. Он ни от кого не зависел и мало с кем был связан.

Рабочую силу составляли лишенные земли банту. По отношению к ним он был неограниченным и жестоким владыкой, творившим над ними суд и расправу. Черный человек—,«каффр»—, был для него рабочей скотиной получеловеком, обреченным выполнять любую тяжелую физическую работу.

С открытием месторождений золота и алмазов в конце прошлого столетия, с ростом городов и средств сообщения натуральное хозяйство сменилось товарным, появился кредит и залог земли, быстро выросла цена земли и т. д. Начался интенсивный процесс разорения бурских фермеров, превращения бывших землевладельцев в байвонеров[2], издольщиков, батраков с наделом, в сельскохозяйственных пролетариев. Появилась деревенская беднота, так называемые бедные белые.

Разорение фермеров-африкандеров сопровождается их переселением из деревни в город. Вследствие этого удельный вес сельского населения в общей массе европейского населения неуклонно снижается: в 1904 г. он составлял 47%, 1921—44%, 1931—38%, 1936—34% и 1946 г. — 27%, а африкандерское население городов возрастает, причем значительно быстрее, чем английское. По данным 1936 г., 53% европейского населения городов говорили на английском языке и 41% на африкаанс; среди европейского сельского населения, по тем же данным, говорящие на африкаанс составляли 84%, на английском—только 14%. К 1946 г. процент англо-язычного населения в составе европейского городского населения сократился до 48,5, африкандерского, наоборот, увеличился до 47,8; в сельских местностях процент англо-язычного населения увеличился до 15,3, африкандерского—сократился до 82,4.

Заслуживает внимания также и следующее. Африкандеры преобладают в полиции (по переписи 1936 г., 75% общего числа полицейских), среди государственных служащих (64%) и в армии (60%), тогда как среди промышленных рабочих, за исключением алмазодобывающей промышленности, и в коммерческих учреждениях преобладают англичане.

[1] J. H. Hofmeyr. South Africa. London, 1931, p. 213.

[2] Байвонер (byowner), от голланд. biiwoner, буквально «сожитель».

Старые границы между городским английским и сельским африкандерским населением исчезают, исчезают постепенно и бытовые различия. Африкандеры и англичане работают совместно, живут вместе, смешанные англо-бурские браки — обычное явление. Однако много сохраняется еще и старого, специфически национального.

Сохранилось различие по религиозному признаку. Все африкандерское население принадлежит к голландской реформаторской церкви, английское население принадлежит к ряду других церквей (англиканской, протестантской, римской, католической и лютеранской).

Сохраняются два языка — английский и африкаанс, что чаще всего служит поводом для межнациональных коллизий.

Африкаанс — язык новый и молодой; как литературный язык он не насчитывает и сотни лет. Основой его является голландский язык, но он настолько отличается от голландского, что в Голландии его не понимают.

Национальный состав первых европейских колонистов Капской колонии был, как указывалось выше, неоднородный. К началу XIX в., когда Капская колония была захвачена Англией, 53% колонистов говорило на голландском, 28% на немецком, 15% на французском и 4% на других европейских языках. Голландский язык был господствующим; Голландская Ост-Индская компания считала его официальным языком. Его изучали, на нем говорили колонисты неголландского происхождения, многочисленные рабы и готтентоты, вынужденные жить с колонистами. Постепенно многие голландские слова выходили из употребления, забывались, заменялись словами из других языков. Изменились постепенно фонетика и правила грамматики. В конце концов появился огромный разрыв между письменным и разговорным языком. «Наш письменный язык так сильно отличается от разговорного, что для подавляющего большинства нашего народа он кажется иностранным»,— говорил один из лидеров африкандеров [1].

После перехода Капской колонии к Англии распоряжением губернатора все делопроизводство и судопроизводство были переведены на английский. Школьное обучение до 1839 г. велось только на английском языке. И даже в церкви голландский язык был заменен английским. В бурских республиках государственным языком оставался голландский, который и в Капской колонии был признан в 1882 г. наряду с английским государственным языком.

Но письменный голландский язык для широких народных масс все более становился «иностранным» языком. Тогда возникло движение за реформу письменности, за приближение ее к разговорному языку. Призыв: «Пиши так, как разговариваешь»,— стал девизом этого движения. Инициатором реформы языка выступил священник дю Туэ, основавший в 1876 г. «Общество истинных африкандеров» и газету «Африкандерский патриот».

Среди образованных африкандеров предложение о реформе письменности встретило решительные возражения. Они рассматривали разговорный африкаанс как жаргон, считали неприличным говорить на нем в «хорошем обществе». Капский синод отказался переводить библию на африкаанс, а синод Оранжевого Свободного Государства отказался даже обсуждать этот вопрос. Передовая статья первого номера газеты «Африкандерский патриот» (от 15 января 1876 г.) писала по этому поводу:

«Большинство африкандеров не хочет верить, что они имеют свой собственный язык. Старое поколение упорно держится за голландский

[1] Цит. по A. Barnouw. Language and race problem in South Africa, 1934, p. 11.

язык, молодежь полюбила английский, и убедить их, что они ошибаются, так же трудно, как приучить дикую лошадь ходить в упряжке» [1].

Однако все большее число африкандеров склонялось к признанию необходимости реформы. После образования Южно-Африканского Союза и английские власти встали на путь признания африкаанс. С 1914 г. он становится языком начального школьного обучения. В 1919 г. Капский синод признал его языком церковного богослужения. И только в 1925 г., когда у власти стояло правительство генерала Герцога, африкаанс был признан государственным языком вместо голландского.

Теперь оба языка—английский и африкаанс, признаны официальными, государственными языками, но на деле, в повседневной жизни английский язык является пока все же господствующим. Законы публикуются на обоих языках. Все государственные служащие должны знать два языка, однако часто встречаются исключения, причем чиновник, знающий только английский язык, получил место скорее и легче, чем чиновник, знающий только африкаанс. В конторах торговых фирм, банков и промышленных предприятий знание двух языков не обязательно, но человек знающий только африкаанс, имеет мало шансов на получение места. Отдельно издаются газеты на английском и на африкаанс, но самые влиятельные газеты, как «Star» или Cape Times», издаются на английском языке.

Литературы на африкаанс мало, так как за пределами Южной Африки этот язык никто не знает и не изучает.

Книги на африкаанс, выданные читателям за 1928 г. в государственной библиотеке Претории, например, составляли всего лишь 3% общего числа выданных книг. В библиотеке Блумфонтейна за 1928 г. выдано читателям 77 107 английских книг, 217 книг на голландском и 275 на африкаанс. В библиотеке Кронштадта в том же 1928 г. имелось 7650 английских книг, 88 голландских и 230 книг на африкаанс; библиотека прекратила покупку книг на африкаанс, так как на них отсутствовал спрос [2].

Язык африкандеров очень часто ущемляется в самых разнообразных проявлениях, как, например, напечатанные только на английском трамвайные билеты, вывески, объявления и т. п. С приходом к власти националистической партии Малана наблюдается обратная картина — ущемляется английский язык.

Обучение в начальных школах ведется на обоих языках: на английском или на африкаанс, в зависимости от того, на каком языке говорят в семье ученика; второй язык изучается как дополнительный, но обязательный. В районах со смешанным англо-африкандерским населением, а это сейчас обычная картина, в школах создаются отдельные английские и африкандерские классы или даже отдельные школы. В высшей школе обучение ведется сейчас в одних университетах на английском языке, в других на африкаанс.

За 28 лет численность билингуалистов почти утроилась, их удельный вес в массе европейского населения увеличился с 42,71 до 68,96. Численность европейцев, знающих только один язык — английский или африкаанс, наоборот, уменьшилась: в первом случае на 3%, во втором — на 10%. Численность говорящих только на африкаанс сокращается быстрее, чем численность говорящих только на английском. Это и понятно. Африкандер, попавший в город, вынуждается всеми условиями жизни изучить английский. Англичане не всегда охотно берутся за изучение

[1] A. Barnouw. Указ. соч., стр. 7.
[2] Там же, стр. 38.

африкандерского языка. От англичан, можно, например, как передает Доусон, слышать: «Мы живем в английской колонии, не так ли. Почему я должен изучать африкаанс?»[1].

В следующей таблице приводятся данные об официальном языке европейцев (7 лет и старше) в процентах к общей численности европейского населения:

Таблица 9

	1918	1926	1936	1946	Увеличение или уменьшение числа говорящих	
					Абсолютная численность (в тыс.)	1946 г. в процентах к 1918 г.
Оба: английский и африкаанс	42,71	58,52	64,37	68,96	+897	285
Английский	30,33	21,61	18,98	17,02	— 9	97
Африкаанс	26,59	19,62	16,39	13,78	— 31	90

В условиях, когда повседневно в общественной жизни нарушается прокламированное равенство языков, когда имеется пренебрежительное отношение к одному из языков, учет населения по официальному языку не может дать правильной картины этнических изменений. Сопоставим по данным переписи 1946 г. процентное соотношение европейского населения, объявившего один из языков официальным или домашним:

	Английский	Африкаанс	Оба
Домашний язык	39,36	57,31	1,26
Официальный язык	17,02	13,78	68,96

Имеется огромное несоответствие между численностью европейцев, объявивших тот или другой язык домашним или официальным. И это естественно. Бросается в глаза другое: в отношении английского языка несоответствие выражается отношением 1 : 2,2, а в отношении африкаанс — 1 : 4, что является результатом известной дискриминации африкаанс со стороны англо-язычной части населения. Европейцы, объявившие домашним языком и английский и африкаанс, составляют только 29 тысяч, или 1,26% всего европейского населения.

«История отмечает,— пишет И. В. Сталин,— большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции... Скрещивание языков нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет»[2].

В Южно-Африканском Союзе сейчас нет единой нации англо-африкандеров. Название главы, «Англо-африкандеры—господствующая нация», условно. Оно имеет целью подчеркнуть привилегированное положение англо-африкандеров по отношению к коренному африканскому населению, а также то, что государственная власть находится в руках англо-африкандерских помещиков и капиталистов. Англичане и африкандеры не слились в одну нацию, но и вместе с тем едва ли можно говорить об образовании двух европейских по происхождению наций: англо-африканцев и африкандеров. Это невозможно уже по одному тому, что они не имеют раздельных национальных территорий. Потомки голландских ко-

[1] W. H. Dawson. Указ. соч., стр. 69.

[2] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 26, 29.

лонистов имели все условия для того, чтобы конституироваться в особую нацию, но не успели. Английское завоевание Южной Африки, установление английского господства в экономике, в политике и в культуре, смешение африкандерского населения с английским и т. д. прервало процесс становления нации африкандеров. Начался процесс угасания национально-специфического, вытеснения его английским или ассимиляции английского и африкандерского.

Национальные разногласия между англичанами и африкандерами разжигает сейчас националистская партия Малана, разжигает в реакционных целях подавления демократических сил и укрепления империалистического господства. Маланисты насаждают среди африкандеров неприязнь к англичанам, стараются вытеснить английский язык, заменив его африкаанс, раскалывают общие организации англичан и африкандеров, выдвигают, в частности, лозунг создания «лилейно белых» христианско-националистических профсоюзов и т. д. Фашистское общество «Бродербонд», на которое опирается партия Малана, поставило своей целью (7-я статья устава): «Африканеризация нашей общественной жизни и нашего образования в направлении христианского национализма». Африканеризация — это синоним фашизации в духе гитлеровского национал-социализма. Национализм маланистов пользуется горячей поддержкой со стороны американской реакции [1].

Весьма характерные сценки из южноафриканской жизни описал капитан-директор китобойной флотилии «Слава», побывавший в Кейптауне в дни фестиваля, посвященного трехсотлетию основания Капской колонии.

«В те дни все в городе говорили, конечно, о фестивале. Зашла об этом речь и в случайной нашей беседе с одним английским промышленником. Он сразу побагровел:

«— Идиотская затея! Не понимаю, зачем с ними нянчатся, с этими бурами... Ведь они хуже негров!..

— Чем же?

— О, если бы вы знали историю этих мест! — воскликнул наш собеседник с несвойственной англичанам горячностью.— Все вызвали здесь к жизни мы, англичане. Без нас никто бы даже не узнал об алмазах и золоте, не создал бы ни фабрик, ни заводов... Они ведь ни на что не способны, эти буры, только копаются в земле... Мужланы!..»

В другой раз он имел разговор с африкандером-буром.

«— Почему вы так ненавидите англичан? — спросил я.

— Еще отец и дед завещали мне не пускать их даже на порог,— помрачнел фермер. — Никогда и ни за что мы их не признаем, пусть убираются на свои острова...» [2].

Но там, где речь идет об отношении к коренному африканскому населению, английские промышленники и африкандерские фермеры проявляют изумительное единодушие.

Националистическая партия Малана, равно как и другие буржуазные партии европейцев Южно-Африканского Союза, проводит политику противопоставления европейского населения, как чего-то единого, неевропейскому населению. В интересах укрепления своего империалистического господства они призывают к единству всего европейского населения, к классовому миру ради преодоления «черной опасности». Спекуляция на мнимой опасности порабощения европейского населения неевропейским является в руках империалистической верхушки англо-африкандеров

[1] См., например, статью «South Africa in africander hands», опубликованную в американском журнале «Foreign affairs», Apr. 1951.

[2] А. Солянник. Кейптаунские контрасты. «Огонек», 1953, № 44.

средством прикрытия, маскировки эксплуатации и порабощения трудящейся части англо-африкандеров.

«Классовый мир внутри нации ради «единства нации»; расширение территории своей нации путем захвата чужих национальных территорий; недоверие и ненависть к чужим нациям; подавление национальных меньшинств; единый фронт с империализмом...» [1] — эта классическая сталинская характеристика буржуазной нации полностью применима к характеристике англо-африкандеров.

Англо-африкандеры состоят из антагонистических классов эксплуатируемых и эксплуататоров. Концентрация богатства на одном полюсе, нищеты и мук труда — на другом характерна для англо-африкандеров не в меньшей мере, чем для любой буржуазной нации. По подсчетам, относящимся к 1939 г., 3% населения Южно-Африканского Союза получают одну треть всего национального дохода [2].

Около одной пятой (18,9% — 1946 г.) европейского самодеятельного населения Южно-Африканского Союза занято в сельском хозяйстве (включая лесное хозяйство и рыболовство). Здесь мы встречаем крупных помещиков, лендлордов, владеющих по десятку и более тысяч моргенов земли, владельцев крупных ферм и плантаций — с одной стороны, арендаторов-издольщиков, батраков с наделом и потрясающую нужду — с другой стороны.

По данным на 1947 г., фермы размером до 100 моргенов составляли 27,7% всего количества ферм, а их общая площадь составляла всего лишь 0,7% земли, принадлежащей европейцам. Имелось 14 374 фермы размером до 10 моргенов каждая; они составляли 12,6% всех ферм, а владели лишь 0,07% земли. С другой стороны 5,1% землевладельцев, имеющих каждый более чем 3000 моргенов, владели 43% всей земли, принадлежащей европейцам. По этим данным, 27% всех ферм обрабатывались арендаторами. Дифференциация ферм по земле не совпадает, естественно, с классовой дифференциацией: арендатор может быть капиталистом-предпринимателем, а землевладелец—бедным крестьянином. Но она показывает господство крупного землевладения помещичьего типа наряду с огромной массой малоземельного и безземельного фермерства.

Следующая таблица показывает дифференциацию европейского населения, занятого в сельском хозяйстве, по денежному доходу за 1941 г.[3]:

Таблица 10

Категории лиц	Получающих денежный доход (в ф. ст.)				
	до 50	50—99	100—149	150—199	больше 200
Владельцы ферм	6705	9434	7264	5666	25929
Арендаторы	6161	6316	3651	2102	4954
Байвонеры	8744	5184	1669	668	781
Получающие зарплату	1684	2214	1071	459	794
Всего*	23342	23212	13699	8933	32658

* Итог подсчитан неправильно. Правильно: 23 294, 23 148, 13 655, 8895, 32 458.

[1] И. В. Сталин. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11, стр. 338.
[2] G. Saks. Communism for South Africa.
[3] «Social and economic planning council report», № 4, U. G., № 10, 1945, p. 7. Заимствовано из книги E. S. Sachs. The choice before South Africa. London, 1952, p. 111.

Из этой таблицы следует, что владельцы ферм составляют 54,2% всех лиц, получающих доходы от фермерского хозяйства, арендаторы — 22,8%, байвонеры — 16,8%, получающие заработную плату — 6,2%. Этим еще не определяется классовый состав, но уже многое дает для характеристики социальной группировки сельского европейского населения. Картина станет яснее, если эти пять групп по величине денежного дохода свести в три группы — до 90 ф. ст., от 100 до 199 и больше 200 ф. ст.— и превратить абсолютные величины в проценты.

Таблица 11

Категории лиц	Получающих денежные доходы (в ф. ст.)		
	до 99	100—199	больше 200
Владельцы ферм	29,4	23,4	47,2
Арендаторы	53,8	24,8	21,4
Байвонеры	81,7	13,7	4,6
Получающие зарплату	62,6	24,6	12,8

Если среди владельцев ферм низшая по величине денежного дохода группа составляет 29,4% всех владельцев ферм, среди арендаторов 53,8%, то среди байвонеров — 81,7%. Половина байвонеров получает меньше 50 ф. ст. годового денежного дохода. Байвонеры, получающие больше 200 ф. ст., составляют только 4,6%.

Южноафриканская буржуазная пресса старательно скрывает факт разорения фермерства и крайнюю нужду значительной массы сельской англо-африкандерской бедноты, скрывает для того, чтобы поддержать иллюзию единства интересов европейского населения. Американские «друзья» южноафриканских помещиков и капиталистов оказали им «услугу», послав в 1927 г. комиссию для изучения проблемы «бедных белых» в Южной Африке. Комиссия финансировалась американской Карнеги Корпорэйшн. Опубликованный комиссией в 1932 г. доклад в пяти томах[1] раскрыл мрачную картину положения европейской бедноты в Южно-Африканском Союзе.

В докладе комиссии указывалось, что многие фермеры никогда не имеют наличных денег, питаются только хлебом и кукурузной кашей, изредка молоком и овощами, еще реже мясом. По данным школьной инспекции одного из районов Капской провинции, третья часть школьников систематически голодает, получая в день 1700 калорий питательных веществ вместо 3400 по норме. Вот один конкретный пример: «Семья С. живет в крайней бедности на арендованной части фермы в Виллоумор, Капская провинция. Ветхая лачуга из трех комнат построена из разных кирпичей и покрыта дырявой соломенной крышей, без потолка. Пол покрыт засохшей грязью. Семья состоит из отца, матери и семерых детей в возрасте от 1 до 14 лет. Четверо из них посещают школу. Родители дали следующие показания об их питании: завтрак — холодная вареная кукуруза, иногда ячменная или пшеничная лепешка. Иногда у них нет ничего на завтрак и четверо девушек уходят в школу голодные. Отец сказал, что старшая несколько раз падала в обморок в школе, потому что была го-

[1] «The poor white problem in South Africa». Part I. Economic report. Part II. Psychological report. Part III. Educational report. Part IV. Health report. Part V. Sociological report. Stellenbosch. 1932.

лодна. Полдник и ужин то же, что на завтрак, иногда тыква. Урожай был уже собран (за весь год) и состоял из 10 полных ведер пшеницы и 15 тыкв. Но половину этого «урожая» нужно еще отдать хозяину фермы, как его часть годового урожая» [1].

Обезземеленные англо-африкандеры или ведут свое хозяйство на арендованной земле или работают батраками. Широко распространена такая система аренды как байвонерство, сочетающая капиталистическую форму эксплуатации с феодальной. Доклад комиссии Карнеги Корпорэйшн приводит большое количество конкретных примеров байвонерства. Большинство байвонеров платит фермеру половину урожая, а некоторые и две трети урожая; они обязаны, кроме того, работать на фермера, получая за это грошовую плату. Размер обрабатываемого ими участка колеблется около 5—7 моргенов.

«Байвонер целиком зависит от фермера, — пишет проф. Мак-Милан.— Всю свою продукцию он обязан продавать фермеру, обычно по очень низкой цене, платить за пользование землей одну треть, половину, а иногда и две трети урожая. По обыкновению байвонер работает на фермера. «Время байвонера — время фермера». Он обязан работать иногда 4—5 дней в неделю. Платы байвонер не получает никакой или получает совсем незначительную плату» [2].

По существу байвонер — это батрак с наделом. Наиболее характерной для Южно-Африканского Союза является крупная ферма, обросшая карликовыми хозяйствами полубатраков-полуфермеров. Эти карликовые, парцеллярные хозяйства нужны богатым фермерам, чтобы без всяких расходов иметь всегда в своем распоряжении массу дешевых рабочих рук.

Положение этой части англо-африкандерского сельского населения мало чем отличается от положения крестьян банту, живущих на фермах европейцев. Как и банту, они в любое время могут быть согнаны с фермы. Как правило, фермеры не заключают с ними никаких контрактов, не берут на себя по отношению к ним никаких обязательств и сгоняют их с земли, когда находят для себя выгодным.

Анализ сельскохозяйственных переписей и переписей населения вскрывает интенсивный процесс роста крестьянской бедноты, выталкивания ее на рынок наемного труда. Удельный вес сельского населения в общей массе европейского населения неуклонно снижается: 48,3% в 1911 г., 38,7% в 1931 г. и 27,5% в 1946 г. За последние 20 лет численность самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась и абсолютно: 177 772 чел. в 1926 г. и 167 822 чел. в 1946 г. Происходит пролетаризация фермерства, растет численность наемных рабочих как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Промышленные рабочие европейского происхождения зарабатывают значительно больше, чем рабочие-банту, но это не значит, что они зарабатывают много. Низкая заработная плата рабочих-банту обеспечивает высокие прибыли английских и американских монополий, но никак не обеспечивает и не может обеспечивать высокую заработную плату рабочих-европейцев. Исключение составляет тонкая прослойка рабочей аристократии, подкармливаемая империалистами за счет эксплуатации банту. Для огромного большинства рабочих-европейцев, особенно для неквалифицированных, низкая заработная плата рабочих-банту является злом, она препятствует повышению заработной платы и рабочих-европейцев.

---

[1] «The poor white problem in South Africa», vol. 4, p. 31—32.

[2] W. M. Macmillan. Complex South Africa. An economic foot-note to history. London, 1930, p. 90—91.

Рабочие-европейцы вынуждены вести напряженную борьбу с нанимателями, чтобы обеспечить сносный уровень жизни, и тем не менее происходит характерное для всего буржуазного мира абсолютное обнищание. В годы после второй мировой войны наблюдалось резкое отставание роста заработной платы от роста цен на товары первой необходимости.

Трудящиеся массы европейского населения Южно-Африканского Союза пользуются такими же политическими правами, как трудящиеся Англии и других стран буржуазной демократии. Но это означает не больше как право один раз в четыре года решать, кто из представителей монополий будет их угнетать и подавлять. Две главные буржуазные партии — Националистическая и Южноафриканская до 1935 г., Националистическая и Объединенная партия после 1935 г.— по очереди стоят у власти, осуществляя одну и ту же политику обеспечения высоких прибылей для богатых за счет эксплуатации бедных.

С приходом к власти националистической партии Малана в 1948 г. началось преследование прогрессивных элементов и активизация фашистских организаций. Правительство Малана запретило в 1950 г. Коммунистическую партию, а в 1951 г. приняло новый закон, дающий право министру юстиции объявить коммунистом и подвергнуть преследованию всякого, кто когда-либо выступал в защиту насущных интересов трудящихся. И вместе с этим правительство Малана приняло закон о выдаче компенсации лицам, которые в годы второй мировой войны были заключены за фашистскую деятельность. «Я хочу залечить ваши раны» — заявил Малан южноафриканским последышам Гитлера.

Один из южноафриканских журналистов, опубликовавший под псевдонимом Роберт де Кох в американском журнале «Америкен меркюри» (февраль 1951 г.) статью «Ночь над Южной Африкой», дал такую характеристику реакционной политики Малана:

«Представляешь себе, как он энергично движется по стране с ключами в руках, запирая какую-нибудь расовую группу, защелкивая замок подвала с опасными мыслями, широко открывая двери самой сокровенной комнаты Бродербонда, комнаты, в которой находятся грызущие удила упряжки цензоров и полицейских для контроля над мыслями».

В настоящее время не только неевропейское население, лишенное всех политических прав, но и широкие народные массы европейской части населения оказались перед угрозой лишения демократических свобод.

ГЛАВА 6

РАСОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ НАРОДНОСТЕЙ БАНТУ

Банту являются коренным населением Южно-Африканского Союза, настоящими хозяевами его земли. Они составляют основную часть его населения — 68,5% по переписи 1946 г., — и вместе с тем это наиболее угнетенная часть населения.

Идеологи англо-африкандерских империалистов старательно изыскивают разнообразные обоснования расовой дискриминации банту. Используя аргументы из области биологии, политической экономии, религии и морали, они пытаются доказать, что расовая дискриминация проводится в интересах самих банту, что раздельное проживание (территориальная сегрегация) и раздельное обслуживание позволяет им якобы сохранить свою самобытность. На самом деле система расовой дискриминации является всего лишь способом осуществления империалистической политики, рассчитанной на то, чтобы максимально полно использовать рабочую силу банту на принадлежащих европейцам промышленных предприятиях, фермах и плантациях, выжать из них как можно больше прибавочной стоимости и вместе с тем лишить их всех конституционных средств борьбы за свои человеческие права.

В интересах этой империалистической политики народности банту лишены земли и загнаны в резерваты, превращенные в огромные гетто; в интересах этой политики банту лишены права жить в городах вместе с европейцами, выполнять квалифицированную работу и т. п.; в интересах этой же политики они лишены избирательных и иных демократических прав. Рассмотрим систему расовой дискриминации банту.

1. ЗЕМЕЛЬНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ БАНТУ

Земельное ограбление банту было составной частью процесса колонизации Южной Африки сначала бурами, а затем, главным образом, Англией. Этот процесс с достаточной полнотой освещен в первой части настоящей работы. Для характеристики земельных отношений, сложившихся в результате колонизации, к моменту образования Южно-Африканского Союза, воспользуемся данными доклада Земельной Комиссии сенатора Бьюмонта [1].

Доклад комиссии Бьюмонта приводит следующие данные о распределении земельного фонда Южно-Африканского Союза по отдельным категориям землевладения:

---

[1] «Union of South Africa. Report of the natives land commission». Cape Town, 1916, 2 vols.

Таблица 12

Категории землевладений	Количество в моргенах[1]	% к итогу
1. Резерваты и локации	11 164 484	7,13
2. Собственные земли банту	1 002 039	0,70
3. Земли религиозных миссий, арендованные банту	538 343	0,36
4. Коронные земли	18 569 346	13,64
а) резервированные для специальных целей (леса, заповедники и т. д.)	8 460 422	
б) нерезервированные для специальных целей	9 156 644	
в) арендованные банту	942 280	
5. Европейские частновладельческие земли	109 868 667	76,87
а) занятые европейскими фермами	105 712 338	
б) не занятые европейцами и сданные в аренду банту	4 156 329	
6. Городские земли	1 764 079	1,30
Всего . . .	142 996 958	100

[1] Морген равен 0,85 гектара.

Резерваты и локации представляют собой, главным образом, земли, которые народам банту удалось отстоять в неравной борьбе с колонизаторами, или земли, которые были отведены правительством Капской колонии для поселения некоторых племен, использованных им в качестве барьера между колонией и племенами коса в период так называемых каффрских войн. Принципиальной разницы между этими территориями нет: локации — это лишь мелкие поселения банту, разбросанные среди европейских земельных владений; поэтому в дальнейшем резерваты и локации будут обозначаться единым термином — резерваты.

Эти земли рассматриваются правительством как земельная собственность английской короны, предоставленная в пользование племен банту. Никакого права, кроме права обрабатывать, банту на эти земли не имеют. Они могут быть в любое время по решению генерал-губернатора, представителя английской короны, согнаны с них.

Большая часть резерватов — 63,7% их общей территории — находится в Капской провинции; в Трансваале и особенно в Оранжевом Свободном Государстве их совсем мало. Резерваты не представляют собою единого земельного массива, заселенного банту, а разбросаны по всему Южно-Африканскому Союзу (карта 18). Самым большим резерватом является Транскей, территория восточнее р. Кей. Общая площадь этой территории — 4944 тыс. моргенов, из них 3992 тыс. моргенов находятся в распоряжении банту. Другим крупным резерватом является Зулуленд в провинции Наталь. Группа сравнительно больших размеров резерватов — до 200 тыс. моргенов каждый — находится на севере Трансвааля. Все остальные резерваты, а всего их около сотни,— небольшие клочки земли, вкрапленные в огромные массивы европейского землевладения.

За исключением некоторых районов Транскей резерваты представляют собой худшие земли: это или полупустыни, где земледелие невозможно (северная часть Капской провинции), или болотистые, малярийные районы (прибрежные районы Зулуленда). Так, например, в резервате Убомбо смертность от малярии настолько велика, что население постепенно вымирает, скот гибнет массами от укусов мухи це-це. Или резерват Инанда территорией в 11430 моргенов, где под пашню могут быть использованы только 500 моргенов.

Земли, находящиеся в собственности банту, представляют собой капли в море европейского землевладения. Они составляют только 0,7% всего земельного фонда ЮАС. Большая часть этих земель является коллективной собственностью родов или иных родственных объединений, меньшая часть — индивидуальной земельной собственностью. История образования этой категории земель выходит за рамки настоящего исследования.

Резерваты, локации и собственные земли банту составляют вместе 12 166 тыс. моргенов, или 7,83% всего земельного фонда Южно-Африканского Союза. По данным комиссии Бьюмонта, на этих землях проживало 2 053 252 чел., или 52,1% всего сельского населения банту. Остальные 47,9% сельского населения банту жили на землях, принадлежащих европейским владениям, в качестве арендаторов.

По условиям аренды все арендаторы-банту делятся на две группы:

1. Арендующие коронные, миссионерские и частновладельческие, не занятые владельцами земли (последние принадлежат, главным образом, крупным горным и земельным компаниям).

2. Арендующие частновладельческие земли, на части которых одновременно ведут хозяйство сами европейские фермеры.

По данным, комиссии Бьюмонта, арендаторы первой группы вместе с членами семей составляли 567 946 чел., или 14,8% всего сельского населения банту, арендаторы второй группы — 1 286 316 чел., или 33,1% всего сельского населения банту. Арендаторами первой группы являются, как правило (исключение составляют арендаторы миссионерских земель), коллективы банту — племя, род или иное объединение — и рента выплачивается деньгами. Арендаторы второй группы по существу представляют собою крепостных европейских крупных фермеров и лендлордов. Несколько ниже будет дана подробная характеристика этой группы сельского населения банту. Сейчас ограничимся указанием на то, что до издания земельного закона 1913 г. банту жили на европейских фермах на условиях отработочной, натуральной (издольщина) и денежной ренты.

Земельный закон 1913 г. явился первым общим для всего Южно-Африканского Союза законом, закрепившим земельное ограбление банту. Этот земельный закон, как и ранние аграрные мероприятия колониальных правительств, был вызван к жизни стремлением империалистического правительства заставить всех крестьян банту работать на европейских предпринимателей.

Ликвидация независимости бурских республик и установление английского господства в Трансваале в результате англо-бурской войны смели все существовавшие до тех пор преграды вложению английских капиталов в золотодобывающую промышленность Трансвааля. Англо-бурская война открыла широкую свободную дорогу английскому финансовому капиталу в Южную Африку. Начался золотой бум: создавались многочисленные золотодобывающие компании, вкладывались миллионные капиталы, развертывались изыскательские работы, стремительно увеличивалась добыча золота. Как результат этого бума и условие его дальнейшего развития развертывалось железнодорожное строительство,

Условные обозначения
Земли резервированные по закону 1913 г
Земли предназначенные законом 1936 г для расширения резерватов
80 0 80 160 км
БЕЧУАНАЛЕНД
ТРАНСВААЛЬ
Потгитерсрюст
Претория
Иоганнесбург
Каролина
Мафекинг
Курумен
Кимберли
СВАЗИЛЕНД
Нготше
ОРАНЖЕВОЕ СВОБОДНОЕ ГОСУДАРСТВО
БАСУТОЛЕНД
Масеру
НАТАЛЬ
Дурбан
Бизана
КАПСКАЯ ПРОВИНЦИЯ
Эллиот
Умтата
Порт-Сент-Джонс
Крейдок
Ист-Лондон
Порт-Элизабет
Кейптаун
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

Рис. 18

строились новые города и т. д. За десятилетие, с 1903 по 1913 г., добыча золотоносной руды увеличилась в четыре раза, длина железнодорожных линий удвоилась. Английский капитал широкой рекой вливался в экономику Южной Африки.

Послевоенный золотой бум и вызванный им общий экономический подъем, восстановление разрушенного войной хозяйства вызвали исключительный, небывалый в довоенный период, спрос на рабочую силу. Количество рабочих, занятых только в золотодобывающей промышленности, по данным Витватерсрандской горной палаты составляло: [1]

1904 г. — 91 000	1908 г. — 178 000
1905 г. — 147 000	1909 г. — 188 000
1906 г. — 153 000	1910 г. — 207 000

Обеспечение промышленности и строительства дешевой рабочей силой превратилось после войны в самую острую, решающую проблему. «В течение первых 6 месяцев 1903 года вопрос о рабочей силе приобрел такую значимость, что все остальные дела потеряли по сравнению с ним свое значение» [2].

Для улучшения системы рекрутирования местных рабочих Горная палата организовала «Витватерсрандскую ассоциацию туземного труда», которая должна была сконцентрировать в своих руках всю работу по вербовке рабочих с последующим их распределением между отдельными компаниями. Эта ассоциация, существующая и в настоящее время, является своеобразным коммерческим предприятием по организации «охоты» за банту и торговли их рабочей силой. Создание ассоциации не принесло, однако, немедленного улучшения. Отходничество из Транскейских территорий — основной резервуар рабочей силы — с 75 026 чел. в 1903 г. увеличилось лишь до 79 377 чел. в 1910 г. В 1902—1903 гг. правительство Трансвааля разослало своих эмиссаров по всем африканским колониям в поисках дешевой рабочей силы, однако везде коммивояжеры южноафриканских горнопромышленников получали отказ.

В 1904 г. начался ввоз китайских рабочих. В 1906 г. на золотых копях Витватерсранда работало уже 51 427 китайцев, но затем по ряду причин началась их постепенная репатриация, и к 1910 г. осталось только 305 чел. Неоднократные предложения о ввозе европейских рабочих были отклонены горнопромышленниками, нуждавшимися не вообще в рабочей силе, а исключительно в дешевой рабочей силе африканцев.

Проблема должна быть разрешена за счет принудительной работы местного населения банту на европейских предприятиях. И одним из средств усиления нажима на местное население должен был явиться пересмотр аграрной политики в направлении дальнейшего урезывания земельных прав банту, дальнейшего усиления земельного голода.

Развитие горной промышленности, рост городов и неземледельческого населения, развитие обрабатывающей промышленности, предъявившей спрос на сельскохозяйственное сырье, создали внутренний рынок для продукции фермерского хозяйства англо-африкандеров. Начавшийся еще ранее процесс превращения полунатурального по существу, феодального, крепостнического хозяйства англо-бурских помещиков в капиталистическое фермерское хозяйство получил новый, сильный толчок и потребовал

[1] «Report of the Witwatersrand chamber of mines for 1911». В кн.: W. B. Worsfold. The Union of South Africa. London, 1912, p. 323.

[2] W. B. Worsfold. The Reconstruction of new colonies under lord Milner. London. 1913, vol. I, p. 264.

замены старых феодальных форм эксплуатации труда банту новыми, более гибкими формами.

Для характеристики отношения англо-бурских фермеров к этому вопросу приведем их показания перед комиссией Бьюмонта [1].

«В настоящее время у меня нехватает туземных рабочих и я вынужден набирать их в Натале. На некоторых фермах имеется очень много туземцев, и фермеры, к сожалению, позволяют туземцам вести свое хозяйство. Я считаю, что издольщина служит препятствием на пути развития» [2].

«До известного времени издольщина была выгодна и для белых и для черных, но сейчас времена изменились, более передовыми стали методы ведения фермерского хозяйства... Белые фермеры все больше и больше нуждаются в земле для своего собственного хозяйства. Туземцы должны стать или обыкновенными рабочими на фермах, или уйти на отведенные для них земли» [3].

«Цена земли в нашем районе за последние 10 лет очень выросла. Для меня было бы значительно лучше иметь наемных туземных рабочих, чем держать их на ферме. Я плачу туземцам 1 ф. 2 шилл. в месяц. Каффр, живущий на ферме, обходится дороже, чем наемный туземец» [4].

«Мы все больше начинаем понимать, что чем больше туземцев в нашем районе, тем хуже для фермеров. Нам, конечно, нужны рабочие, но это должны быть наемные рабочие. Многие сдают землю в аренду или допускают издольщину, но и они начинают понимать, что такое ведение хозяйства невыгодно, что они получат больше дохода, если будут сами обрабатывать землю» [5].

В 1903 г. была создана из представителей всех четырех будущих провинций Союза комиссия для разработки вопроса об условиях землевладения и землепользования крестьян-банту. В 1905 г. Комиссия представила свой доклад, в котором рекомендовала:

1. Ограничить возможности дальнейшего расширения землевладения банту.

2. Держать курс на территориальное разграничение европейского землевладения и землевладения банту (политика так называемой posessory segregation — сегрегации владений).

3. Запретить издольную и денежную аренду земли крестьянами банту у европейских землевладельцев.

«Мы должны заявить туземцу, что эта страна белого человека (?!), что туземцу не будет разрешено покупать или арендовать землю и, что если он хочет жить на земле, то только в качестве работника» — с циничной откровенностью выразил мнение крупного фермерства один из членов парламента при обсуждении закона 1913 г.[6].

На основании этих рекомендаций был разработан и принят союзным парламентом первого созыва в 1913 г. «Закон о землях туземцев».

Закон запретил крестьянам-банту покупать землю у европейцев вне специально отведенных для них и перечисленных в приложении к закону

---

[1] Эти показания относятся к 1914—1915 гг., т. е. к периоду уже после издания закона, но они отражают настроения европейских землевладельцев, характерные и для первого десятилетия XX в., когда подготавливался закон 1913 г.

[2] «Union of South Africa. Report of the native land commission». Cape Town, 1916, vol. 2, p. 54.

[3] Там же, стр. 290.

[4] Там же, стр. 288.

[5] Там же, стр. 64.

[6] Цитировано по S. Plaatje. Указ. соч., стр. 37.

районах [1]. Фактически это означало запрещение покупки земли вообще, так как перечисленные в законе районы являются районами резерватов, где европейские земельные владения совершенно ничтожны. При этом фонд землевладения банту, ограниченный указанными в законе районами, составлял 9 958 тыс. моргенов, или только 81% того земельного фонда, который фактически был в распоряжении банту.

Закон запретил издольную и денежную аренду земли крестьянами банту у европейских землевладельцев. Крестьяне банту могли пользоваться землей европейских владельцев только на условиях отработочной ренты, представляющей собою барщину. Европейским землевладельцам разрешалось держать крестьян банту на своей земле лишь при условии, если они работают в хозяйстве землевладельца не менее 90 дней в году [2]. Таким образом, устанавливалась 90-дневная барщина.

Закон 1913 г. установил основные принципиальные начала аграрной политики южноафриканских империалистов по отношению к коренному населению. Эти основные начала сводятся к следующим трем пунктам:

1. Ограничение размеров землевладения банту, искусственное создание земельного голода как средства принуждения крестьян банту искать заработка на фермах и предприятиях, принадлежащих европейцам.

2. Территориальное разграничение европейского землевладения и землевладения банту — запрещение крестьянам банту приобретать землю вне установленных районов и запрещение европейцам приобретать землю в этих районах, т. е. создание черты оседлости банту.

3. Установление отработочной ренты, барщины, как единственного условия пользования крестьянами банту землями европейских землевладельцев.

Эти основные принципы сохраняют силу и в наши дни. Все дальнейшее аграрное законодательство является лишь закреплением и осуществлением этих принципов.

Комиссия Бьюмонта после длительного и тщательного изучения вопроса рекомендовала увеличить земельный фонд банту на 8365 тыс. моргенов, что вместе с 9958 тыс. моргенов, установленных законом 1913 г., составило бы 12,8% всего земельного фонда страны. Эта прирезка должна была осуществиться за счет земель горных и земельных компаний, расположенных в северной части Трансвааля. И уже одного этого было достаточно, чтобы похоронить эти рекомендации.

Закон 1913 г. резко ухудшил и без того тяжелое положение крестьян банту. Фермеры сгоняли арендаторов банту со своих земель [3]. «Следуя по своему пути,—писал Плаатье, видный общественный деятель банту,—мы встретили толпу туземцев с их семьями и скотом, движущихся по дороге. Это были согнанные с европейских ферм издольщики. Они не имели права вступить ногой на ферму, мимо которой они проходили: они должны были придерживаться общественных дорог — единственное место

---

[1] Это запрещение не распространялось на банту Капской провинции.

[2] Это запрещение не распространялось на Капскую провинцию. В Трансваале и Натале банту, арендовавшие к моменту принятия закона землю у европейцев, могли продолжать аренду до тех пор, пока землевладелец находит это нужным для себя. Это последнее исключение являлось уступкой английскому финансовому капиталу — земельным и горным компаниям, которые имели большие земельные имущества в этих провинциях.

[3] По данным департамента по туземным делам («Report of the native affairs department for the years 1922—1926»), общее количество земли, арендованной крестьянами банту у европейских землевладельцев на условиях денежной ренты, в 1926 г. составляло 2100 моргенов, т. е. в два раза меньше того количества, которое было указано в докладе комиссии Бьюмонта.

в стране, доступное отверженным, если у них есть разрешение на передвижение»[1]. Согнанные с ферм арендаторы уходили в и так уже перенаселенные резерваты, обостряя существовавший в них земельный голод.

Задыхающееся в тисках земельного голода крестьянство банту требовало пересмотра аграрной политики, возвращения отнятых земель, непрерывно напоминало правительству о земельном голоде, напоминало не только петициями и депутациями, но грозными демонстрациями и восстаниями. После первой мировой войны и победы социалистической революции в России, когда в Южно-Африканском Союзе возникла Коммунистическая партия, борьба за землю приняла более организованный, настойчивый характер. В годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. она проявилась в очень острых формах.

Правительство ЮАС не могло не считаться с нарастающим массовым крестьянским движением, пользующимся поддержкой всех прогрессивных сил страны, и в 1936 г. парламент принял предложенный правительством новый земельный закон — Native Trust and Land Act, 1936. Новый закон предусматривал увеличение земельного фонда банту на 7 250 000 моргенов, но вместе с тем ликвидировал права банту Капской провинции на покупку земли вне резерватов.

Увеличение площади резерватов должно было осуществиться за счет передачи резерватам части коронной земли и, главным образом, путем выкупа земли у европейских землевладельцев в северной части Трансвааля (5 млн. моргенов) и северных районах Капской провинции. Как уже указывалось, эти земли принадлежали в основном крупным компаниям и сдавались в аренду крестьянам банту. Следует иметь также в виду, что это «крайне бедные земли в засушливых районах»[2].

Для осуществления указанной операции был создан попечительский совет (Native Trust) во главе с генерал-губернатором. Закон предусматривал финансирование попечительского совета в сумме 10 млн. ф. ст. в течение 10 лет. Однако за первые 10 лет, к февралю 1945 г., парламент отпустил совету только 6 млн. ф. ст.

К началу 1948 г. советом было куплено и передано в пользование крестьян банту 1 762 797 моргенов, из фонда коронных земель передано резерватам 1 497 194 моргена. Площадь резерватов увеличилась, следовательно, на три с лишним миллиона моргенов и составляет теперь около 14 млн. моргенов, или 10% всей земельной территории Южно-Африканского Союза.

Прокламируя прирезку земли крестьянам резерватов, закон 1936 г. одновременно резко ухудшил положение банту, живущих на европейских землях. Закон разрешал европейским землевладельцам держать на своих землях банту при одном из двух условий: либо работы в хозяйстве землевладельца не менее 122 дней в году (вскоре количество дней было увеличено до 180), либо уплаты землевладельцем налога за каждого арендатора в размере от полуфунта до 5 ф. ст. в зависимости от срока аренды. Установленная законом 1913 г. барщина была, таким образом, увеличена вдвое. Налог на землевладельца за право держать арендатора означал соответствующее повышение арендной платы. Проведение в жизнь этого закона повлекло сокращение численности банту на европейских землях и соответственное увеличение их в резерватах.

---

[1] S. Plaatje. Native life in South Africa. London, 1917, p. 69.

[2] «Handbook on race relations in South Africa» под редакцией E. Hellmann. Cape Town, 1949, p. 175.

Земельный закон 1936 г. явился очередным издевательством над чаяниями обезземеленного крестьянства. Фактически никакой прирезки земли не получилось. Коронные земли, переименованные в резерваты, были и раньше населены крестьянами банту. Численность банту, арендующих коронные земли, сократилась с 150 000 чел. в 1936 г. до 70 000 в 1946 г.; остальные 80 тыс. превратились из арендаторов коронной земли в держателей наделов в резерватах.

Точно так же «некоторые земли, купленные после 1936 г., уже имели значительное туземное население» [1]. Таким образом, земельный голод в резерватах не был ослаблен ни на иоту. Более того, вследствие естественного прироста населения земельный голод обострился: площадь резерватов увеличилась примерно на 25%, а население резерватов больше чем на 40%. Закон 1936 г. принес значительные выгоды лишь крупным европейским землевладельцам, получившим возможность продать по дорогой цене плохие, частично пустующие земли [2].

Чтобы яснее представить результаты аграрного законодательства правительства Южно-Африканского Союза, сравним расселение крестьян банту на землях указанных выше категорий в начале столетия, в 1936 г. и в 1946 г. [3]. Для упрощения картины сведем все категории земли в четыре группы: I — резерваты и локации; II — земли, находящиеся в коллективной или частной собственности банту; III — земли миссионерских станций, коронные земли, сданные в аренду банту, и европейские частновладельческие земли, не занятые их владельцами и арендованные банту (все эти земли арендованы крестьянами банту на условиях уплаты денежной ренты); IV — европейские частновладельческие земли, занятые самими владельцами, на которых банту живут или в качестве батраков, батраков с наделом, или издольщиков. В результате подобной группировки мы получаем следующие данные (тыс. чел.):

	Комиссия Бьюмонта	1936	1946
I	1929	2420	2756
II	123	277	367
III	540	365	307
IV	1264	2079	2222

Численность банту, арендующих земли, включенных в третью группу, сократилась почти вдвое. Численность банту, живущих в резерватах, увеличилась на 42%, а живущих на фермах европейцев (четвертая категория) — на 76%; эта последняя группа банту во времена работы комиссии Бьюмонта составляла 33% общей численности сельского населения банту, а к 1946 г. увеличилась почти до 40%.

Аграрная политика империалистических правительств ЮАС по отношению к банту была и остается политикой колониального порабощения, рассчитанной на обеспечение европейских предпринимателей в промышленности и сельском хозяйстве дешевой рабочей силой.

---

[1] «Handbook of race relations in South Africa», p. 175.

[2] На покупку 1 762 797 моргенов земли попечительский совет израсходовал 5 380 613 ф. ст. Там же, стр. 174.

[3] Источники: «Report of the native land commission». vol. I, p 9. Приложения; по 1936 г.—«Handbook on race relations in South Africa», p. 175; по 1946 г.—«Official yearbook of the Union of South Africa», № 24, p. 454.

2. ДЕГРАДАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕЗЕРВАТОРОВ

По переписи 1946 г. в резерватах живет 2756 тыс. чел., что составляет 43% сельского населения банту и 35% общей численности банту Южно-Африканского Союза [1].

Главной причиной, задерживающей развитие крестьянского хозяйства резерватов, является острый недостаток земли. Это признается всей буржуазной прессой, этого не отрицают и официальные органы власти Южно-Африканского Союза. Однако размеры малоземелья старательно скрываются. Правительственная сельскохозяйственная статистика сообщает данные о поголовье скота и сборе основных продовольственных культур, но не дает никаких сведений о размерах посевных площадей и пастбищ. Известно, что вся пахотная земля поделена на парцеллярные наделы, что свободных наделов нет и что значительная часть крестьян совсем не имеет наделов пахотной земли. Это относится прежде всего к тем областям Транскей, где дробление наделов пахотной земли запрещено. По данным правительственной Туземной Экономической Комиссии, относящимся еще к 1928—1929 гг., в семи обследованных ею районах Транскей 11 000 женатых крестьян имели усадьбу, но не имели пахотных наделов; по этим же данным, в области Виктория-Ист на 2776 взрослых мужчин было только 1700 пахотных наделов, в области Глен Грей — 25% всех крестьян не имели наделов [2]. В ряде областей введено ограничение количества скота, выпасаемого на общинном пастбище (Таба Нчу и др.).

Зажатый в тиски земельного голода крестьянин платит непосильные для него налоги и подвергается ничем не ограниченной торгово-ростовщической эксплуатации.

По закону 1925 г. (Native Taxation and Development Act, № 41), унифицировавшему систему налогообложения коренного населения, каждый мужчина в возрасте от 16 до 65 лет платит подушную подать в размере 1 ф. ст. в год и местный налог — 10 шилл. в год с каждой хижины. К этому следует прибавить разного рода сборы (церковный, школьный, больничный и др.). Каждый банту, независимо — мужчина или женщина, оплачивает всякое разрешение на право передвижения [3], так называемый паспортный сбор. В 1946 г. по всему Союзу было собрано: подушной подати — 1 464 732 ф. ст., местного налога — 218 792 и паспортных сборов — 745 643 ф. ст.

Налогообложение банту носит дискриминационный характер. Европейцы не платят подушного налога, а подоходный налог платят в возрасте от 21 до 60 лет. Многие европейцы, имеющие доход ниже установленного минимума, освобождены от всякого налога. Не редки поэтому случаи, когда европейский фермер не платит никакого налога, а его батраки платят налог. В отчете правительственной Туземной Экономической Комиссии за 1930—1932 гг. приводится следующий пример налоговой дискриминации.

«В Транскей европейский фермер, имеющий ферму в 2—3 тыс. моргенов, не платящий подоходного налога, вообще избегает прямого налогообложения, в то время как туземец с 2—3 моргенами надела или даже без надела платит 20 шилл. и если он имеет хижину, то не менее 30 шилл. в год прямых налогов» [4].

---

[1] Сюда не включаются банту, живущие на миссионерских, коронных и собственных землях, составляющие 674 тыс. чел., или 10% всего сельского населения банту.

[2] «Union of South Africa. Report of the native economic commission, 1930—1932». Pretoria, 1932, p. 21.

[3] См. стр. 147 настоящей работы.

[4] «Union of South Africa. Report of the native economic commission, 1930—1932», p. 225

Империалистические правительства Южно-Африканского Союза отлично понимают, что такой налог не соответствует доходности крестьян, но именно потому они и сохраняют его. Помимо своего фискального назначения, задача этого налога состоит в том, чтобы вызвать у крестьянина нужду в деньгах и тем заставить его уйти на заработки. «Одна из главных задач налогообложения туземцев состоит в том, чтобы вынудить его искать работу в сельском хозяйстве, в горной или обрабатывающей промышленности. В этом отношении оно полностью себя оправдывает», — признается в одном из официальных докладов [1].

Именно поэтому налоги взыскиваются с суровой беспощадностью. Неуплата налога в срок влечет за собой арест, суд и принудительные работы на фермах европейцев. Таким образом, подвергаются репрессиям за неуплату налога ежегодно от 20 до 70 тыс. банту.

Крестьянство резерватов подвергается чудовищной эксплуатации со стороны европейских купцов и ростовщиков. Сбытовой и потребительской кооперации нет. Крестьянин находится полностью во власти европейского скупщика и лавочника. Во избежание конкуренции между купцами-европейцами установлен порядок, при котором каждая европейская лавка отстоит от другой на расстоянии 5 км. В своем маленьком районе европейский купец выполняет функции скупщика, продавца, ростовщика и агента по вербовке рабочей силы.

Продукцию своего хозяйства крестьянин продает, как правило, ниже обычных рыночных цен. Большинство крестьян вынуждено продавать «излишки» сразу же как только снимет урожай, чтобы уплатить налоги. Европейские купцы, пользуясь неотложной нуждой крестьянина в деньгах, устанавливают крайне низкие цены, по которым крестьянин вынужден продавать продукты своего хозяйства,— в отличие от крупного европейского фермера он не может дожидаться повышения цен. Через несколько месяцев крестьянин идет к этому же купцу, чтобы купить, чаще всего в кредит, несколько мешков кукурузы, за которую он платит уже двойную-тройную цену [2]. К этому же купцу идет крестьянин в случае крайней необходимости и за денежной ссудой. Туземная Экономическая Комиссия в докладе за 1930—1932 гг. отмечала, что в долговых книгах европейских купцов Транскей записано не менее одного миллиона фунтов стерлингов крестьянских долгов; в этом же докладе указывалось, что европейские купцы выдают ссуды, как правило, из 100% годовых.

Обобранный правительством и купцом, крестьянин лишен возможности улучшать свое хозяйство. Следующие данные свидетельствуют о состоянии техники крестьянского хозяйства: в 1930 г. все крестьянские хозяйства банту ЮАС имели 238 тыс. плугов; деревянные сохи в Южной Африке неизвестны. В 1937 г. количество плугов увеличилось до 292 тыс. и к 1946 г. — до 364 тыс., из которых 301 тыс. принадлежала крестьянским хозяйствам резерватов (включая сюда крестьянские хозяйства на собственной земле банту, на миссионерских и коронных землях). Статистика не дает количества крестьянских хозяйств банту. Принято считать крестьянскую семью в пять человек; исходя из этого расчета, мы получим приблизительно 640 тыс. хозяйств. Следовательно, каждое второе хозяйство не имеет плуга; но если мы учтем классовую дифференциацию крестьянства и неравномерное распределение плугов, то не сделаем ошибки, признав, что две трети крестьянских хозяйств не имеют плугов и обрабатывают землю древнейшим орудием земледелия — ручной мотыгой.

[1] «Social and economic planning council's report». U. G. 48, 1945, p. 84.
[2] «The South African journal of economics», 1933, № 2.

Раньше крестьянин засевал свое поле несколько лет кряду, а затем бросал его и поднимал целину. При всей примитивности обработки земли такая система давала достаточные урожаи. Сейчас этой возможности нет. Крестьяне не знают даже паров; из года в год крестьянин копает мотыгой свою парцеллу, будучи не в силах компенсировать то, что отдает ему земля. Применение искусственных удобрений в Южно-Африканском Союзе вообще распространено пока мало, крестьянам-банту оно недоступно. Навоз в большей части районов является единственным видом топлива. Происходит колоссальное истощение почвы, урожаи из года в год сокращаются. Урожайность в крестьянских хозяйствах банту обычно в два-три раза ниже урожайности фермерских хозяйств европейцев.

«Даже в «благоприятные годы» (засухи и недороды в резерватах обычное явление) крестьяне производят лишь около половины необходимого им количества зерна» [1]. Считается, что на одного человека в год требуется 2,75 мешка кукурузы (основная продовольственная культура); среднегодовой сбор кукурузы в Транскей за 1939—1942 гг. составлял лишь 1,5 мешка на душу населения. Резерваты ежегодно ввозят большое количество кукурузы, являясь, таким образом, постоянным рынком сбыта кукурузы для крупного фермерского хозяйства европейцев.

Следующая таблица дает общий итог развития крестьянского хозяйства резерватов за 30 лет [2].

Таблица 13

Годы	Сбор хлебов (в тыс. тонн)		Поголовье скота (в тыс. голов)		
	кукуруза	сорго	крупный рогатый	овцы и козы	свиньи
1918	293	133	1680	5760	382
1928	254	71	3591	7415	284
1948	247	43	3589	6750	443*

* Данные за 1946 г.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении таблицы, это большая неравномерность в развитии животноводства и полеводства: первое растет (по крайней мере по количеству голов), второе деградирует. Если в европейском фермерском хозяйстве удельный вес экстенсивного животноводства постепенно падает и увеличивается роль интенсивного земледелия, то в крестьянском хозяйстве резерватов удельный вес экстенсивного животноводства неизменно растет. Однако рост удельного веса животноводства в крестьянском хозяйстве резерватов отнюдь не показатель специализации товарного капиталистического хозяйства, а показатель деградации, движения назад.

Колониальные власти кричат об «over stocking», т. е. о перегрузке пастбищ резерватов скотом, и обвиняют банту в излишней привязанности к скоту. Банту любят скот,— это верно,— но причину повышения удель-

[1] К. Ян. Южно-Африканский Союз — вотчина империалистических рабовладельцев (письмо из Иоганнесбурга). «За прочный мир, за народную демократию!», 7 июля 1950 г.

[2] Таблица составлена по данным сельскохозяйственных переписей, публикуемых в официальном «Monthly bulletin of statistics».

ного веса животноводства и перегрузки пастбищ надо искать не в этой привязанности к домашним животным, а в общем недостатке земли и в существующей системе землепользования в резерватах. В европейском фермерском хозяйстве на одну душу европейского сельского населения приходится 11,3 головы крупного и 44,4 головы мелкого рогатого скота. В крестьянском же хозяйстве резерватов на одну душу сельского населения приходится одна голова крупного и две головы мелкого рогатого скота.

Увеличение стада при существующей системе землепользования в резерватах является единственной возможностью расширения хозяйства. Пахотная земля, как указывалось, вся разделена, увеличение запашки возможно только в отдельных хозяйствах за счет сокращения в других. Свободные земли отсутствуют, и общее увеличение посевных площадей практически невозможно. Пастбище находится в общинном пользовании, нагрузку скота на пастбища можно увеличивать за счет ухудшения питания скота. Количество выпасаемого скота или не ограничено, или ограничено нормой, до которой большинство хозяйств еще не дошло. Поэтому крестьянин, имеющий возможности расширить свое хозяйство, идет по линии увеличения поголовья скота.

Заслуживает внимания анализ состава этого поголовья [1]. Мериносы, скот, продукция которого идет целиком для продажи, составляют у европейских фермеров 59,5% всего поголовья скота (исключая рабочий скот), а у крестьян в резерватах — только 29,3%. Крупный рогатый скот и молочные козы в европейском фермерском хозяйстве составляют 22,5% стада, в резерватах — 60,3%. В хозяйстве банту резерватов преобладает скот, продукция которого идет в основном на питание крестьянской семьи. Молочные козы в стаде скота европейских фермеров составляют 3,5%, в стаде банту резерватов — 26,7%. Более чем одна четверть всего скота — молочные козы.

Вследствие перегрузки пастбищ и ухудшения, следовательно, условий выпаса скота рост животноводства в резерватах сопровождается не улучшением, а ухудшением породы скота, снижением его производительности. Можно было бы привести длинный ряд фактов и расчетов, красноречиво свидетельствующих о падении животноводства в резерватах. Ограничимся одним авторитетным свидетельством профессора сельскохозяйственной экономики университета Претории Леппана, которого никто не может заподозрить в излишних симпатиях к банту. Он пишет:

«Еще недавно пастбища были в изобилии, воды достаточно, и скот был в хорошем состоянии. Сегодня пастбища оголены, оставшаяся растительность в большинстве случаев мало съедобна, водные источники исчезают и водопой становится все более затруднительным. Скот вырождается, молока получается мало, и главный продаваемый продукт туземного животноводства — кости и кожа. В прошлом корова в течение своей жизни приносила от 8 до 12 телят, сейчас же она дает только 4—5» [2].

Деградация земледелия еще более значительна и очевидна. Сбор кукурузы и сорго неизменно из года в год сокращается; рекордный урожай кукурузы был снят в 1923 г.— 400 тыс. т, а затем лишь в редкие годы он поднимался выше урожая 1918 г. Крестьянское хозяйство, как указывалось, не покрывает своих нужд собственной кукурузой. Поэтому всякое снижение сбора кукурузы означает не просто уменьшение доходности, но уменьшение потребления.

---

[1] Подсчет произведен по данным сельскохозяйственной переписи 1949 г.

[2] H. D. Leppan. Agricultural policy in South Africa. Johannesburg, 1931, p. 46.

Положение с другими, менее значительными по их роли в хозяйстве, продовольственными культурами нисколько не лучше. Пшеницы в 1918 г. было собрано 10783 т, в 1926 г. — 6019 и в 1946 г. — 3680 т. Сбор картофеля: 7177 т в 1918 г., 1400 т в 1928 г. и 5260 т в 1946 г.

Происходит быстрое и массовое обнищание крестьянства банту резерватов. Голод — частый гость в резерватах, систематическое недоедание — повседневное и массовое явление. Это признается в докладах врачей, миссионеров и многочисленных комиссий, обследующих резерваты. Один миссионер еще в 1928 г. писал из Сискей, что «только 13% крестьян дополняют кукурузу молоком, в то время как раньше молоко было универсальной пищей туземцев. Мясо как регулярный или даже как частый элемент повседневной пищи встречается очень редко»[1]. В «Синей книге по туземным делам» за 1875 г. на стр. 59 мы встречаем такое утверждение: «В Миддельдрифт и в Кейскамахук положение туземного народа мирное и процветающее», а Туземная экономическая комиссия на 183-й странице своего отчета за 1930—1932 гг. об этих двух областях пишет как об областях «наибольшей бедности и перенаселенности»[2]. Суперинтендант области Фрейбург в своих показаниях перед этой комиссией говорил, что «туземцы стали беднее за последние 25 лет»[3].

Единственное спасение от голода — уход на заработки в город, на шахты или на фермы европейцев. В тех случаях, когда бедность оказывается недостаточной, чтобы заставить крестьянина уходить на заработки, на него оказывается административное давление. Ежегодно сотни тысяч крестьян заключают контракт и, оставляя в резервате семью, отправляются на заработки. По переписи 1936 г. 53,9% взрослых мужчин находились на заработках вне резерватов. «Наиболее существенный «экспорт» из таких районов, как Хершель, это — рабочая сила»[4]. Заработная плата отходников настолько низка, что их сбережений хватает обычно лишь на уплату налогов и сборов[5]. Через некоторое время крестьянин вновь отправляется на заработки.

Постоянными жителями резерватов являются женщины, дети, старики и лишь та часть работоспособных мужчин, рабочая сила которых в данное время не нужна предпринимателям.

Резерваты совсем не являются территориями, на которых крестьянам банту позволено жить независимой жизнью, это не убежище от колониальной эксплуатации; крестьянское хозяйство резерватов не является особым сектором южноафриканской экономики, развивающимся параллельно империалистической экономике европейской части населения.

Система резерватов Южно-Африканского Союза — это особая система колониальной эксплуатации коренного населения. Резерваты являются местом содержания резервной армии труда, а крестьянское хозяйство — средством содержания этой армии. Горнопромышленники, владельцы фабрик, заводов и богатые фермеры черпают в резерватах столько рабочей силы, сколько им нужно, а оставшихся без работы высылают обратно в резерваты.

Резерваты являются также местом воспроизводства рабочей силы. Законы капиталистической экономики в части, касающейся рабочих и оплаты их труда, подвергаются в Южно-Африканском Союзе админи-

---

[1] «South African outlook», 1928, March, p. 50.

[2] «Union of South Africa. Report of the native economic commission 1930—1932», Pretoria, 1932, p. 183.

[3] Там же, стр. 183.

[4] W. M. Macmillan. Complex South Africa, p. 177.

[5] О заработной плате рабочих, банту см. стр. 139—141.

стративно-полицейскому корректированию в бо̀льшей степени, чем в любой буржуазной стране. Раскрывая законы производства прибавочной стоимости, К. Маркс писал: «Собственник рабочей силы смертен... Рабочие силы, исчезающие с рынка вследствие изнашивания и смерти, должны постоянно замещаться по меньшей мере таким же количеством новых рабочих сил. Сумма жизненных средств, необходимых для производства рабочей силы, включает в себя поэтому жизненные средства таких заместителей, т. е. детей рабочих...» [1].

Теоретики южноафриканских империалистических хозяев выдвинули свою колониальную «теорию» заработной платы: «Заработная плата туземных рабочих должна приближаться к разнице между средней привычной стоимостью жизни и производством в резерватах» [2]. Эта «теория» исходит из того, что семья рабочего должна содержать себя обработкой земли в резервате, что расходы на воспитание детей рабочего, его заместителей на рынке труда, исключаются из заработной платы, достаточной лишь для поддержания его собственной жизни. Многочисленные обследования бюджетов рабочих банту, проводимые самыми различными организациями, показывают, что средняя зарплата рабочего банту составляет от одной трети до двух третей стоимости жизни семьи в 5 человек. «Большинство туземных горняков оплачивается из расчета содержания его самого, их семьи обеспечивают себе минимум средств существования обработкой земли в резервате» [3]. Следовательно, доходы от земельных наделов в резерватах включаются в заработную плату рабочих, а отходничество из резерватов является своеобразной барщиной, отбываемой или в промышленности или на крупных фермах.

Система резерватов, районов оседлости банту, является для капиталистов средством, обеспечивающим высокие прибыли. Для банту система резерватов создает мучительные условия жизни, прогрессирующее обнищание, подводит их к грани вымирания. За последние годы даже империалистическая пресса бьет тревогу по поводу резкого ухудшения здоровья и снижения работоспособности банту. При медицинском осмотре отходников, приходящих на работу в шахты, оказывается, что 25% предлагающих свою рабочую силу по состоянию здоровья непригодны к этой работе. В южноафриканском журнале «African Studies» за 1943 г. читаем: «Туземные резерваты были созданы как резервуары дешевой рабочей силы. Условия жизни в них по необходимости должны быть настолько плохими, чтобы взрослые туземцы были вынуждены уходить на заработки в горную промышленность и на фермы. На самом деле они настолько плохи, что там вырастают люди, неспособные быть рабочими» [4].

3. КРЕПОСТНИЧЕСТВО НА ЕВРОПЕЙСКИХ ФЕРМАХ

На фермах, где европейские владельцы (или арендаторы) ведут свое хозяйство, живет по переписи 1946 г. 2222 тыс. банту. По сравнению с данными комиссии Бьюмонта, эта группа банту увеличилась на 76%.

Сохраняется еще, особенно в провинциях Трансвааль и Наталь, старый порядок, когда владелец фермы сдает часть земли в аренду крестьянам банту на условиях денежной или натуральной ренты. Однако такого рода аренда постепенно исчезает. Самой распространенной, типичной

---

[1] К. Маркс. Капитал. М., 1953, т. 1, стр. 178.

[2] J. Kirk. The economic aspects of native segregation in South Africa. London, 1929, p. 88.

[3] W. G. Ballinger. Race and economics in South Africa. London, 1934, p. 33.

[4] «African studies», 1943, № 3.

формой аренды является сейчас аренда за отработки, при которой крестьянин банту получает клочок пахотной земли, право выпаса строго ограниченного количества скота и за это обязан работать на владельца фермы минимум 180 дней в год. Постепенно эти арендаторы превращаются в батраков с наделом: фермеры урезывают их пахотные участки, сокращают поголовье разрешенного к выпасу скота и взамен этого платят заработную плату частью натурой, частью деньгами.

Классическую характеристику батрака с наделом дал В. И. Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России». Он писал:

«Ничтожный размер хозяйства на клочке земли, ...невозможность существовать без продажи рабочей силы, ...в высшей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела,— вот отличительные черты этого типа» [1].

«Юридическое основание его права на кусочек земли совершенно безразлично для такой квалификации. Принадлежит ли ему земля на праве полной собственности (как парцелльному крестьянину) или ее дает ему лишь в пользование лендлорд или Rittergutsbesitzer ... дело от этого нисколько не меняется» [2].

Материалы ежегодных сельскохозяйственных переписей свидетельствуют об упадке хозяйства этой группы банту, начиная с 1923 г.

Показатели	1923	1936	1946
Сбор кукурузы и сорго (тыс. тонн)	217	157	175
Поголовье крупного и мелкого рогатого скота (тыс. голов)	3013	2539	2507

Сбор кукурузы и сорго резко колеблется из года в год, что зависит в значительной степени от урожайности. В целом сбор хлебов и поголовье скота за ряд десятилетий сокращаются при возрастании численности банту на европейских фермах; хозяйство арендаторов постепенно свертывается.

Никакого законодательства, охраняющего интересы банту, нет. Они находятся полностью во власти фермера, который расплачивается с ними так, как находит для себя выгодным. На одних фермах они снабжают банту продуктами питания, платят небольшую заработную плату деньгами и не разрешают им вести свое хозяйство; на других — дают участок земли для пашни, разрешают пасти некоторое количество скота и не платят никакой иной заработной платы. В этом, последнем случае фермеры разрешают банту в свободное от работы на ферме время уходить на заработки в город, чтобы достать денег на уплату налога.

Но какова бы ни была форма оплаты, она во всех случаях ничтожна и не покрывает даже неотложные расходы.

Вот наиболее суммарная картина положения банту на европейских фермах:

«Кроме пахотного участка и права выпаса скота работник получает денежную заработную плату и питание или, в некоторых случаях, повышенную зарплату деньгами, без питания. Питание состоит главным образом из кукурузы — 9—10 кг в неделю на каждого работника. Отходы от сепаратора обычно отдаются работникам, цельное молоко дается лишь иногда маленьким детям. Вероятно около 60% фермеров дают работникам немного кофе и сахара. Кое-где для них режут раз в месяц старую

---

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 145.
[2] Там же, стр. 146.

овцу или козу. В некоторых случаях мясо дается еженедельно, в других случаях туземцы получают мясо, когда сдохнет скотина» [1].

Журнал английских колонизаторов «Африкэн Уорлд», встревоженный резким падением работоспособности банту, вынужден признать, что «наниматель обеспечивает своих «парней» питанием, которое чуть выше голодной нормы» [2].

Э. Робсон, путешествовавшая по Африке в 1936 г., дает следующую картину жилищных условий банту на европейских фермах ЮАС:

«По всей этой обширной стране разбросаны европейские фермы: чистые, хорошие дома белых фермеров, укрытые в тенистых местах широких равнин, с прилегающими к ним не менее хорошими надворными постройками для скота, птицы и хранения запасов. На значительном от них расстоянии — грязные, разваливающиеся хижины для туземных рабочих. Повсюду скот, птицы и собаки находятся в помещениях значительно более лучших, чем африканские рабочие» [3].

Трагедия этой группы крестьян банту состоит в том, что они не могут уйти с европейских ферм. Они не могут уйти в резерваты — для них там земли нет. Они не могут купить землю (если бы и смогли накопить необходимую сумму денег) и вести на ней свое хозяйство — покупка земли вне резерватов запрещена. Они могли бы переходить с одной фермы на другую в поисках лучших условий или переселяться в город, но тут им преграждает дорогу рабовладельческое по существу законодательство Южно-Африканского Союза.

Без письменного разрешения хозяина банту не имеет права отлучиться с фермы даже для того, чтобы сходить на соседнюю ферму. Никто не имеет права нанять его, если у него нет установленного законом документа, удостоверяющего, что он отпущен фермером, первый же полицейский арестует его. За всякую провинность, действительную или вымышленную, он может быть без суда наказан розгами. Жестокое избиение банту фермерами — самое обычное явление.

Если фермер продает свою землю, то вместе с землей к новому хозяину переходят и прикрепленные к ней банту. Если банту не нужен фермеру, он его прогоняет, и тогда вся семья со своим скудным скарбом бродит с фермы на ферму в поисках работы и крова.

«Без той или иной формы прикрепления населения к месту жительства, к «общине», без известной гражданской неполноправности, отработки, как система, были бы невозможны... труд закабаленного крестьянина не может не приближаться по своему качеству к труду крепостному» [4].

Банту, живущие на европейских фермах, существующими законами прикреплены к этим фермам. Это крепостные англо-африкандерских помещиков и богатых фермеров.

В последние, послевоенные годы на европейских фермах стал очень широко применяться труд заключенных банту. Их арестовывают за неуплату налога, за нарушение законов о пропусках или иных многочисленных правил, существующих только для банту, и решением суда отправляют на работу на фермы. Полиция и суды выполняют функции своеобразных агентств по обеспечению фермеров дешевой рабочей силой: фермеры платят заключенным 1 шилл. 9 пенсов в день. Эта практика приняла настолько массовый и систематический характер, что фермеры

---

[1] «Handbook of racial relations in South Africa», p. 194.
[2] «African world», 1948, Jan.
[3] E. Robeson. African journey. New-York, 1945, p. 50—51.
[4] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 169.

создают объединения по использованию труда заключенных и строят свои частные тюрьмы. Даже английский лейбористский журнал «Трибюн» называет эти порядки «разновидностью рабовладельческого строя».

4. ПОЛИТИКА «ЦИВИЛИЗОВАННОГО» ТРУДА

По переписи 1946 г. 758 000 банту, в том числе 6430 женщин, работали по найму в горной и обрабатывающей промышленности, на строительстве и на транспорте; 720 000, в том числе 455 789 женщин, работали прислугой на предприятиях общественного пользования (гостиницы, кафе и пр.) и в домашнем хозяйстве европейцев.

В городах и промышленных центрах, где банту живут и работают вместе с европейцами, в области наемного труда политика расового угнетения, последовательно осуществляемая англо-африкандерскими империалистами, проявляется особенно резко и принимает наиболее отвратительные формы. В горной промышленности, включая каменоломни и разработку карьеров, по переписи 1946 г. было занято 499 461 чел., из них банту — 442 578, европейцев — 53 557, мулатов — 2724, китайцев, индийцев и других выходцев из Азии — 602 чел. Банту составляли, следовательно, 88,6% всех занятых в горной промышленности. Среди горнорабочих банту было 1729 женщин.

Рабочая сила банту является основой развития горной промышленности ЮАС и источником высоких прибылей, получаемых горнопромышленными монополиями. «Без достаточного притока массовой туземной рабочей силы,— писал один из журналов южноафриканских горнопромышленников, — эти предприятия никогда не смогут рентабельно эксплуатироваться» [1]. Под «рентабельностью» монополисты-горнопромышленники понимают получение прибылей, невозможных в обычной капиталистической стране.

Труд банту в горной промышленности является трудом принудительным.

По существу всякая работа банту на европейских предпринимателей является принудительным трудом. Принудительным этот труд является потому, что, во-первых, появление рабочей силы банту на рынке труда обусловлено не экономическими законами буржуазного общества, а земельным ограблением и сложной системой административных мероприятий, вынуждающих банту продавать свою рабочую силу европейским предпринимателям; во-вторых, отношения между покупателем и продавцом рабочей силы регулируются не рыночными законами спроса и предложения, а административным вмешательством государственной власти.

Одной из наиболее массовых и наиболее очевидных форм принудительного труда является система контрактации крестьян резерватов на работу в горной промышленности. Девять десятых всех горнорабочих банту составляют законтрактованные крестьяне, согнанные со всех концов Южно-Африканского Союза, а также из соседних английских и португальских колоний.

Для вербовки рабочей силы на шахты созданы специальные компании, крупнейшими из которых являются «Корпорация по вербовке туземцев», действующая в Южно-Африканском Союзе и британских протекторатах, и «Витватерсрандская Ассоциация Туземного Труда», оперирующая в Мозамбике, Ньясаленде, обеих Родезиях. Эти компании располагают густой сетью агентов-вербовщиков, опирающихся на содей-

[1] Цит. по книге Н. М. Федоровский. В стране алмазов и золота. Путешествие по Южной Африке. М., 1934, стр. 112.

ствие полицейских и вождей племен. Не имея денег на уплату налога, оказавшийся в кабале у европейского лавочника или просто лишенный иных средств к существованию банту «подписывает» контракт, вернее ставит своей рукой крестик на бумаге, содержание которой он знает лишь со слов вербовщика. Обычно вербовщик выдает ему небольшой аванс и тем делает его уже должником горной компании. Продолжительность контракта—10—12 месяцев.

Между правительством Южно-Африканского Союза и португальскими колониальными властями существует соглашение, так называемая Мозамбикская конвенция, о поставке рабочей силы на шахты Южно-Африканского Союза. Согласно этой конвенции колониальная администрация Мозамбика обязана ежегодно отправлять на работу в шахты ЮАС несколько десятков тысяч рабочих (численность устанавливается на каждый год), получая определенную мзду за каждого человека. Администрация Мозамбика, обязанная отправить на работу установленное количество рабочих, не хочет считаться и не считается с желаниями подвластного ей коренного населения. Она выступает в роли крупного оптового работорговца.

На шахтах, особенно золотых и алмазных, законтрактованные банту оказываются на положении рабов. Горняцкие поселения называются компаундами. Компаунд — это группа больших бараков, огороженная колючей проволокой или высоким забором. Вход в компаунд охраняется полицейскими и выход из него невозможен без специального разрешения надсмотрщика. В бараках устроены сплошные нары в два яруса, на которых каждый рабочий имеет свое место. Владельцы шахт обеспечивают горняков питанием, которое состоит почти всякий раз из кукурузной каши или бобов и картофеля; два раза в неделю им выдают по 40—50 граммов мяса или рыбы. Стоимость питания вычитается из заработной платы. В компаундах имеются хозяйские лавки, в которых рабочие могут кое-что купить. Условия жизни и оплаты труда строго регламентированы и однообразны на всех шахтах.

«Весь период своего контракта они проводят в условиях полутюремного режима, в полной изоляции, под охраной полиции. Их заработная плата даже с учетом доходов их семей в резерватах не может обеспечить самого жалкого прожиточного минимума. Вычеты за скудное питание, за койку в бараке, многочисленные штрафы и т. д. поглощают значительную часть их заработка, и по истечении срока контракта рабочий-африканец возвращается в резерват без гроша в кармане с тем, чтобы вскоре снова покинуть семью и отправиться добывать золото ради обогащения монополистов Лондона и Нью-Йорка»[1].

О размерах заработной платы горняков-банту можно судить по следующим данным горной палаты за 1945 г.: 39 000 европейских горняков получили 222 367 000 ф. ст., 288 000 горняков-банту получили 13 418 000 ф. ст., следовательно, на каждого горняка-европейца приходится 574,2 ф. ст., на каждого горняка-банту — 46,6 ф. ст. в год. Заработок горняка-банту составляет только 8,1% заработка европейца.

Этот разрыв в оплате горняков не может быть объяснен только тем, что банту выполняют неквалифицированную, а европейцы квалифицированную работу. В общую сумму заработной платы, выплаченной европейцам, вошло жалование инженеров, экономистов и других высокооплачиваемых служащих, что, конечно, повысило средний заработок европей-

[1] К. Ян. Южно-Африканский Союз — вотчина империалистических рабовладельцев (письмо из Иоганнесбурга). «За прочный мир, за народную демократию!», 7 июля 1950 г.

ских рабочих. Большинство европейских рабочих выполняет квалифицированную работу, до которой рабочих банту просто не допускают. Однако уже многие рабочие банту работают у врубовых машин и других механизмов, выполняя квалифицированную работу. Но и в том случае, когда и европеец и банту выполняют одинаковую работу, первый получает во много раз больше второго.

Аналогичная картина с оплатой труда банту и в обрабатывающей промышленности, на строительстве и на транспорте.

В обрабатывающей промышленности по переписи 1946 г. было занято 360 608 чел., из них банту — 163 636 (в том числе 4215 женщин), европейцев — 131 537, мулатов — 48 870, индийцев, китайцев и других выходцев из Азии — 16 565 чел. Рабочие банту составляют, следовательно, 45,3% общей численности занятых в обрабатывающей промышленности. В отдельных отраслях промышленности процент рабочих банту тем выше, чем труднее выполняемая работа: кирпичные заводы — 83, лесопильные заводы — 68, кожевенные — 59, текстильные фабрики —40, кондитерские фабрики — 29, типографии — 15.

Рабочим банту трудно приобрести квалификацию, хотя бы уж потому, что абсолютное большинство их неграмотно. Но еще труднее получить квалифицированную работу. В горной промышленности и на транспорте есть прямое, законом установленное, запрещение банту выполнять многие квалифицированные работы (Mines and Work Act N 25 of 1926)[1]. В обрабатывающей промышленности такого закона нет, но имеются многочисленные административные распоряжения, ограничивающие возможности банту получить квалифицированную работу. Этому мешают и расистские предрассудки в среде европейских рабочих, упорно поддерживаемые властями с целью раскола рабочего класса: удел банту — черная, неквалифицированная работа, работа «каффра»; квалифицированная работа — дело аристократов труда. Далеко не всякий рабочий-европеец станет работать под руководством «черного». Реакционную политику господствующих классов поддерживают реформистские лидеры профсоюзов европейских рабочих.

В 1924 г. националистическое правительство Герцога издало закон (Циркуляр № 5 от 31 октября 1924 г.) о «цивилизованном» труде. Закон определяет «цивилизованный» труд, как «труд, выполняемый лицом, уровень жизни которого соответствует уровню, признаваемому терпимым с общепризнанной европейской точки зрения. Нецивилизованным трудом считается труд, выполняемый лицом, чьи стремления ограничены самыми насущными потребностями жизни, как их принято понимать среди варварских и отсталых народов».

Этот реакционнейший закон рекомендовал частным предпринимателям и предлагал государственным предприятиям заменить всех банту, выполняющих квалифицированную и даже полуквалифицированную работу, европейскими рабочими. Правительство даже выплачивало частным предпринимателям дотацию, покрывающую разницу в оплате рабочих банту и европейцев. В первые годы, до экономического кризиса 1929—1933 гг., в результате применения этого закона произошло снижение удельного веса неевропейских рабочих в обрабатывающей промышленности с 65 до 59% и на железнодорожном транспорте с 50 до 30%. С началом экономического кризиса правительство перестало выплачивать дотацию и предприниматели прекратили замену низкооплачиваемых рабочих банту европейцами.

[1] Первый закон подобного рода был издан в 1911 г

Следует отметить, что эта политика была направлена не только против рабочих банту, но и против непосредственных экономических интересов рабочих-европейцев. Ставки заработной платы «цивилизованных» рабочих, т. е. рабочих, принимаемых на место уволенных банту, устанавливались ниже существовавших в то время ставок рабочих-европейцев. Последние делились на две группы: оплачиваемые по ставкам «европейского» труда и по ставкам «цивилизованного» труда. Предприниматели увольняли рабочих первой группы и затем вновь принимали их по второй группе.

Значительные изменения в составе рабочего класса произошли за годы второй мировой войны. Война вызвала значительный рост промышленности — горной и обрабатывающей, в частности машиностроительной. Продукция обрабатывающей промышленности с 70 млн. ф. ст. в 1939 г. увеличилась до 140 млн. ф. ст. в 1945 г. Потребность в рабочей силе покрывалась, главным образом, за счет привлечения банту из резерватов. Общее количество рабочих в обрабатывающей промышленности увеличилось за эти годы на 35%, а количество рабочих банту удвоилось. Рабочих банту пришлось допустить до выполнения квалифицированных работ, и сейчас нет, пожалуй, ни одной специальности, которой не овладели бы банту.

Но тем не менее сохраняется расовое различие в оплате труда: рабочий банту получает меньше, если он выполняет и одинаковую с европейцем работу. В 1947—1948 гг. в обрабатывающей промышленности было выплачено заработной платы:

210 349 европейским рабочим — 91 883 тыс. ф. ст.;

401 603 рабочим банту — 48 296 тыс. ф. ст.

В среднем на одного рабочего-европейца приходится 436,6 ф. ст., на одного рабочего банту — 120,2 ф. ст.

Империалистические хозяева Южной Африки упорно и последовательно проводят политику расовой дискриминации рабочих банту в области оплаты труда. Эта реакционная политика обеспечивает им высокие прибыли и помогает раскалывать рабочий класс по расовому признаку: «Правящие классы ЮАС проводят политику раскола рабочего движения, выделяя верхушку рабочего класса, представленную белой рабочей аристократией, противопоставляя ее огромной массе рабочих-неевропейцев и превращая ее в носителя расовой теории британского империализма, что находит свое отражение в реакционных позициях многих профсоюзов рабочих европейского происхождения» [1].

5. ЦВЕТНОЙ БАРЬЕР

Цветным барьером обычно называют лишь закон 1926 г., запретивший рабочим банту выполнять квалифицированные работы. На самом деле вся политика правящих классов ЮАС по отношению к банту является политикой «цветного барьера». Банту, где бы он ни был — в резервате, на ферме европейца, на шахте или в городе, — на каждом шагу наталкивается на этот барьер. Особенно гнусные, уничтожающие человеческое достоинство формы принимает эта политика в городах.

Малоземелье и голод в резерватах гонят банту в поисках куска хлеба в города; бегут в города от крепостнических порядков банту с

---

[1] К. Ян. Южно-Африканский Союз — вотчина империалистических рабовладельцев (письмо из Иоганнесбурга). «За прочный мир, за народную демократию!» 7 июля 1950 г.

европейских ферм. Это сокращает резервы дешевой рабочей силы для горной промышленности и фермерского хозяйства и создает опасное для англо-африкандерских империалистов скопление банту в городах. Правительство Южно-Африканского Союза, исполнительный орган горнопромышленных монополий и помещиков, ограживает города сетью запрещений, направленных против банту.

В городах Южной Африки банту всегда подвергались в тех или иных формах расовой дискриминации, но до 1923 г. они могли жить в этих городах. В 1923 г. парламент ЮАС принял закон о городских переселениях банту[1], согласно которому банту были в принудительном порядке выселены из всех крупных городов в специально для них созданные «городские локации» — пригороды, гетто, расположенные в нескольких километрах от города. Закон устанавливал свирепый полицейский контроль над въездом банту вообще в городскую зону с целью сократить переселение банту из резерватов в города.

Но нужда оказалась сильнее полицейских рогаток: банту продолжали прибывать в города в поисках работы. Обстоятельства, созданные второй мировой войной, заставили ослабить этот режим дискриминации и несколько приоткрыть городские ворота. Следующая таблица дает рост городского населения банту (в тыс.; округленно).

Годы	Мужчин	Женщин	Всего
1911	410	97	508
1921	439	147	587
1936	784	356	1141
1946	1152	642	1794

За десять лет (1936—1946) городское население банту увеличилось на 57,2%, причем мужское население увеличилось на 46,9%, а женское— на 80%. Женщины составляют теперь 35,8% общей численности городского населения банту против 31,2% в 1936 г. и 25,2% в 1921 г. Нет возможности установить численность постоянных жителей города, но рост удельного веса женщин неоспоримо свидетельствует о быстром увеличении численности этой группы. По некоторым, весьма приблизительным данным, в 1943 г., она оценивалась в 725 тыс. чел. [2].

По окончании второй мировой войны, во время которой коренному населению Африки были обещаны империалистическими правительствами и свобода и равенство, в 1945 г. был принят новый драконовский закон [3].

Закон уполномачивал генерал-губернатора отдать распоряжение об обязательном и принудительном выселении банту из крупных городов в пригородные локации; при этом указывалось, что после издания такого распоряжения банту обязаны выселиться в течение трех дней. В городе могут жить только домашняя прислуга, владельцы недвижимой собственности стоимостью не ниже 75 ф. ст. и еще некоторые совсем малочисленные группы банту. Так называемые «иностранные» банту, т. е. приехавшие из-за пределов Южно-Африканского Союза и британских протекторатов, лишаются права жить в городских зонах (включая, следовательно, и пригородные локации); исключения могут быть сделаны только с разрешения секретаря по туземным делам.

---

[1] Natives (Urban Areas) Act, N 21, 1923.
[2] Report of the social security committees U. G. N 14, 1944.
[3] Natives (Urban Areas) Consolidation Act, N 25, 1945.

Генерал-губернатор уполномачивается этим законом объявить тот или иной город, включая и пригородную локацию, закрытой зоной, в которую банту может въехать только в особых случаях, предусмотренных в распоряжении генерал-губернатора. К апрелю 1947 г. 279 городов были объявлены закрытыми зонами.

Каждый банту, приехавший в такой город, обязан немедленно явиться к властям и получить разрешение проживать в нем, причем власти имеют широкие полномочия для отказа. Если банту, приехавший в город, не находит работы в течение семи дней, ему дается еще семь дней на подыскание работы, после чего он обязан покинуть город. Наконец, если в городе окажется много безработных, генерал-губернатор может распорядиться о выселении их из города. Женщина банту может въехать в такой город при условии, если ее отец или муж постоянно, в течение не менее двух лет, живут в этом городе.

Правительство Малана, осуществляя свою реакционнейшую программу апертхейда, пошло еще дальше. В марте 1951 г. вступил в силу закон об установлении районов местожительства для различных расовых групп. Закон предусматривает концентрацию всех банту в резерватах, а также выделение особых территорий для поселения на них мулатов и индийцев.

Но выселить всех банту из городов и промышленных центров невозможно, так как горнопромышленники и фабриканты не могут отказаться от эксплуатации их дешевой рабочей силы. Правительство и не собирается осуществлять это, но закон будет служить сильным средством дальнейшего наступления на жизненные интересы банту и всех других групп населения Южно-Африканского Союза. Первым непосредственным результатом применения закона было полицейское насилие над безработными и всеми неугодными полиции банту, выселение их из городов, принуждение идти в крепостную зависимость к англо-африкандерским землевладельцам.

Капиталистам и помещикам нужна рабочая сила банту, но не нужен он сам. Ему разрешается жить в городе пока он работает, его выселяют из города как только он окажется безработным. С горьким сарказмом священник-банту Дьюбе говорит о чудовищной дискриминационной политике: «Вам (европейским предпринимателям. — *И. П.*) нужен наш труд, но как только мы перестали быть нужными вам, вы хотите отослать нас подальше от себя и не хотите видеть нас до тех пор, пока наш труд снова вам не потребуется. Мы походим на лошадей, которых ставят в конюшню после работы».

Судьба банту находится в руках полицейских, которым доверено практическое осуществление этой политики. Полицейский может разрешить или не разрешить поселиться в городе. Время от времени полицейские «прочесывают» трущобы пригородных локаций и производят массовые аресты, за этим следует суд и тюремная карета, доставляющая рабочую силу на фермы европейцев.

Правительство Южно-Африканского Союза выселило банту в пригородные локации, но не побеспокоилось о строительстве жилищ в этих локациях и благоустройстве их. Отпускаемые правительством средства на строительство пригородных локаций до смешного малы: за четверть века (1920—1944 гг.) во всех пригородных локациях, а их всего насчитывается 276, было построено около 45 000 жилых домов [1]. По сведениям, собранным Институтом Расовых отношений в мае 1946 г., в приго-

---

[1] «Handbook on race relation in South Africa», p. 243.

родах Иоганнесбурга 115 тыс. банту были обеспечены жилищем, а 207 тыс. не были обеспечены, в Кейптауне — соответственно 10 и 21 тыс., в Гермистоне — 1 и 14 тыс. и т. д. [1].

Исходя из дискриминационной политики — не пускать семьи рабочих банту в города, строят преимущественно большие бараки для одиночек. В домах для семейных рабочих устанавливается такая квартирная плата, которая закрывает доступ для большей части рабочих: в пригородах Кейптауна, например, 1 ф. ст. с человека в месяц, плата, доступная только мелкой буржуазии и интеллигенции.

Основная масса рабочих «строится» поэтому сама. Э. Робсон описала одну из таких локаций — Нансфильд, около Иоганнесбурга. «Нансфильд, — пишет она, — выглядит как сборище собачьих конур» [2]. Эти конуры строятся из обломков деревянной тары, кусков жести и другого, аналогичного, «стройматериала». Нередко такая конура делается совсем просто: большая полоса гофрированного железа изгибается дугой, ставится на землю, концы ее присыпаются землей, спереди и сзади прикрывается также гофрированным железом соответствующей величины; «входят» в такую конуру только на четвереньках.

Вопиющие антисанитарные условия жизни в этих локациях признают все официальные органы Южно-Африканского Союза. Даже в так называемых «образцовых» локациях (Ланга, около Кейптауна, и др.) улицы немощеные, тротуаров нет, во время дождей непроходимая грязь, водопровод отсутствует, нет никаких культурных учреждений.

Каждое утро рабочий отправляется на работу в город, а вечером возвращается в локацию. В городе он не может оставаться после 9—10 часов вечера. Существует закон о вечернем сигнале: ночью никто из банту не может появиться на улицах города без особого разрешения установленной формы, выдаваемого нанимателем. Локации отстоят от города на значительном расстоянии: Ланга — более 10 км от Кейптауна, Александра — 15 км от Иоганнесбурга и т. д. Большинство из них не имеет железнодорожной связи с городом, и рабочие ездят на работу автобусами, принадлежащими частным фирмам. Александра — это городок с населением в 40—60 тыс. чел. банту и мулатов. В 1944 г. владельцы автобусов, курсирующих между Иоганнесбургом и Александра, повысили стоимость проездного билета с 4 до 5 пенсов. Жители Александра, при поддержке Коммунистической партии и других политических организаций банту, объявили бойкот владельцам автобусов, продолжавшийся 7 недель. И тогда тысячи рабочих огромной толпой каждое утро шли пешком в Иоганнесбург, вечером обратно [3].

Политика «цветного барьера», расовой сегрегации, изоляции и противопоставления банту европейцам пронизывает все сферы общественно-политической и культурной жизни ЮАС.

Банту, как правило, не принимаются в профессиональные союзы рабочих-европейцев. Первые профсоюзы в Южной Африке были созданы рабочими, приехавшими из Англии, вначале как отделения английских профсоюзов, а затем как самостоятельные организации рабочих-европейцев Южной Африки. Отвратительные традиции английского тред-юнионизма превратились на колониальной почве Южной Африки в махровую реакционную политику. Характерное для английского тред-юнионизма пренебрежение к организации неквалифицированных рабочих со

[1] «Handbook on race relation in South Africa», p. 247.
[2] E. Robeson. African journey, p. 247.
[3] «They marched to victory. The story of the Alexandra bus boycott. Communist Party Pamphlet». Cape Town. 1945.

стороны рабочей аристократии приобрело расистскую окраску: квалифицированные рабочие—белые, неквалифицированные—черные.

Южноафриканские империалисты сделали все от них зависящее, чтобы отравить сознание рабочих-европейцев ядом расистской идеологии. Все средства империалистической пропаганды были использованы для того, чтобы вбить в головы рабочим-европейцам мысль о «черной опасности».

Огромная помощь империалистам в расистском развращении сознания рабочих-европейцев была оказана лейбористской партией Южной Африки. Прикрываясь демагогической завесой попечительства о «жизненном уровне белого человека», лейбористская партия открыто поддержала политику расовой сегрегации банту.

Профессиональный союз рабочих-европейцев горной промышленности даже ввел в устав специальный пункт, запрещающий прием в члены неевропейских горнорабочих. В уставах других профсоюзов такого прямого запрещения нет, но банту тем не менее в профсоюз не принимают, хотя принимают индийцев, китайцев и мулатов.

Под влиянием Коммунистической партии после мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. среди рабочих-европейцев началось движение за ликвидацию «цветного барьера» в профдвижении, за объединение в единых профсоюзах всех рабочих независимо от цвета кожи. Изменение роли рабочих банту в промышленности, вызванное второй мировой войной, и усиление влияния Коммунистической партии привели к значительному оживлению этого движения, но реформистское руководство большинства профсоюзов рабочих европейцев упорно настаивает на своей старой реакционной политике.

Империалистическое правительство Южно-Африканского Союза законодательным путем закрепило существующий раскол рабочего движения по расовому признаку. Закон о примирении промышленных конфликтов 1937 г.[1] запретил регистрацию профсоюзов рабочих-европейцев, принимающих в члены рабочих банту; такие профсоюзы не допускаются к участию в органах по рассмотрению промышленных конфликтов. В 1953 г. правительством был проведен через парламент закон о примирительной процедуре в отношении рабочих банту[2]. Закон разрешил с многочисленными оговорками и ограничениями регистрацию профсоюзов рабочих-банту, но запретил им вступать в члены даже незарегистрированных профсоюзов рабочих-европейцев.

С помощью Коммунистической партии и передовых деятелей профдвижения рабочих-европейцев банту создали свои профсоюзы. Эти профсоюзы не знают «цветного барьера», в них открыт доступ для всех рабочих, независимо от расовой или национальной принадлежности, но практически в них вступают только банту. Профсоюзы рабочих банту провинции Трансвааль объединены в Трансваальский Совет неевропейских профсоюзов и являются основным костяком профдвижения рабочих-банту. В некоторых профсоюзах рабочих-европейцев (портных, пекарей и др.) созданы секции рабочих банту.

На 31 декабря 1948 г. в ЮАС насчитывалось 340 885 членов зарегистрированных профсоюзов, из них 270 911 европейцев, 69 974 — неевропейцев; в незарегистрированных профсоюзах — 50 545 членов, из них 8264 — банту[3]. Как видно из этих данных, степень организации рабочих банту значительно ниже, чем рабочих европейцев. По данным Института

[1] Industrial Conciliation Act, № 36, 1937.
[2] Native Labour (Settlement of Disputes) Act, № 48. 1953.
[3] «Monthly bulletin of statistics», 1950, № 5.

Расовых отношений, к концу 1946 г. из 115 профсоюзов, объединяемых Южно-Африканским Советом профсоюзов, 35 профсоюзов (64 096 членов) были «чистыми» профсоюзами рабочих европейцев; 50 — «смешанными» (93 337 членов), включавшими европейцев, мулатов и индийцев; 30 профсоюзов (10 999 членов) объединяли рабочих банту [1].

Что касается политических организаций, то одна только Коммунистическая партия не знала «цветного барьера». Коммунистическая партия, до запрещения ее правительством Малана, являлась единственной организацией, которая и идеологически и практически стояла на позициях интернационализма, не признающего каких бы то ни было различий между людьми, принадлежащими к разным расам и нациям.

Все другие политические партии и общественные организации, созданные европейцами, огорожены «цветным барьером».

Существуют четыре отдельных организации бойскаутов — для европейцев, банту, индийцев и мулатов. Студенческие организации, спортивные организации и организации бывших военнослужащих созданы по расовому признаку. Составители справочника Института Расовых Отношений — Handbook on racial relations in South Africa,— чтобы показать свои «успехи» в развитии межрасового сотрудничества, старательно выискивали всякого рода организации, в которых объединяются европейцы и банту. И они могли назвать полтора-два десятка незначительных благотворительных и культурных организаций, не играющих в политической жизни страны никакой роли (вроде Национального Совета помощи слепым).

В годы второй мировой войны началось движение за ликвидацию «цветного барьера» в некоторых организациях. Национальный Союз южноафриканских студентов принял в свои ряды студентов банту и ввел в состав совета одного представителя банту. Это привело к расколу Союза: националистически настроенные студенты-африкандеры вышли из Союза и создали свою ассоциацию [2]. Одна из организаций бывших военнослужащих — Спрингбок Легион — приняла в свои ряды бывших солдат банту; Южноафриканский Легион на этом основании отказался признавать ее своим филиалом.

После войны, особенно с приходом к власти Националистической партии, политика «цветного барьера» в общественной жизни стала проводиться еще более последовательно, чем это было до войны. Банту не может остановиться в гостинице, покушать в ресторане, постричься в парикмахерской, обслуживающих европейцев, он не может быть в театре или кино, гулять в парке вместе с европейцами, он не может воспользоваться тем же лифтом, которым пользуются европейцы, и т. д. Всюду и везде он наталкивается на объявление «Only for whites» — «Только для белых».

Одной из унизительных и крайне тяжелых для банту форм расовой дискриминации является сложная система пропусков и разрешений, существующая исключительно для банту. Эта система превращает Южно-Африканский Союз в большой концентрационный лагерь, в котором банту и шагу ступить не могут без особого разрешения. Нам уже приходилось касаться отдельных сторон этой системы. Чтобы представить чудовищное изобретение англо-африкандерских империалистов в целом, воспользуемся списком пропусков и разрешений, приведенным в одном из памфлетов Коммунистической партии [3]:

---

[1] «Handbook on racial relations in South Africa», p. 165.
[2] «Die Afrikanse studentenband».
[3] «Away with passes. Pamphlet of communist party». Cape Town. Издание 40-х годов.

1. Разрешение на переезд из одной провинции в другую.
2. Разрешение на путешествие в пределах провинции, без которого не выдают железнодорожного билета.
3. Разрешение фермера на отлучку с фермы.
4. Разрешение на подыскание работы.
5. Месячное удостоверение о том, что предъявитель его действительно где-то работает или служит.
6. Разрешение на отлучку из компаунда (для горняков).
7. Ночной пропуск-разрешение быть на улице города от 22—23 до 5 часов.
8. Разрешение на право жить в пригородной локации или на право посещения локации.
9. Квитанция об уплате налога.
10. Справка об освобождении от пропусков и множество других разрешений, устанавливаемых местными властями.

Любой полицейский имеет право остановить банту и спросить необходимый пропуск и, обязательно, квитанцию об уплате налога. Отсутствие хотя бы одного из положенных пропусков или квитанции об уплате налога означает арест со всеми вытекающими отсюда последствиями. По официальным данным за 1948 г., в среднем ежемесячно суды рассматривают 10 122 случая, связанных с нарушением законов о пропусках, что составляет 20% всех случаев привлечения банту к судебной ответственности [1]. Получение большей части этих разрешений связано с уплатой установленного законом сбора. Общая сумма сборов за разрешения составляет около половины суммы подушного налога и является особой формой налогообложения банту.

Некоторые категории банту (вожди и старшины родов, священники, некоторые категории служащих) освобождаются от ношения многочисленных пропусков и разрешений, но они обязаны иметь всегда при себе соответствующий документ и предъявлять его по требованию полицейских. На 31 июня 1947 г. эта группа составляла всего лишь 51 134 человека [2], т. е. что-то около половины процента всех банту Южно-Африканского Союза.

Политика расовой дискриминации захватывает народное образование и здравоохранение.

Государственные расходы на образование в расчете на душу населения в 1946 г. составляли [3]:

на европейцев	— 160 шиллингов
на индийцев, на мулатов	— 42 шиллинга
на банту	— 6 шиллингов 11 пенсов

В 1946 г. в начальных школах обучалось 640 тыс. детей банту, что составляет около одной трети всех детей школьного возраста (от 8 до 18 лет). Две трети детей вообще никогда не посещают школы. Начальное обучение продолжается 8 лет, из них 2 года — подготовительные. Полное среднее образование включает (не считая двух лет подготовительных) 10 классов или, как их называют в Южной Африке, стандартов. Значительная часть детей дальше подготовительных классов не идет; этому

[1] «Monthly bulletin of statistics», 1949, Дес.
[2] «Handbook on racial relations in South Africa», p. 287.
[3] «World news. and views», 26 Feb. 1949, p. 107.

мешает отсутствие школ и бедность родителей. Если численность учеников 1 класса принять за 100, то в последующих классах их остается:

2—72,6	7—12,4
3—59,1	8— 3,3
4—42,1	9— 0,8
5—30,3	10— 0,4
6 — 22,5	

Следовательно, до 7 класса доходит только 12,4% детей, поступающих в школу, а по отношению ко всем детям школьного возраста ученики старших классов (7—10) составляют 1,1%. Среднюю школу кончает четыре десятых процента детей, поступивших в 1 класс или иначе — один из тысячи детей школьного возраста[1]. При этом следует учесть крайне низкое качество обучения. «Третий стандарт в школе для банту равен, примерно, первому стандарту школы для европейцев»[2]. Короче говоря, народное образование для банту ЮАС — фикция, а приводимые в официальных справочниках показатели «прогресса» фактически не верны. Банту Южно-Африканского Союза лишены возможности получить образование. Англо-африкандерские империалисты исходят из старого правила рабовладельцев — неграмотными рабочими управлять легче.

Доступ в высшие учебные заведения для банту фактически закрыт тем же «цветным барьером». В университеты Претории, Блумфонтейна, Потчефструма и Стелленбоша, где обучение ведется на африкаанс, банту совершенно не допускаются. В ограниченном количестве допускаются банту в университеты Кейптауна, Дурбана и Витватерсранда; в Дурбанском университете для студентов-банту созданы параллельные классы. В 1946 г. в университетах Южно-Африканского Союза обучалось 329 студентов-банту[3]. Правительство националистов настойчиво добивается сегрегации банту во всех университетах[4]. Существует Туземный Колледж в Форт-Хэар, основанный в 1916 г. Он готовит, главным образом, учителей и попов. В 1946 г. в нем обучалось 324 чел., из них 260 банту, 35 мулатов и 29 индийцев. Существует несколько курсов по подготовке учителей начальной школы. И это все, что сделали южноафриканские империалисты для образования банту.

В организации народного здравоохранения политика «цветного барьера» привела к тому, что банту, особенно сельское население, оставлены без медицинского обслуживания. Систематическое недоедание, антисанитарные условия в поселениях и жилищах создали благоприятную почву для распространения всякого рода заболеваний. Европейцы привезли туберкулез, сифилис и другие социальные болезни. Заболевания туберкулезом в некоторых районах приняли угрожающе массовый характер; работа в копях и жилищные условия в компаундах являются основной причиной распространения туберкулеза по всей стране. По данным медицинского инспектора Кейптауна, из 5532 банту, умерших в период с июня 1949 г. по июнь 1950 г.,— 1004 человека, т. е. одна пятая, умерли от туберкулеза. По этим же данным, смертность от туберкулеза составляет

---

[1] Расчет произведен по данным за 1946 г., приведенным в «Handbook on racial relations in South Africa», p. 366—369.

[2] L. Marquard. The native in South Africa. Johannesburg, 1948, p. 76.

[3] «Handbook on racial relations in South Africa», p. 374.

[4] E. Brookes. Apartheid in South African Universities. «African world», 1954, July.

419 на 1000 среди банту против 0,53 на 1000 среди европейского населения ЮАС. Общая смертность в Кейптауне: 17,41 на 1000 среди банту и 8,98 на 1000 среди европейцев. Особенно велика смертность среди детей. 25% детей умирает в возрасте до 1 года, 33% — до 2 лет и 50% — до 16 лет. В 1942 г. детская смертность составляла: европейцы — 4,7%, индийцы — 8,9%, мулаты — 17,7% и банту — 60% [1]. 56% неевропейцев умирает в возрасте до 25 лет [2].

Характеристику «цветного барьера» мы закончим церковью. По данным переписи 1936 г., 49,61% всех банту исповедовали христианскую религию, представленную в ЮАС десятком направлений; остальные 50,39% продолжали оставаться «язычниками». Имеется (1938 г.) 44 различных религиозных миссий, содержащих за счет неофитов широко разветвленную сеть станций и церквей для улавливания душ порабощенного населения. Христианские религиозные организации своим собственным примером освящают рабовладельческую политику «цветного барьера»: на дверях молитвенных зданий висят эмалированные дощечки «Только для европейцев». В романе южноафриканского писателя Питера Абрахамса «Тропою грома» выведен неграмотный христианский проповедник-мулат, который со слов европейских миссионеров так обосновывает политику «цветного барьера»: «Бог сотворил белых, цветных и негров. Он сотворил их разными, потому что хотел, чтобы они жили розно» [3]. Дискриминация банту — это веление бога. К этому, собственно говоря, и сводится вся «просветительская» деятельность религиозных миссий.

6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ

Южно-Африканский Союз — страна буржуазной демократии, которую современные идеологические оруженосцы буржуазии выдают за совершеннейшую форму народоправства. Однако банту, составляющие почти три четверти населения, лишены избирательных прав и, таким образом, лишены возможности конституционным путем влиять на политику правительства.

Южноафриканские империалисты, как и всякие другие колонизаторы, «объясняют» лишение коренного населения колоний политических прав отсталостью этого населения, его неграмотностью, тем, что оно якобы еще не «созрело» для участия в политической жизни. Банту Южно-Африканского Союза за последние десятки лет прошли уже большую школу политической борьбы, вопреки реакционной политике правительств они вырастили свою интеллигенцию, выдвинули из своей среды талантливых политических деятелей, создали свои политические организации. Но именно поэтому правящие англо-африкандерские классы не только не увеличивают политические права банту, а, наоборот, лишают их и тех жалких крох политических прав, какими они еще располагали.

В бывших бурских республиках — Трансвааль и Свободном Оранжевом Государстве — банту никогда не имели избирательных прав. Бурские помещики, создавая свои республики, лишили политического представительства народы, на землях которых эти республики были созданы. В английских колониях избирательные права были формально предоставлены всем без различия расовой принадлежности, но высокий имущественный

---

[1] «World news and views», 26 Feb. 1949.
[2] G. Saks. Communis for South Africa.
[3] П. Абрахамс. Тропою грома. М., 1949, стр. 46.

ценз фактически лишал избирательных прав большинство коренного африканского населения. В Капской колонии согласно конституции 1853 г. избиратель должен был иметь недвижимую собственность, оцениваемую не ниже 25 ф. ст., или заработок не менее 50 ф. ст. в год; в колонии Наталь согласно избирательному закону 1865 г. избиратель должен был владеть земельным участком, оцениваемым не ниже 50 ф. ст., или платить ренту не менее 10 ф. ст.

По замыслу английских законодателей этот имущественный ценз должен был, при сохранении формального равенства европейцев и коренных жителей колоний — банту, закрыть последним доступ к избирательным урнам. Однако очень скоро выяснилось, что формальное равенство даже при высоком имущественном цензе может стать серьезным политическим оружием в руках порабощенного народа. Как бы ни был мал процент банту, получивших избирательные права, их оказалось много по сравнению с избирателями-европейцами, а в некоторых избирательных округах они оказались в большинстве.

В колонии Наталь избирательный закон был пересмотрен в 1882 г. По новому закону банту лишились избирательных прав, и только отдельные лица, отвечающие определенным условиям, по разрешению губернатора колонии могли быть включены в списки избирателей. Но это уже не право, а личная привилегия, дарованная государственной властью угодным ей лицам. Таких лиц за все время оказалось не больше десятка и последний из них умер в 1946 г. К парламентским выборам 1948 г. в Натале не оставалось ни одного избирателя-банту.

В Капской колонии после выборов 1886 г., когда в ряде избирательных округов голоса избирателей-банту оказались решающими, колониальные власти встали на путь ограничений и «разъяснений». В 1887 г. парламент принял закон, разъясняющий, что при определении ценза должна учитываться только индивидуальная земельная собственность и не должны приниматься во внимание наделы земли, находящейся в общинном пользовании. На основании этого разъяснения около 30 тыс. банту были исключены из списков избирателей. В 1892 г. избирательный ценз был повышен: избиратель должен был иметь недвижимой собственности не на 25, а на 75 ф. ст. и уметь по-английски расписываться, написать свой адрес и занятие. Еще 3300 избирателей банту были исключены из списков. Наконец, в 1931 г. избирательный ценз для лиц европейского происхождения был отменен, но сохранен для банту и мулатов.

Акт об образовании Южно-Африканского Союза предусматривал, что избирательные законы, существовавшие к этому времени в каждой из колоний, сохраняют свою силу. Поэтому из четырех провинций только в одной Капской провинции банту сохранили избирательные права, ограниченные высоким имущественным цензом и цензом грамотности. В целом по Южно-Африканскому Союзу соотношение численности населения и избирателей в середине 40-х годов представлено по расовым группам в таблице 14 [1].

Из каждой тысячи человек европейского происхождения 560, т. е. все взрослое население в возрасте от 21 года, имеют избирательные права, тогда как из тысячи человек банту только трое, т. е. очень тонкая феодально-буржуазная прослойка, имеют избирательные права. Таков первый результат дискриминационного законодательства в области политического представительства.

[1] «The non-european and vote. A communist Party Pamphlet». Woodstook. Издание 40-х годов.

Таблица 14

Расовые группы	Численность населения	Число избирателей	Соотношение числа населения и избирателей
Европейцы	2 372 000	1 321 400	1000 : 560
Мулаты	928 000	38 970	1000 : 42
Банту	7 805 000	24 000	1000 : 3
Индийцы и другие выходцы из Азии	285 000	0	1000 : 0

До 1936 г. избиратели банту Капской провинции включались в общие избирательные списки и участвовали в выборах вместе с избирателями европейского происхождения. В ряде избирательных округов голоса избирателей банту играли существенную роль, прогрессивные силы, опираясь на эти голоса, могли провести в парламент противника дискриминационной политики правящих классов. Коммунистическая партия и все прогрессивные организации Южно-Африканского Союза, опираясь на массовое демократическое движение, требовали предоставления избирательных прав банту остальных трех провинций, уравнения их в правах с банту Капской провинции. Англо-африкандерский парламент Южно-Африканского Союза решил уничтожить капский «прецедент».

Политическая жизнь Южно-Африканского Союза с момента его образования была насыщена напряженной борьбой двух основных партий англо-африкандерских помещиков и буржуазии: Южноафриканской и Националистической. Разногласия между этими партиями по вопросам «туземной политики» отражали противоречия между растущей капиталистической промышленностью и полуфеодальным сельским хозяйством помещиков. Если первая требовала более гибкой, эластичной политики в эксплуатации дешевой рабочей силы банту, то вторая была заинтересована в прикреплении обезземеленных крестьян банту к помещичьим хозяйствам.

Капские избиратели банту отдавали свои голоса обычно за кандидатов Южноафриканской партии. Английские монополисты в Южной Африке, более изощренные в социальной демагогии и обмане народных масс, чем африкандерские помещики, сумели выставить себя в качестве защитников банту от крепостнической тирании африкандеров. Южноафриканская партия использовала голоса банту в борьбе против Националистической партии, и потому настаивала на сохранении избирательных прав капских банту [1].

В 1934 г. произошло, как уже говорилось выше объединение этих партий в одну, назвавшую себя Объединенной партией. Это объединение было подготовлено развитием капитализма в сельском хозяйстве, ослаблением былых противоречий по вопросу о путях и формах эксплуатации дешевой рабочей силы, нарастанием антиимпериалистического движения в годы мирового экономического кризиса и рядом других обстоятельств, уже не связанных с проблемой эксплуатации и порабощения банту.

Сделка буржуазных партий состоялась за счет интересов банту: Националистическая партия согласилась с дальнейшим ограничением денежной и издольной аренды крестьянами банту помещичьих земель (земельный закон 1936 г.), а Южноафриканская партия отказалась от

---

[1] Победа Националистической партии Малана на выборах 1948 г. объясняется в известной мере отсутствием голосов банту.

поддержки избирательных прав капских банту. В договоре о слиянии, подписанном двумя генералами, Герцогом и Смэтсом, провозглашался принцип «отдельного представительства европейцев и туземцев» [1].

В 1936 г. был принят закон о «туземном представительстве» [2]. Капские банту были исключены из общего списка избирателей и образовали особую «туземную» курию для выборов трех депутатов палаты общин. Причем, этими депутатами могут быть только лица европейского происхождения, как это предусмотрено конституцией Южно-Африканского Союза. Банту всех четырех провинций получили право избирать в сенат четырех сенаторов из числа предложенных им европейцев: один от Транскей, один от западных районов Капской провинции, один от Наталя, один от Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства [3]. Выборы сенаторов производятся избирательными коллегиями, состоящими из вождей племен и членов разного рода местных консультативных органов, имеющихся кое-где при европейских чиновниках. Так как в большинстве резерватов таких консультативных органов нет, то население представляется в избирательных коллегиях исключительно вождями племен.

Создан был Туземный Представительный Совет в составе 23 членов: семь чиновников-европейцев, в том числе секретарь по туземным делам (председатель), четыре банту, назначенные генерал-губернатором, и 12 банту, избираемые теми же избирательными коллегиями, которые выбирают сенаторов, по три члена от каждой. Этот Совет имел право обсуждать вопросы, касающиеся интересов банту, делать рекомендации, но ничего не мог решать, его постановления не имели ни для кого обязательной силы.

Так были уничтожены последние остатки избирательных прав банту. «Прямое влияние, которое имели банту в парламенте, было отведено в сферу, где оно потеряло всякую силу»,—пишет Дуглас Уолтон, бывший в те годы одним из руководящих работников Коммунистической партии [4]. «Туземный парламент» — Туземный Представительный Совет — это отводный канал, говорильня, ширма, которая должна прикрыть лишение банту политических прав. И вместе с тем это была уступка феодально-буржуазной прослойке банту, попытка приблизить ее еще больше к себе и еще прочнее опереться на нее. «Вожди, старейшины родов и эксплуататоры будут составлять избирательные коллегии, они будут избирать белых сенаторов, они будут избирать сами себя в Представительный Совет, они вместе с правительством будут обсуждать меры дальнейшего угнетения и порабощения трудящихся», — писала в передовой статье комунистическая газета «Умзебензи» [5].

После второй мировой войны в условиях огромного подъема народного демократического движения Туземный Представительный Совет оказался в оппозиции к националистическому правительству и был в 1951 г. ликвидирован.

Подведем некоторые итоги. Характеристика положения народностей банту в Южно-Африканском Союзе дает нам картину всестороннего, можно сказать тотального, экономического, политического и национального порабощения. Ни в одной из колониальных стран нельзя найти аналогичной картины, как бы тяжело ни было положение коренного населения этих стран, эксплуатируемых и угнетаемых империализмом.

[1] Договор опубликован в газете «Star» 5 Juny 1934.
[2] Representation of Natives Act, № 38, 1936.
[3] Четыре других сенатора назначаются генерал-губернатором «представлять» интересы банту.
[4] Д. Уолтон. Куда идет Южная Африка. М., 1948, стр. 102.
[5] «Umsebensi. The South African worker», 14 Dec. 1935.

Во всех колониях важнейшие отрасли экономики монополизированы иностранными компаниями, но нигде коренное население не лишено средств производства в такой степени, как в Южно-Африканском Союзе. Иностранным монополиям, англо-африкандерским помещикам и капиталистам принадлежит вся горная и обрабатывающая промышленность, транспорт, внешняя и внутренняя торговля, 90% всей земли и всего сельскохозяйственного производства. Поэтому почти все коренное население банту работает в промышленных, сельскохозяйственных и прочих предприятиях, принадлежащих или иностранным монополиям или англо-африкандерским помещикам и капиталистам. Крестьянское хозяйство банту носит весьма своеобразный характер. В отличие от крестьянского хозяйства всех других колоний, оно больше покупает, чем продает. В общей системе империалистической экономики, крестьянское производство банту является лишь дополнением к сумме заработной платы, получаемой рабочими банту на предприятиях, принадлежащих европейцам. Как уже говорилось, оно является по преимуществу средством содержания резервной армии труда и воспроизводства рабочей силы.

Во всех колониях реальная политическая власть находится в руках господствующей империалистической державы. Но во многих колониях политическое господство империалистов осуществляется через государственный аппарат, созданный местными эксплуататорскими классами и состоящий в основном из людей местного происхождения. В других колониях, где такого государственного аппарата нет, империалисты привлекают, более или менее широко, местные интеллигентные силы в аппарат колониальной администрации.

В Южно-Африканском Союзе коренное население не только лишено политических прав, оно не допускается к работе в государственном аппарате. Все должности от министра до клерка заполняются европейцами. Даже министерство по туземным делам не имеет в своем штате служащих-банту, исключая переводчиков; в 1946 г. их насчитывалось около двухсот. Министерство юстиции имело в своих штатах 1946 г. только 35 переводчиков-банту. Лишь в низовых звеньях государственного аппарата, в резерватах и локациях, на государственной службе состоят многочисленные вожди племен и родовые старшины.

Во всех колониях мы наблюдаем расовую, национальную дискриминацию коренного населения. Но только в Южно-Африканском Союзе она приобрела такой всеобъемлющий характер и такие безобразные формы.

ГЛАВА 7

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ БАНТУ ПРОТЕКТОРАТОВ

В политическом отношении протектораты — Бечуаналенд, Басутоленд, Свазиленд — независимы от Южно-Африканского Союза; они управляются английским верховным комиссаром, подчиненным непосредственно английскому правительству. Экономически же они полностью подчинены Южно-Африканскому Союзу, являются придатком его хозяйственной системы. По существу это те же резерваты, только управляемые из Лондона.

Внешняя торговля протекторатов, за исключением незначительной части, приходящейся на долю Южной Родезии, находится в руках Южно-Африканского Союза, осуществляется его торговыми фирмами. Таможенная система протекторатов не только фактически, но и формально включена в таможенную систему Южно-Африканского Союза.

Обращает на себя внимание соотношение ввоза и вывоза протекторатов (в тыс. ф. ст.; данные 1949 г.) [1].

	Ввоз	Вывоз	Баланс
Бечуаналенд	1243	1050	— 193
Басутоленд	2244	1275	— 969

Торговый баланс протекторатов всегда, из года в год, пассивный и покрывается в значительной степени доходами от вывоза рабочей силы [2]. Отхожие заработки в Южно-Африканском Союзе являются основным источником денежных доходов коренного населения протекторатов. Профессор Шапера, детально изучавший отходничество из Бечуаналенда [3], подсчитал, что заработки вне протектората составляют 50,8% всех денежных доходов коренного населения, продажа сельскохозяйственной продукции — 31,5% и заработки в протекторате — 17,7%. Английские колониальные власти признают, что без отходничества в Южно-Африканский Союз население не могло бы платить налоги, а европейские купцы не могли бы торговать в протекторатах.

Считают [4], что 50—60% всех взрослых мужчин Бечуаналенда и Басутоленда находится всегда на заработках в Южно-Африканском Союзе; в

---

[1] «Yearbook and guide to Southern Africa». London, 1952, p. 311, 315.

[2] Другими источниками покрытия пассивного сальдо являются жалование колониальных чиновников и незначительные иностранные капиталовложения.

[3] J. Schapera. Migrant labour and tribal life. A study of conditions in the Bechuanaland protectorate. London, 1947, p. 161.

[4] «Handbook on racial relations in South Africa», 1949, p. 721.

Свазиленде отходники составляют 25—30% всех взрослых мужчин. Фактически это означает, что все здоровые, работоспособные мужчины находятся на отхожих заработках. По данным того же проф. Шапера, из завербованных для работы на рудниках из резервата Квена в 1933 г. 41,4% оказались по состоянию здоровья непригодными к работе. Крестьянское хозяйство протекторатов держится трудом инвалидов, женщин и детей.

Отходники из протекторатов работают главным образом в горной промышленности. В Басутоленде, например, в 1939 г. было выдано 61 849 паспортов для выездов на работу в Южно-Африканском Союзе, из них 46 025 паспортов для завербованных в шахты [1]. В Бечуаналенде завербованные для работы в горной промышленности получили в 1940 г. 13 834 паспорта из 14 449 паспортов, выданных на въезд в Южно-Африканский Союз [2].

Отходничество в Южно-Африканский Союз представляет собою наиболее чудовищную форму беспощадной эксплуатации протекторатов южноафриканскими монополиями. Оно вытягивает из протекторатов все жизненные силы и ничего не дает взамен. Крестьянское хозяйство остается без рабочей силы и оказывается не в состоянии произвести необходимый минимум продовольствия. Отходник выполняет в рудниках неквалифицированную работу и не приобретает никаких знаний, навыков, которые оказались бы полезными в крестьянском хозяйстве. Заработанных им денег едва хватает, чтобы уплатить налоги, долги ростовщику и прикупить минимально необходимое продовольствие. Но он теряет в рудниках здоровье и приносит с собой в деревню туберкулез и венерические болезни. В Бечуаналенде больные венерическими болезнями составляют 60—80% всего населения [3]. Отходники стали невольными разносчиками многочисленных социальных болезней. Подрывается состояние здоровья всего населения протекторатов.

Основная причина отходничества — малоземелье. В Свазиленде из 1631 тыс. га общего земельного фонда 885 тыс., или 55%, захвачено европейскими компаниями и немногочисленными европейскими фермами, плантаторами. Только незначительная часть принадлежащей европейцам земли обрабатывается с применением наемного труда свази или сдается им в аренду; большая часть пустует или сдается под сезонное пастбище крупным европейским скотовладельцам из Южно-Африканского Союза. Для коренного населения свази отведено 35 резерватов разной величины, разбросанных среди земельных владений, принадлежащих европейцам. Около 20% крестьян-свази не имеют земли, остальные испытывают острое малоземелье в резерватах. Начиная с 1946 г. колониальные власти заставляют крестьян-свази облагать себя натуральным налогом (скотом) и на вырученные деньги выкупать у европейских землевладельцев свои же, теперь пустующие, земли.

Бечуаналенд — большая страна, в три раза превышающая территорию Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Но основная ее, северо-западная, часть лишена источников воды — это почти необитаемая пустыня Калахари. Многочисленные в прошлом реки высохли, а грунтовые воды находятся на глубине около 60 м, атмосферных осадков очень мало. Однако почти все пространство Калахари покрыто травянистым покровом, местами встречаются рощи низкорослого леса, и если подвести сюда воды Замбези и Окованго, вырыть сеть колодцев,

---

[1] «Overseas reference book of the Union of South Africa», p. 149.

[2] Там же, стр. 158.

[3] J. Schapera. Migrant labour and tribal life, p. 19.

она станет вполне обитаемой территорией [1]. Но английские монополии не считают это выгодным для себя предприятием и не хотят вкладывать свои капиталы, а широко рекламируемые английским правительством планы «развития» совсем не рассчитаны на действительное развитие производительных сил колоний.

Лучшие земли в наиболее плодородных юго-восточных районах протектората принадлежат европейским земельным, горным компаниям и европейским фермерам. Общая их площадь невелика, составляет лишь 10% всей территории, но они расположены в самых густо населенных районах. Коренное население протектората загнано в девять резерватов, общая площадь которых составляет около одной трети всей территории протектората. Остальная часть, пустынные районы, объявлена собственностью английской короны; сейчас разрабатывается проект организации в этих районах крупного животноводческого хозяйства. В резерватах ощущается острый недостаток пахотной земли; в некоторых резерватах одна четвертая часть налогоплательщиков совсем не имеет земельных наделов [2].

В Басутоленде нет европейского землевладения. Но это гористый район, в котором пахотных земель вообще очень мало. Загнанные англо-африкандерскими колонизаторами в горы, басуто испытывают крайнюю земельную нужду. Здесь обрабатывается каждый клочок земли, создается террасовое земледелие и все же «значительная часть населения совсем не имеет пахотных наделов» [3].

Население протекторатов платит подушный налог: каждый мужчина в возрасте от 18 лет платит 35 шиллингов в год плюс 30 шиллингов с каждой жены, не считая первой [4]. Оно платит, кроме того, разного рода местные налоги (например, налог на собак в Свазиленде), сборы (церковные, школьные и др.) и штрафы. Крестьянство подвергается эксплуатации со стороны феодальной и полуфеодальной верхушки — вождей племен и родовых старшин, со стороны купцов и ростовщиков. У крестьянина, исключая очень тонкую прослойку кулаков, нет средств, которые он мог бы вложить в свое хозяйство, сам он почти всегда находится на заработках. Женщина, ковыряющая мотыгой из года в год один и тот же клочок земли,— такова наиболее обычная картина состояния крестьянского хозяйства.

Почвы до крайности истощены, урожайность исключительно низка. Согласно официальному отчету колониальной администрации Бечуаналенда [5] средний урожай кукурузы (основная продовольственная культура) составляет 1,8 мешка с гектара, тогда как на опытных орошаемых участках он достигает 36 мешков с гектара. В Басутоленде, который некогда славился своим плодородием, средний урожай кукурузы едва доходит до четырех мешков с гектара [6].

Собственной кукурузы едва хватает на шесть-девять месяцев. Протектораты ежегодно ввозят кукурузу из Южно-Африканского Союза, являясь, таким образом, постоянным, надежным рынком для сбыта продук-

[1] Имеется несколько легко осуществимых проектов орошения Калахари. С. Moore. The drought problem in South Africa. «Sunday times farmer's suppliment», 11 Aug. 1935.

[2] «Handbook on racial relations in South Africa», p. 725.

[3] Там же, стр. 723.

[4] Колониальные власти выдают налог на жен за средство борьбы с полигамией. Но это далеко не так. Установлено, что общая сумма налога, уплачиваемого мужчиной, не должна превышать 3 ф. 15 шил. в Бечуаналенде и $4^1/_2$ ф. в Свазиленде. Поэтому полуфеодальная верхушка, имеющая по десятку жен, фактически освобождается от этого налога.

[5] «Colonial annual reports. Bechuanaland protectorate», 1947.

[6] «Handbook on racial relations in South Africa», p. 724.

ции англо-африкандерских помещичьих латифундий. Из Бечуаналенда, например, в 1941 г. было вывезено 13 тыс. мешков кукурузы, кукурузной муки и сорго, а ввезено — 68 тыс., в 1942 г. соответственно 3 тыс. и 83 тыс., в 1943 г. — 10,8 тыс. и 39 тыс. мешков. Басутоленд в том же 1943 г. вывез 60 тыс. мешков кукурузы, сорго и пшеницы, а ввез 155 тыс. мешков [1]. Голод гонит крестьян на золотые рудники, отходничество снижает производительность крестьянских хозяйств и еще более усиливает нужду. Английские империалисты создали, таким образом, для коренного населения протекторатов заколдованный круг.

Единственная отрасль крестьянского хозяйства протекторатов, которая обнаруживает внешний, по крайней мере, рост, это — животноводство. Скот пасется на общинном пастбище и никакого ограничения количества выпасаемого скота пока нет. Скот пасется круглый год, кормов не заготовляют, и он не требует никакого ухода; пасут его подростки, которых еще не принимают на работу на рудники. Увеличение поголовья скота является для основной массы крестьян единственным средством расширения своего хозяйства. Продажа скота и шкур, наряду с продажей рабочей силы — источник денежных доходов, столь необходимых для покупки кукурузы и уплаты налогов.

Продукция животноводческого хозяйства — главная статья экспорта протекторатов. В экспорте Бечуаналенда [2], например, она составляет 87%, а в составе сельскохозяйственного экспорта — 99,8%. В отношении Свазиленда [3] соответствующие цифры будут 24 и 91. Вывозят главным образом живой скот для убоя на мясо в Южно-Африканском Союзе, а также кожи и кости; из Басутоленда вывозится прекрасная мериносовая шерсть. Протектораты являются для южноафриканских империалистов своеобразными ранчо, скотоводческими фермами, обслуживаемыми формально самостоятельными крестьянами, а на самом деле колониальными рабами.

Но рост поголовья скота при ограниченности пастбищ и отсутствии каких-либо мер по их восстановлению означает ухудшение пастбищ. Эрозия почвы стала бедствием протекторатов. Один из английских этнографов [4] пишет о Свазиленде, что в одних районах растительность почти уже уничтожена, в других сочные и мягкие травы вытеснены грубыми, малопитательными сорняками, ручьи высыхают, леса уничтожаются, склоны гор покрываются оврагами и т. д. Поэтому, как и в резерватах Южно-Африканского Союза, увеличение поголовья скота сопровождается ухудшением его качества, снижением его продуктивности. Вслед за земледелием деградирует и животноводство.

Горная промышленность в протекторатах ничтожна. В Басутоленде ее нет совсем, в Бечуаналенде добывается немного золота и серебра. В Свазиленде добывается асбест, вывоз которого в 1947 г. составил 70% всего вывоза из протектората, немного золота и оловянной руды. Обрабатывающей фабрично-заводской промышленности, кроме нескольких маслозаводов, совершенно нет. В Свазиленде и Басутоленде нет ни одного километра железных дорог; восточный выступ Бечуаналенда пересекает железная дорога, соединяющая Южно-Африканский Союз с Родезией.

Статистика занятий в протекторатах, в отличие от Южно-Африканского Союза, весьма несовершенна и поэтому нет возможности дать исчерпывающую характеристику профессионального состава населения.

---

[1] «Overseas reference book of the Union of South Africa», p. 161.
[2] «Colonial annual reports. Bechuanaland protectorate», 1947.
[3] «Colonial annual reports. Swaziland», 1947.
[4] G. Kuper. The uniform of colour. Johannesburg, 1947, p. 4.

В Бечуаналенде согласно переписи 1946 г. работали по найму около семи с половиной тысяч человек в самом протекторате и 17 тысяч в Южно-Африканском Союзе [1]. Из общего числа работающих по найму в протекторате 3000 человек было занято в сельском хозяйстве, 1500 — в колониальном аппарате, 1500 — домашняя прислуга, 1000 — в промышленности и торговле, 250 — на строительстве. В этом же отчете приведены данные о численности интеллигенции (кроме служащих колониального аппарата): учителей — 230, из них 214 — банту, врачей — 17, медицинских сестер — 40, дантистов — 1, инженеров — 3, архитекторов — 1; неизвестно, сколько среди них европейцев и банту.

Профессиональный состав населения Басутоленда по переписи 1946 г. представляется в следующем виде [2]: фермеры (крестьяне) — 140 599, учителя — 1660, клерки — 1364, ремесленники — 676 и домашняя прислуга — 1830 чел. Около 100 тыс. чел. работали по найму в Южно-Африканском Союзе.

Занятие коренного населения Свазиленда по переписи 1946 г. дано в следующей таблице [3]:

Род занятия	Мужчин	Женщин
Крестьяне	70 130	86 711
Рабочие на фермах	3 018	876
Рабочие на рудниках	6 894	—
Разные рабочие	2 038	77
Домашняя прислуга	322	327
Учителя	105	166
Служители культа	397	17
Плотники	90	—
Каменщики	199	13

В Южно-Африканский Союз из Свазиленда ежегодно уходит на заработки около 10 тыс. чел. Согласно отчету колониальной администрации за 1950 г. [4] всего по найму работало около 17 тыс. человек. В самом Свазиленде в 1950 г. 2900 чел. банту и 150 европейцев работали в горной промышленности, из них 80% на асбестовых разработках; на фермах европейцев в разгар сезонных работ было занято около 4 тыс. чел.; 800 чел. было занято на лесоразработках.

Сопоставим численность населения с численностью работающих по найму (ориентировочно).

Таблица 15

Протекторат	Численность		
	населения (перепись 1946 г.)	работающих по найму	из них в ЮАС
Басутоленд	561 289	104 000	100 000
Бечуаналенд	260 064	24 000	17 000
Свазиленд	181 269	17 000	10 000
Всего	1 002 622	145 000	127 000

[1] «Colonial office. An economic survey of the colonial territories 1951», vol. I. London, 1952, p. 82—83.

[2] Там же, стр. 65.

[3] Там же, стр. 90.

[4] «Colonial reports. Swaziland, 1950». London, 1952.

По найму работают в основном мужчины в возрасте 18—40 лет. Они составляют примерно одну треть общей численности населения. Это значит, что почти половина взрослого мужского населения, т. е. каждый второй мужчина работает по найму.

При этом следует иметь в виду, что колониальная статистика не учитывает батраков, работающих в хозяйствах местных кулаков.

Огромное большинство работающих по найму занято не в самих протекторатах, а в Южно-Африканском Союзе, они органически входят в состав его рабочего класса. Это важное обстоятельство необходимо иметь в виду, решая вопрос о формировании национальной общности южных банту.

Рост численности работающих по найму банту протекторатов вызывается развитием экономики не самих протекторатов, а Южно-Африканского Союза. Именно рост промышленности Южно-Африканского Союза в годы второй мировой войны и в послевоенный период вызвал значительное развитие отходничества из резерватов. Однако и в протекторатах постепенно создается рабочая прослойка. Это относится прежде всего к Свазиленду, где развивается горная промышленность. В Басутоленде нет промышленных рабочих, но там имеется большое количество батраков, численность которых нам неизвестна.

Политическое порабощение народов протекторатов английский империализм осуществляет по системе так называемого косвенного управления, которое выдается за самобытную форму «африканской» демократии. Во главе Свазиленда и Басутоленда стоят феодальные верховные вожди или, как их часто называет английская буржуазная пресса, короли. В Бечуаналенде нет такого верховного владыки, каждое из восьми племен является «независимым» и управляется своим вождем. Каждый из них имеет свой аппарат управления и свой бюджет.

На самом деле вся эта система косвенного управления является фикцией, грубой подделкой самоуправления. Все эти «короли» являются королями милостью английского верховного комиссара, его креатурой. При каждом из них имеется английский комиссар — резидент, в руках которого и сосредоточена реальная власть; в каждом административном районе имеется английский чиновник непосредственно подчиненный комиссару-резиденту.

Формально все эти «короли» и вожди являются выборными, а фактически подобранными, специально подготовленными и неплохо оплачиваемыми чиновниками английского колониального ведомства. Король Свазиленда Собуза II обучался на юридическом факультете Оксфордского университета. Претендент на пост вождя племени бамангвато Серетсе Кама окончил Кембриджский университет.

История Серетсе Кама является ярким разоблачением империалистической демагогии относительно наследственности вождя и «африканской» демократии. Будучи в Кембридже, он женился на белой девушке. Этого оказалось достаточным для того, чтобы английские власти отказали ему в праве стать вождем своего племени, хотя он действительно является законным наследником своего отца Секомы II. Больше всего по этому поводу шумела реакционная маланистская пресса Южно-Африканского Союза, которая усмотрела в этом удар по политике расовой дискриминации коренного населения. Племя бамангвато выступило решительно против произвола английских властей, а женщины бамангвато устроили торжественную встречу своей белой «королеве». И несмотря на ясно выраженную волю народа, английские колониальные власти приказали Серетсе Кама отправиться обратно в Лондон, где обеспечили его надле-

жащим содержанием, а активных сторонников борьбы за признание его вождем племени упрятали в тюрьму.

Отец нынешнего короля Свазиленда — Собуза I попытался в свое время проявить самостоятельность и был при весьма туманных обстоятельствах зарезан.

Народные массы совершенно отстранены от управления, лишены политических прав. Европейцы, живущие в протекторатах и составляющие в Бечуаналенде 0,8%, в Басутоленде 0,3%, в Свазиленде 1,7% всего населения, имеют свои, избранные всеобщим голосованием, «консультативные советы», с мнением которых английские чиновники не могут не считаться. А коренное население не имеет даже таких, избираемых консультативных, советов. В Басутоленде существует «Национальный Совет», состоящий из верховного вождя и 94 им назначенных членов и 5 членов, назначенных комиссаром-резидентом. Такой же примерно орган имеется и в Свазиленде. В Бечуаналенде «Африканский консультативный совет» состоит из восьми вождей племен, четырех вождей низшего ранга и 23 членов, назначаемых этими вождями. Эти советы, оторванные от народа, не имеют никакой реальной власти и призваны служить ширмой, в какой-то степени прикрывающей фактическое господство английского империализма.

Наличие этих «туземных властей», как они официально называются, выгодно английским колониальным властям и еще с одной стороны. Прикрываясь вывеской «невмешательства» во внутренние дела племен, они сняли с себя всякую заботу о народном образовании и здравоохранении: это дело «туземных властей» и должно финансироваться из их бюджета.

Доходная часть бюджета «туземных властей» составляется из 35% отчислений от собранной суммы подушного налога, местных налогов и сборов, судебных штрафов. Бóльшая часть налоговых поступлений, отчисления от прибылей горных компаний, доходы от земельных имуществ короны, т. е. все наиболее существенные источники доходов находятся в непосредственном распоряжении колониальных властей. Большая часть этих бюджетов идет на оплату жалования самих «туземных властей», а на народное образование и на здравоохранение остаются гроши. В Бечуаналенде, например, в 1947—1948 гг. расходы на образование составили 3,2 шилл. на одного учащегося банту и 83 шилл. на одного учащегося-европейца [1].

Согласно отчетам колониальных властей в Свазиленде, школьным обучением охвачено 32% детей школьного возраста, в Бечуаналенде — 30%, в Басутоленде процент охвата детей школьным обучением несколько выше. Система обучения та же, что и в Южно-Африканском Союзе, — два года подготовительных, начальное образование — 6 классов (стандартов), среднее образование — 10 классов. Большинство учащихся приходится на подготовительные классы. В Свазиленде в средней школе (7—10 классы) в 1951 г. обучалось только 229 учеников. В Басутоленде учащиеся средней школы в 1951 г. составляли лишь 1,1% общего числа учащихся [2]. В Бечуаналенде 60% учащихся не идут дальше подготовительных классов [3]. При этом следует учесть, что начальное образование находится почти целиком в руках религиозных миссий, которые считают, что для опекаемой ими паствы Библия важнее всех наук. Общая грамот-

[1] «Annual report of the Bechuanaland protectorate for the year 1948». London, 1949.
[2] «Colonial office. An economic survey of the colonial territories 1951», vol. I, p. 65.
[3] «Handbook on racial relations in South Africa», p. 736.

ность даже по официальным данным очень низка; в Свазиленде, например, грамотные на языке свази (точнее — на зулусском) составляют 13%, а на английском только 5% общей численности населения [1].

Среднее образование доступно лишь ограниченному кругу молодежи из богатых семей. В Свазиленде имеется лишь одна средняя школа, в Бечуаналенде до 1947 г. имелась также только одна; в 1947 г. в резервате Нгвато была построена вторая, для чего крестьяне племени бамангвато собрали в порядке самообложения 10 тыс. голов скота [2]. Имеется, кроме того, несколько ремесленных школ для подготовки квалифицированных рабочих и учителей, хотя, как отмечает официальный отчет по Бечуаналенду, 60% учителей не имеют никакой специальной подготовки [3]. Высшее образование получают лишь немногие одиночки.

Что касается здравоохранения, то достаточно сказать, что в Свазиленде [4], например, за счет средств колониальной администрации содержится две больницы на 73 койки и шесть тюрем! В других протекторатах положение аналогичное. На весь Бечуаналенд, как уже указывалось, в 1946 г. имелся один дантист, 17 врачей и 40 медицинских сестер. Только в нескольких крупных населенных пунктах — административных центрах — имеются амбулатории и стационарные лечебницы, большая часть которых принадлежит религиозным миссиям. За их пределами население лишено всякой медицинской помощи.

Положение коренного населения в протекторатах ничем не отличается от положения во всех других английских колониях: та же беспощадная эксплуатация и то же игнорирование элементарных человеческих прав и нужд населения. Однако оно значительно отличается от положения коренного населения банту в Южно-Африканском Союзе. В протекторатах нет той чудовищной системы расовой дискриминации, которая в Южно-Африканском Союзе делает жизнь коренного населения невыносимой.

Объясняется это, конечно, не тем, что английские власти проявляют какую-то особую заботу о благополучии населения протекторатов, а просто тем, что европейское население в протекторатах совершенно ничтожно: 3201 чел. в Свазиленде, 2379 чел. в Бечуаналенде и 1689 чел. в Басутоленде. Это в основном чиновники и купцы, сосредоточенные в административных и горнопромышленных центрах. Здесь, как и в других колониях, они составляют свое общество, держатся особняком и при всяком подходящем случае стараются проявить свое пренебрежительное отношение к местному населению. За пределами этих центров они являются одиночками, там просто нет базы для осуществления политики расовой дискриминации.

Горнопромышленники и крупные землевладельцы Южно-Африканского Союза настойчиво добиваются включения протекторатов в состав Союза. Это дало бы им возможность более полно использовать резервы рабочей силы протекторатов и захватить новые земли, в частности прекрасные альпийские пастбища Басутоленда [5]. И вместе с тем это озна-

---

[1] «Colonial office. An economic survey of the colonial territories 1951», vol. I, p. 90.
[2] «Colonial annual reports, Bechuanaland protectorate», 1947.
[3] Там же, 1946.
[4] «Colonial annual reports Swaziland», 1947.
[5] В 1934 г., когда правительство Южно-Африканского Союза выдвинуло требование о присоединении протекторатов, орган горнопромышленников газета «Стар» писала, что «протектораты, кроме экспорта болезней и саранчи, экспортируют также скот, табак, пшеницу, шерсть, маис», что с присоединением протекторатов «горная промышленность Союза получит более широкую возможность для вербовки рабочей силы» («Star», 14 апреля 1934 г.).

чало бы распространение на протектораты всей бесчеловечной системы расовой дискриминации. Поэтому население протекторатов решительно борется против этих намерений южноафриканских империалистов.

Вопрос о присоединении протекторатов к Южно-Африканскому Союзу приобретает большую остроту всякий раз, когда к власти приходит Националистическая партия. Это требование выдвигало правительство Герцога в 1929 г. и в 1934 г., оно вновь было выдвинуто правительством Малана в 1949 г. Английские империалисты всякий раз отклоняют требование своего южноафриканского филиала, ссылаясь при этом на интересы населения протекторатов.

Подлинная причина состоит, однако, в том, что Англия не хочет усиления своего южноафриканского доминиона, преданность которого империи всегда вызывала сомнения. Приход к власти маланистов, пользующихся поддержкой американских монополий, усилил сепаратистские тенденции Южно-Африканского Союза, и тем не менее английское правительство начинает сдавать свои позиции в вопросе о протекторатах. В этом еще раз сказывается общий упадок британской империи и ее растущая зависимость от американского империализма.

Впрочем, и та, и другая сторона не спешат с решением этого вопроса, так как обе они извлекают пользу из споров по этому вопросу. Протектораты — это своеобразный футбольный мяч, которым перебрасываются английские и южноафриканские империалисты. Присоединение протекторатов не может разрешить проблему обезземеленных англо-африкандерских фермеров. Они не имеют земли не потому, что ее мало в Южно-Африканском Союзе, а потому, что она принадлежит крупным помещикам и земельным и горным компаниям. В протекторатах лучшие земли также уже захвачены компаниями. Но пока протектораты не перешли к Южно-Африканскому Союзу, националисты могут обещать мелкому обезземеленному фермерству новые земли и тем приобретать их поддержку. Английское правительство не много потеряет с передачей протекторатов Южно-Африканскому Союзу, так как экономически они уже полностью подчинены ему. Но пока этот вопрос остается открытым, английские империалисты могут наживать политический капитал, выступая в роли защитников населения протекторатов от угрозы подчинения его политике расовой дискриминации, проводимой в Южно-Африканском Союзе.

Английское «покровительство» означает для населения протекторатов колониальную эксплуатацию и порабощение. Включение протекторатов в состав Южно-Африканского Союза безусловно ухудшит положение населяющих их народов. Это — худшее зло. Выбирая из двух зол меньшее, население протекторатов высказывается решительно против присоединения к Союзу и находит в этом поддержку со стороны всех прогрессивных сил Южной Африки и Англии.

ГЛАВА 8

ДИСКРИМИНАЦИЯ МУЛАТОВ И ИНДИЙЦЕВ

1. МУЛАТЫ

В демографической статистике Южно-Африканского Союза имеется графа «смешанные и прочие цветные»; обычно ее называют просто «цветные» (coloured). Переписью 1946 г. по этой графе учтено 928 484 чел. Они составляют 8% общей численности населения; этот процент остается стабильным на протяжении почти полувека: 8,6% в 1904 г., 7,9% в 1921 г. и 8% в 1936 г. Около 90% всех «цветных» живет в Капской провинции. В протекторатах они немногочисленны: 1082 чел. в Бечуаналенде, 739 чел. в Свазиленде и 602 чел. в Басутоленде (данные 1946 г.). Общая численность «цветных» на исследуемой нами территории составила в 1946 г., следовательно, 930 907 чел.

Этнический состав этой группы чрезвычайно пестрый и не менее того условный. Перепись 1946 г. не дает детальной классификации ее состава. По переписи 1936 г. в эту группу входят [1]:

Этнические компоненты	% к общей численности
Капские цветные	75,13
Готтентоты	11,24
Малайцы	4,43
Гриква	4,10
Бушмены	0,85
Корана	0,62
Намаква	0,44
Переселенцы с острова св. Елены	0,50
Суахильцы и занзибарцы	0,10
Все другие	2,59

Кто такие «капские цветные»? Это, прежде всего, метисы. Определить их расовую или этническую принадлежность невозможно. В этом признаются даже южноафриканские расисты, которые потратили не мало сил на то, чтобы «определить» процент европейской, африканской и азиатской крови. Начало образованию метисного населения было положено сожительством европейских колонистов с рабынями, что в ранние периоды колонизации было обычным явлением. Рабов привозили из Анголы, с острова Мадагаскар, из Малайи и Восточной Индии, рабами становились готтентоты и бушмены; по переписи 1835 г. в Капской колонии

[1] S. Petterson. Colour and culture in South Africa. A study of the status of the Cape coloured people within the social structure of South Africa. London, 1953. p. 353.

насчитывалось более 35 тыс. рабов, более 28 тыс. готтентотов, бушменов и метисов. Европейские рабовладельцы принуждали к сожительству негритянок и готтентоток, рабынь из Азии и с Мадагаскара; нередко были случаи и смешанных браков. Рабы-малайцы женились на негритянках, негры женились на готтентотках, а потомки от этих смешанных браков перемешивались вновь. С начала XIX в. в процесс метисации были вовлечены и банту.

Смешанные браки между европейцами и не-европейцами в бывших бурских республиках всегда запрещались и никогда не запрещались в английских колониях Наталь и Капская. Это различие сохранилось и после образования Южно-Африканского Союза. Впрочем, европейцы редко женились на женщинах банту или «цветных». За 1925—1936 гг. было зарегистрировано только 1252 брака, из них 932 брака приходилось на «цветных», 266 — на банту и 54 — на представителей азиатских народов. За 1940—1945 гг. было зарегистрировано 600 смешанных браков, из них 494 брака, в которых европеец женился на женщине не-европейского происхождения, и 106 браков, когда европейская женщина выходила замуж за не-европейца.

В общей массе браков, заключаемых европейцами, смешанные браки составляют ничтожную долю процента. Однако националисты усмотрели в этом угрозу «чистоте» европейской расы и провели в 1949 г. через парламент закон [1], запрещающий под страхом сурового наказания браки европейцев с не-европейцами.

Но основной путь расового смешения идет не через браки, а через внебрачное сожительство, чаще всего вынужденное. Питер Абрахамс в романе «Тропою грома» описывает свою родную деревушку Стиллевельд, в которой почти все женщины — «цветные» — так или иначе вынуждены вступать в половую связь с африкандерским помещиком, на земле которого они живут, и с его друзьями, приезжающими к нему из города в гости.

Еще в 1927 г. был принят закон[2], запрещающий внебрачное сожительство европейцев и банту. В 1950 г. он был дополнен новыми статьями [3], распространяющими его на всех не-европейцев, усиливающими его действие. Теперь полицейским вменено в обязанность подглядывать, следить за половой жизнью вверенных их попечению людей. И уже в первом, 1950 г. за нарушение закона было посажено на скамью подсудимых 329 человек [4].

Это расистское законодательство, проводимое полицейскими с таким старанием, несомненно будет сдерживать смешение рас, но оно не может отменить, ликвидировать этот вполне естественный, закономерный процесс. Что касается чистоты европейской расы, то уже и сейчас она представляет вымысел, миф. Среди африкандеров, вероятно, бóльшая часть — смешанного происхождения. Положение потомства от смешанных браков или от внебрачного сожительства определялось до сих пор цветом кожи — ребенок с белой кожей становился европейцем, а ребенок с темной кожей — «цветным».

Южноафриканский писатель Джеральд Гордон в романе «Да сгинет день» [5] описал весьма характерный, обычный случай. Муж — европеец, жена — готтентотка. Первый сын родился белым и вошел в жизнь как

---

[1] Prohibition of Mixed Marriages Act, № 55, 1949.
[2] Immorality Act, № 5, 1927.
[3] Immorality Amendment Act, 1950.
[4] S. Petterson. Указ. соч., стр. 202.
[5] Джеральд Гордо. Да сгинет день. М., 1955.

европеец. Он учился в школе для европейцев, в университете, занимал потом хорошую должность, слыл примерным европейцем. Второй сын родился с темной кожей, и он уже не мог, несмотря на все старания родителей, пойти по пути старшего брата. Его не приняли в школу для европейских детей, он не мог получить образования, пошел по пути «цветных». На одном из перекрестков жизненных путей двух братьев младший был вынужден «разоблачить» старшего, публично признать его своим братом и оборвать его блестящую карьеру.

Южноафриканский адвокат Джерд Финдлей в период борьбы против расистского законодательства правительства Малана попытался подсчитать численность лиц смешанного происхождения среди европейского населения. И он пришел к выводу, что по крайней мере от 500 до 733 тыс., считающих себя европейцами, являются на самом деле «смешанными» [1]. Это значит, что одну четвертую или даже одну треть всего европейского населения Южно-Африканского Союза надо отнести к группе «цветных».

Браки между различными группами не-европейского населения, особенно между «цветными» и банту, довольно часты. За 1925—1936 гг. «цветные» зарегистрировали 61 866 браков, из них с лицами европейского происхождения — 932, с банту — 3 608 и с лицами азиатского происхождения — 658. Браки «цветных» с банту и выходцами из Азии составили, следовательно, около 7% всех браков [2]. Характерно при этом следующее обстоятельство. Женщина европейского происхождения редко выходит замуж за «цветного», обычно наоборот — «цветная» женщина идет в семью европейца. В смешанных браках «цветной» — банту положение иное: «цветная» женщина идет в семью банту, а женщина банту идет в семью «цветного» почти в равновеликих долях.

Итак, «капские цветные» — это результат длительного и сложного смешения самых разнообразных расовых компонентов. Все они говорят на африкаанс или на английском языке. По своей культуре, формам быта, по своему образу жизни они ничем не отличаются от соответствующих социальных слоев европейского населения. Выделение их в особую группу — совершенно искусственное, не имеющее никаких лингвистических или культурных оснований. Установившееся название — «цветные» — они воспринимают как унижение, как особое название людей «второго сорта» и всегда, когда это возможно, причисляют себя к европейцам. Но их положение в обществе резко отлично от положения европейцев и поэтому они должны рассматриваться как особая группа. Хотя название ее — «цветные» — признано законами Южно-Африканского Союза, от него следует отказаться, так как оно совершенно бессодержательно и оскорбительно. В советской литературе принято называть их мулатами [3].

Следующая по численности группа «смешанного и прочего цветного населения» — готтентоты, корана и намаква. В переписи 1936 г. они учитывались раздельно, хотя в сущности корана и намаква всего лишь от-

---

[1] S. Petterson. Указ. соч., стр. 202, примечание 35.

[2] «Handbook on racial relations in South Africa», p. 11—12.

За годы 1937—1946 было зарегистрировано 7 485 браков, в которых одной из сторон был «цветной» или «цветная».

[3] Имеются, однако, и возражения против такого названия, основанные на том что первоначально в формировании этой группы негроидные элементы или не участвовали или участвовали в весьма ничтожной доле. Предлагается название «метисы». Это название встречается в книге Яна Балицкого «Расизм в Южной Африке» (Издательство иностранной литературы. М., 1953. Перевод с польского В. Арцимовича и П. Зяблова). Однако это последнее название слишком неопределенно, в нем отсутствует указание на участие негроидного элемента, который в последнее столетие играет в формировании группы «цветных» все более возрастающую роль.

дельные племенные группы готтентотов. Вместе взятые, они в 1936 г. составляли по Южно-Африканскому Союзу около 95 тыс. чел.; большинство их — 80 тыс. — живет в Капской провинции. Часть готтентотов живет в Юго-Западной Африке, где их в 1926 г., согласно отчету Германии Лиге Наций, насчитывалось немногим более 15 тыс. чел.[1]. Следовательно, общая численность готтентотов может быть определена сейчас цифрой порядка 110—120 тыс. Впрочем, все подсчеты готтентотов надо считать сейчас сугубо условными.

В результате многовекового колониального угнетения бо́льшая часть готтентотов утратила свою самобытность. Они уже давно были обращены в христианство и в значительной степени смешались с европейцами. Возможно большинство их представляет мулатов. Таковы, например, «рехоботские бастарды», «бетанские готтентоты» и другие группы Юго-Западной Африки. Проф. Шапера, анализируя итоги переписи готтентотов 1904 г., когда их в Капской колонии насчитывалось около 86 тыс. чел., указывает, что термин «готтентот» означает не больше как «полукровка». Он полагает, что уже в то время, т. е. полсотни лет назад, лишь незначительное количество учтенных готтентотов можно признать «чистокровными готтентотами».

Лишь некоторым группам удалось сохранить возможность жить обособленными общинами. В XIX в. из остатков распавшихся племен образовались с помощью миссионеров новые объединения, связанные стремлением отстоять хотя бы некоторую долю своей этнической самобытности. Наиболее значительные из этих объединений — витбои в Юго-Западной Африке и гриква в Южно-Африканском Союзе. По переписи 1936 г. их насчитывалось около 30 тыс. чел. Некоторые остатки старой родо-племенной организации и самобытной культуры сохранились у корана и намаква, что, очевидно, и послужило основанием к тому, чтобы учитывать их отдельно от готтентотов.

Почти все готтентоты Южно-Африканского Союза работают сейчас батраками у африкандерских или английских фермеров или чернорабочими в промышленности, говорят на английском или африкаанс, исповедуют христианство, носят одежду европейского покроя и по образу жизни ничем не отличаются от беднейших слоев европейского населения.

Бушменов в 1936 г. насчитывалось в Южно-Африканском Союзе около 6,5 тыс. чел.; большинство их живет в Капской провинции. Они расселены небольшими группами или отдельными семьями в помещичьих латифундиях африкандеров и используются в качестве пастухов. Общую численность бушменов установить сейчас невозможно. По официальным германским данным, в Юго-Западной Африке в 1913 г. было 8090 бушменов; по данным мандатария, в 1926 г. их было только 3600 чел. Большинство бушменов загнано в малярийную местность северо-западной Калахари, где они быстро вымирают. По данным Шапера, всех бушменов сейчас осталось не больше 7,5 тыс.[2].

В сущности все эти группы — «капские цветные», готтентоты, бушмены, гриква — являются мулатами. Исключение составляют, может быть, малайцы, которые стараются жить замкнутыми религиозными общинами. Бушмены смешиваются с готтентотами и через них с европейцами. Социальное положение всех этих групп одинаковое. Поэтому в дальнейшем они рассматриваются как одна группа мулатов.

---

[1] I. Schapera. The khoisan peoples of South Africa. Bushmen and hottentots, p. 50.
[2] Там же, стр. 39.

Говорят мулаты на английском языке или на африкаанс, в зависимости от того, в какой среде они живут — среди англичан или среди африкандеров; одна треть знает оба языка. В следующей таблице дается процентный состав мулатов по тому языку, на котором они говорят у себя дома, в семье (перепись 1946 г.) [1].

Провинции	Английский	Африкаанс	Другие
Капская	7,3	91,5	1,2
Натальь	67,1	24,6	8,3
Трансвааль	15,5	80,4	4,1
Оранжевая	0,6	98,0	1,4
Южно-Африканский Союз	9,4	89,1	1,5

В провинции Наталь, где преобладает англоязычное европейское население, большинство мулатов говорит на английском языке, в трех других провинциях наоборот.

Как уже указывалось, почти все мулаты живут в Капской провинции, в ее западной части; 6,4% живут в Трансваале, 2,7% — в Натале и 1,5% — в Оранжевом Свободном Государстве. В Капской провинции они составляют около 20% общей численности населения, а во многих дистриктах (Кальвиния, Карнарвон, Серес, Кланвиллиам, Хоптаун и др.) даже большинство. 60% мулатов живут в городах; в Кейптауне они составляют 43,3% всего населения.

Состав населения Кейптауна по переписи 1946 г.:

Европейцы	214 201
Мулаты	197 484
Банту	34 408
«Азиаты»	7 959
Всего	454 052

По роду занятий самодеятельная часть мулатов делится на следующие основные группы: 27% занято в сельском хозяйстве, это, главным образом (90%), батраки на фермах африкандеров; 27% работают прислугой в отелях, ресторанах и в домашнем хозяйстве европейцев [2]; 21% — промышленные рабочие, занятые, главным образом, в обрабатывающей промышленности и на строительстве. На табачных, швейных и обувных фабриках они составляют почти половину общего количества рабочих и служащих, в горной промышленности, напротив, они очень немногочисленны.

Положение мулатов весьма противоречиво и сложно. Они подвергаются эксплуатации и угнетению так же, как и банту, но по сравнению с последними они пользуются некоторыми правами и привилегиями. «В общем «цветные» по своему социальному положению находятся где-то посередине между европейцами и банту» [3].

Положение мулатов на европейских фермах мало чем отличается от положения банту. Правда, мулаты не платят подушной подати, они не прикреплены к фермам сложной системой пропусков и разрешений, на них не распространяется система административного принуждения, но в

[1] S. Petterson. Указ. соч., стр. 354.

[2] Среди женщин, работающих по найму, прислуга составляет около 80% (данные переписи 1936 г.).

[3] Д. Уолтон. Куда идет Южная Африка, стр. 147.

остальном условия их жизни не менее безотрадны, чем условия жизни банту.

Оплата их труда не регулируется никаким законодательством и зависит от произвола нанимателей. В одних случаях заработная плата выплачивается только деньгами, в других случаях — деньгами и натурой, в третьих — деньгами и клочками земли и т. д. Но во всех случаях заработная плата нищенская, ниже заработной платы батраков-европейцев. По данным правительственной комиссии, обследовавшей положение капских мулатов в 1937 г., заработная плата в разных районах колеблется около 15 шилл. в месяц и редко поднимается до 30 шилл.[1]. Часть мулатов относится к категории батраков с наделом: за небольшой надел земли батрак бесплатно работает на землевладельца пять дней в месяц, остальные рабочие дни оплачиваются деньгами и натурой.

Описанная П. Абрахамсом деревушка Стиллевельд, населенная исключительно мулатами, расположена на земле помещика Вильера. Все жители деревни работают на помещика и находятся в полной зависимости от его произвола, он распоряжается ими как своими рабами, творит над ними свой суд и расправу. Убийственная, безысходная нужда — удел всех обитателей Стиллевельда. В деревне нет ни одного грамотного человека. П. Абрахамс пишет:

«Здесь, казалось, все были заранее обречены рождаться в беспросветной нищете, и жить в нищете, и в нищете умирать. И даже бедняки в Кейптауне были непохожи на здешних. Те, хотя и жили бедно, но где-то внутри они, по крайней мере, некоторые, были свободны от бедности. А здешние не были. Это было видно по их глазам, движениям, по всему, что они делали. Это слышно было в их голосах. Нищета въелась им в душу — и это было еще хуже, чем та нищенская обстановка, в которой они прозябали» [2].

Въезд мулатов в города не ограничен законами. Они имеют право жить в городах, но лишь в трущобах грязных окраин или в специально отведенных для них районах — гетто, как, например, «шестой район» Кейптауна. В некоторых, центральных местах города они вообще не могут появляться, разве только в качестве слуги при белом господине; им запрещено, например, гулять по набережной Кейптауна. Стандартное объявление «Только для европейцев» обязательно и для мулатов.

В промышленности на них распространяется общее, наравне с рабочими европейского происхождения, законодательство о труде и заработной плате. Но принимают их все же преимущественно на неквалифицированную работу и в последнюю очередь, а увольняют в первую очередь. Чтобы получить хорошо оплачиваемую работу, мулатам приходится иногда скрывать свою этническую принадлежность и выдавать себя за европейцев, что ставит их в чрезвычайно неприятное, ложное положение.

«Цветной барьер» в профсоюзах рабочих-европейцев на мулатов не распространяется. Их принимают в профсоюзы, но до руководящих постов не допускают. В профсоюзы, организуемые рабочими-банту, они не вступают, так как наниматели с этими профсоюзами не хотят считаться, а полиция преследует их. Сказывается в этом и влияние расистской идеологии.

Правящие классы англо-африкандеров создали для мулатов некоторую видимость привилегированного, по сравнению с банту, положения и пользуясь этим натравливают их на банту. Среди мулатов имеется не

[1] «Handbook on racial relations in South Africa», p. 335.
[2] П. Абрахамс. Указ. соч., стр. 40.

мало людей, главным образом среди торговцев и интеллигенции, которые активно помогают империалистическим хозяевам разжигать неприязнь, вражду по отношению к банту. Кроме профсоюзов, мулатов, как правило, не допускают ни в какие политические, культурные и спортивные организации европейцев. В организации банту они сами не вступают. Поэтому существуют во всех сферах общественной жизни отдельные организации мулатов, огороженные «цветным барьером»: политические — Организация Африканского Народа, Национальный Союз цветного народа, организации бойскаутов, спортивные и разного рода другие организации.

Капские мулаты до 1930 г. пользовались избирательным правом наравне с европейцами, но и тогда не имели права быть избранными. В остальных трех провинциях мулаты никогда не имели избирательных прав.

С 1930 г. началось постепенное урезывание избирательных прав мулатов. В 1931 г. были предоставлены избирательные права женщинам, но только европейского происхождения. В 1931 г. был отменен избирательный ценз, но только для лиц европейского происхождения. В результате лишения избирательных прав женщин и высокого имущественного ценза на каждую тысячу мулатов приходится только 42 избирателя, тогда как на каждую тысячу европейцев приходится 560 избирателей. До последнего времени мулаты включались в общий список избирателей, вместе с европейцами. В феврале 1951 г. националистическое правительство Малана внесло в парламент законопроект об исключении мулатов из общего списка избирателей и образовании особой избирательной курии мулатов. За мулатами остается право избирать в палату общин четырех депутатов и притом обязательно европейцев. Законопроект вызвал массовое движение протеста, в котором объединились все демократические силы независимо от расовой принадлежности. Против него решительно выступила и Объединенная партия. Решение парламента, утвердившего законопроект, было отменено высшими судебными инстанциями как противоречащее конституции. Но правительство не отказалось от своего намерения и настойчиво добивается принятия закона.

Летом 1955 г. правительству удалось провести через парламент закон о реорганизации сената. Раньше каждая из 4 провинций избирала 8 сенаторов; всего членов сената было 40. По новому закону число сенаторов от провинции определяется числом избирательных округов по выборам в нижнюю палату; общее число сенаторов увеличивается до 89. При этом новом порядке правительство может на совместном заседании обеих палат собрать 2/3 голосов, необходимых для изменения конституции и принятия закона о лишении мулатов избирательных прав.

Длительная борьба за избирательные права мулатов, в которой участвовали и банту и демократические слои европейского населения, показала мулатам, что искусственно поддерживаемая реакционными силами изоляция их от банту и прогрессивных слоев европейского населения выгодна только реакционным силам. Мулаты включаются в общий фронт борьбы против империалистического порабощения.

«Цветной народ начинает выходить из состояния изоляции от других угнетенных групп населения...— заявил президент Организации Африканского Народа Е. Т. Дитрих. Они видят, что их угнетают так же, как угнетают африканцев и индийцев... Политика лидеров цветных в прошлом состояла в том, чтобы служить целям господствующих классов и поддерживать искусственные барьеры, отделяющие цветных от их союзников, африканцев. Только недавно цветные поняли, что их собственная судьба в основном идентична с судьбой африканцев, что их проблемы являются

вместе с тем проблемами африканцев и в равной мере угнетенных индийцев. Они поняли, что только объединенное движение всех угнетенных неевропейцев, борющихся за одни и те же цели, может остановить наступление реакции»[1].

2. ИНДИЙЦЫ

Индийцы составляют основную часть — 90% — населения, учитываемого под рубрикой «азиатское». В переписях индийцы не выделяются; данные переписей, используемые здесь для характеристики положения индийцев, относятся ко всей этой группе населения.

Первые индийцы были завезены в Южную Африку в 1860 г. для работы на сахарных плантациях Наталя. Европейские плантаторы и фабриканты нуждались в рабочей силе индийцев и потому поощряли их въезд. Вслед за рабочими ехали купцы, ремесленники и люди свободных профессий. В 1904 г. общая численность азиатского населения в колониях, вошедших потом в Южно-Африканский Союз, составляла 122 734 чел., в 1911 г.— 152 203 чел. В 1911 г. индийцы были учтены отдельно и составляли 149 791 чел., или 98,5% всего азиатского населения Союза; 94% всех индийцев проживало в Натале. По переписи 1946 г. общая численность населения азиатского происхождения составила 285 260 чел., среди них индийцев — около 250 тыс. чел.; 85% индийцев родились в Южно-Африканском Союзе; в 1911 г. этот процент равнялся 42,5%. Индийцы вошли в состав населения Южно-Африканского Союза как постоянная его часть; он является для них новой родиной.

Основная часть индийцев—85%—живет в провинции Наталь. В Оранжевом Свободном Государстве индийцев нет совсем; их проживание там запрещено провинциальным законодательством. Индийцы в еще большей степени, чем мулаты, являются жителями городов: 70% индийцев живет в городах. Объясняется это главным образом тем, что англо-африкандерские власти Южно-Африканского Союза резко ограничивают, фактически запрещают приобретение индийцами земельной собственности. Центром наибольшей концентрации индийцев является гор. Дурбан, административный центр провинции Наталь. Состав населения Дурбана по переписи 1946 г.:

Европейцы	130 143	35,0	%
Индийцы	117 065	31,5	%
Банту	113 092	30,5	%
Мулаты	11 449	3,0	%
Всего	371 749	100,0	процентов

Индийцы, проживающие в Дурбане, составляют 40% всех индийцев Южно-Африканского Союза. Другими центрами концентрации индийцев являются районы сахарных плантаций: Инанда — 24 800, Нижняя Тугела — 23 000, Умзинто — 13 700 чел., а кроме того, Питермарицбург — 15 100 чел.

В Трансваале индийцы живут компактно в нескольких крупных городах Иоганнесбург — 16 034 и в Претории — 5 101 чел.; в остальных районах они рассеяны мелкими группами и одинокими семьями среди инонационального населения. Из 15 200 индийцев Капской провинции 7959

[1] Цитировано по «Handbook on racial relations in South Africa», p. 526.

человек живет в Кейптауне и 3400 в Порт-Элизабете. В большей части районов и, в частности, в Транскей индийцев нет совсем; в других районах их насчитывается по несколько сот.

Если мулаты говорят, главным образом, на африкаанс, то индийцы говорят преимущественно на английском языке. По переписи 1936 г. 45,8% всех индийцев говорили на английском, только 1,5% на африкандерском и 40,4% не говорили ни на одном из них. Среди сельского индийского населения более 60% не знали ни английского, ни африкандерского языков. Родными языками индийцев являются тамиль — 38,11%, хинди — 27,44%, телугу — 11,42%, гуджарати — 11,57% и др.[1]

История индийцев в Южной Африке начиная с 80-х годов прошлого столетия представляет собою историю бесконечных ограничений и преследований. Политика колониальных правительств до образования Южно-Африканского Союза, как и политика союзного правительства, состояла и состоит в том, чтобы изгнать индийцев из Южной Африки, а оставшихся свести на положение банту. В основе этой реакционной политики национального угнетения индийцев лежит стремление местной европейской буржуазии в Южной Африке покончить с конкуренцией индийской буржуазии. Уже комиссия 1885 г., созданная правительством Наталя для изучения вопроса об индийской иммиграции, высказалась против индийцев как «конкурентов в области сельского хозяйства и торговли»[2]. В последнее время к этому прибавилась новая причина, которая сейчас является может быть и основной: прогрессивные слои индийского населения играют крупную роль в антиимпериалистическом движении, в объединении всех демократических сил не-европейского населения в единый фронт борьбы против реакции. И, кроме того, реакция намеренно разжигает антииндийские настроения для того, чтобы превратить индийцев в «козлов отпущения», объявить их виновниками всех бед коренного населения.

Наступление на жизненные интересы индийского населения ведется буквально со всех направлений: ограничение въезда, обложение иммигрантов особым налогом, ограничение свободы передвижения, сокращение школ, религиозные стеснения, запрещение покупать землю, отказ в выдаче патентов индийским купцам и т. д.

В начале этого столетия большая часть индийцев была связана с сельским хозяйством. Индийские предприниматели создали плантации сахарного тростника, пригородное, высокоинтенсивное огородничество и садоводство. Большинство сельского индийского населения — сельскохозяйственные рабочие на плантациях и фермах как индийских, так и английских плантаторов, фермеров. По переписи 1936 г. они составляли в Натале 62,5% всего индийского населения, занятого в сельском хозяйстве.

Вследствие систематических и все более строгих ограничений в приобретении и аренде земли, постепенной ликвидации пригородных, занятых под огородами и садами, участков, сельское хозяйство индийцев свертывается, а индийское население концентрируется в городах. Если в 1904 г. 50% самодеятельного индийского населения было занято в сельском хозяйстве, в 1936 г.— 27%, то в 1946 г. уже только 17%. Городское

---

[1] «Overseas reference book of Union of South Africa», p. 356. Религиозный состав населения азиатского происхождения: индуистов — 159 823, мусульман — 42 590, христиан — 10 718, конфуцианцев — 1 888, буддистов — 1 771 и др. Welson. Les partis et les groupements socio-politiques dans l'Union Sud-Africaine. Bordeaux, 1953, p. 218.

[2] J. Hofmeyr. South Africa, p. 175.

индийское население еще в 1921 г. составляло лишь 30,9% всего индийского населения Южно-Африканского Союза, в 1936 г.— 63%, в 1946 г. оно увеличилось до 70%. В провинции Наталь индийское население концентрируется главным образом в г. Дурбан: в 1921 г. индийское население Дурбана составляло 36% всего индийского населения Наталя, в 1931 г.— 43% и в 1946 г.— 51%.

Въезд индийцев в города не ограничен, но в городах они подвергаются сегрегации. Им не разрешается жить в центральных районах, населенных европейцами, они концентрируются в особых, окраинных районах. Индийским ремесленникам и купцам не разрешается открывать свои мастерские и магазины в районах, населенных европейцами.

Индийские рабочие заняты, главным образом, в обрабатывающей промышленности. По переписи 1946 г. 16 565 чел. самодеятельного индийского населения было занято в обрабатывающей промышленности, 2178— на транспорте, 1687 — на строительстве, 602 — в горной промышленности и т. д. 13 214 чел. работало прислугой в домашнем хозяйстве, в отелях, ресторанах и т. п. Предприятий, принадлежащих индийской буржуазии, мало; большая часть индийских рабочих занята на предприятиях, принадлежащих европейцам.

Специального законодательства о труде индийских рабочих, подобно законодательству о труде банту, нет, но тем не менее индийские рабочие испытывают на себе политику дискриминации. Индийскому рабочему так же, как и рабочему банту, трудно получить квалифицированную работу, он получает более низкую, по сравнению с рабочим-европейцем, заработную плату, если выполняет даже одинаковую с ним работу. По данным промышленной переписи за 1943—1944 гг., средняя годовая заработная плата индийского рабочего в обрабатывающей промышленности составляла 129 ф. ст., тогда как заработная плата рабочего-европейца составляла 322 ф. ст. «Только небольшая часть индийского населения находится в благоприятном экономическом положении, большинство индийцев находятся в чуть лучшем, если не в таком же положении, чем африканцы, выполняющие одинаковую с ними работу» [1].

Политика расовой дискриминации преследует индийца на каждом шагу так же, как она преследует банту: он не может ехать в поезде с европейцами, остановиться в гостинице, занятой европейцами, послать своих детей в европейскую школу, любой белый может его безнаказанно оскорбить и т. д.

После второй мировой войны и особенно с приходом к власти Националистической партии Малана положение индийцев резко ухудшилось.

В 1946 г. парламент ЮАС принял закон о землевладении и представительстве индийцев в парламенте [2]. В части, касающейся землевладения, закон имеет целью создать для сельского индийского населения черту оседлости подобно резерватам банту. Установлено несколько районов, в которых индийцы могут покупать или продавать землю; законом оговорено, что они не могут продавать землю мулатам или банту. Во всех других районах индийцы могут приобретать землю или иную недвижимую собственность только с разрешения в каждом отдельном случае министра внутренних дел. Надо сказать, что индийское землевладение в настоящее время ничтожно — 150 000 акров, или 1,3% всей территории провинции Наталь; в других провинциях или нет индийской земельной собственно-

[1] «Handbook on racial relations in South Africa», p. 343.
[2] Asiatic Land Tenure and Indian Represntation Act. № 28, 1946.

сти или ее совсем мало. Закон 1946 г. резко ограничивает возможность дальнейшего расширения индийского землевладения. Многие индийцы ведут хозяйство на земле, арендованной у английских фермеров и земельных компаний.

Индийское население Трансвааля было лишено избирательных прав еще в 1885 г., в Натале — в 1896 г.; в Капской провинции индийцы пользовались избирательным правом, ограниченным таким же избирательным цензом, как банту и мулаты, и включались в общие с европейцами избирательные списки. Индийское население в течение нескольких десятилетий ведет борьбу за избирательные права, равные с избирательными правами европейской части населения. Вместо этого закон 1946 г. поставил индийцев в положение более худшее, чем положение политически бесправных банту.

Согласно новому закону, индийцам предоставлены избирательные права, ограниченные более высоким, чем избирательные права банту, цензом: недвижимая собственность, оцениваемая не меньше чем в 250 ф. ст., или годовой доход не менее 84 ф. ст., образование не ниже шести классов, союзное подданство. Индийские избиратели образуют особую курию, которая выбирает трех депутатов в палату общин и одного сенатора, все они должны быть обязательно лицами европейского происхождения. Фактически это означает лишение индийского населения представительства в парламенте.

Дискриминационное законодательство 1946 г. вызвало законное возмущение всей индийской общественности Южно-Африканского Союза. Правительство Индии обратилось в Организацию Объединенных Наций с протестом против национального угнетения и дискриминации индийцев. Протест Индии был активно поддержан делегациями Советского Союза и стран народной демократии. В ответ на это южноафриканская реакция организовала кампанию травли и погромов индийского населения.

В начале 1947 г. по инициативе маланистов в Трансваале была проведена кампания бойкота индийских лавок, сопровождавшаяся хулиганскими выпадами и антииндийской истерией реакционной буржуазной прессы. Логическим завершением этой кампании явился кровавый погром индийцев в Дурбане в январе 1949 г. В течение нескольких дней хулиганы из европейского населения и одураченные буржуазной антииндийской агитацией отсталые слои банту громили квартиры, лавки и мастерские индийцев. Выпущенный Коммунистической партией памфлет «Кто враги?» приводит следующие данные о человеческих жертвах погрома [1]:

	Убито	Ранено
Банту	87	541
Индийцев	54	503
Европейцев	1	32
Мулатов	—	11
Всего	142	1087

Демократическое движение индийцев Южно-Африканского Союза до второй мировой войны и в первые послевоенные годы развивалось в сто-

[1] «Who is the enemy? A communist party pamphlet». По этому же вопросу был издан и другой памфлет: «Behind Durban's race clash. A communist party pamphlet».

роне от национально-освободительного движения народов банту. Это отсутствие единства и позволило реакционным силам натравить зулусов на индийцев. В связи с событиями в Дурбане коммунистическая партия провела большую работу в массах, разъясняя, что национальные распри между индийцами и банту не нужны ни банту, ни индийцам, что они выгодны только их врагам. В последние годы обстановка резко изменилась. Сейчас Африканский Национальный Конгресс и Южно-Африканский Индийский Конгресс выступают единым фронтом в борьбе за общие интересы всех угнетенных неевропейских народов Южно-Африканского Союза.

ЧАСТЬ III

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ

ГЛАВА 9

ЭТНИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ

Общность территории — первое и непременное условие формирования и существования нации. «Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории» [1].

Но что такое «общая территория»? Можно ли говорить о наличии территориальной общности, например, басуто, когда территория их расселения в данный момент разрезана политической границей между Южно-Африканским Союзом и Басутолендом? Да, конечно, можно. Это относится и к бечуанам, территория которых разделена к тому же на несколько феодальных княжеств.

За последние годы в советской научной литературе широкое распространение получила одна, на наш взгляд неправильная, точка зрения. М. Г. Вахабов в статье «О формировании узбекской буржуазной нации» пишет: «До сложения общности экономической жизни территория, занятая данным народом, независимо от того, разделена ли она несколькими государственными границами, или входит во владение одного государства, не является единой национальной «землей»... Сложение общности экономической жизни сопровождается сложением территориальной общности» [2]. Е. А. Косминский в статье, посвященной формированию английской нации, создание общности территории связывает с ликвидацией феодальной раздробленности [3].

Многие исследователи этого вопроса пытаются найти качественное различие между территориальной общностью народности и территориальной общностью нации. С этим нельзя согласиться. Общность территории означает только то, что народ, образующий данную народность или нацию, населяет единую, сплошную территорию, не разрезанную какими-либо естественными рубежами, препятствующими повседневному общению людей (моря, горные цепи и т. д.), или инонациональными массивами. Поэтому никакой принципиальной грани между территориальной общностью народности и территориальной общностью нации нет, а все попытки найти эту грань не только запутывают вопрос, но в отдельных случаях могут привести к ложным выводам.

Разъясняя свое понимание общности территории, И. В. Сталин приводит всего лишь один пример: часть англичан выселилась на новую террито-

---

[1] И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 294.

[2] М. Г. Вахабов. О формировании узбекской буржуазной нации. «Вопросы истории», 1954, № 7, стр. 114.

[3] Е. А. Косминский. К вопросу об образовании английской нации. «Вопросы истории», 1951, № 9, стр. 49—50.

рию, в Америку. «Разные территории повели к образованию разных наций» [1].

История знает не мало и других подобных примеров, когда часть нации, переселившись на другую территорию и порвав регулярное, постоянное общение с основной частью нации, постепенно утрачивает свои национальные особенности, ассимилируется или, при благоприятных условиях, формируется в особую нацию, включая в себя при этом и другие этнические элементы. Подобные примеры знает и Африка, в частности ее южная часть. Голландцы, переселившись в Южную Африку и смешавшись здесь с другими переселенцами из Европы, утратили свой прежний голландский язык и перешли на новый язык — африкаанс, утратили многие элементы старой голландской культуры, голландского быта и приобрели другие характерные черты, отказались от старого национального имени и приобрели новое самоназвание — африкандеры.

О феодальной раздробленности И. В. Сталин говорит не в связи с территориальной, а в связи с экономической общностью. Он пишет, что грузины дореформенных времен жили на общей территории, которая была разбита на несколько княжеств, что мешало развитию экономических связей; что касается второй половины XIX в., то «рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое» [2].

Территориальная общность предшествует образованию экономической общности, а не наоборот, как это получается, например, у М. Г. Вахабова. Наличие территориальной общности создает потенциальную возможность образования экономической общности и формирования нации. Эта возможность существует и в период феодализма, при феодальной раздробленности. С развитием капитализма эта потенциальная возможность превращается в действительность.

Отсюда, конечно, не следует, что сохранение феодальной раздробленности не имеет отношения к процессу формирования нации. Совершенно очевидно, что феодальная раздробленность тормозит развитие экономических и культурных связей, задерживает формирование нации, но это не имеет никакого отношения к общности территории.

Отсюда тем более не следует, что расчленение этнической территории между двумя или несколькими государствами не имеет отношения к процессу формирования нации. Национальное государство не является признаком нации, но для нации совсем не безразлично наличие или отсутствие своего государства. Исторический опыт показывает, что только наличие независимого, национального государства обеспечивает свободное и всестороннее развитие нации. Точно так же для нации совсем не безразлично, где и как проведены государственные границы. Часть нации или народности, отрезанная государственными границами и оказавшаяся в пределах инонационального государства, может утратить свои национальные черты. Но это может и не случиться. В этом случае надо учитывать такие обстоятельства, как возможности регулярного, повседневного общения разорванных границей частей нации или народности, продолжительность такого разрыва, национальную политику господствующей нации и др.

Вопрос о территориальной общности не требует специального исследования, если одна нация или народность населяет всю территорию данного государства или колонии, где, следовательно, нет территорий, ком-

[1] И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 294.
[2] Там же, стр. 295.

пактно заселенных другой нацией или другой народностью. Сложнее обстоит дело с государством многонациональным, каким является Южно-Африканский Союз с прилегающими к нему или даже расположенными в его границах (Басутоленд) английскими протекторатами. В этих случаях вопрос об этнических территориях и этнических границах приобретает иногда острый политический характер.

При исследовании этнических территорий южноафриканских народностей — банту — необходимо в первую очередь выяснить характер расселения англо-африкандеров, являющихся в настоящее время такими же постоянными насельниками Южно-Африканского Союза, как и банту. Так же как и банту, они, особенно африкандеры, не имеют никакой иной родины, кроме Южно-Африканского Союза.

В течение всего XIX в. англо-африкандерские колонизаторы проводили политику территориального размежевания европейцев и банту, политику создания «чистых» этнических территорий — «черных» и «белых». Внешним выражением этой политики явилось создание ряда крупных резерватов. Вся история законодательства в английских колониях, в бурских республиках, а затем и в Южно-Африканском Союзе по вопросам землевладения и поселений банту представляет собою попытку закрепить это территориальное размежевание, не допустить смешанного расселения. Этому подчинено и все законодательство националистического правительства в годы после второй мировой войны. Идеологические оруженосцы англо-африкандерских империалистов (Кеппель-Джонс и др.) выступают сейчас с проектами превращения границ резерватов в государственные границы, превращения резерватов в «национальные» государства банту, входящие в состав Южно-Африканского Союза и «опекаемые» англо-африкандерскими колонизаторами.

Но, как уже говорилось раньше, политика территориального размежевания европейцев и банту потерпела явный крах. Поток поселенцев из Европы оказался не таким значительным, чтобы заселить захваченные территории. Кроме того, земельные компании нуждались в арендаторах, чтобы извлекать прибыль из захваченной ими земли. Помещичьи латифундии, крупные фермеры и владельцы промышленных предприятий стремились приобрести дешевую рабочую силу банту, а земельный голод и острая нужда выталкивали банту из «расовых заповедников», куда они были загнаны колонизаторами. Уже с конца XIX в. началось расселение банту из резерватов и протекторатов по территории, очищенной ранее для белых колонистов.

Численность банту резервата Транскей за период 1899—1946 гг. увеличилась, например, на 59%, тогда как численность банту Капской провинции за пределами Транскей увеличилась на 157%. В 1899 г. банту резервата Транскей составляли 65% всех банту Капской провинции, к 1946 г. этот процент снизился до 47, соответственно увеличился процент банту вне Транскей. Аналогичная картина наблюдалась в Натале и других провинциях [1].

Сейчас банту расселены по всей территории Южно-Африканского Союза, живут смешанно с англо-африкандерами, мулатами и индийцами. Переписью 1946 г. банту не учтены только в одном дистрикте Капской провинции — Калоцдорп. Точно так же и европейцы — они расселены повсюду, нет ни одного дистрикта, где бы не было постоянно живущих лиц европейского происхождения.

[1] Данные за 1899 г. взяты из книги «The natives of South Africa: their economic and social condition». Edited by the South African native races committee. London, 1901, p. 10.

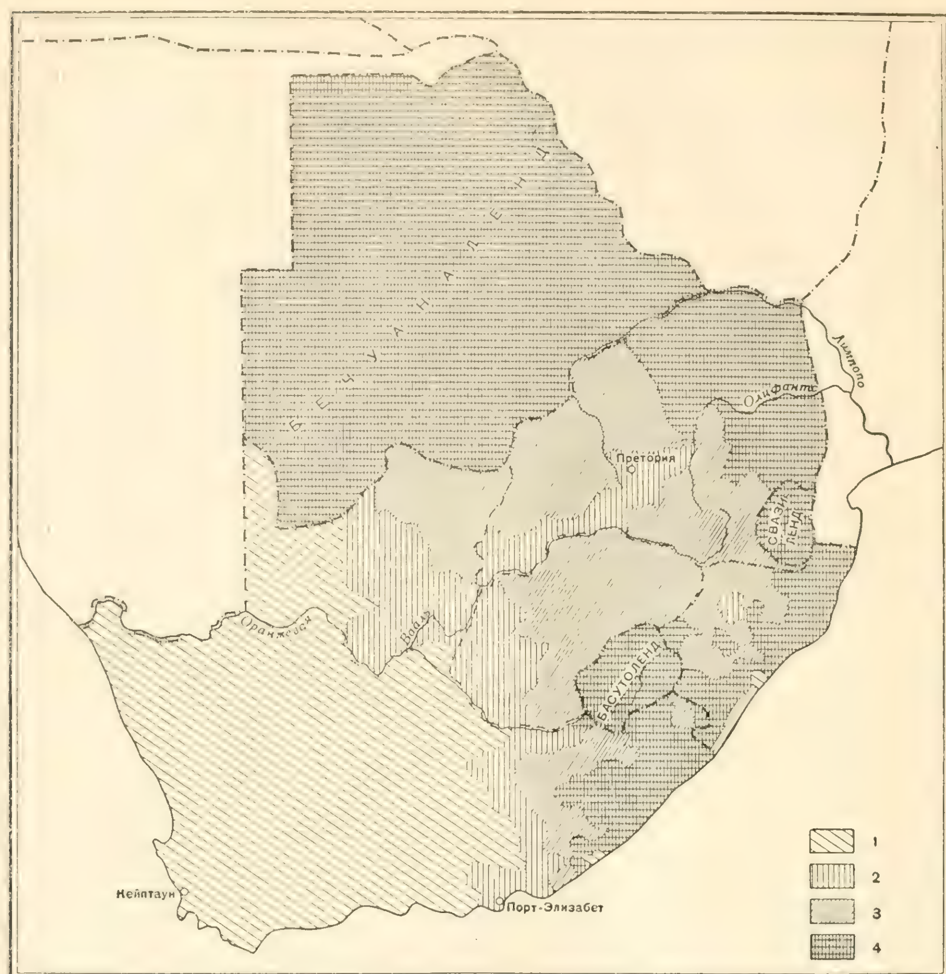

Рис. 19. Этническая территория банту. % банту к общей численности населения:
1—от 49%; 2—от 50 до 75%; 3—от 75 до 89%; 4—свыше 90%

На публикуемой здесь карте (рис. 19) показано процентное соотношение банту и европейцев по каждому дистрикту. С севера и с востока внутренние районы страны окаймляет сплошная широкая полоса территории, в которой банту составляют свыше 90% всего населения. Это протектораты и резерваты, черта оседлости банту, огромные гетто. Вот эти гетто прожектеры типа Кеппель-Джонса и предлагают превратить в «национальные» государства банту. Европейское частновладельческое землевладение здесь незначительно. Европейцы, проживающие на этой территории, — это в основном чиновники и купцы. К ней примыкает меньшая по размерам, но также сплошная полоса, где банту составляют от 75 до 89%. В следующей, третьей полосе захватывающей всю южную часть Трансвааля, банту составляют от 50 до 74%. Это Витватерсранд, район золотых месторождений, где банту также представляют собою большинство.

Эти три полосы занимают более трех четвертей всей территории Южно-Африканского Союза и протекторатов, а населяющие их банту составляют почти 99% общей численности банту.

В западной части Капской провинции банту находятся в меньшинстве, не более 10% общей численности населения. В прошлом это — область расселения бушменов и готтентотов, истребленных в первый период колонизации; она никогда не была этнической территорией банту. Сейчас все земли этой области захвачены англичанами и африкандерами, главным образом последними; земель, принадлежащих банту, здесь нет. Однако и европейцы составляют лишь относительное большинство; значительный процент общей численности населения принадлежит мулатам и готтентотам.

Таким образом, банту составляют абсолютное большинство на всех тех территориях, которые были их этническими территориями и к началу XIX в.; европейцы же составляют относительное большинство на этнических территориях готтентотов и бушменов.

Рассмотрим теперь расселение народностей банту. Вопрос об этнических территориях основных групп южноафриканских банту был в общих чертах освещен уже в первой части этой работы в связи с формированием народностей. За прошедшие десятилетия произошли, однако, большие изменения, вызванные переселением части банту в города, горно промышленные районы и на фермы европейцев. Эти переселения привели уже к частичному смешиванию народностей. Поэтому сейчас необходимо вновь вернуться к этому вопросу и опираясь на новейшие статистические данные уточнить прежнюю характеристику этнических территорий. По Южно-Африканскому Союзу в нашем распоряжении имеются для этой цели данные переписи 1946 г., учитывавшей родной язык банту[1]. При этом надо иметь в виду, что отходники учитывались по месту работы. Эти данные ограничиваются, однако, лишь провинциями, порайонных данных нет, и это вносит известный элемент относительности в характеристику расселения отдельных групп. По протекторатам мы пользуемся данными американского справочника 1944 г.[2]. В основу этого справочника положены самые разнообразные материалы (переписи, сведения религиозных миссий, школьных инспекций, отдельных чиновников и т. д.), и потому его данные не могут быть признаны совершенно точными. Кроме того, справочник дает число говорящих на том или ином языке и поэтому человек, говорящий на двух-трех языках, учитывается два-три раза. Однако сопоставление данных этого справочника с официальными данными по общей численности населения протекторатов показывает, что больших расхождений между ними нет.

Лингвистический состав банту Южно-Африканского Союза и протекторатов следующий:

Язык	Численность (в тыс.)
Коса	2354
Зулу	2059
Сесуто	1426
Сечуана	838
Сепеди	795
Свази	378

[1] «Monthly bulletin of statistics». 1951, Juny.

[2] Mac Dougald. The language and press of Africa. Philadelphia, 1944.

Язык	Численность (в тыс.)
Шангаан	368
Ндебеле	158
Венда	132
Все другие языки банту ЮАС	115
Прочие	229

Рассмотрим расселение основных народностей по провинциям.

Коса. Это наиболее многочисленная народность южноафриканских банту. По переписи 1946 г. 2 354 355 чел. объявили язык коса своим родным языком; 2 007 008 чел., или 85,3% всех коса, живет в Капской провинции; 227 301 чел. были учтены в Трансваале, 49 795 чел. в Натале и 70 251 чел. в Оранжевом Свободном Государстве. В двух последних провинциях одна часть коса населяет вместе с зулу и басуто сельские районы, прилегающие к Капской провинции, другая часть расселена по городам и промышленным центрам. В Трансваале большая часть коса сосредоточена в районе Витватерсранда; многие из них являются там временными рабочими.

В Капской провинции коса составляют 85,8% всех банту провинции. Кроме коса, в Капской провинции живут: бечуаны — 168 384, басуто — 87 951, зулу — 15 550, шангаан — 1 187, ндебеле — 1 072, бапеди — 1 072, свази — 891, бавенда — 312 и другие банту — 54 902 чел. В группу «другие» входят, главным образом, работающие в алмазной промышленности Кимберли, завербованные в Мозамбике и других колониях, вне Южно-Африканского Союза.

Основная часть коса живет восточнее р. Кей, на так называемых Транскейских территориях, общая площадь которых равна 43 тыс. кв. км. Этнический состав населения этих территорий дается в следующей таблице (в тыс.):

Территория	Банту	Мулаты	Европейцы	Всего
Восточный Грикваленд	325,4	6,4	7,1	338,9
Тембуленд	295,2	2,5	5,0	302,7
Транскей	272,5	0,2	2,3	275,0
Пондоленд	353,4	2,2	1,9	357,5
Всего	1246,5	11,3	16,3	1274,1

Как видно из таблицы, эти территории населены исключительно банту, в основном — коса; индийцев нет совсем, европейцы составляют немногим больше одного процента и мулаты — меньше одного процента.

Южноафриканские империалисты превратили Транскей в черту оседлости коса. Реакционная программа «решения» национального вопроса, изложенная в малапистском законе 1950 г. о территориальной сегрегации разных этнических групп, ограничивает этническую территорию коса границами Транскей. Эта программа исходит из интересов увековечивания англо-африкандерского империалистического господства и находится в вопиющем противоречии с интересами национального самоопределения коса.

К Транскейским территориям примыкает группа районов, так называемая Сискей (т. е. по эту сторону Кей), общей площадью в 57 тыс. кв. км, в которых коса живут вместе с европейцами, но составляют боль-

ше половины населения. Этнический состав населения этих районов следующий:

	Абсолютная численность (в тыс.)	% к итогу
Коса	555	78,0
Европейцы	121	17,0
Мулаты	33	4,7
Индийцы	2	0,3
Всего . .	711	100,0

Коса составляют в этих районах 78%, а вместе с мулатами и индийцами — 83%. С точки зрения этнического состава населения имеются все основания объединить эти районы с районами Транскей. Тогда образовалась бы этническая территория коса в 100 тыс. кв. км, равная примерно Болгарии, с населением в 2 млн. чел., из которых 90% — ко́са. Остальные 500 тыс. коса расселены в западных районах Капской провинции, где они представлены в меньшинстве, но вместе с мулатами они и в этих районах являются большинством.

З у л у с ы. Общая численность зулусов в Южно-Африканском Союзе по переписи 1946 г. — 2 034 851 чел. Вне Южно-Африканского Союза зулусы живут в Свазиленде — около 15 тыс. чел. и небольшая группа в Басутоленде. Большинство зулусов — 1 589 422 чел., или 77,2% общей их численности, живет в провинции Наталь; 347 504 чел. были учтены в Трансваале, 82 375 — в Оранжевом Свободном Государстве и 15 550 — в Капской провинции. В Трансваале они населяют, вместе со свази, районы, прилегающие к Наталю и Свазиленду (Пит-Ретиф, Эрмело и др.). Значительная их часть является в Трансваале временными обитателями, работающими по контракту в горной промышленности. В Капской провинции зулусы живут постоянно среди коса и Транскей, а также в городах и промышленных центрах западной части.

В Натале зулусы составляют 93% всех банту провинции. Кроме зулусов, в Натале живут: коса — 49 795 чел., басуто — 20 234, шангаан — 18 225, свази — 9 341, бечуаны — 959, бапеди — 832, бавенда — 564, ндебеле — 461 и другие банту — 18 650 чел.

Коса, басуто и свази населяют сельские районы, примыкающие соответственно к Транскей, Басутоленду и Свазиленду, где они живут вместе с зулусами; некоторая их часть живет в городах и промышленных центрах. Шангаан живут, главным образом, в районе Ингвавума, примыкающем к португальской колонии Мозамбик, и в качестве временных рабочих на плантациях сахарного тростника.

Англо-африкандерские империалисты ограничивают этническую территорию зулусов северным районом провинции, так называемым Зулулендом; именно здесь Кеппель-Джонс предлагает создать «национальное» зулусское государство. Общая численность населения Зулуленда по переписи 1946 г.— 400 тыс. чел.; из них 97% — зулусы. Европейцы, индийцы и мулаты (3% населения) представлены здесь, главным образом, купцами и чиновниками.

Абсолютное большинство зулусов живет вне Зулуленда и рассеяно по всей провинции Наталь. В большей части дистриктов зулусы составляют свыше 75% общей численности населения. Только в районе Дурбана их меньшинство — 30% и в районе Инанда, где большинство

населения — индийцы. В целом по провинции банту, то есть главным образом зулусы, составляют 76% населения. Следовательно, есть основание всю провинцию Наталь, по площади более чем в два раза превышающую Транскей (91 тыс. кв. км) и с общим населением в 2331 тыс. чел., считать этнической территорией зулусов.

Провинции Наталь и Транскей с примыкающими к ним районами Сискей образуют вместе единую территорию в 191 тыс. кв. км, равную территории Голландии, Бельгии, Швейцарии и Австрии, вместе взятых Общая численность населения этой территории около четырех с половиной миллионов человек; среди них — около 80% зулу, коса и родственных им групп банту.

Б а с у т о. Общая численность басуто — более 1 400 000 чел., из них 865 881 чел. живут в Южно-Африканском Союзе, остальные — в протекторате Басутоленд. Границы протектората не имеют, следовательно, никакого отношения к расселению басуто.

В Южно-Африканском Союзе переписью 1946 г. учтены 425 272 басуто в Оранжевом Свободном Государстве, 332 424 — в Трансваале, 87 951 — в Капской провинции и 20 234 — в Натале. В Оранжевом Свободном Государстве, в Натале и Капской провинции басуто населяют по преимуществу районы, соседние с протекторатом Басутоленд, образуя таким образом сплошной этнический массив приблизительно в один миллион человек. В Оранжевом Свободном Государстве басуто составляют около двух третей всех банту этой провинции.

Кроме басуто, в Оранжевом Свободном Государстве переписью 1946 г. учтены: 82 375 зулусов, 70 251 коса, 43 802 бечуанов, 2006 ндебеле, 1937 бапеди, 1739 шангаан, 1603 свази, 105 бавенда и 33 804 человека других народностей банту. Взятые вместе, банту составляют свыше 70% всего населения провинции и нет ни одного административного района, где бы они составляли меньше 55%.

Б е ч у а н ы. Общая численность около 840 тыс. чел. Большая их часть — 68,9% — живет в Южно-Африканском Союзе: 364 991 чел. в Трансваале, 168 384 чел. в Капской провинции, 43 802 чел. в Оранжевом Свободном Государстве и 959 чел. в провинции Наталь. В трех первых провинциях они населяют, главным образом, районы, прилегающие к протекторату Бечуаналенд, образуя один этнический массив. Бечуаналенд населен в основном бечуанами; кроме них, в протекторате живут бапеди — 23 000 чел. и машона — 15 000 чел.

Б а п е д и — или северные басуто. Их общая численность около 795 тыс. чел., в Южно-Африканском Союзе — 771 151 чел.; из них 96,6% живут в Трансваале.

Басуто, бечуана и бапеди, вместе взятые, насчитывают более трех миллионов человек и населяют единую, сплошную территорию.

С в а з и. Общая численность около 380 тыс. чел. Большая их часть — 211 571 чел., или 55,8%,— живет в Трансваале, в районах, прилегающих к Свазиленду; 9341 чел. живут в Натале, 1603 — в Оранжевом Свободном Государстве и 891 — в Капской провинции. Протекторат Свазиленд, так же как и другие протектораты, является лишь частью, и притом меньшей частью этнической территории свази. На территории протектората живет только около 160 тыс., или 41,1% всех свази. Кроме свази, в протекторате живет около 15 тыс. зулусов.

В северной части Трансвааля выделяются еще три небольших, но компактных группы. Это, во-первых, ш а н г а а н (тсонга), родственные зулусам. Их общая численность — 368 тыс. чел., из них 347 491 живут в Трансваале, 18 225 в Натале, 1739 в Оранжевом Свободном Государ-

РАССЕЛЕНИЕ НАРОДНОСТЕЙ БАНТУ

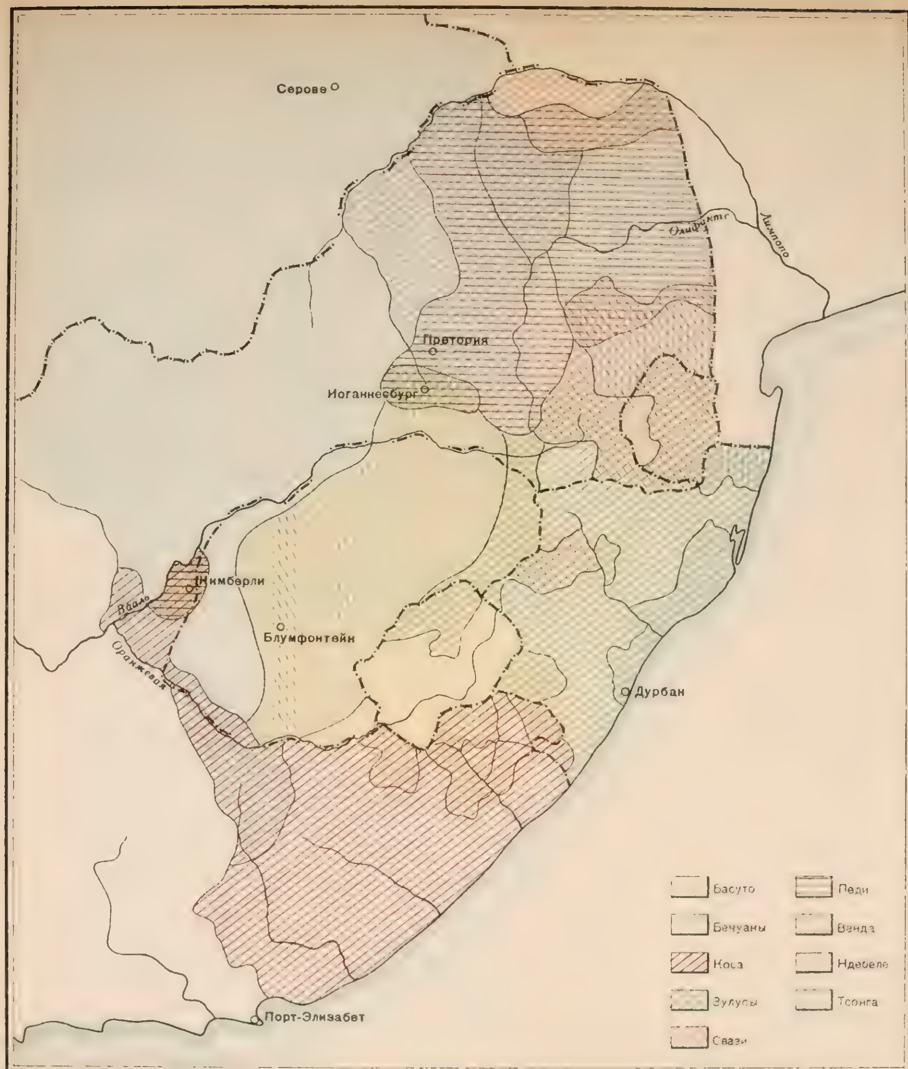

Рис. 20.

На карте показаны территории, где банту составляют абсолютное большинство населения

стве и 1187 в Капской провинции; основная часть этой народности живет за пределами Южно-Африканского Союза, в Португальском Мозамбике. Это, во-вторых, ндебеле, общей численностью в 158 100 чел. Из них 154 561 чел. живут в северных районах Трансвааля, 2006 в Оранжевом Свободном Государстве, 1072 в Капской провинции и 461 в Натале. И, в-третьих, бавенда, по языку и культуре близкие и к машона, основному населению Южной Родезии, и к басуто. Из 132 083 бавенда, 131 102 чел. живут в северных районах Трансвааля, граничащих с Южной Родезией; 564 в Натале, 312 в Капской провинции и 105 чел. в Оранжевом Свободном Государстве.

Сведем эти данные в две таблицы.

Таблица 16

Расселение народностей банту по провинциям Южно-Африканского Союза и протекторатам (в процентах)

Провинции и протектораты / Народности	Капская	Наталь	Трансвааль	Оранжевая	Басутоленд	Бечуаналенд	Свазиленд	
Коса	85,3	2,1	9,6	3,0				100,0
Зулу	0,8	77,2	16,8	4,0			1,2	100,0
Басуто	5,8	1,4	22,4	28,6	41,8			100,0
Бечуаны	20,1	0,1	43,5	5,2		31,1		100,0
Бапеди	0,1	0,1	96,6	0,3		2,9		100,0
Свази	0,2	2,4	55,8	0,5			41,1	100,0
Шангаан	0,3	4,9	94,3	0,5				100,0
Ндебеле	0,7	0,3	97,6	1,4				100,0
Венда	0,2	0,4	99,3	0,1				100,0

Таблица 17

Этнический состав банту провинций Южно-Африканского Союза и протекторатов (в процентах)

Народности / Провинции и протектораты	Коса	Зулу	Басуто	Бечуаны	Педи	Свази	Шангаан	Ндебеле	Венда	Прочие	Всего
Капская	85,8	0,6	3,7	7,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	2,3	100,0
Наталь	2,8	93,0	1,2	0,1	0,1	0,6	1,0	0,1	0,1	1,0	100,0
Трансвааль	7,3	11,1	10,6	11,7	24,6	6,8	11,1	5,0	4,2	7,6	100,0
Оранжевая	10,6	12,4	64,2	6,6	0,3	0,2	0,3	0,3	0,1	5,0	100,0
Басутоленд			100,0								100,0
Бечуаналенд				87,2	7,7					5.1	100,0
Свазиленд		13,9				86,1					100,0
ЮАС и протектораты	26,7	23,4	16,1	9,4	9,0	4,2	4,1	1,8	1,5	3,8	100,0

Эти таблицы и карта расселения народностей банту (рис. 20) показывают прежде всего, что «чистых» этнических территорий народностей банту нет. Расселение каждой из этих народностей не ограничивается пределами своей этнической территории. Зулусы и коса, басуто и бе-

чуаны расселяются по всему Южно-Африканскому Союзу: в каждой из его провинций мы находим в значительных количествах и тех и других. Особенно сложна в этническом отношении территория Трансвааля с ее горнопромышленным районом - Витватерсрандом. Здесь нет никакой преобладающей народности. Наиболее многочисленная народность — бапеди — составляет лишь около одной четверти всего населения банту.

Тем не менее выделяются довольно четко компактные этнические массивы и соответствующие им этнические территории:

1. Траскей и Сискей — этническая территория коса. Эта территория не разделена ни политическими границами, ни естественными рубежами. На ней живет два миллиона банту, из них 1800 тыс. коса.

2. Провинция Наталь и прилегающие к ней юго-восточные районы Трансвааля — этническая территория зулусов. Она также не разделена никакими политическими границами или естественными рубежами. Наличие на этой территории феодального княжества Зулуленд не мешает экономическому и культурному общению зулусов. Здесь живет более двух миллионов банту, из них 1700—1800 тыс. зулусов.

3. К этнической территории зулусов с севера примыкает Свализенд — этническая территория свази. Граничащие с провинцией Наталь и Свазилендом районы Трансвааля населяют смешанно и зулусы и свази.

4. Басутоленд, восточная часть Оранжевого Свободного Государства и центральные районы Трансвааля — этническая территория басуто (включая сюда и северных басуто—педи). Это единый, обширный земельный массив, не разделенный никакими естественными преградами; наличие в южной части английского протектората не нарушает единства территории. На этой территории живут более двух миллионов басуто.

5. Бечуаналенд, северная часть Капской провинции, западные районы Оранжевого Свободного Государства и Трансвааля — этническая территория бечуанов. Политическая граница между Бечуаналендом и Южно-Африканским Союзом препятствует культурно-хозяйственным связям не больше, чем граница любого резервата. Эту территорию заселяет около 700—800 тыс. бечуанов.

Следовательно, каждая из народностей банту имеет свою этническую территорию, но вместе с тем расселение каждой из них не ограничивается рамками этой территории. Территория Южно-Африканского Союза и протекторатов, взятая целиком, представляет потенциальную возможность образования единой нации банту. Наличие границ между Южно-Африканским Союзом и протекторатами не нарушает их территориальной общности.

ГЛАВА 10

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

Вторым непременным признаком нации, обязательным условием ее формирования и существования является экономическая общность. Без экономической общности нет нации, и это, прежде всего, отличает ее от народности. Формирование экономической общности завершает процесс формирования нации, является историческим рубежом, отделяющим нацию от народности.

Содержание понятия «экономическая общность» с предельной ясностью раскрыто в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина.

В. И. Ленин в своем классическом труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», разоблачая «ребяческий вздор Михайловского», утверждавшего, что «национальные связи, это — продолжение и обобщение связей родовых» писал:

«Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных» [1].

И. В. Сталин, анализируя признаки нации в работе «Марксизм и национальный вопрос», указывал, что экономическая общность — это «внутренняя экономическая связь, объединяющая отдельные части нации в одно целое» [2].

Экономическая общность — это, следовательно, экономическая связанность районов, отдельных частей нации в едином хозяйственном целом, это — объединение местных рынков в общий национальный рынок.

Первой предпосылкой образования такой общности является разделение труда между отдельными частями нации. В статье «По поводу так называемого вопроса о рынках» В. И. Ленин писал, что «понятие «рынка» совершенно неотделимо от понятия общественного разделения труда... «Рынок» является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство. Величина рынка неразрывно связана с степенью специализации общественного труда» [3]. Но общественное разделение труда непосредственно связано с террито-

---

[1] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1, стр. 137—183.

[2] И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 294.

[3] В. И. Ленин. По поводу так называемого вопроса о рынках. Соч., т. 1, стр. 83—84.

риальным разделением труда, с отделением города от деревни, со специализацией районов. Эта специализация районов на производстве какого-либо одного продукта приводит к тому, что районы нуждаются в экономической связи между собою, не могут жить один без другого. Сама специализация происходит в соответствии с разнообразием природных условий. «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда» [1].

Второй обязательной предпосылкой такой общности является наличие средств сообщения, в частности железных дорог. И, наконец, третьей— главной — предпосылкой является наличие высокоразвитого товарного хозяйства. Материальным воплощением экономической связи районов являются товарные потоки. Каждая из этих предпосылок не существует сама по себе и не возникает отдельно от других.

Как и другие признаки нации, экономическая общность не падает с неба, не возникает внезапно, а подготавливается исподволь. Простое товарное хозяйство и местные рынки создаются еще в докапиталистическую эпоху. Они существуют и при предшествующей нации форме этнических образований — народности. Но только отделение производителя от средств производства, превращение в товар рабочей силы и, следовательно, превращение простого товарного хозяйства в капиталистическое создает предпосылки и вызывает необходимость связи между местными рынками, концентрации их в единый национальный рынок. Экономическая общность нации — это общность буржуазная, она создается вместе с переходом от феодализма к капитализму.

«...Не было и не могло быть наций в период докапиталистический,— пишет И. В. Сталин, — так как не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздроблённость данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое» [2].

Экономическая общность, как признак нации, принципиально отличается от тех экономических связей между различными районами, территориями, которые существуют в период феодализма и соответствующей ему формы этнической общности — народности. В феодальном обществе экономические связи между районами могут существовать или не существовать; разрыв экономических связей не может приостановить материальное производство. Иное дело при капитализме, когда «производство превратилось из ряда разрозненных усилий единиц в ряд общественных действий, а продукты — из произведения отдельного лица — в продукты общественные» [3]. Теперь экономические связи стали обязательным условием производства. Следовательно, экономическая общность нации является одной из форм проявления общественного характера капиталистического производства.

Экономическая общность не означает экономическую замкнутость нации. На территории нации может быть избыток одних видов сырья и отсутствие других; нация может производить в избытке одни товары и совсем не производить другие. И, как правило, каждая нация находится в оживленных экономических сношениях с другими нациями. Для формирования и существования нации необходимо лишь, чтобы существовала

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, 1953, стр. 517.

[2] И. В. Сталин. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11, стр. 336.

[3] Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 350, М., 1935.

постоянная экономическая связь между всеми районами населяемой ею территории.

Такова общая картина экономической общности буржуазной нации. Переходя к Южно-Африканскому Союзу, мы встречаемся с большим своеобразием, создающим трудности в исследовании вопроса.

Экономика Южно-Африканского Союза представляет собою единый буржуазный хозяйственный комплекс с единым национальным рынком. Отдельные районы страны прочно экономически связаны между собою. Протектораты находятся в экономической зависимости от Южно-Африканского Союза.

Природные условия Южно-Африканского Союза и протекторатов отличаются большим разнообразием.

Проф. А. С. Барков [1] делит Южную Африку по особенностям рельефа и климата на следующие подобласти:

восточный береговой склон — береговая полоса от г. Ист-Лондон до р. Замбези с теплым климатом и большим количеством осадков (от 750 до 1500 мм в год);

восточные плато,— так называемый вельд,— слегка всхолмленные степи Трансвааля и значительной части Оранжевого Свободного Государства; различают Бушвельд (кустарниковая степь) и Высокий Вельд; климат умеренно-теплый, годовое количество осадков колеблется от 400 до 900 мм;

Басутоленд — горная страна, служащая водоразделом рек, сбегающих к Индийскому океану и к р. Оранжевой несущей свои воды в Атлантический океан; климат суровый, в зимние месяцы выпадает снег, нередко бывают снежные метели; годовое количество осадков в разных районах от 750 до 1000 мм;

южное субтропическое побережье и Капские горы — климат и растительность близки к средиземноморским;

Большое и Верхнее Кару [2] — засушливый континентальный климат с большими колебаниями годовых и суточных температур; зимой температура спускается до нуля, иногда выпадает снег; годовое количество осадков от 120 до 400 мм;

Калахари — большие площади покрыты песчаными дюнами, которые тянутся иногда на сотню километров, или разреженными ксерофитными травами; осадков от 125 до 250 мм.

Разнообразие природных условий, наряду с другими факторами социального порядка, предопределило разнообразие хозяйственной деятельности населения. На экономической карте Южно-Африканского Союза резко выделяются животноводческие и полеводческие районы (рис. 21—23). Первые подразделяются в свою очередь на районы шерстного овцеводства и мясо-молочного скотоводства; среди вторых выделяются районы кукурузы и пшеницы, виноградарства и плантаций сахарного тростника.

Пастбищное животноводство в течение длительного времени было главной отраслью сельского хозяйства; в последние десятилетия его ведущая роль постепенно снижается. Соотношение животноводства и полеводства может быть выражено различно, наиболее точным является соотношение продукции по стоимости. В нашем распоряжении имеются по этому вопросу статистические материалы лишь за 1917—1923 гг. и за 1934—1935 гг. По данным за 1921 г., продукция животноводства составляла 59,5% общей стоимости сельскохозяйственной продукции, продукция

[1] А. С. Барков. Физическая география частей света. Африка. М., 1953.
[2] «Кару» на языке готтентотов означает «сухой».

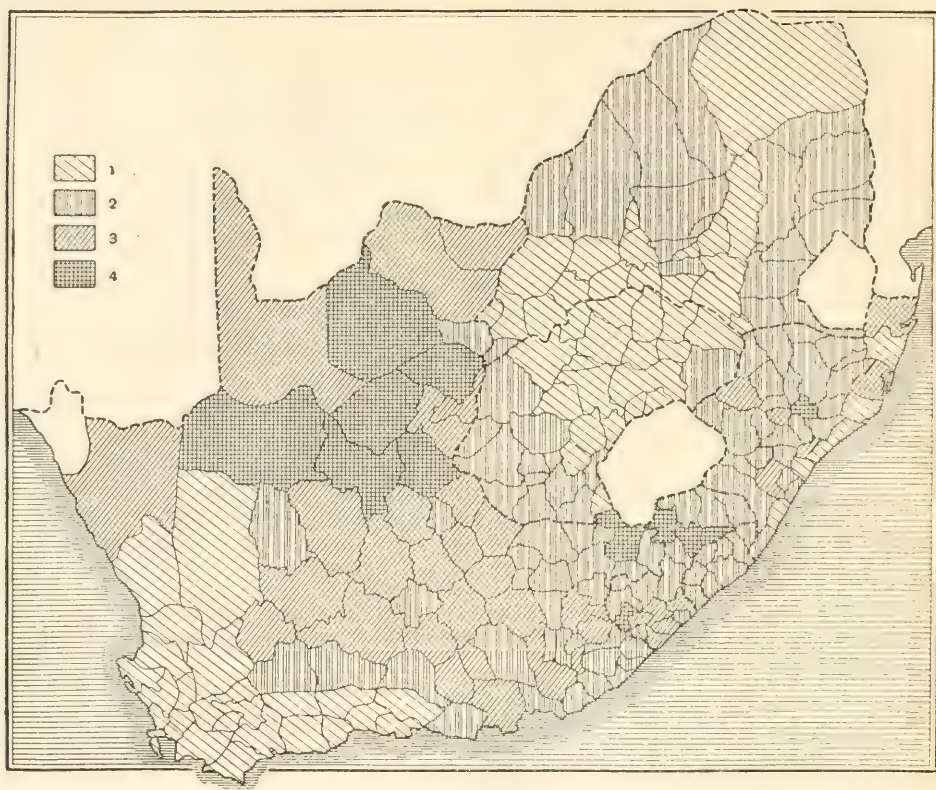

Рис. 21. Нагрузка условных единиц скота на 1 мрг посева:
1 — до 2; 2—2—5; 3—5—10; 4 — свыше 10

полеводства — 31,0%, садоводства и виноградарства — 6,5%, лесного хозяйства — 3%. В 1934—1935 гг. продукция животноводства составляла 45,4% общей стоимости сельскохозяйственной продукции, продукция полеводства — 40,0%, садоводства и виноградарства — 8,1%, лесного хозяйства — 4,8%, рыболовства и охоты — 1,7% [1].

Соотношение животноводства и полеводства может быть выражено также в нагрузке условных единиц скота на единицу обрабатываемой площади земли [2]. По всему Южно-Африканскому Союзу на 100 га посева приходится 250 условных единиц скота. В этом отношении Южно-Африканский Союз стоит на третьем месте в мире, после Уругвая и Австралии.

Наиболее резко животноводческое направление сельского хозяйства выражено в Капской провинции. В целом по провинции на 100 га посева приходится 425 условных единиц скота, в районах Кару больше 5000, а в некоторых районах, как Тонг, например, даже 85 000. Здесь полеводство фактически отсутствует. Это районы шерстного овцеводства. Овца более, чем какое-либо другое из домашних животных, приспособлена к засушливым и полупустынным районам, где мало водоемов и преобладает скудная, грубая растительность. Если в северных районах Трансвааля на

[1] J. M. Tinley. The native labour problem of South Africa. Capel Hill, 1942, p. 23.

[2] Различные виды скота переводятся на условные единицы из следующего расчета: одна голова крупного рогатого скота = 10 овцам = 10 козам = 4 свиньям = 2/3 лошади

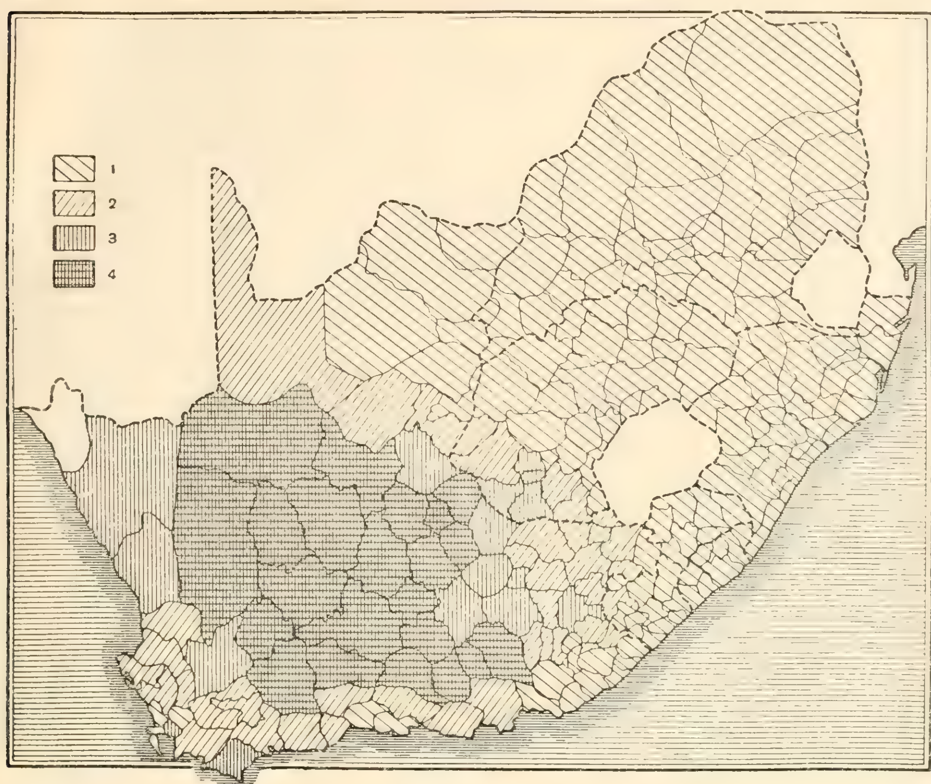

Рис. 22. Количество мелкого рогатого скота на 1 гол. крупного рогатого скота:
1—до 5; 2—5 - 25; 3—25—50; 4—свыше 50

100 голов крупного рогатого скота приходится меньше 100 голов овец и коз, то в районах Кару — больше 10 000 голов. Северные районы Трансвааля — это районы мясо-молочного скотоводства.

Земледельческое хозяйство Южно-Африканского Союза является по преимуществу зерновым: площадь под техническими культурами и садами составляет не более 6% обрабатываемой площади.

Основная зерновая культура — кукуруза, занимающая больше $^{3}/_{4}$ уборочной площади. На экономической карте выделяется «маисовый треугольник», включающий районы Ледибранд, Лихтенбург, Бетал, с центром в Хейлброн. Почвенные и климатические условия этой зоны исключительно благоприятны для кукурузы. Благодаря сухости климата, кукуруза содержит мало влаги, что делает ее высоко транспортабельной и выгодной для промышленной переработки. Эта зона дает около 80% всей товарной кукурузы Южно-Африканского Союза.

По ряду характерных особенностей сельскохозяйственного производства Южно-Африканский Союз делят на 23 экономических района [1]. Для удобства ознакомления и сравнения их можно сгруппировать в следующие экономические зоны.

Зона 1. Юго-западные районы Капской провинции. Зона наиболее интенсивного земледелия, садоводства и виноградарства, составляет только

[1] Характеристика этих районов дана в указанной выше книге Тинли, стр. 257—266.

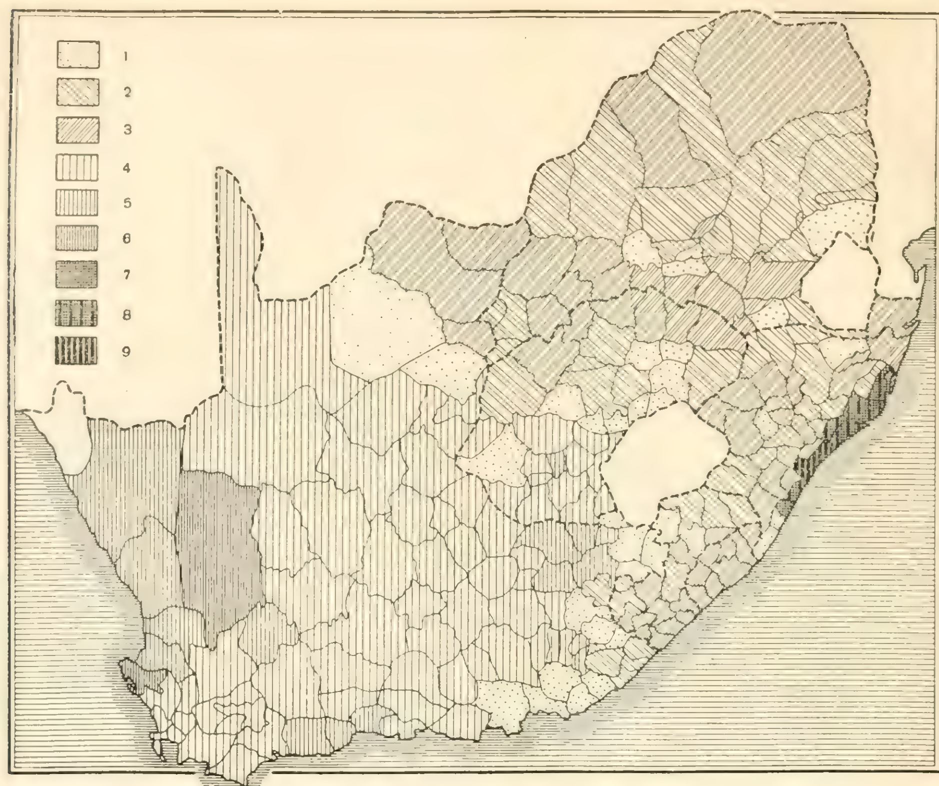

Рис. 23. Соотношение сельскохозяйственных культур (по преобладанию):
Кукуруза и сорго: 1—50—70%; 2—70—90%; 3—св. 90%. Пшеница и сорго: 4—50—70%; 5—70—90%; 6—св. 90%.
Сахарный тростник: 7—40—60%; 8—60—80%; 9—св. 80%

4,3% всех площадей, занятых под европейскими фермами. Здесь сосредоточено 72% всех виноградников, 44% всех фруктовых деревьев, 33% посевной площади пшеницы, 40% посевных площадей ячменя, ржи и овса. Этот район — единственный поставщик турецкого табака.

Зона 2. Весь северо-запад Капской провинции, и ряд районов Оранжевого Свободного Государства. Это засушливая зона: в большей ее части годовое количество осадков не превышает 250 мм. По площади она занимает почти половину всех земель, принадлежащих европейцам. Средний размер ферм — 2570 га, встречаются фермы более 5000 га. Сильно развито пастбищное животноводство. Здесь сосредоточено 73,5% всех курдючных овец, 38,3% шерстных овец, 31% коз Южно-Африканского Союза.

Зона 3. Южное побережье Капской провинции. За исключением узкой прибрежной полосы, гористая местность, с весьма разнообразными почвами и климатическими условиями. В отличие от двух первых зон, здесь более или менее равномерно развиты все отрасли сельского хозяйства. Она является основным поставщиком ананасов (77% продукции всех ананасовых плантаций).

Зона 4. Резерват Транскей. Европейских ферм здесь мало — менее 1% всех земель, принадлежащих европейцам. Крестьяне банту сеют кукурузу, сорго, держат крупный рогатый скот, овец и коз. Вследствие отстало-

сти земледелия своего продовольствия не хватает, ежегодно ввозится большое количество кукурузы. Вывозятся скот, шкуры, шерсть.

Зона 5. Провинция Наталь. Здесь сосредоточены все сахарные плантации, 88% всех банановых, 21% ананасовых и значительное количество хлопковых и чайных плантаций.

Зона 6. Почти весь Трансвааль, исключая северные районы, и Оранжевое Свободное Государство. Это—обширное, слегка всхолмленное плато. Среднегодовое количество осадков — около 750 мм. Здесь сосредоточено более 40% всех европейских ферм Южно-Африканского Союза и одна четвертая часть всех принадлежащих им земель. В зоне одинаково развиты и земледелие и скотоводство. Она является основным поставщиком кукурузы (83% всех посевных площадей), мяса и молочных продуктов.

Зона 7. Северный Трансвааль. Значительная часть территории — резерваты банту. На фермах европейцев более или менее одинаково развиты все отрасли сельского хозяйства. Основной поставщик манго, овокадо и паупау (85,4% всех деревьев).

Таблица 18

Географическое размещение сельскохозяйственного производства
(по материалам переписи 1936 г.)

Зоны	Площадь в % ко всей земельной площади европейских ферм	Средний размер европейских ферм (в га)	Земледелие (площади) в %					Животноводство в %				
			пшеница	ячмень, рожь, овес	кукуруза, сорго	сахарный тростник	другие	крупный рогатый скот	лошади, мулы, ослы	шерстные овцы	курдючные овцы	козы
1	4,3	694	32,8	39,3	0,1		5,5	1,1	5,6	4,3	0,9	2,6
2	49.9	2,570	15,9	13,4	6,2		8,0	10,6	26,5	38,3	73,5	31,0
3	10,2	1,024	6.0	8,8	2,1		10.1	7,0	7,8	12,8	11,0	18,7
4	0,8	544	1,2	3.9	0,9		1,0	15,5	8,3	8,5		15,1
5	3,1	487	0,1	2,4	3,7	100,0	9,6	16,8	8,8	2.0	3,9	14,5
6	25,4	623	42,6	31,2	82,8		42,2	40,4	34.5	33,4	7,2	9,7
7	6,3	1289	1,4	1,0	4,2		23,6	8,6	8,5	0,7	3,5	8,4
Всего	100,0		100,0	100,0	100,0	100.0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таким образом, уже в сельском хозяйстве мы фиксируем ясно выраженное общественное разделение труда между разными областями Южно-Африканского Союза, специализацию их на разнообразных отраслях сельского хозяйства. Эта специализация создает экономическую зависимость одних областей от других, экономическую связь между ними. Овцеводческие хозяйства районов Кару вывозят большое количество шерсти, но ввозят пшеницу, кукурузу и другие продукты полеводства. Районы сахарных плантаций Наталя вывозят сахар и ввозят мясо и все другие продукты питания. Районы виноградарства снабжают всю страну вином, табачные фермы Трансвааля — табаком и т. д.

Экономические связи районов, создавшиеся на основе территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства, дополняются и укрепляются развитием промышленности, как горной, так и обрабатывающей.

Отрасли горной промышленности и физический объем ее продукции представлены в следующей таблице[1].

[1] «Monthly bulletin of statistics», 1953, Feb.

	1935	1940	1945	1950
Золото (в млн. унций)	11,7	14,0	12,2	11,6
Серебро »	1,1	1,2	1,2	1,1
Платина (в тыс. унций)	31	72	7,4	144
Алмазы (в тыс. карат).	676	543	1222	1731
Железная руда (в тыс. тонн) . .	335	704	955	1311
Медь (в тыс. тонн)	13	19	27	37
Марганец (в тыс. тонн)	105	454	126	872
Хромовая руда »	100	180	109	547
Олово (концентраты; в тыс. тонн)	1031	1033	830	1122
Уголь (в млн. тонн)	14	19	25	29
Асбест (в тыс. тонн)	20	27	28	87

В общей массе национального дохода горная промышленность составляет, как уже указывалось, 14,3% (1949—1950 гг.). Добыча драгоценных металлов (золото, платина, серебро) и камней (алмазы) составляла в 1938 г. 90,6%, а только золота — 88,8% всей стоимости продукции горной промышленности.

Основным центром горной промышленности Южно-Африканского Союза является Трансвааль, на его долю, по данным за 1948 г., приходится 86% общей стоимости продукции. В южной части Трансвааля находится район крупнейших месторождений золота — Витватерсранд. Иоганнесбург — центр этого района — насчитывает около 763 тыс. жителей. Вокруг расположено больше десятка мелких городов, являющихся его своеобразными филиалами: Джермистон — 102 тыс. чел., Боксбург — 53 тыс. чел., Бенони — 75 тыс. чел., Бракпан — 83 тыс. чел., Спринг — 115 тыс. чел., Крюгерсдорп — 75 тыс. чел., Рудепорт — 74 тыс. чел. и др. Общая численность городского населения Витватерсранда доходит до полутора миллионов человек, здесь сосредоточена одна четвертая часть европейского населения Союза.

Другой крупный центр горной алмазодобывающей промышленности — Кимберли в Капской провинции. Алмазы добывают, кроме того, около Претории в Трансваале и в ряде районов Оранжевого Свободного Государства. В Южно-Африканском Союзе добывается каменный уголь; большая часть, около 60%, всей добычи приходится на Трансвааль. Капская колония почти не имеет своего угля. Кроме того, в разных районах в небольших количествах добываются платина — Рюстенбург, Лейденбург, хромовая руда — Лейденбург, медь — Мессина, Окии, Апингтон, железная руда — Рюстенбург, Постмасбург, Волмаранстад, марганцевая руда — Волмаранстад, олово — Кейптаун, Лейсдорп, асбест — Питерсбург, Куруман и другие ископаемые.

В общей системе экономических связей районов Южно-Африканского Союза горная промышленность, вследствие преобладания драгоценных металлов и камней, занимает своеобразное положение. Ее связи с национальным рынком носят односторонний характер. Золото, алмазы и платина на внутренний рынок не поступают или поступают в микроскопических долях; они вывозятся за границу. Вывозится за границу и бо̀льшая часть других ископаемых, лишь каменный уголь потребляется почти целиком внутри страны. В этом сказывается полуколониальный характер экономики Южно-Африканского Союза.

Но с другой стороны, горная промышленность является потребителем огромного количества разнообразных товаров, производимых в Союзе. В 1951 г. горная промышленность закупила разного сырья на 52 млн. ф. ст.

Со всех концов страны везут в Витватерсранд продовольствие и другие потребительские товары, каменный уголь, лес и т. п. Горнопромышленные районы являются, в частности, крупнейшим рынком сбыта кукурузы, которой шахтовладельцы в основном и кормят своих рабочих — банту. Некоторые отрасли обрабатывающей промышленности зависят исключительно от горной промышленности. Она эксплуатирует около полумиллиона рабочих, составляющих 10% всего самодеятельного населения. В 1951 г. горная промышленность выплатила 48 млн. ф. ст. заработной платы. Большое количество людей в самых различных районах Южно-Африканского Союза так или иначе, прямо или косвенно связаны с горной промышленностью.

Обрабатывающая промышленность Южно-Африканского Союза за годы второй мировой войны значительно выросла и занимает сейчас видное место в его экономике. В 1938—1939 гг. на предприятиях обрабатывающей промышленности было занято 352 тыс. рабочих, в 1950—1951 гг.— 737 тыс. Валовая продукция обрабатывающей промышленности с 200 млн. ф. ст. в 1938—1939 г. поднялась до 963 млн. в 1950—51 г. [1].

По доле участия в национальном доходе обрабатывающая промышленность стоит сейчас впереди сельского хозяйства и горной промышленности. Это, однако, не свидетельствует о высоком уровне развития промышленности и превращении Южно-Африканского Союза из аграрной страны в индустриальную. Это говорит лишь о чрезмерной отсталости сельского хозяйства, являющегося основным занятием абсолютного большинства населения.

Главные отрасли обрабатывающей промышленности — пищевая, текстильная, швейная, обувная. Пищевая промышленность дает больше 20% валовой стоимости всей продукции, текстильная, швейная и обувная — 12%.

Металлургическая промышленность начала создаваться лишь в последние полтора десятка лет и в 1949 г. выплавка стали едва превышала 600 000 тонн [2]. Металлообрабатывающая промышленность представлена механическими мастерскими, производящими ремонтно-восстановительные работы на железных дорогах и судах, а также ремонт шахтного оборудования, сельскохозяйственных машин, легковых и грузовых автомобилей. За последние годы американские фирмы строят автомобильные заводы. В целом это промышленность, характерная для полуколониальной страны.

Основными центрами обрабатывающей промышленности являются: Кейптаун — швейная и пищевая промышленность, механические мастерские; Иоганнесбург — пищевая и мебельная промышленность, механические мастерские по сборке и ремонту шахтного оборудования; Джермистон — крупные железнодорожные ремонтные мастерские, швейные и кожевенные предприятия; Дурбан — сахарные заводы, железнодорожные и судоремонтные мастерские; Порт-Элизабет — центр обувной промышленности и т. д. По всей стране разбросаны такие мелкие предприятия, как маслобойные заводы, шерстомойки, мельницы, ремонтные мастерские и т. п.

Обрабатывающая промышленность в значительной своей части работает на местном южноафриканском сырье. По данным промышленной переписи 1947—1948 гг., стоимость использованного в обрабатывающей промышленности сырья составляла 285 млн. ф. ст., в том числе 160 млн. ф. ст. сырья (56%), произведенного в Южно-Африканском Союзе. В пи-

[1] «Monthly buletin of statistics» ,1954, March.

[2] Для сравнения. в России в 1913 г. выплавка стали составляла 4 200 000 тонн.

щевой промышленности местное сырье составляет около 90%. В отличие от горной обрабатывающая промышленность работает почти целиком на внутренний рынок. Экспортируются лишь сахар, табачные изделия, обувь, вино и джем. Продукция обрабатывающей промышленности далеко не покрывает внутреннего спроса. Потребность в машинах и оборудовании почти целиком покрывается за счет импорта, и это показывает экономическую отсталость и зависимость Южно-Африканского Союза.

В Южно-Африканском Союзе, по данным переписи 1946 г., имелось 490 городов, не считая 171 сельских поселений городского типа; городское население составляло 36,4% общего числа жителей, а среди англо-африкандеров и других групп европейского происхождения городское население составляло 72,5%. По существующему законодательству городами считаются все населенные пункты, независимо от их величины, имеющие ту или иную форму местного городского самоуправления. В категорию городов попадают поэтому незначительные поселения европейцев, получившие права городского самоуправления.

Наиболее крупными городами являются: Иоганнесбург—763 тыс. чел., Кейптаун — 471 тыс., Претория — 245 тыс., Дурбан — 372 тыс. и Порт-Элизабет — 147 тыс. В них сосредоточено 46% всего городского населения и больше 80% городского населения европейского происхождения. Это цитадели англо-африкандерского империалистического господства в Южной Африке — административные и политические, экономические и культурные центры. В них сосредоточены правительственные учреждения, правления банков и компаний, издательства и университеты. Сюда стягиваются и здесь распределяются финансовыми магнатами огромные массы прибылей, выжатых из миллионов трудящегося населения.

Далее следует небольшая группа городов с населением от 20 тыс. и больше и большое количество мелких городов, городов-карликов; из них 465 имеют населения меньше чем по 20 тыс., а 332 — меньше чем по 2500 чел. В этих городах-карликах живет всего 380 тыс. чел. Так, в Рейце — 2774 чел., расположен он в зоне кукурузных ферм и служит торговым центром района. Сенекал — 3802 чел., известен как один из пунктов скупки шерсти. Нилструм — 3700 чел., является пунктом сбыта табака и земляных орехов. Книсна — 7353 чел., центр деревообрабатывающей, в частности мебельной промышленности. Миддельбург — 5693 чел., центр сбыта пшеницы. Ешове — 3334 чел., вблизи города добывается хромовая руда. Емпанжени — 3169 чел., в городе находится сахарный завод и т. д.

Большинство мелких городов являются административными центрами. Кроме административных учреждений, в них имеются школы, библиотеки, клубы, в некоторых издаются местные газеты. Население их занимается исключительно или в большей части сельским хозяйством. Крупные англо-африкандерские фермеры живут чаще всего в этих городках, управляя фермами через надсмотрщиков. Некоторые из этих городов представляют собою небольшие промышленные центры. Но каждый из них является прежде всего торговым центром: в одном скупают шерсть, в другом — пшеницу, в третьем — скот на мясо и т. д.

Все они связаны между собой и со всей страной сетью железных дорог. Из всех стран африканского материка один Южно-Африканский Союз имеет густую, широко разветвленную сеть железных дорог, общей протяженностью более 22 тыс. км (рис. 24).

Рост железнодорожных перевозок — наиболее точный показатель развития экономических связей [1].

[1] Данные за 1910 г. «Official yearbook of the Union of South Africa», 1934—1935, № 17; данные за 1935—1952 из «Monthly bulletin of statistics», 1953, Feb.

	1910	1935	1945	1952
Длина железнодорожных линий (в км)	6991	13 582	—	22 420*
Перевезено грузов (в млн. тонн)	10	23	48	65
В т. ч. сельскохозяйственной продукции (в млн. тонн) . .		5	9	11
Пассажиро-перевозки (млн. пассажиро-миль)	14	83	218	261

* Данные за 1949 г.

Железнодорожные перевозки грузов не покрывают всех потоков товарной массы. Большое хозяйственное значение имеют каботажное судоходство и автотранспортные перевозки; в местном товарообороте участвует и гужевой транспорт. Вычислить общий грузооборот страны не представляется возможным. Однако рост железнодорожных перевозок является достаточно убедительным показателем укрепления экономической общности.

При этом чрезвычайно важно из общего грузооборота выделить товарные потоки, направляющиеся к портам, т. е. идущие на экспорт, и из портов, т. е. ввоз из-за границы. Эти товарные потоки не участвуют или мало участвуют в укреплении внутренних экономических связей.

Ввоз и вывоз из Южно-Африканского Союза идут главным образом по морским путям; торговый оборот с окрестными африканскими странами незначителен. Поэтому соотношение грузооборота портов и железнодорожных перевозок может служить более или менее надежным показателем объема продукции местного производства, поступающей во внутренний товарооборот. В 1934—1935 гг. железнодорожные перевозки составляли 23 млн. тонн, а грузооборот портов — 7 млн., следовательно, железнодорожные перевозки, не связанные с внешней торговлей, составили величину порядка 15—16 млн. тонн.

Если бы Южно-Африканский Союз был населен одной нацией, анализ экономической общности можно было бы на этом закончить: перед нами ясная картина общественного разделения труда, специализации районов и экономических связей между ними, т. е. вполне сложившаяся экономическая общность буржуазной нации. Но нам необходимо продолжить этот анализ и дополнить его некоторыми общими сведениями об отдельных этнических территориях.

Для буржуазных многонациональных государств обычно характерна неравномерность экономического развития отдельных этнических территорий: территория господствующей нации, как правило, бывает экономически более развита, на ней сконцентрирована основная промышленность и т. п., экономика территории угнетенных наций менее развита. Неравномерность экономического развития отдельных районов, областей и провинций имеет место и в Южной Африке: Трансвааль, например, более развит, чем Наталь. Наиболее отсталыми являются протектораты и резерваты, т. е. районы, населенные исключительно или почти исключительно банту. Здесь совсем нет обрабатывающей промышленности; лишь в Бечуаналенде и Свазиленде имеется незначительная добывающая промышленность. Это районы ужасающей скученности, нищеты и голода. Но поскольку этнические территории банту включают в себя и другие районы, населенные частично англо-африкандерами и поэтому экономически более развитые, то мы не наблюдаем обычной для многонациональных буржуазных государств картины.

Рис. 24. Основные районы горной промышленности и железные дороги:

1—добыча каменного угля; 2—добыча железной руды; 3—добыча хромитов; 4—добыча марганца; 5—районы добычи золота; 6—районы добычи алмазов; 7—крупные промышленные центры.

Басутоленд—экономически отсталый район, но этническая территория басуто в целом представляет собою одну из наиболее развитых областей Южно-Африканского Союза. Здесь расположены золотые рудники Витватерсранда и основная зона кукурузных ферм. Все районы этой области находятся в состоянии тесной экономической связи как между собой, так и с другими областями Союза.

Бечуаналенд, занимающий больше половины этнической территории бечуанов, является в значительной своей части редко населенной полупустыней. Это наиболее отсталая область Южной Африки. Экономические связи внутри Бечуаналенда ничтожны, но он теснейшим образом связан со второй частью этнической территории бечуанов. Эта вторая часть, включающая в себя районы Капской провинции, Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства, представляет собою зону интенсивного земледелия и мясо-молочного животноводства. В южной части этой территории находятся алмазные рудники Кимберлея. С точки зрения экономической связанности этнические территории басуто и бечуанов представляют собой прочное единство.

Аналогичное положение с экономическим развитием и экономической связанностью этнической территории зулусов. Зululенд — исключительно отсталый сельскохозяйственный район, но для провинции Наталь в целом характерны широкие экономические связи. В Натале имеется ряд узко специализированных районов — сахарные, хлопковые и чайные плантации. На ее долю приходится сто процентов площади сахарных и чайных плантаций Южно-Африканского Союза, около половины хлопковых плантаций и три четверти плантаций австралийской акации (дубильное сырье). В Натале добывают каменный уголь и медь, развита обрабатывающая промышленность (сахарные, кожевенные и хлопкоочистительные заводы, текстильные, чайные фабрики и т. п.).

Этническая территория коса представляет собою в целом одну из отсталых областей Южно-Африканского Союза. Горной промышленности здесь нет, обрабатывающая промышленность (в Сискей) ничтожна. Специализация районов мало заметна: все районы почти в одинаковой пропорции занимаются земледелием (кукуруза) и животноводством, лишь в некоторых районах Сискей имеются табачные и хлопковые плантации.

В общей системе экономических связей Южно-Африканского Союза этническая территория коса играет роль своеобразного колониального придатка, поставляющего промышленным районам сельскохозяйственное сырье и рабочую силу. Однако развитие товарно-денежных и капиталистических отношений, разложение крестьянства приводит к образованию внутреннего рынка и там, где специализация районов, общественное разделение труда между ними выражены слабо. В. И. Ленин указывал, что «рынок может создаваться не увеличением потребления, а превращением натурального потребления (хотя бы и более обильного) в денежное или платящее потребление (хотя бы и менее обильное)»[1]. Для голодающего крестьянства Транскей, как говорилось выше, как раз и характерно это превращение натурального потребления в денежное: нуждаясь в деньгах, крестьянин продает свою продукцию с тем, чтобы потом снова покупать ее. На этой основе создается не только местный рынок — базар, но и товарный оборот между районами.

Анализ экономики Южно-Африканского Союза с точки зрения формирования экономической общности банту приводит нас к следующим двум выводам:

1. Каждая из этнических территорий банту представляет собою совокупность более или менее экономически тесно связанных между собой районов.

2. Все этнические территории находятся в состоянии прочной экономической связи между собою и вместе взятые составляют единый буржуазный хозяйственный комплекс.

Необходимо, однако, рассмотреть вопрос об экономической общности банту еще с одной стороны.

Хозяевами и руководителями экономической общности буржуазной нации являются капиталисты, эксплуатирующие большинство нации — народ. Буржуазная нация состоит из эксплуататоров — капиталистов и эксплуатируемых, прежде всего пролетариев.

В любой буржуазной стране эксплуататоры и эксплуатируемые являются составными частями одной и той же нации. Нет, конечно, стран, где население поголовно принадлежало бы к одной нации; в любой буржуазной стране есть или национальные меньшинства, или иммигранты, одиночки, живущие в инонациональной среде, а чаще и то и другое. Это

---

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 135.

относится как к эксплуатируемым, так и к эксплуататорам[1]. Но это не меняет общей картины: эксплуататоры и эксплуатируемые в их основной массе — люди одной нации. В Южно-Африканском Союзе положение прямо противоположное: эксплуататоры принадлежат к одной нации, или, шире и точнее, к одной этнической группе, эксплуатируемые в своей основной массе принадлежат к другой этнической группе. Это прежде всего и придает экономике Южно-Африканского Союза колониальный характер.

Непосредственными производителями товарной массы, через которую осуществляется экономическая связь районов, являются в основном рабочие и крестьяне банту. В обрабатывающей промышленности рабочие банту составляют около 50%, а вместе с индийцами и мулатами — около 70% общего числа рабочих; в горной промышленности — 90%. На фермах и плантациях они составляют еще более высокий процент общего числа рабочих. Но собственниками этой товарной массы и организаторами производства являются англо-африкандеры или иные лица европейского происхождения. Им принадлежат фабрики и заводы, горная промышленность, железные дороги и другие транспортные средства, 90% земельного фонда и основная масса — около 90% — сельскохозяйственного производства. Они держат в своих руках не только внешнюю, но и внутреннюю торговлю, они являются хозяевами и руководителями экономической связи между районами страны.

Какую роль в этих экономических связях играет буржуазия банту? Империалистическое господство, сложная система расовой дискриминации чрезвычайно ограничивают каналы первоначального накопления капитала и последующее развитие буржуазии банту, но это не может служить для нее абсолютным, непреодолимым препятствием. Статистика Южно-Африканского Союза не дает по этому вопросу никаких сведений. На основании отдельных, разрозненных сведений можно, однако, составить общее представление о некоторых группах буржуазии банту и путях ее роста.

Прежде всего следует выделить группу эксплуататоров — банту, сочетающих более или менее типичные феодальные методы эксплуатации с капиталистическими. Это многочисленные вожди племен разных рангов и родовые старейшины. Они являются фактическими распорядителями земли и широко пользуются этим правом для порабощения и эксплуатации подчиненных им крестьян. Наделяя крестьян землей, они получают с них земельную ренту или в форме отработок или в форме «подношений». Принуждая крестьян заключать контракты на работу в горной промышленности, они получают не только комиссионные от вербующих корпораций, но и вымогают у вернувшихся домой часть их заработка. Они пользуются правом суда и взимания штрафа, злоупотребляют своей властью при сборе налогов и т. д.; пути их обогащения крайне многообразны и не поддаются никакому учету.

Как правило, они являются крупнейшими скотовладельцами. Известны вожди племен, имеющие по пять и более тысяч голов крупного рогатого скота. Они используют труд подчиненных им крестьян для ухода за скотом, для обработки своих, иногда весьма значительных полей. Эта барщина прикрыта традициями старого племенного быта, но это именно барщина, так как собранный с этих полей урожай вождь использует так, как это находит для себя выгодным. Вождь племени бакхатла, например, в среднем ежегодно продает по 1 200 мешков зерна[1]. Вожди сами, а чаще

[1] Например, иностранные капиталисты в старой России или немецкие помещики в Латвии конца XIX — начала XX в.

через подставных лиц, занимаются торговлей и ростовщичеством. Это один из наиболее значительных каналов накопления капиталов эксплуататорской верхушкой банту.

Что касается собственно буржуазии, то самую многочисленную ее группу составляет опять-таки буржуазия, связанная с сельскохозяйственным производством,— богатые фермеры, кулаки. Развитие крестьянского хозяйства, даже его деградация в условиях капиталистического общества неизбежно связана с его разложением, с выделением из его среды капиталистических элементов, с одной стороны, и пролетариев — с другой. Созданные империалистическим господством преграды на пути капиталистического развития крестьянства Южной Африки не отменяют и не могут отменить присущих крестьянскому хозяйству законов развития. Они задерживают его, уродуют, извращают формы и пути, они делают процесс раскрестьянивания очень затяжным и мучительным, но они не отменяют этот процесс.

Как указывалось выше, основным препятствием на пути развития крестьянского хозяйства банту является острое малоземелье, земельный голод. Но недостаточность земли для всего крестьянства в целом не означает такую же недостаточность земли для каждого крестьянского двора в отдельности, недостаток земли для крестьянства в целом еще не означает абсолютной невозможности расширения обрабатываемой земли отдельными крестьянскими дворами. Кроме того, превращение крестьянина в капиталистического фермера, в кулака, и его дальнейшее развитие необязательно должно сопровождаться расширением обрабатываемой площади. Это развитие может итти, и на самом деле идет, за счет повышения плодородия и доходности уже обрабатываемых земель, путем дополнительных вложений труда и капитала в эти земли.

В Южно-Африканском Союзе имеется, хотя и немногочисленная, прослойка индивидуальных земельных собственников-банту. По данным официального ежегодника [2], в 1946 г. 178 000 чел. банту жили на фермах, являющихся частной собственностью банту [3]. Невозможно сказать, сколько среди них земельных собственников, сколько арендаторов и батраков. По данным комиссии Бьюмонта, размеры земельных участков в частной собственности банту варьировали от парцеллы в 1,5 моргена до крупной фермы в 1000 моргенов. За истекшие 35—40 лет произошли, конечно, большие изменения, но эта дифференциация не могла исчезнуть, повидимому она увеличилась. Не может быть сомнения в том, что здесь имеет место резкая капиталистическая дифференциация банту. В одном из английских журналов сообщалось, например, о том, что имеются такие африканские фермеры, которые владеют несколькими фермами и нанимают управляющих, выплачивая им жалование по 2000 ф. ст. в год [4].

Во многих районах Транскей вся пахотная земля разделена на участки по пять моргенов каждый и передана в постоянное пользование крестьянам банту по одному участку на семью. Владелец надела может сдать его в аренду, заложить, передать по наследству, продать. Он не может его лишь разделить между наследниками; это мероприятие имеет специаль-

---

[1] I. Schapera. Economic conditions in a Bechuanaland native reserve. «South African journal of science», 1933, Oct., 633—655.

[2] «Official yearbook of the Union of South Africa», N 24, p. 454.

[3] Общий размер частного землевладения банту с 1 млн. морг. во времена комиссии Бьюмонта (1913—1916 гг.) увеличился до 1,5 млн. морг. (H. Rogers. Native administration in the Union of South Africa. Pretoria, 1949, p. 126—128).

[4] A. S. Kruger. South Africa's Middle class. «New commenwealth», 14 Oct. 1954, p. 388.

ной целью обезземеливание и выталкивание крестьян из резерватов на рынок рабочей силы. Эта система землевладения открыла широкие возможности для концентрации земли в руках кулачества. Уже обследования 20—30-х годов показали, что добрая половина наделов потеряна их владельцами — продана или сдана в аренду кулакам, что, с другой стороны, «некоторое количество крестьян имеет по 2—3—5 и до 8 (если не до 12) наделов каждый» [1].

В большинстве резерватов сохраняется земельная община с уравнительным землепользованием. Системы землепользования не безразличны для развития капитализма. Одни из этих систем более благоприятны, другие менее благоприятны, но ни одна из них не может создать непреодолимых для него преград. Капитализм для своего развития не нуждается в каких-либо специальных системах пользования землей: он зарождается и развивается при любой системе, приспосабливая ее к своим естественным нуждам.

Общинное землевладение с его уравнительным распределением земли затрудняет, но не исключает мобилизацию земли богатыми крестьянами. Распределение земли находится в руках признанных правительством вождей племен и родовых старшин, которые «при распределении больших и лучших участков земли доступны подкупу, запугиванию, учитывают родственные сязи» [2] и т. п.

Надел дается крестьянину на каждую его жену (чем больше жен, тем больше земли). Но за каждую жену, по обычаям банту, надо платить выкуп — лобола и поэтому только богатые крестьяне имеют по несколько жен [3]. Имеет, кроме того, место скрытая аренда наделов бедняков богатыми крестьянами.

О степени дифференциации крестьянских хозяйств по размеру посевных площадей мы можем судить по некоторым частным сведениям. В Свазиленде, например, размер посевных площадей по отдельным хозяйствам варьирует от четырех до 32 акров [4].

Следующая таблица показывает дифференциацию по размерам посевных площадей в трех резерватах Бечуаналенда [5].

Таблица 19

Резерват	Обследовано хозяйств	Посевная площадь в акрах (в процентах к итогу)					
		0—10	11—20	21—30	31—40	41—50	50 и больше
Кхатла . .	133	42	25	15	9	7	2
Нгвакетсе .	45	67	15	11	4	—	2*
Квена . .	21	43	33	19	5	—	—

* Итог — 99%, так в источнике.

[1] W. Macmillan. Complex South Africa, p. 148.

[2] H. M. Robertson. 150 years of economic contact between black and white. «South African journal of economics», 1934, Dec.

[3] По вопросу о полигамии в нашем распоряжении имеются только данные переписей 1911 и 1921 гг. По переписи 1921 г. 616 916 женатых мужчин имели по одной жене, 79 167 — по две, 15 592 — по три, 3968 по четыре и т. д. Какой-то феодальный владыка имел даже 110 жен!

[4] H. Kuper. The uniform of colour. A study of white-black relationships in Swaziland. Johannesburg, 1947, p. 6.

[5] J. Schapera. Native land tenure in the Bechuanaland protectorate. Lovedale, 1943, p. 136.

От 42% до 67% крестьянских хозяйств засевают меньше 10 акров. От 5% до 18% хозяйств, наоборот, больше 30 акров. Невозможно сказать, насколько эта картина характерна для других мест.

В области животноводства возможности расширения хозяйства богатыми крестьянами несколько шире. Пастбища во всех резерватах находятся в общинном пользовании. Увеличение крестьянскими хозяйствами поголовья скота, выпасаемого на общинном пастбище, равносильно увеличению земельных угодий этого хозяйства. Выше мы уже отмечали, что развитие крестьянского хозяйства идет преимущественно по линии увеличения поголовья скота.

В большинстве резерватов количество скота, выпасаемого на общинном пастбище, ограничено; за каждую корову или овцу сверх этого лимита владелец должен платить особый сбор. Богатые крестьяне легко, однако, обходят это ограничение: они передают часть своего скота беднякам, поголовье скота у которых далеко не доходит до установленной нормы. В Восточном Пондоленде этот обычай называется ingoma, также называется и скот, передаваемый другим на выпас; под другими названиями он существует повсеместно (в Бечуаналенде — mafisa, в Свазиленде — ukusisa и т. д.). Бедняки получают от этого скота молоко, но сам скот и весь его приплод остается собственностью его владельца. Это наиболее распространенная и весьма суровая форма эксплуатации бедноты крупными скотовладельцами.

Сельскохозяйственная статистика не дает никаких сведений о дифференциации крестьянства банту по размерам производства, по количеству скота. Но есть все основания считать, что последняя приняла уже довольно большие размеры. В резервате Кхатла обследование [1] хозяйств по количеству скота дало, например, следующую картину. Пять крупных скотовладельцев, принадлежащих к племенной аристократии, владели 20% общего поголовья скота в резервате. Из 80 хозяйств одной деревни четыре совсем не имеют скота, девять не имеют собственного скота и выпасают mafisa. В Басутоленде две трети налогоплательщиков вообще не имеют скота [2]. Если мы сопоставим рост поголовья скота [3] — с одной стороны, и рост количества хозяйств без скота — с другой стороны, станет ясна общая картина концентрации скота в руках крестьянской верхушки.

Надежным, хотя и косвенным, показателем развития капитализма в крестьянском хозяйстве банту является распространение улучшенных орудий обработки земли и сельскохозяйственных машин. Мы уже отмечали увеличение количества плугов; соответственно увеличивается поголовье рабочего скота. По данным сельскохозяйственной переписи 1946 г., крестьяне банту Южно-Африканского Союза имели 600 молочных сепараторов, 38 000 сеялок и 83 000 культиваторов. Отчет колониальной администрации Свазиленда за 1936 г. указывал, что в протекторате насчитывается около 200 «передовых» фермеров свази, которые имеют усовершенствованные орудия обработки земли и выращивают такие рыночные культуры, как табак и хлопок.

Машины покупаются богатыми крестьянами, кулаками; машины повышают производительность труда в земледелии, ведут к концентрации производства и являются в руках кулаков средством эксплуатации бедноты, ускоряют процесс дифференциации крестьянства. «Систематическое употребление машин в сельском хозяйстве,— писал В. И. Ленин,— с такой же

[1] I. Schapera. Economic conditions in a Bechuanaland native reserve. «South African journal of science». 1933, Oct., p. 650.

[2] «Handbook on racial relations in South Africa». Cape Town, 1949, p. 724.

[3] См. стр. 132 настоящей работы.

неумолимостью вытесняет патриархального «среднего» крестьянина, с какой паровой ткацкий станок вытесняет ручного ткача-кустаря»[1].

Отсутствие статистических данных лишает возможности дать количественную характеристику сельской буржуазии банту, но наличие этой буржуазии не может вызывать сомнения. Анализ протоколов Бунги — представительный совещательный орган Транскей — позволяет сделать заключение о программе-минимум этой буржуазии. На заседаниях Бунги настойчиво раздаются требования: разрешить «прогрессирующим фермерам» скупать наделы у разорившихся крестьян, отменить принцип «один человек — один надел», организовать земельный банк, содействовать развитию кредитной и сельскохозяйственной кооперации и т. п.

Возможности развития буржуазии банту вне сельскохозяйственного производства еще более ограничены. Ремесло и до европейского завоевания было развито у южных банту слабо: отделение ремесла от земледелия находилось еще в начальной стадии (обработка металлов), обычно каждая семья производила все необходимое для себя, хозяйство имело натуральный характер. Установление европейского господства и ввоз изделий европейской фабрично-заводской промышленности, а затем развитие обрабатывающей промышленности и в самом Южно-Африканском Союзе заглушили слабые ростки ремесленного производства. Ткачества южные банту не знали совсем, немногочисленные виды одежды изготовлялись из тщательно обработанных шкур; теперь они одеваются в фабричные ткани, а шкуры идут в основном на рынок. Выплавка металла прекратилась, а металлические орудия труда изготовляются на принадлежащих европейцам предприятиях; кузнечное ремесло еще сохранилось, но играет ничтожную роль в деревенской жизни. Более широкое распространение получило лишь плетение для продажи на рынке корзин и цыновок.

Статистические сведения об участии буржуазии банту в промышленности и торговле недостаточны и мало достоверны.

Перепись населения Южно-Африканского Союза 1911 г. указывала следующие группы буржуазии банту: капиталисты, финансисты — 1 чел., «спекулянты» — 4, комиссионеры — 2, лавочники, коробейники, мясоторговцы — 200 чел. Перепись 1921 г. называет одну группу: лавочники и коробейники, общей численностью в 1455 чел. Справочник Института Расовых Отношений указывает, что в 1942—1943 гг. имелось 16 чел. банту, владевших промышленными предприятиями с механическим двигателем и с количеством наемных рабочих более трех. Там же указывается, что в 1938 г. в городах насчитывалось 34 000 чел. банту, имеющих предприятия с числом рабочих менее трех[2]. Это в основном владельцы мелких мастерских, в частности починочных, предприятий общественного питания и лавочники. В пригородных локациях имеется также некоторое количество владельцев небольших доходных домов. В периодической прессе появляются изредка сообщения о деятельности ассоциаций торговцев-банту и об акционерных обществах[3].

Буржуазия банту еще весьма немногочисленна и экономически крайне слаба. В основном, это мелкая буржуазия, растущая в исключительно трудных условиях господства инонационального финансового капитала.

---

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 193—194.

[2] «Hanbook on racial relations in South Africa», p. 119.

[3] Monica Hunter в книге «Reaction to conquest» (Лондон, 1936) указывает, что некоторые коса имеют по несколько домов, сдаваемых в аренду. Так как по закону каждый коса может получить лишь один строительный участок, другие участки оформляются на подставных лиц (стр. 445). Там же приводится число торговцев-коса в Ист-Лондоне по группам: зеленщики — 57, табачники — 62, владельцы дровяных лавок — 25, пирожники — 12, владельцы столовых — 18 (стр. 440).

ГЛАВА 11

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Третьим непременным условием формирования и существования нации является общность языка: нация должна иметь один общий язык, что, однако, не исключает двуязычия всей нации или отдельных ее частей. Язык — средство общения, одна из форм, и притом основная форма, духовной культуры нации. Без общего языка не может быть нации, как не может быть без общего языка народности и племени.

Как указывалось выше, еще сто пятьдесят лет назад, в начале XIX в., в Южной Африке не было народностей банту, не было, не могло быть и языков народностей. Существовало множество племен, и каждое племя говорило на своем племенном языке. В течение бурного XIX в. и начала XX в. сложились народности — зулу, коса, басуто, бечуаны, бапеди, а вместе с ними и соответствующие языки народностей. Сейчас каждая из народностей южноафриканских банту говорит на своем языке, и каждый из этих языков является письменным. Общего, единого для всех народностей языка нет.

Официальными, государственными языками в Южно-Африканском Союзе являются английский и африкаанс, в Бечуаналенде, Басутоленде и Свазиленде — английский. Но большинство банту этих языков не знает.

Переписью населения Южно-Африканского Союза 1946 г. впервые учитывался официальный язык банту. В итоге переписи дается следующая численность банту в возрасте от 7 лет и старше, объявивших официальным языком английский, африкаанс или оба языка (в тыс.):

Таблица 20

Провинции	Английский	Африкаанс	Оба языка	Всего	% ко всему населению в возрасте от 7 лет и старше
Капская	187	159	66	412	22
Наталь	86	12	21	119	8
Трансвааль	156	402	276	834	28
Оранжевое Свободное Государство	7	230	43	280	54
Всего по ЮАС . . .	436	803	406	1645	26

Следовательно, 26% всех банту в возрасте от 7 лет и старше объявили своим официальным языком один или оба государственных языка. Но значит ли это, что только 26% всех банту знают эти языки? Насколько эти данные отражают знание европейских языков?

Учитывая общую обстановку в Южно-Африканском Союзе, жестокий режим расовой дискриминации, можно считать, что численность банту, объявивших официальным языком английский или африкаанс, полностью совпадает с численностью банту, знающих эти языки. Очевидно, всякий, так или иначе разговаривающий на английском или африкаанс, способный как-то объясниться, учитывался как объявивший их своим официальным языком.

Это предположение подтверждается данными переписи о грамотности банту на европейских языках. По этим данным, только 10,5% банту в возрасте старше 10 лет умеют читать и писать на английском, только 4,6% умеют читать и писать на африкаанс. В сельских местностях грамотность на европейских языках еще ниже: 7,2% на английском, 3,3% на африкаанс. Объявивших официальным языком один из европейских языков насчитывается 1651 тыс. чел., а умеющих читать и писать на этих языках только 858 тыс.; еще более резкое расхождение в отношении языка африкаанс: 805 тыс. чел. объявили его официальным языком, а грамотных на нем только 257 тыс.

Обращает на себя внимание соотношение численности банту, умеющих читать и писать на английском или на африкаанс.

Африкандеры, как известно, по численности вдвое превосходят англичан, вдвое большее число банту знают африкаанс по сравнению с английским, но грамотность банту на африкаанс вдвое ниже грамотности на английском. Объясняется это политикой ущемления, дискриминации африкаанс со стороны проанглийских правительств, стоявших долгое время у власти в Южно-Африканском Союзе. Грамотность на африкаанс давала банту меньше преимуществ, чем грамотность на английском. И в школах для детей банту предпочтение оказывалось английскому языку перед африкаанс. По данным доклада правительственной комиссии по туземному образованию [1], в Капской провинции, например, в 1949 г. в школах, насчитывающих 27 000 учеников, в первых шести классах обучение велось главным образом или исключительно на английском, тогда как в школах, где обучение велось главным образом или исключительно на африкаанс, насчитывалось только 414 учеников. Для провинции Наталь соответствующие цифры составляют 14 200 и 43, и даже в Оранжевом Свободном Государстве, где африкандеры составляют более 80% всего европейского населения, эти цифры равны 2038 и 1240. Начиная с седьмого класса обучение ведется только на английском языке.

На английском языке говорит вся интеллигенция банту и значительная часть постоянных, кадровых рабочих. На африкаанс говорят, главным образом, банту, живущие на фермах африкандеров. В резерватах говорят только на своих родных языках. Следовательно, лишь одна четвертая часть всех банту Южно-Африканского Союза (в возрасте от 7 лет и старше) так или иначе знают европейские языки и лишь одна шестая часть умеет писать и читать на этих языках. В протекторатах знание европейских языков совсем незначительно.

Совершенно очевидно, что ни английский, ни африкаанс не могут быть языковой базой формирования национальной общности южноафриканских банту. Народности банту имеют свои языки, которые за последние полтора века показали большую устойчивость, жизнеспособность.

Империалистическое господство англо-африкандеров поставило языки банту в крайне неблагоприятные условия развития.

[1] «Union of South Africa. Report of the commission on native education 1949—1951». Pretoria, 1951.

С формальной точки зрения правящие классы англо-африкандеров нельзя обвинить в ассимиляторской политике по отношению к банту. Они настойчиво подчеркивают, что преследуют цель сохранения и развития самобытной культуры и языков банту. Но фактически вся их политика и созданная ею общая обстановка в стране благоприятствуют насаждению среди народностей банту европейских языков в ущерб языкам банту.

Разработана письменность для всех языков банту, но это не открыло для народностей банту дорогу к знаниям, к богатствам мировой культуры. Такую задачу и не ставили перед собой те, кто разрабатывал эту письменность. Письменность повсюду вводили миссионеры, и первой книгой всегда была Библия. Будучи первыми разведчиками, политическими агентами империалистических держав, миссионеры несли народам банту духовную сивуху, отравляя их сознание проповедью христианского смирения. Не пропаганду научных знаний имели они в виду, а идеологическую обработку банту в направлении, выгодном колонизаторам. Ограбленные англо-африкандерскими помещиками и капиталистами, банту говорят теперь: «Когда пришел первый белый человек, он имел Библию, а мы землю; а теперь мы имеем Библию, а он землю» [1].

И сейчас, более чем через полсотни лет после введения письменности, подавляющую часть книжной продукции на языках банту составляет религиозная, миссионерская литература; за ней идут немногочисленные учебные пособия для начальной школы, составленные теми же миссионерами, и сборники фольклора банту [2]. До сих пор не издано ни одной книги по вопросам техники; за исключением нескольких книг по истории, на языках банту нет вообще никакой научной литературы. Оригинальная художественная литература, первые произведения которой относятся к началу XX в., представлена, за исключением большого исторического романа Томаса Мофоло «Чака» [3], несколькими десятками небольших рассказов, пьес и сборников стихов. Некоторое оживление началось после второй мировой войны, хотя крупных художественных произведений не появилось до сих пор. Переводная литература, если не считать религиозной литературы, еще менее значительна [4].

Объясняется эта бедность отнюдь не отсутствием сил, способных людей. Мофоло, Сегоете, Мангоаела, Секесе — басуто, Дьюбе, Виликази, Дзломо — зулусы, Сога, Джабаву, Рубусана — коса, Плаатье, Вуки — бечуаны, и немало других лиц хорошо известны в Южной Африке как талантливые ученые, публицисты, писатели и поэты. Но эти люди не встречают поддержки со стороны господствующих классов. Политика дискриминации и расистского пренебрежения к языкам и культуре банту, неграмотность основной массы населения создают чрезвычайно большие препятствия на пути развития научно-политической и художественной литературы на языках банту. Чтобы обеспечить себя средствами к существованию, Плаатье, Сога, Джабава и другие вынуждены писать свои труды не на языках своего народа, а на английском языке.

---

[1] D. T. Jabavu. Bantu grievances. В кн.: «Western civilisation and the natives of South Africa», p. 288.

[2] Список литературы на языках южноафриканских банту опубликован в сборнике «Africana». Труды Института языка и мышления АН СССР, т. IX, М.—Л., 1937, стр. 165—196. Состояние литературы на языках банту к 1943 г. дано в обзоре проф. Джабаву: D. T. Jabavu. The influence of English on bantu literature. Lovedale, 1943.

[3] T. Mofolo. Chaka. Morija, 1925. Английское издание: Thomas Mofolo. Chaka, an historical romance. London, 1931.

[4] Из классической литературы можно указать лишь несколько пьес Шекспира, переведенных С. Плаатье на сечуана и Т. Сога на коса, басни Эзопа, переведенные на зулусский.

Языки банту признаны языками школьного обучения, но только в начальных классах; в провинции Наталь уже с третьего класса обучение ведется только на английском языке. В этих начальных классах школьники-банту приобретают лишь элементарные навыки чтения и письма. Эти навыки делают их более ценными работниками для англо-африкандерских помещиков и капиталистов, но не открывают им дорогу к знаниям. Чтобы получить общее среднее или профтехническое образование, надо знать не банту, а один из европейских языков, не говоря уже о высших учебных заведениях, куда попадают лишь немногие одиночки.

Англо-африкандерские работодатели не знают и не хотят знать языки своих рабов. В крайнем случае они обходятся «китчен-кафир», жаргоном, включающим минимум испорченных слов и выражений из языков банту, английского и африкаанс. Но батрак на ферме или слуга-банту должен понимать своего хозяина, в противном случае его ждут жестокие побои. С необходимостью знать европейские языки африканцы сталкиваются на каждом шагу. Законы издаются на английском и африкаанс; на этих языках ведется и судопроизводство. На европейских языках пишутся контракты о найме рабочей силы. В общественно-политической жизни главным средством общения до сих пор служат английский или африкаанс.

Известно, что язык, его словарный состав прежде всего развивается в связи с развитием общества, науки и культуры. Вследствие европейской колонизации, народности банту оказались в совершенно новых условиях, и словарный состав языков банту был не в состоянии отразить все то новое, с чем столкнулись носители этих языков. Они должны были или быстро приспособиться к этим новым условиям или уступить место более развитым европейским языкам. Любой язык только тогда может служить средствам общения, когда он соответствует уровню развития общества. Языки банту справились с этими трудностями, приспособились к новым условиям.

Это приспособление шло двумя путями: многие старые слова и выражения приобрели новое содержание, а там, где это оказалось невозможным, языки обогащались за счет словарного фонда английского языка и африкаанс. Лингвисты отмечают, что заимствованные слова входят в языки банту не как чужеродные тела, но ассимилируются, подчиняясь законам их развития. Заимствованные слова, будь то английские или африкаанс, произносятся в соответствии с фонетическими законами языков банту; европейское произношение заимствованных слов является большой редкостью. Фонетика языков банту изменилась за это время очень мало. Еще меньше изменился грамматический строй. Заимствованные слова видоизменяются по грамматическим нормам языков банту; они получают, в частности, префикс того класса, к которому относятся (английское steamer — пароход — в зулусском, например, превратился в isi-thimela; английское policeman — полицейский — превратилось в i polisa в коса и le polesa в суто; английское party — партия — в зулусском стало i pati и т. д.).

Лестрейд, профессор языков банту в университете Претории, много сделавший для изучения языков банту, пишет:

«Дюжины европейских слов вошли в словарный фонд различных языков банту и сейчас являются такой же их составной частью, как наиболее древние по происхождению слова. Почти во всех случаях они изменились согласно фонетическим нормам тех языков, которые их инкорпорировали; почти во всех случаях они включены в их грамматическую структуру» [1].

---

[1] G. P. Lestrade. European influences upon the development on bantu language and literature. В кн.: «Western civilisation and the natives of South Africa», p. 114.

Можно сказать, что критический период в жизни языков банту уже остался позади. Свидетельством этого является отмеченное выше оживление в области художественной литературы, значительный рост периодической прессы на языках банту. Коммунистическая партия в послевоенные годы приступила к изданию политической литературы на этих языках. Отмечается, что среди широких демократических кругов европейского населения ЮАС в последние годы появился интерес к изучению языков банту. «Считается даже хорошим тоном в европейских семьях (главным образом британского происхождения) говорить со слугами на зулусском языке... Недавно в Кейптауне открылись вечерние курсы по изучению коса; они привлекают все возрастающее количество белых слушателей» [1].

Таким образом, в весьма трудных, крайне неблагоприятных условиях, созданных англо-африкандерскими империалистами, языки банту выстояли, выжили. Они сохранили свой грамматический строй, продолжают жить и развиваться по своим внутренним законам развития.

Для целей данного исследования первостепенное значение имеет вопрос о дальнейших путях развития языков банту: разовьется ли каждый из пяти языков народностей в национальный язык или на базе этих пяти языков сложатся один-два национальных языка. Естественно, что сейчас можно говорить лишь о тенденциях, но не об окончательном решении.

Язык развивается по своим внутренним законам, но это развитие не происходит изолированно от истории общества. История языка отражает историю народа, говорящего на этом языке. Вспомним историю зулусов и коса за последние полтора столетия. В начале XIX в. это был один народ, разделенный на племена, говорившие на племенных языках, составлявшие единую группу — нгуни. Образование двух народностей — зулу и коса — произошло не в результате нормального естественного развития племен и расхождения их языков, а в результате постороннего вмешательства. Только английская вооруженная интервенция воспрепятствовала Чаке объединить все племена группы нгуни в одну народность с единым, общим языком. Только образование колонии Наталь и включение территории Транскей в Капскую колонию разделило зулусов и коса.

Это разделение привело к образованию двух письменных языков, но древняя языковая общность за такой короткий срок не могла исчезнуть. Сохранилась общая фонетическая система, общие фонетические закономерности. Сохранился и общий грамматический строй. Как уже указывалось, характерной особенностью языков банту является деление имен существительных на грамматические классы, отличающиеся префиксами. В языках зулу — коса эти префиксы одинаковы, что видно из следующих примеров:

Класс	Существительное	Зулу	Коса
1	Человек	umu-ntu	um-ntu
2	Крааль	umu-ti	um-ti
3	Страна	ili-zwe	ili-zwe
4	Стул	isi-hlalo	isi-hlalo
5	Корова	in-komo	in-komo
6	Стена	u-donga	u-donga
7	Человечество	ubu-ntu	ubu-ntu
8	Смерть	uku-fa	uku-fa

[1] Frank—L. Schoele. Lès langues dans l'Union Sud Africane. «Les langues modernes», 1954, № 3.

Приведенные примеры показывают, что и основной словарный фонд языков зулу и коса одинаков. В сущности это один язык; имеется достаточно оснований рассматривать их как диалектальные варианты одного языка. Они настолько близки, что «коса поймет зулу без особых затруднений, и наоборот» [1].

В такой же мере близки между собой языки народностей басуто, бечуана и педи.

Судьба этих народностей аналогична судьбе зулу и коса. Единый к началу XIX в. народ был в процессе колонизации разорван на несколько частей, а затем для каждой из них был создан особый письменный язык, хотя основной словарный фонд, грамматический строй и фонетическая система не давали основания для такого разделения.

Как пишет Молема, бечуана по национальности, все языки группы суто представляют собой «единый язык с небольшими диалектными вариациями» [2].

Проф. Лестрейд еще 20 лет назад писал о разговорном языке народностей группы суто, что «они не говорят больше на тлоква, ролонг, педи или хурутсе, они не говорят даже на северном или южном суто или чвана, они говорят на суто с типичными словами чвана в середине идиоматических выражений северного суто и с некоторым акцентом южного суто» [3].

Наконец, языки обеих групп — суто и нгуни — чрезвычайно близки между собой: большое количество общих слов, схожая фонетика и почти полное совпадение основных грамматических норм. Коса, проработавший на копях Кимберли среди бечуанов полгода, начинает сносно говорить на языке бечуанов. В горнопромышленных центрах существует некоторое подобие lingua franca, в основе которого лежит зулусский язык.

Дальнейшее развитие этих языков идет по линии не расхождения, а сближения. Мощным фактором сближения языков является отходничество. Абсолютное большинство мужчин систематически покидает свои краали и уходит на заработки в копи, на фермы и плантации, в города, где совместно живут, работают и борются с произволом своих хозяев люди всех народностей южноафриканских банту. Не зная ни английского, ни африкаанс, они говорят на своих родных языках и понимают друг друга; в процессе этого общения происходит взаимное обогащение языков банту. Затем все это вновь приобретенное переносится в деревню.

Сближение языков идет также путем широкого заимствования одних и тех же слов из английского и африкаанс. Неизвестно, подсчитал ли кто-нибудь из лингвистов количество заимствованных слов в современных языках банту, но очевидно, что оно должно быть весьма значительным. В различных языках банту заимствованные слова претерпевают различную модификацию, но в своей корневой основе они остаются одинаковыми. Не следует, однако, упускать из виду, что заимствование происходит из двух европейских языков, причем языки группы нгуни заимствуют преимущественно из английского, тогда как языки суто заимствуют преимущественно из африкаанс. Это последнее обстоятельство способствует, конечно, уже не сближению, а расхождению словарного состава этих двух групп языков.

Передовая часть интеллигенции банту уже давно ставит вопрос об унификации родственных языков. Еще в 1928 г. Ассоциация учителей-банту Трансвааля приняла решение создать единый литературный язык суто. К настоящему времени закончена работа по созданию единой орфографии

[1] «African studies», 1952, № 1.
[2] S. Molema. The bantu. Past and present, p. 63.
[3] G. P. Lestrade. Указ. соч., стр. 108.

языков сечуана и сепеди. Упоминавшаяся выше правительственная комиссия, изучавшая постановку народного образования среди банту в 1949—1951 гг., приняла рекомендацию выработать единую орфографию для всех трех языков этой группы, положив в основу орфографию языка южных басуто, и ввести единые учебники школьного обучения басуто, бечуанов и бапеди [1].

Какие бы соображения ни руководили правительственной комиссией, ее рекомендация объективно отражает складывающуюся общность языков басуто, бечуана, бапеди и сыграет, безусловно, прогрессивную роль в национальной консолидации этой группы народностей.

Из всех языков группы суто язык южных басуто наиболее развит. Он лучше изучен, его грамматика тщательно разработана. На языке бапеди нет литературы, если не считать Библии и нескольких школьных учебников. На языке бечуанов, кроме Библии и школьных учебников, имеется, как уже указывалось, несколько произведений художественной литературы, часть их написана еще на племенных диалектах. На языке южных басуто художественная литература развита значительно больше, чем на языках всех других народностей южных банту. Литература южных басуто читается и в Северном Трансваале и в Бечуаналенде.

Упомянутая рекомендация комиссии по просвещению означает превращение языка суто в единый литературный язык для всех трех народностей, говорящих на языках группы суто. Очевидно, что в первое время будет существовать некоторое различие между литературным и разговорными языками бечуанов и бапеди, но осуществление этой рекомендации, без сомнения, будет означать крупнейший шаг по пути создания единого языка нации, включающей басуто, бечуанов и бапеди.

Были предприняты попытки унифицировать также орфографию и школьные учебники коса и зулу. Комиссия находит это пока еще преждевременным, но не исключает такую возможность в будущем. Комиссия считает, что дальнейшее развитие языков банту пойдет по линии «возрастания престижа и влияния одного-двух литературных языков» и отмирания всех остальных языков [2].

Так обстоит дело с языковой основой формирования национальной общности южноафриканских банту. Несмотря на все неблагоприятные условия, языки народностей банту живут и развиваются. Развитие языков банту идет по линии сближения и упрощения лингвистической ситуации.

Нации отличаются одна от другой не только по языку — известно, что несколько наций могут говорить на одном языке,— но и по многим другим формам своей духовной и материальной культуры: музыка, изобразительное искусство, архитектура, специфические особенности жилища, одежды, пищевой рацион, способы приготовления и приема пищи, семейный быт, разнообразные обряды и обычаи, нравы и т. п. Это различие в формах культуры вызывается неодинаковыми условиями существования.

Сюда, т. е. к этим условиям, относятся прежде всего характер, направление хозяйственной деятельности. Характер производительных сил для всех буржуазных наций в основном одинаков — это производительные силы, свойственные капиталистическому способу производства; различной может быть лишь степень развития этих производительных сил. Точно так же одинаков характер производительных сил и для всех социалистических наций. Но при одинаковом характере производительных сил имеется существенное различие в направлении хозяйственной деятельности: соотно-

[1] «Union of South Africa. Report of the commission on native education 1949—1951». Pretoria, 1951, p. 158.

[2] Там же, стр. 10.

шение промышленности и сельского хозяйства, отраслевая структура промышленности, соотношение земледелия и животноводства, характер земледелия и животноводства и т. д. Все эти различия накладывают определенный отпечаток на бытовой уклад и формы материальной культуры народов.

На различии форм национальной культуры сказывается и разнообразие географических условий. Географическая среда определенным образом влияет на направление хозяйственной деятельности, а через хозяйство и на формы культуры; она оказывает непосредственное влияние на характер жилища, одежды и некоторые другие элементы культуры. Различие форм национальной культуры определяется, наконец, всем историческим прошлым народа, его культурными традициями.

Это различие условий существования, исторических традиций и форм культуры создает у каждой нации своеобразный психический склад, национальный характер. Внешнее выражение психического склада крайне разнообразно. Тут и особенности архитектуры, планировки и внутреннего убранства жилищ, покрой и орнаментация одежды, украшения, своеобразие музыки и танца, общий бытовой уклад и т. д. Проблема соотношения материальных условий жизни общества и психического склада людей в развитии форм культуры до сих пор остается в марксистской литературе не разработанной.

Общность психического склада и форм культуры является обязательным признаком нации. Что касается социального содержания культуры или, как говорит И. В. Сталин, идейного и социально-политического багажа наций, то он в основных своих чертах одинаков для всех буржуазных наций, равно как одинаков он и у всех социалистических наций. Пока буржуазия остается господствующей и руководящей силой нации, ее национальная культура по своему содержанию является буржуазной культурой. Для буржуазной нации характерна острая, непримиримая борьба буржуазной и пролетарской идеологии, определяющей, особенно в период общего кризиса капитализма, все направление развития духовной культуры.

Было бы преждевременным говорить сейчас о наличии национальной культуры южноафриканских банту. Империалистическая политика порабощения ставит на пути развития культуры банту трудно преодолимые препятствия.

Мы уже видели, что художественная литература банту все еще находится на начальных стадиях своего развития. Профессиональное изобразительное искусство, профессиональный театр и музыка развиты еще слабее. Но национальная культура, как известно, создается исподволь. Элементы национальной культуры зарождаются в недрах народности. И если мы обратимся к этим элементам, мы легко установим культурное родство всех народностей банту Южно-Африканского Союза и английских протекторатов.

Материальная культура южноафриканских банту, включая сюда и традиционные способы ведения хозяйства, изучена довольно хорошо. Имеется не мало специальных исследований и солидных монографий[1] по каждой народности. Но вместе с тем опубликованные по этому вопросу материалы далеко недостаточны, чтобы разработать типологию форм материальной культуры, географическое распределение типов жилища,

[1] A. T. Bryant. The zulu people. As they were before the white man came. Pietermaritzburg, 1919; J. H. Soga. The ama-xosa: life and customs. Lovedale, 1932; J. T. Brown. Among the bantu nomads London, 1926; A. U. Duggan-Cronin. The bantu tribes of South Africa: Reproductions of photographic studies. Cambridge, 1928, 4 vols.

одежды и пр., чтобы установить роль экономических, географических и культурно-исторических факторов, обусловивших разнообразие этих типов.

Для целей данной работы и нет надобности рассматривать материальную культуру во всех ее деталях, достаточно установить основные характерные черты, играющие главную, формирующую роль. Общность культуры совсем не означает идентичности всех ее элементов. Даже у наиболее развитых наций, как, например, у передовой социалистической русской нации, наблюдаются значительные локальные различия форм материальной и духовной культуры. Эти различия неизбежны. Они вызываются локальными особенностями хозяйственной деятельности и географической средой.

Если мы обратимся к хозяйственной деятельности южноафриканских народностей банту, нам сразу бросится в глаза общность ее основных черт — с одной стороны, и наличие некоторых локальных различий — с другой. Все они земледельцы и скотоводы, причем соотношение земледелия и скотоводства почти одинаково во всех провинциях Южно-Африканского Союза. В отношении крестьян банту, живущих в резерватах, это соотношение ввиду отсутствия учета посевных площадей в резерватах может быть выражено только в сопоставлении: на каждые 100 голов скота приходится столько-то мешков собранного с полей урожая кукурузы и сорго, т. е. основных продовольственных культур. Подсчет за 1949—1950 гг. дает следующее соотношение: по Южно-Африканскому Союзу в целом на 100 голов скота приходится 30 мешков кукурузы и сорго, в Капской провинции — 30, в провинции Наталь — 40, в Трансваале — 25, в Оранжевом Свободном Государстве — 15. Сравним соотношение поголовья скота и сбора продовольственных культур в двух союзных республиках СССР — Туркменской и Белорусской по данным 1932 г.[1]: для Туркменской это соотношение составит 100 : 20, для Белорусской 100 : 500. Это значит, что различие в хозяйственной деятельности народностей банту гораздо меньше, чем между туркменами и белорусами; в первом случае амплитуда колебания 40—15, во втором 500—20.

В земледелии мы наблюдаем также поразительное однообразие. Кукуруза и сорго — главные продовольственные культуры у зулу и коса, у басуто и бечуанов. Различие сводится только и исключительно к количественному соотношению этих двух культур: во многих районах, населенных бапеди, сорго преобладает над кукурузой, тогда как повсеместно сбор сорго составляет от 5 до 40% общего сбора главных продовольственных культур. Одинаков ассортимент и других, второстепенных, продовольственных культур (бобы, горох, тыква, арбузы и пр.). Ни одна из народностей южноафриканских банту не занималась в прошлом, как не занимается и сейчас, выращиванием волокнистых культур. Одинаковы, в основных чертах, сельскохозяйственные орудия, способы обработки земли и системы полеводства.

Состояние земледелия банту говорит о глубокой отсталости, неразвитости производительных сил. Но нас сейчас интересует не уровень развития земледелия, а его характер, его типичные черты у разных народностей, которые накладывают отпечаток на их жизненный уклад. И мы устанавливаем общность этих типичных черт.

Аналогичная картина и в животноводстве. У всех народностей одинаковый состав поголовья скота: крупный рогатый скот, овцы и козы. До

[1] Исчисления произведены по данным сборника «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938)». Госполитиздат, 1939.

европейской колонизации у них не было ни свиней, ни лошадей, ни какого-либо другого рабочего скота [1]. Количественное соотношение крупного и мелкого рогатого скота более или менее одинаково у всех; некоторые отклонения от средней нормы определяются в основном географическими особенностями: в засушливых районах Капской провинции больше шерстных овец, в провинции Наталь с ее влажным климатом преобладает крупный рогатый скот. Тождественны в основных чертах приемы ухода за скотом, обычаи и обряды, связанные с животноводством.

Следовательно, хозяйственная деятельность, эта самая глубокая основа всего жизненного уклада, образа жизни, определяющая формы культуры и психический склад народов, до самого последнего времени была одинаковой у всех южноафриканских банту. Одинаковы были в своих основных чертах и такие материальные элементы народной жизни, как поселения, жилища и одежда.

Круглый крааль — группа хижин, расположенных вокруг загона для скота — типичен для всех южноафриканских банту. Так же типична для всех круглая хижина; четырехугольных домов южноафриканские банту никогда раньше не строили. Жилища отличаются, главным образом, по характеру строительного материала: камень, глина или тонкие жерди, тростник, трава. Жилища каменные и глинобитные распространены больше среди бечуанов и басуто, из растительных материалов — среди коса и зулу. Однако каменная кладка встречается и у зулусов внутренних районов, а коса иногда нижнюю часть стен хижины обмазывают глиной. С другой стороны, во многих районах этнической территории басуто — бечуанов хижины строят из растительных материалов. Бревенчатых домов банту не знали.

В зависимости от материала жилища различаются и по своей конструкции. Когда стены возводятся из камня, то крыша естественно представляет собою отдельное от стен сооружение, но всегда из травы; когда же жилище строится целиком из растительных материалов, крыша является продолжением стен и вся конструкция выглядит как большая опрокинутая корзина. При более детальном рассмотрении можно, конечно, обнаружить и некоторые черты, типичные для жилищ басуто — бечуанов и для зулу — коса. Но каковы бы ни были эти различия, общими и существенными чертами всех традиционных жилищ являются: круглый план, очаг посередине, отсутствие окон и навесной двери. Жилище — это не место для работы, отдыха и развлечения. Вся жизнь проходит на открытом воздухе. Жилище — это всего лишь место для ночлега, укрытие от дождя и кладовая для хранения домашних вещей.

В традиционных формах одежды южноафриканских банту наблюдается большее разнообразие. Зулус носит два фартука, прикрепленных к жесткому кожаному поясу, опирающемуся на верхнюю часть бедер: спереди бахромчатый фартук из пучка хвостов или полосок телячьей кожи; сзади такой же фартук из широких полос кожи. Коса обертывает нижнюю часть туловища одним куском кожи. Басуто прицепляет спереди треугольный кусок кожи, пропускает его между ног и привязывает к поясу сзади. Для предохранения от холода и дождя у всех народностей служит каросс — меховая накидка или просто хорошо выделанная шкура. Это повседневная рабочая одежда мужчины. Праздничная одежда в основе своей такая же, но с большим количеством всякого рода украшений. Женщины и молодежь одеваются так же, только вместо кожи обыч-

[1] Свиньи и сейчас составляют ничтожный процент общего поголовья скота: в Трансваале — 6, в Капской провинции — 5, в Натале — 3 и т. д. Лошадей тоже очень мало.

но применяются плетения из травы, тонкие цыновки. Как и все другие народы мира, банту любят красиво одеваться и в пределах своих возможностей делают это со вкусом, проявляя большую изобретательность. Но при всем этом разнообразии деталей одежда всех народностей южноафриканских банту в основе своей одинакова и по материалу — кожа, трава, и по форме — несшитые куски материи, и по способу ношения. Ткачества они не знали.

Аналогичное положение и с домашней утварью: всюду мы найдем калебасы, глиняные горшки и кувшины, деревянные чашки и ложки.

Таковы в самых общих чертах традиционные материальные основы жизни южноафриканских банту. Они одинаковы для всех народностей. Не следует думать, что перед нами картина унылого однообразия. Дальнейший анализ показал бы довольно пеструю, богатую оттенками картину локальных различий. Группировка этих локальных различий вскрыла бы известное своеобразие материальной культуры и форм быта народностей группы суто по сравнению с коса и зулу. При дальнейшем анализе можно обнаружить не только общее, но и отличное. Однако это отличное относится лишь к деталям, которые не играют главную, определяющую роль.

Сейчас в условиях господства англо-африкандеров старая материальная культура и старый бытовой уклад претерпевают коренные изменения.

Англо-африкандеры привезли в Южную Африку новую, более высокую материальную культуру и вместе с тем лишили ее коренное население возможности пользоваться благами этой культуры. Проникновение ее в быт народностей банту проходит поэтому очень медленно и крайне неравномерно. Современная материальная культура и современные формы быта, жизненный уклад народностей банту в целом представляют собою очень пеструю картину.

В резерватах происходит катастрофическое обнищание крестьянства и упадок материальной культуры. Сохранилось традиционное мотыжное земледелие; лишь немногочисленная зажиточная верхушка переходит к плужному земледелию, вводит новые, товарные, культуры. Сохранился старый тип поселений — краали и старые хижины, только теперь они несут на себе печать обнищания. «Грязные краали и разрушенные хижины были большой редкостью в те «дикие» времена. Теперь их можно встретить повсеместно. Страну осенили блага «цивилизации» с их соблазнами и налогами, отвлекающие молодых людей на работу для белых и их правительств, оставившие в краалях только женщин и стариков» [1]. Новые жилища — четырехугольные, каменные, с окнами — встречаются лишь кое-где в виде исключения и принадлежат вождям племен или богатым крестьянам. Постепенно входят в быт изделия фабрично-заводской промышленности: каросс заменяется байковым одеялом, передник из шкуры или цыновки хлопчатобумажными трусами или юбкой, тыквенные сосуды — алюминиевой посудой и т. д., но все это не меняет пока общей картины материального быта банту резерватов.

Население резерватов составляет сейчас, однако, только половину общей численности банту. Другая половина живет или в городах, или на фермах и плантациях англо-африкандеров, т. е. в уже совершенно иных условиях. Материальная культура этой половины изменилась радикально. Как бы ни были плохи жилищные условия городских жителей или сельскохозяйственных рабочих и издольщиков, они живут в жилищах иного типа, в новой бытовой обстановке. Как бы ни были они бедны, они

---

[1] А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев, стр. 65.

носят одежду из фабричных тканей и европейского покроя. Эти новые условия жизни вызывают новые бытовые навыки и обычаи.

Как бы ни изменялась материальная культура банту, она изменяется в направлении, одинаковом для зулусов и коса, для басуто и бечуанов. Эти изменения не нарушают былой общности материальной культуры и форм быта различных народностей банту, скорее, наоборот, сближают, нивелируют, ведут к образованию единой, общей культуры.

Насколько хорошо изучена материальная культура народностей банту, настолько же плохо изучена их духовная культура. Нельзя сказать, что на эту тему нет специальных исследований. Как и по материальной культуре, имеется значительная литература по духовной культуре. Но вся она страдает одним общим недостатком: духовный мир банту рассматривается как нечто принципиально отличное от духовного мира людей, имеющих белый цвет кожи. Именно здесь, в области исследования духовной культуры банту наиболее полно проявляется расистская идеология буржуазных ученых. Например, Брайант, с большой симпатией относившийся к зулусам, закончивший свой последний труд «с горячей надеждой на будущее счастье наших дорогих старых друзей — зулусского народа»[1], рассматривает их все же как особую расу: она не хуже и не лучше белой расы, она не низшая и не высшая, а просто особая раса с особым, только ей присущим психическим складом. Для большинства же буржуазных исследователей банту — низшая раса.

Исходя из этой расистской концепции, буржуазные исследователи духовной культуры банту подменяют их мировоззрение религией. В условиях первобытно-общинного строя религия действительно была господствующей формой идеологии, пронизывала все стороны общественной и семейной жизни. Но религия никогда не была единственной формой идеологии, мировоззрение людей никогда не исчерпывалось религиозными взглядами. В угоду политике угнетения банту многие буржуазные исследователи до сих пор продолжают концентрировать свое внимание на религии и суевериях, на самых отсталых, консервативных сторонах мировоззрения, оставляя в стороне, замалчивая все то новое, что порождено новыми условиями жизни.

Немало сделано, например, в области собирания и публикации устного народного творчества народностей банту. В распоряжении исследователя духовной культуры имеются многочисленные сборники песен, сказок, легенд и пр. К сожалению, все это относится к прошлому. Современный фольклор никто не собирает и не изучает. В аналогичном положении находятся музыкальный фольклор и разнообразные формы народного изобразительного искусства. А между тем появилось немало новых песен, и в частности революционных, новые музыкальные мотивы и орнаментальные сюжеты. Психический склад банту претерпевает самые серьезные изменения. Под влиянием новых и общих для всех народностей условий складывается новый и единый для всех народностей психический склад.

Принадлежность к той или иной религии не является условием принадлежности к нации — люди одной нации могут исповедовать различные религии. Однако религиозные взгляды оказывают большое влияние на быт, а через него и на психический склад людей. Поэтому при исследовании процесса формирования нации принадлежность к религии не может игнорироваться.

До начала колонизации банту не знали ни одной из религий классового общества. Их религиозные воззрения сводились, главным образом,

[1] А. Т. Брайант. Указ. соч., стр. 417.

к поклонению душам умерших предков. Судя по описаниям первых миссионеров, у них было лишь смутное представление об универсальном божестве, отличном от душ предков. Это универсальное божество считалось предком всех их предков, творцом солнца и луны, создателем законов и обычаев. Зулусы называли его inkosi или unkulunkulu, басуто — modimo.

Сейчас больше половины всех банту Южно-Африканского Союза — христиане. По переписи 1936 г. 50% банту были христианами (включая сторонников различных сект); к 1946 г. процент христиан увеличился [1] до 60. Для большинства крещеных банту принадлежность к христианской религии является формальной. «Очень немногие понимают как следует принципы христианства... Они называют себя христианами, но никогда не ходят в церковь, за исключением тех случаев, когда их собирает вождь по какому-нибудь важному делу» [2]. Принципы христианства их не привлекают; они на собственном горьком опыте ежедневно познают вопиющее противоречие между проповедью миссионера и суровым режимом расовой дискриминации. Они принимают христианство потому, что это единственный путь к получению образования, так как в резерватах почти все начальные школы принадлежат европейским религиозным миссиям. Миссионеры запрещают им придерживаться норм старой религии, а нормы христианской религии они воспринимают поверхностно, формально. Исследователи современных религиозных воззрений банту отмечают широкое распространение «религиозного индифферентизма» [3].

Острое противоречие между догмами христианства и расовой дискриминацией уже давно вызвало среди обращенных банту сепаратистское сектантское движение, имеющее целью создать свои, независимые от европейских миссий, церковные общины. Это движение является формой протеста против расовой дискриминации. Английский исследователь жизни пондо Моника Хантер, внимательно изучавшая это сектантское движение, указывает, что у него нет никаких расхождений с миссионерской церковью по вопросам религиозной доктрины, что единственная причина раскола — расовая дискриминация банту в церковных делах [4]. «Все они (сектантские общины. — *И. П.*) настроены националистически»,— констатирует комиссия по вопросам образования банту [5]. За последнее время это движение принимает массовый характер. Если в 1918 г. насчитывалось 76 независимых церковных общин, в 1938 г.— 320, то сейчас их насчитывается около тысячи [6].

Как бы ни было формальным принятие христианства, оно вносит значительные изменения в быт, поскольку его каноны становятся обязательными для неофитов. Коренным образом меняется обрядность, связанная с рождением ребенка, свадьбой и похоронами. «Многие старые свадебные обычаи полностью исчезли, и даже в том случае, когда обходятся без церковного венчания»,— отмечает проф. Шапера относительно бечуанов резервата Кхатла [7]. Все больше отходят в прошлое церемонии и обычаи, связанные с переходом от одной возрастной группы к другой и т. д.

---

[1] «Union of South Africa. Report of the commission on native education 1949—1951». Pretoria, 1951, p. 12.

[2] I. S c h a p e r a. Present-day life in native reserves. В кн.: «Western civilisation and natives of South Africa», p. 53.

[3] W. M. E i s e l e n. Christianity and the religious life of the bantu. Там же, p. 74.

[4] M. Hunter. Reaction to conquest, p. 560—562.

[5] «Union of South Africa. Report of the commission on native education 1949—1951». Pretoria, 1951, p. 22.

[6] Там же, стр. 22.

[7] I. S c h a p e r a. Указ. соч., стр. 51.

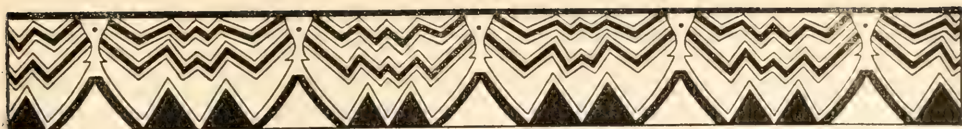
Самое же существенное в развитии духовной культуры банту состоит в том, что в исторически весьма короткий срок доклассовая культура банту сменилась культурой классовой. В начале XIX в. можно было говорить лишь о зачатках классовой идеологии и культуры. Это был период разложения идеологии и культуры первобытно-общинного строя, соответствующий переходной форме производственных отношений.

Сейчас же господствующей идеологией и соответственно ей господствующей культурой являются буржуазная идеология и буржуазная культура. Если иметь в виду слабое развитие национальной буржуазии банту, этот вывод может показаться парадоксальным. Но тут нет ничего парадоксального и неожиданного, если исходить из общей обстановки в стране. Банту живут не изолированно от англо-африкандеров, а вместе с ними, в одном государстве; почти половина всех банту живет не в резерватах, а в городах и на фермах англо-африкандеров. Господствущие классы англо-африкандеров через многочисленные каналы внедряют в сознание банту именно буржуазную, а не какую-нибудь иную идеологию. Идеологией национальной буржуазии банту и связанной с нею национальной интеллигенции является не какая-нибудь иная, а именно буржуазная идеология. Наконец, крестьянство банту, втянутое в товарно-денежные отношения, мелкобуржуазное по своей природе, является носителем буржуазной идеологии.

От начальной стадии формирования классового общества банту перешли, минуя рабовладельческую формацию и развитый феодализм, к буржуазному обществу. Но капиталистические производственные отношения, будучи господствующими отношениями, отягощены феодальными пережитками, а в резерватах, кроме того, и сильными пережитками первобытно-общинных отношений. Это находит свое отражение и в идеологии; сильные остатки старой, дохристианской религии, например, никак нельзя отнести к буржуазной идеологии. Но при всем этом своеобразии современная духовная культура банту в своих основных чертах является культурой буржуазного общества. К ней вполне применимо ленинское положение о наличии двух культур при капитализме, буржуазной и пролетарской.

Анализ состояния и тенденций развития культуры народностей банту приводит нас к следующим выводам. Формы культуры всех народностей банту в своих основных чертах тождественны. Дальнейшее развитие идет по пути укрепления общности, стирания сложившихся в прошлом различий. По своему содержанию она представляет собой сложное переплетение буржуазной культуры, как культуры господствующей, и сильных пережитков прошлого. Возникла и развивается в борьбе с буржуазной культурой культура самого прогрессивного в современном обществе класса — рабочего класса. Тридцать лет деятельности Коммунистической партии оставили глубокий след в сознании народных масс Южной Африки, и в частности в сознании трудящихся банту. Получили уже широкое распространение самые передовые идеи современности — идеи марксизма-ленинизма.

Империалистическое господство англо-африкандеров лишает народности банту возможности развивать свою культуру. Только ликвидация режима расовой дискриминации, завоевание независимости и демократических свобод откроют путь всестороннему развитию национальной культуры банту.

ГЛАВА 12

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Национальное самосознание — это прежде всего и главным образом сознание принадлежности к своему народу, сознание его национальных интересов. В социалистическом обществе и развитом буржуазном обществе каждый человек осознает себя принадлежащим к своей нации и гордится этой принадлежностью. Чувство национальной гордости — одно из глубочайших человеческих чувств; оскорбление национального достоинства всегда воспринимается как личная обида. Лишь жалкие отщепенцы, порвавшие духовную связь со своим народом, могут всерьез говорить о своем космополитическом сознании и объявлять себя «гражданами мира».

Национальное самосознание является органической частью общественного сознания и подчиняется тем же законам развития. Как не может быть надклассовой или внеклассовой идеологии, так и национальное самосознание не может быть безразличным к классам и классовой борьбе. Буржуазия, преследуя свои узкоклассовые корыстные интересы, стремится превратить национальное самосознание трудящихся в националистическую идеологию, характерной чертой которой является противопоставление своей нации другим нациям, признание превосходства своей нации над другими нациями. Для пролетариата, напротив, национальное самосознание является одной из сторон идеологии интернационализма, характерными чертами которой являются взаимное уважение национальных особенностей и национальных интересов, дружба и взаимная поддержка. В работе «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин писал, что русским сознательным пролетариям совсем не чуждо чувство национальной гордости. «Мы полны чувства национальной гордости», — писал В. И. Ленин и вместе с тем указывал на необходимость воспитания рабочих в духе «*полнейшего* национального равенства и братства», в духе «самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций» [1].

Поскольку национальный вопрос является лишь частью, одной из сторон классовой борьбы, постольку и национальное самосознание развивается под мощным воздействием идеологической борьбы классов.

Национальное самосознание южноафриканских банту вырабатывается в весьма сложных и противоречивых условиях. Они живут при дикой, невиданной расовой дискриминации и разнузданной расистской пропаганде. Расизм — официально признанная государственная доктрина англо-африкандерских помещиков и капиталистов Южно-Африканского Союза. Мощный пропагандистский аппарат — наука, пресса, церковь —

---

[1] В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. Соч., т. 21, стр. 85, 87.

настойчиво, со дня на день вбивает в головы людей мысль о неполноценности чернокожей, негроидной расы, о неспособности ее к самостоятельному развитию, о «цивилизаторской» миссии белого человека.

«У банту нет никаких внутренних побуждений к самоусовершенствованию, нет никаких настойчивых созидательных усилий, полное поглощение сегодняшним днем, его радостями и горем», — писал глава правительства Южно-Африканского Союза Смэтс [1].

«Без европейской помощи банту были бы более или менее в состоянии стагнации. Без применения европейских способностей и опыта очень мало надежды на их прогресс» [2], — утверждает профессор университета в Претории Эдгар Брукс, «представляющий» в сенате интересы банту.

К. Маркс писал про дворян, гордившихся своей кровью, своим происхождением, что это «*зоологическое* мировоззрение, для которого соответствующей наукой является *геральдика*» [3].

Про расистскую государственную доктрину англо-африкандерских помещиков и капиталистов по аналогии следовало бы сказать, что это то зоологическое миропонимание, которое в расовой теории имеет соответствующую ему науку.

Эта расистская пропаганда задерживает формирование национального самосознания банту. Сознание национальной общности, принадлежности к той или иной нации, подменяется сознанием расовой общности, принадлежности к негроидной расе. Реакционная идея расовой неполноценности проникает в народные массы и принижает чувство национального достоинства. Она отравила сознание некоторой части интеллигенции банту, которая вследствие этого становится невольным пособником империалистов. Однако наиболее прогрессивная часть интеллигенции банту борется против идеи расовой неполноценности. Так, в 1933 г. в газете «Умтетели ва банту» [4] была опубликована серия статей с характерным названием «Расовое самосознание и Объединенные советы» (подчеркнуто мною.— *И. П.*). Автор статей, выступивший под псевдонимом «Исследователь», энергично протестует против отрицания способностей банту к самоуправлению и самостоятельному развитию.

«Молодежь банту находится в руках представителей движения Объединенных советов [5], которые непрерывно внушают туземцам, что они, туземцы, неспособны к развитию и что все стремления туземцев в этом направлении могут увенчаться известным успехом только в том случае, если ими будут руководить Объединенные советы», — писал «Исследователь». Он с горечью констатировал, что «такая точка зрения пустила корни в умах нашего народа», и призывал покончить с этим, «если у нас есть хоть малейшее сознание расового достоинства и самоуважения».

Расистская пропаганда противопоставляет черную расу белой расе, затушевывает классовые отношения внутри банту, помогает раскольникам рабочего движения творить их грязное дело. Южноафриканские империалисты потратили немало усилий на то, чтобы отравить расизмом сознание рабочих европейского происхождения и противопоставить их рабочим банту. «Я обращаюсь к вам как к аристократам, так как каждый из вас господин и аристократ», — демагогически заявлял министр прави-

---

[1] J. Smuts. Africa and some world problems, p. 75.

[2] E. Brookes. The history of native policy in South Africa. Pretoria, 1927, p. 502.

[3] К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Соч., т. I, стр. 342. Изд. 1955 г.

[4] «Umteteli wa Bantu», 1 июля 1933 г.

[5] «Объединенные советы» создавались как средство отвлечения масс от антиимпериалистического движения, выдавались за средство достижения «расовой гармонии», они состояли из европейцев и банту.

тельства Южно-Африканского Союза Тилман Роос, выступая на собрании безработных-европейцев, «которые, как пишет Уолтон, цитируя это заявление, буквально не имели рубашки на теле и ничего не ели в тот день» [1].

Один из южноафриканских священников Вальтер Коттон, защищая с мальтузианских позиций политику расовой дискриминации, поучал свою паству: «Рост и прогресс одних угрожает другим сокращением и регрессом. Поэтому прогресс туземцев направлен против нас. Мы должны противодействовать этому прогрессу, чтобы сохранить наши позиции против туземцев». Распоясавшийся мальтузианец, апостол христианского смирения, дошел в своей человеконенавистнической проповеди до утверждения, что «никакие моральные соображения не могут остановить нас на этом пути» [2].

Большую помощь в этом грязном деле оказали империалистам южноафриканские лейбористы. В вопросах колониальной политики империализма Южноафриканская рабочая партия всегда занимала крайне реакционную позицию и безоговорочно поддерживала все мероприятия правительства, направленные против банту. «Политика Южноафриканской рабочей партии есть политика полного отделения туземцев от белых» — говорится в специальном меморандуме по «туземной политике», принятом на партийной конференции в 1933 г. [3]. Свою реакционную политику лейбористы, как обычно, прикрывают демагогическими рассуждениями о социализме, об особенностях «введения» социализма в Южной Африке. «Нет оснований утверждать, что объединение туземцев и европейцев будет обязательным даже при социализме», — заявляют они.

Принижение национального достоинства банту, отрицание за ними права на независимость и самостоятельное развитие, противопоставление интересов европейцев интересам банту, натравливание европейцев на банту — таков лейтмотив империалистической пропаганды, под воздействием которой развивается национальное самосознание банту.

Национальное самосознание буржуазных наций Европы формировалось в период борьбы против феодализма, когда буржуазия была еще передовым, прогрессивным классом, отстаивала буржуазно-демократические свободы, права и независимость наций, когда буржуазия была единственным, общепризнанным вождем нации. Национальное самосознание было частью буржуазного сознания, которое буржуазия навязывала и трудящимся.

В. И. Ленин указывал, что национальная идеология порождена эпохой 1789—1871 гг., эпохой «...массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе... Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата» [4]. В эпоху империализма буржуазия воспользовалась этой национальной идеологией, чтобы лозунгом защиты отечества прикрывать свои классовые интересы в империалистической войне. Потребовались героические усилия передовой части международного пролетариата, рабочего класса России, руководимого партией большевиков, прежде всего чтобы разоблачить классовую сущность буржуазного национализма и противопоставить ему идеологию, политику и тактику пролетарского интернационализма.

---

[1] Д. Уолтон. Куда идет Южная Африка, стр. 118.
[2] W. Cotton. Racial segregation in South Africa. London, 1931.
[3] Меморандум опубликован в газете «Star», 2 февраля 1933 г.
[4] В. И. Ленин. Конференция заграничных секций РСДРП. Соч., т. 21, стр. 138.

Национальное самосознание банту формируется в совершенно иных, принципиально отличных условиях, в эпоху общего кризиса капитализма Буржуазия из класса передового и прогрессивного превратилась в класс реакционный, из освободителя наций она превратилась в угнетателя наций. С победой Великой Октябрьской социалистической революции мир раскололся на две социальные системы — капитализма и социализма. Образование Союза Советских Социалистических Республик, в котором идеология пролетарского интернационализма стала государственной доктриной, основой новых отношений между народами, оказало величайшее влияние на все дальнейшее развитие мира. Национальная политика СССР, уничтожение национального гнета во всех его формах, бескорыстная помощь передового русского народа ранее отсталым, угнетаемым российским империализмом народам показали на практике что значит идеология пролетарского интернационализма в действии.

Национальное самосознание банту формируется в эпоху, когда эра безмятежной эксплуатации колоний кончилась и началась эра **«колониальных** революций, проводимых в **угнетенных странах мира в союзе** с пролетариатом, под **руководством пролетариата»**[1], когда на деле доказана «целесообразность **пролетарского, интернационального** метода освобождения угнетенных народов, как единственно правильного метода...»[2].

В целесообразности этого метода, в превосходстве интернационалистической идеологии над идеологией буржуазного национализма банту убеждаются на опыте своей борьбы. Передовая часть рабочих-европейцев Южно-Африканского Союза оказала и продолжает оказывать национально-освободительному движению банту огромную помощь. Рабочие-европейцы были первыми пропагандистами марксизма в Южной Африке. Созданные ими профессиональные союзы, экономические и политические забастовки были предметным уроком для рабочих банту. Они помогли рабочим банту создать свои профессиональные союзы. Отстаивая интересы рабочих банту, помогая им бороться с произволом империалистов, они на практике показывают великую силу интернациональной классовой солидарности.

Национально-освободительное движение южноафриканских банту является частью всемирного движения за демократию и социализм. Их представители участвуют в международных съездах профсоюзов, женщин, молодежи, сторонников движения за мир между народами и т. д. Международные демократические организации активно выступают в защиту интересов и требований банту.

Национальное самосознание банту формируется в условиях, когда национальная буржуазия банту развита еще слабо, а рабочий класс уже многочислен, когда не буржуазия, а рабочий класс является руководящей силой национально-освободительного движения. Это обстоятельство оказывает огромное влияние на формирование национального самосознания.

Современный уровень развития национальной буржуазии банту исключает возможность местного, например зулусского или бечуанского, национализма. «Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму»[3], писал И. В. Сталин. Но деятельность буржуазии банту ограничивается пока местным рынком, она не вышла еще на широкую арену национального рынка. Поэтому интересы зулусской, например, буржуазии не сталкиваются на рынке с интересами буржуазии коса или басуто; ей

[1] И. В. Сталин. Международный характер Октябрьской революции. Соч., т. 10, стр. 243.
[2] Там же, стр. 244.
[3] И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 305.

незачем призывать зулусов для борьбы против коса, противопоставлять зулусов бечуанам. Зулусская буржуазия, равно как и буржуазия коса или бечуанов, сталкивается с европейским фабрикантом и купцом, со всевозможными препятствиями, которые в угоду англо-африкандерской буржуазии воздвигает на путях развития банту империалистическое государство. Им пока нечего делить между собой, у них общий враг и общие задачи борьбы.

Это не значит, что среди коса, например, нет антизулусских настроений. Они создаются англо-африкандерскими империалистами с помощью продавшейся им части вождей племен. Но они создаются искусственно, в определенных политических целях и не имеют питающей их почвы в самом обществе банту.

Национальная буржуазия является носителем не местного, зулусского или другого национализма, а национализма антиевропейского, анти-«белого», бантусского, негритянского. Это она в начале 20-х годов, под влиянием пропаганды гарвеистов выдвинула лозунг «Африка для африканцев» [1]. Это под ее влиянием в 30-х годах появился лозунг «Черная республика». Это ее националистические идеи отражают действующие сейчас организации типа «Всеафриканская конвенция», выступающие против единого фронта с демократическими силами европейского населения под лозунгом: «Мы не хотим белых, либералов или не-либералов» [2].

Рабочий класс противопоставляет этой буржуазной националистической идеологии и политике свою идеологию и политику интернационализма, содружества и совместной борьбы угнетенных народов банту и трудящихся масс европейской части населения. Этой борьбе рабочего класса за торжество интернационализма способствует и вся международная обстановка.

Таковы в основных чертах условия, в которых протекает процесс формирования национального самосознания южноафриканских банту. Этот процесс стихийный в своей основе, но каждый класс старается направить его по пути, соответствующему своим классовым интересам: буржуазия — по пути национализма, пролетариат — по пути интернационализма. Господствующая в Южно-Африканском Союзе империалистическая англо-африкандерская буржуазия всячески препятствует развитию национального самосознания банту вообще. Оно развивается, следовательно, в острой борьбе различных классовых сил. Рассмотрим основные этапы и направления этой борьбы. При этом следует оговориться, что материалы для характеристики этого сложного процесса крайне скудны.

Племенному образу жизни, характерному для южноафриканских банту начала XIX в., соответствовало сознание принадлежности к племени. Член племени ндвандве, например, считал себя не зулусом, а ндвандве. Не было зулусской народности, не могло быть и сознания единства всех племен, вошедших в состав зулусской народности, не было сознания принадлежности к народности. Записки первых миссионеров и путешественников, донесения колониальных чиновников убедительно подтверждают этот вывод. Какого бы африканца они ни встретили, он говорил не о коса или зулу, а о своем племени, о принадлежности к племени.

В огне тяжелой борьбы против колонизаторов на протяжении всего XIX в. складывались народности, исчезали племенные перегородки, племенная замкнутость, отчужденность. Постепенно вырабатывалось сознание

[1] В странах Азии одно время был в ходу лозунг «Азия для азиатов». Критику этого лозунга дал И. В. Сталин в интервью японскому корреспонденту «Ници-Ници». См. «О революционном движении на Востоке». Соч., т. 7, стр. 230.

[2] «Advance», 8 Oct. 1953

единства племен зулу, коса и др., сознание принадлежности к более широкой этнической общности, к народности. Это новое сознание зафиксировано в многочисленных показаниях африканцев перед разного рода комиссиями, создаваемыми для своих конкретных целей колониальными властями. Оно нашло свое яркое выражение, например, в песнях, сложенных зулусами во время восстания 1906 г.

В период колонизации зулу, коса и все другие народы Южной Африки боролись за свою независимость в одиночку, отстаивая свою землю. Не было достаточных предпосылок для объединения всех народов в единый фронт сопротивления захватчикам, а попытки передовых людей, понимавших необходимость единства, парализовались интригами англичан и буров. Более того, колонизаторы использовали басуто против матабеле, коса против зулусов, свази против педи и зулусов. Экономические связи между группами племен, формирующимися народностями были спорадическими и крайне ничтожными. В XIX в. не было ни экономических, ни политических предпосылок для появления сознания единства всех южноафриканских банту. В XX в., и особенно после образования Южно-Африканского Союза, такие предпосылки появились.

Исчезли колониальные, политические границы, разделявшие эти народы; все они оказались теперь в пределах одного государства. Создана единая хозяйственная структура, связанная единством национального рынка. Усилились территориальные связи между народностями, стираются этнические границы. Появилась единая политика господствующих классов, закрепленная в едином законодательстве. Теперь перед народностями банту единый враг — государство, представляющее интересы английских и африкандерских помещиков и капиталистов. Для борьбы против этого государства и его политики народности банту создали единые национальные и классовые организации, в рядах которых плечом к плечу борются зулусы, коса, басуто и бечуаны.

Одним из первых законодательных актов правительства Южно-Африканского Союза, направленных на усиление колониального порабощения народов банту, был земельный закон 1913 г. (Native Land Act 1913 г.). Этот закон издавался по требованию английских горнопромышленных компаний и капиталистической части фермерства с целью дальнейшего ограничения прав крестьян банту на землю и принуждения их продавать свою рабочую силу. Для этого закон запрещал крестьянам банту покупать землю у европейцев вне резерватов; запрещал им жить на фермах европейцев, если они работают менее 90 дней в году на фермера; европейским фермерам запрещалось сдавать крестьянам банту землю в аренду за деньги или за часть урожая. Проведение в жизнь этого закона вызвало массовое выселение банту с европейских ферм. Общественный деятель банту Плаатье, бывший свидетелем этого выселения, в своей книге «Жизнь туземца в Южной Африке» описал трагическую судьбу этих изгнанников [1].

В целях объединения сил для борьбы против дискриминационного законодательства и в первую очередь против этого земельного закона, внесенного в 1912 г. на рассмотрение парламента, по инициативе группы общественных деятелей банту была созвана конференция представителей банту всех четырех провинций и протекторатов. Решением конференции была создана первая организация, призванная возглавить объединенный фронт всех народов банту Южно-Африканского Союза и протекторатов — Африканский Национальный Конгресс (АНК).

[1] S. Plaatje. Native life in South Africa before and since the european war and the boer rebellion. London, 1916.

АНК был создан феодальной верхушкой банту — верховными вождями и вождями племен, им в течение долгого времени принадлежала и решающая роль в руководстве АНК. Один из инициаторов конференции 1912 г., в дальнейшем президент АНК, Семе, в своем обращении по поводу двадцатой годовщины Конгресса писал: «...основание Африканского Национального Конгресса было положено на великой конференции, на которой были представлены все верховные вожди и почти все вожди страны. Хотя я имел честь быть инициатором этой конференции, вожди Маама, Сеисо, Молема, Секукуни и другие — вот те, кто действительно создал этот конгресс»[1].

Это упоминание об основателях АНК потребовалось Семе в связи с тем, что внутри АНК в это время развернулась острая борьба за руководство Конгрессом между феодальной верхушкой и прогрессивно настроенной интеллигенцией, отражавшей интересы молодой национальной буржуазии банту.

Конгресс возник как организация феодально-компрадорского приспособленчества к империализму. Таким он и оставался до 30-х годов. У Конгресса не было определенным образом сформулированной и утвержденной программы. Анализ его резолюций, выступлений лидеров и президентских обращений к народу достаточно убедительно показывает, что руководящим началом деятельности Конгресса являлись интересы феодальной верхушки, вождей племен. Он отражал интересы народных масс постольку, поскольку они совпадали с интересами вождей племен. Пожалуй, ярче всего эта его классовая природа проявилась в требованиях по земельному вопросу.

Известно, что земельный вопрос является самым острым вопросом в жизни южноафриканских банту. Пересмотр аграрного законодательства, расширение земельной площади резерватов входит в программы всех демократических организаций. Но сопоставим аграрные требования Бунги (совещательный орган территории Транскей) и АНК. Бунга требует права на индивидуальную покупку земли, права наследования земельных участков, отмены принципа «один человек — один надел», организации земельного банка и выдачи ссуд на покупку земли. Бунга требует максимально облегчить распоряжение земельными наделами, очистить земельные права от всяких ограничений, создать условия для свободного развития крестьянского хозяйства. Это крестьянская программа-минимум. Правительство Южно-Африканского Союза отклонило эту программу. Председатель Бунги Кэмпбелл, отвечая по этому вопросу депутатам Бунги, дал понять, что правительство не желает свободного развития капитализма в резерватах[2].

Африканский Национальный Конгресс требует прирезки, наделения землей вождей племен, в руках которых земля служит средством феодальной эксплуатации крестьян банту. Все требования Конгресса были направлены на то, чтобы укрепить искусственно сохраняемый империалистами племенной строй банту, упрочить положение вождей племен[3].

Руководство Конгресса решительно отвергало всякую мысль о «незаконных» действиях, о нарушении рабовладельческих законов, о массовых народных выступлениях. Лидеры Конгресса пресмыкались перед правительством и министром по туземным делам.

---

[1] «Umteteli wa Bantu», 31 декабря 1932 г.

[2] «United Transkeian territories general council. Proceedings and Report», p. 210.

[3] См., например, принятые чрезвычайной конференцией Конгресса 1934 г. резолюции — «Трансваальские вожди», «Вожди и туземные резерваты». «Umteteli wa Bantu», 18 августа 1934 г.

Уже на первом своем съезде в 1913 г. Конгресс выступил против забастовочного движения шахтеров. В резолюции съезда говорилось: «Туземцы полностью отмежевываются от забастовок на Рэнде и предпочитают искать удовлетворения своих нужд конституционными методами» [1]. Борьба против земельного закона 1913 г. ограничилась посылкой делегации в Лондон. Когда началась первая мировая империалистическая война, Конгресс принял верноподданническую резолюцию: «отложить все претензии к правительству до более лучших времен и оказать ему всяческую помощь» [2].

Непосредственное руководство делами Конгресса находилось в руках интеллигенции: проф. Джеймса Таеле, окончившего американский университет для негров и находившегося под сильным влиянием негритянских националистов США, проф. Джабаву, доктора Семе, служившего ранее личным секретарем зулусского князька Динизулу и связанного с ним родственными узами, священника Джона Дюбе, Соломона Плаатье, Телопе-Тема и др. Одна часть этой интеллигенции, связанная с феодальной верхушкой, придерживалась политики умеренной оппозиции империализму, сотрудничества с ним, другая часть, связанная с национальной буржуазией, пыталась повернуть руль влево. В целях удержания руководства в руках феодальной верхушки, в Конгрессе было создано две палаты: верхняя палата — палата вождей и нижняя палата; за палатой вождей резервировалось право утверждения решений нижней палаты. Президентом Конгресса согласно конституции мог быть только наследственный верховный вождь.

Борьба за руководство между феодальной верхушкой и буржуазной интеллигенцией началась сразу же после основания Конгресса и достигла наибольшей остроты в 20—30-х годах, когда противоречия между порабощенным народом и империалистами сильно обострились под влиянием мирового экономического кризиса. На 21 конференции АНК в 1933 г. вожди племен решительно выступили против Трансваальского отделения, где вместо священника Магкато избрали президентом крупного домовладельца и купца Матсеке. Один из вождей в связи с этим говорил на конференции: «Некоторые лидеры Конгресса выступают против вождей, они даже предлагают отдавать предпочтение образованным классам. Вожди против доктрин, проповедуемых коммунистами среди туземцев. Те, кто выступает против вождей, являются секретными агентами коммунистов» [3].

Несмотря на это, Африканский Национальный Конгресс на первом этапе своего существования, когда он был единственной политической организацией банту, сыграл известную положительную роль. Главная заслуга Конгресса состояла в том, что он впервые выдвинул идею единства интересов всех банту Южно-Африканского Союза и протекторатов — зулу, коса, басуто, бечуана, бапеди, свази и настойчиво пропагандировал ее. Приведем несколько извлечений из президентского обращения Семе по поводу созыва конференции в связи с двадцатилетием образования АНК:

«Мы встретимся на этой конференции не как зулу, коса, свази, матабеле, басуто или баролонг или цветные, но как африканцы».

«Необходимо, чтобы африканцы всех провинций и всех территорий объединились вокруг Африканского Национального Конгресса как члены одной нации».

[1] S. Plaatje. Native life in South Africa.
[2] «Umteteli wa Bantu», 13 января 1934 г.
[3] Там же.

«Эти торжественные обещания... делают нас членами одной нации» [1].

Семе вкладывал, конечно, в понятие «нация» свое содержание. Нельзя ратовать за укрепление позиции вождей племен, быть одновременно поборником и племенной организации и национальной консолидации. Феодально-компрадорская организация, какой был в первое время АНК, не может быть знаменосцем нации, вождем нации. Семе, как и другие правые лидеры Конгресса, принижал национальное самосознание банту, навязывал им мысль о том, что они всего лишь младшие партнеры «белого человека», который явился в Южную Африку как «вестник мира и доброй воли» [2], что их удел — оставаться в этой роли младшего партнера. Конгресс никогда даже и не ставил вопроса о национальной независимости банту, об освобождении страны от британского империализма.

После победы Октябрьской социалистической революции и под ее непосредственным влиянием монопольное положение АНК как представителя интересов банту кончилось. В 1919 г. был организован Индустриально-Коммерческий Союз, а в 1921 г. была основана партия рабочего класса — Коммунистическая партия Южной Африки.

«Большая перемена наступила в сознании туземцев в последние годы,— констатировал в начале 1918 г. английский колониальный журнал «Раунд Тейбл». — Они пробуждаются от долгого сна... Чувствуется новое желание найти себя, поднимается волна национального самосознания... Туземцы никогда не были так едины, как сейчас» [3].

За годы войны, вследствие нарушения торговых связей с метрополией, в Южно-Африканском Союзе значительно двинулось вперед развитие обрабатывающей промышленности. Число предприятий увеличилось с 3998 в 1915 г. до 6890 в 1920 г. Численность рабочих банту в обрабатывающей промышленности с 61 тыс. в 1915 г. увеличилась до 113 тыс. в 1920 г., в горной промышленности число рабочих банту к 1920 г. достигло 270 тыс. Рабочий класс банту превратился, таким образом, в большую общественную силу. Его экономическое положение вследствие повышения цен на товары массового потребления ухудшилось. Правительство, напуганное наплывом банту в города и промышленные центры, усиливало расовую дискриминацию. Началось массовое рабочее и антиимпериалистическое движение в городах. В 1918 г. на золотых рудниках рабочие банту в течение двух месяцев бойкотировали хозяйские лавки; движение бойкота охватило все шахты, в него было втянуто свыше 100 тыс. горнорабочих. В этом же 1918 г. бастовали рабочие коммунального хозяйства Иоганнесбурга, по всему Трансваалю прокатилась волна массовых демонстраций протеста против системы пропусков. В феврале 1920 г. имела место первая массовая забастовка горняков банту; в забастовке приняли участие около 80 тыс. рабочих. В эти же годы развертывается массовое забастовочное движение рабочих европейского происхождения, завершившееся знаменитой забастовкой горняков в январе 1922 г. «Забастовка 1922 г. в Витватерсранде по своему размаху и по своему значению была величайшим событием в истории рабочего движения Южной Африки» [4].

В этих новых условиях Африканский Национальный Конгресс с его программой и тактикой феодально-компрадорского приспособления к империализму, не проявивший в эти бурные годы никакой активности,

[1] «Umteteli wa Bantu», 31 декабря, 1932 г.
[2] Там же.
[3] «Round Table», 1918, Feb.
[4] E. S. Sachs. The choice before South Africa. London, 1952, p. 149.

никого не мог удовлетворить. Нужны были иные формы борьбы, новая организация масс, новые лозунги.

Рабочий класс Южной Африки был, однако, еще не настолько сплочен и организован, чтобы выступить как самостоятельная политическая сила, способная возглавить борьбу народных масс против империализма. Значительная часть рабочих европейского происхождения находилась еще под сильным влиянием социал-реформистской идеологии, ограничивала задачи своей борьбы чисто тред-юнионистскими требованиями и к национально-освободительному движению народов банту относилась с недоверием, настороженно. Рабочие банту были еще не организованы, не имели еще никакого опыта классовой борьбы и руководства народным движением. Только что основанная Коммунистическая партия была еще немногочисленна и крайне слабо связана с народными массами банту. Капиталистические элементы в обществе банту, слабо развитые и сейчас, тогда были еще менее заметны, противоречия между трудящимися и национальной буржуазией еще не были вскрыты.

В этих условиях в руководстве движением оказалась интеллигенция, связанная с молодой национальной буржуазией и отражающая ее интересы. Первое послевоенное десятилетие совершенно четко выделяется в истории национально-освободительного движения банту Южной Африки. Если в предыдущем десятилетии (1912—1920) руководящая роль принадлежала феодальной верхушке, проводившей политику компрадорского приспособленчества к империализму, то в 20-х годах во главе народных масс встала буржуазия, проводившая национал-реформистскую политику. Это был период, когда буржуазия банту открыто сформулировала свою программу развития национального капитализма и попыталась, выдавая свои классовые интересы за интересы всего народа, повести его за собой, овладеть народным движением. Проводником этой буржуазной политики выступило правое руководство Индустриально-Коммерческого Союза.

Возникший на этой большой волне национального движения и забастовочной борьбы рабочих Индустриально-Коммерческий Союз привлек в свои ряды лучшие и наиболее революционные элементы рабочих банту. По своему составу это была широкая национальная организация. Основную массу членов Союза составляли городские рабочие, поэтому и активность его проявлялась больше всего в области организации борьбы рабочего класса. В этом смысле Союз представлял своеобразную профсоюзную организацию рабочих. Однако он никогда не был профсоюзной организацией. Наряду с рабочими в него входили все демократические слои населения, включая и национальную буржуазию; отделение Союза в Натале было преимущественно крестьянской организацией. Рабочие были организованы не по производственному принципу, а наряду со всеми другими социальными элементами по территориальному принципу.

Вначале Союз выступил как боевая антиимпериалистическая организация. Устав Союза признавал противоположность интересов эксплуататоров и эксплуатируемых, в его воззваниях цитировался «Манифест Коммунистической партии», он ставил перед собой задачу борьбы за «индустриальную эмансипацию и политическую свободу Африки». Союз руководил забастовками, провел несколько политических кампаний. Но по мере активизации народных масс усиливались разногласия между различными социальными слоями, представленными в руководстве Союза. В 1926 г. правая часть руководства добилась исключения из Союза коммунистов. В целях оправдания своего разрыва с коммунистами правые лидеры Союза объявили Коммунистическую партию «партией бе-

лых», использовали националистические настроения банту, прикрылись националистической демагогией. С этого времени начинается упадок и разложение Союза.

В 1927 г. от Союза откололось его натальское отделение во главе с Чампионом. Чампион, фермер по своему социальному положению,— один из наиболее ярких выразителей идей буржуазного национализма.

«Как рабочий лидер,— писал Чампион,— я говорю, что интересы коммунизма противоположны интересам туземцев и что класс капиталистов должен быть создан среди всех неевропейских рас Южной Африки. Без класса капиталистов среди цветных народов и туземцев едва ли есть какая-нибудь надежда на освобождение от нынешних обстоятельств или на национальное существование. История подтверждает, что туземные и цветные народы могут идти вперед только по старому маршруту— развиваясь через средний класс к классу капиталистов. Капиталисты есть и всегда были становым хребтом каждого народа... Надо содействовать туземцам накапливать недвижимую собственность с тем, чтобы они сами могли становиться нанимателями своего народа. В этом разрешение цветного вопроса в Африке. Смешно предполагать, что вождь или старейшина отдает 200 голов скота или я отдам свою ферму для распределения среди тех, кто не имеет ничего» [1].

Это заявление Чампиона свидетельствовало о том, что буржуазия банту уже тогда осознавала себя как особую социальную прослойку, интересы которой прямо противоположны тем, «кто не имеет ничего», что буржуазия уже не только сознательно выделяла себя из всей массы народа, но и претендовала на роль ведущего класса.

Основатель и лидер Индустриально-Коммерческого Союза Клемент Кадали отправился за советами в Европу, где он был встречен реформистскими вождями с распростертыми объятиями. Индустриально-Коммерческий Союз был немедленно принят в Амстердамский Интернационал желтых профсоюзов, а лейбористская партия Англии направила в Южную Африку своего советника — Балинджера. Вскоре между Кадали и Балинджером начались разногласия. Произошел еще один раскол. Кадали организовал свой Независимый Индустриально-Коммерческий Союз. И снова в ход была пущена националистическая демогогия — «Белый захватил Союз в свои руки». Кадали выступил с утопическим проектом возвращения рабочих банту назад на землю. На своей первой конференции в Блумфонтейне в 1929 г. организация Кадали поставила в качестве своей центральной практической задачи организацию «Африканской корпорации по землеустройству туземцев». Намечалось выпустить 100 тыс. акций по 1 ф. ст. каждая, купить на эти деньги землю у европейских помещиков и разделить ее на участки по 3—6 акров для поселения на них держателей акций.

Рабочие, естественно, не поддержали эти новые установки лидеров Союза, и он очень скоро утратил всякие связи с ними. Не удалось им увлечь за собой и крестьянство. Чампион пытался опереться в борьбе за крестьянство на вождей племен, вел переговоры с верховным вождем зулусов Соломоном Динизулу, но не получил поддержки и здесь. Не имея никакой массовой опоры, Союз сошел с политической арены.

Непродолжительная деятельность Индустриально-Коммерческого Союза оставила в истории национально-освободительного движения народов Южной Африки вполне ощутимый след. Он немало содействовал развитию рабочего движения, подготовил почву для создания профес-

[1] Цит. по журналу «Революционный Восток», 1934, № 4, стр. 98—99.

сиональных союзов рабочих банту. И вместе с тем лидеры Союза после крутого поворота 1926 г. выступили в роли наиболее откровенных глашатаев буржуазного национализма.

Историческая роль Индустриально-Коммерческого Союза в национально-освободительном движении южноафриканских банту состоит в том, что он явился ареной размежевания классовых сил пролетариата и буржуазии.

Подъем национально-освободительного и рабочего движения 20-х годов вызвал также перегруппировку сил, большие перемены в программных установках и в политике Африканского Национального Конгресса. На конференции Конгресса в июне 1927 г. произошла полная смена руководства. Во главе Конгресса встала группа молодых общественных деятелей во главе с Гумеде.

Официальные документы Конгресса, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют судить о программных установках и тактике нового руководства. Исполком Конгресса издавал бюллетень под названием «Национальная газета» (печатался на шапирографе)[1]. На обложке бюллетеня печатался девиз Конгресса: «Один бог, одна цель, одна судьба».

Во втором номере бюллетеня опубликованы обращения президента Гумеде, председателя Комитета торговли и промышленности Телопе-Тема, председателя Рабочего Комитета Селби Мсиманг[2] и др. документы. В президентском обращении, адресованном «всем лидерам африканского народа», Гумеде отмечает наличие двух направлений в «движении банту за политическую и экономическую эмансипацию от тирании европейского управления» — правого и левого, «консервативного и радикального». Он считает эти два направления так же необходимыми, как птице необходимы два крыла, и призывает к единству действий. «Мы можем расходиться во мнениях, но работать вместе на благо нашего угнетенного народа».

В обращении Телопе-Тема, адресованном «Ко всем африканцам», излагается программа развития национального капитализма, развивается мысль, что единственная дорога к освобождению от расовой дискриминации — развитие национального капитала. «Исполком Конгресса ясно представляет себе, — говорится в обращении,— что развитие коммерческой деятельности нашего народа обеспечит ему соответствующее место в делах цивилизованного человечества; он понимает, что экономическая независимость обеспечит нам уважение и дружбу других рас. Сегодня нас презирают не потому, что у нас черная кожа, но главным образом потому, что мы экономически отстали. Цвет кожи не принимается во внимание в современной экономической жизни; экономическая значимость — вот что определяет сейчас место в мире».

Далее излагается программа практических мероприятий, направленных на содействие развитию национальной буржуазии. Комитет развил большую активность. Он собирал средства для кредитования предпринимательской деятельности, вел переговоры с местными органами власти и деловыми кругами по вопросам оказания содействия предпринимателям-банту.

В обращении Селби Мсиманг изложена буржуазная программа рабочего движения. «Экономический закон,— пишет Мсиманг,— это палка о двух концах,... дезорганизация труда или капитала в равной мере раз-

[1] «National gazette. A record of Congress Activities. Resolutions and Decisions». Publisched by the African National Congress. Johannesburg, 1927.

[2] Телопе-Тема и Селби Мсиманг — адвокаты.

рушительно действует на обоих, и очень часто от этого страдают больше рабочие. Единственный логический вывод из этого состоит в том, чтобы рабочие и капиталисты взаимно уважали жизненные интересы друг друга». Он призывал к созданию профсоюзов, которые служили бы инструментом сотрудничества рабочих и капиталистов, мирным путем улаживали возникающие между ними конфликты.

Из этих документов видно, что программа нового руководства АНК представляла собой типичную программу буржуазного национал-реформизма.

В 1928 г. Гумеде посетил Советский Союз. Он был первым из южноафриканских банту, своими глазами увидевшим великие преобразования в стране социализма. Вернувшись на родину, он много выступал на митингах, рассказывая о своих впечатлениях.

«Он рассказывал, как русский народ помог кочевым народностям, не имевшим ранее даже своего алфавита, приобрести свободу; как не только формально, но и по существу добились эти народы полного политического и социального равенства со всеми другими народами, населяющими Советский Союз.

Он говорил о встрече с бывшими охотниками и кочевниками, которые в течение короткого десятилетия научились управлять своими территориями. Очень выразительно рассказывал он своим слушателям о том, что в СССР всякое проявление расовой ненависти наказуется законом.

Такого рода контрасты с их собственной жизнью поднимали банту на борьбу, возбуждая в них новые надежды на лучшее будущее» [1].

Личное знакомство с советской социалистической действительностью произвело на Гумеде большое впечатление. Вернувшись из поездки по СССР, Гумеде конкретизировал свой старый расплывчатый лозунг «экономической и политической эмансипации» настойчивым призывом к образованию республики рабочих и крестьян. В политике и тактике АНК наметился новый значительный сдвиг влево, в сторону единства действий с коммунистической партией.

За короткий срок новое руководство Конгресса провело большую работу, направленную на политическое воспитание банту, на повышение их национального самосознания, укрепление в них веры в собственные силы. Конгресс развернул активную борьбу за предоставление народам банту демократических прав.

К этому времени выросла и крепла Коммунистическая партия. В руководстве партией рядом с коммунистами-европейцами появились коммунисты банту — Альберт Нзула, Джон Маркс, Мозес Котане, Эдвин Мафутсаньяна и др. В 1928 г. по инициативе партии и под ее руководством были созданы профессиональные союзы рабочих банту, объединенные в Африканскую Федерацию профсоюзов. Партия могла теперь в своей практической деятельности опираться на организованные рабочие массы. Из пропагандистского кружка, каким она оставалась в течение ряда лет, она превратилась теперь в реальную политическую силу.

Коммунистическая партия широко развернула массовую политическую работу. Центральный орган партии, газета «Южноафриканский рабочий» (с 1930 г. «Умсебензи»), печатавшаяся большим тиражем, откликалась на все значительные события в стране, разоблачала гнет и произвол империалистов, несла в народные массы слово правды, настойчиво проводила идею единства всех трудящихся, независимо от их расовой или национальной принадлежности. Местные партийные организации

---

[1] Д. Уолтон. Указ. соч., стр. 86—87.

возглавляли выступления рабочих и крестьян в защиту своих интересов, систематически проводили собрания, митинги и демонстрации.

Большое принципиальное значение для воспитания трудящихся имело разоблачение на страницах газеты «теории» бесклассовости народов банту, которая пропагандировалась эксплуататорскими слоями банту в целях укрепления своего влияния в массах, удержания своего руководства ими. На страницах партийной печати, в партийной пропаганде этот вопрос никогда раньше не ставился, и поэтому даже часть членов партии оказалась в плену этой вредной концепции. В дискуссии, развернувшейся на страницах «Умсебензи» и в партийных организациях, эта «теория» была разоблачена, что сыграло большую роль в укреплении политических позиций рабочего класса.

Партия вела большую работу по пропаганде марксистско-ленинского учения среди рабочих банту. Труды классиков марксизма-ленинизма еще не переведены на языки банту, но они широко распространялись на английском языке, изучались в партийных школах и кружках [1].

Деятельность Коммунистической партии, как и других прогрессивных организаций банту, вызвала свирепые репрессии империалистического правительства. Банту стоят вне закона, демократические права предоставлены только европейцам.

Завоевание демократических прав, уравнение банту в правах с европейцами всегда было и остается центральной задачей всех демократических организаций Южно-Африканского Союза. В 1929 г. Коммунистическая партия разработала программу демократических требований, включающую всеобщее избирательное право, свободу слова, организаций собраний и предложила ее в качестве платформы для единого национального фронта, объединяющего все организации банту и демократические слои европейской части населения. В середине 1929 г. по инициативе партии была созвана объединенная конференция, решением которой и была создана организация единого фронта — Лига прав африканцев. В состав Лиги вошли Компартия, профсоюзы рабочих банту, Африканский Национальный Конгресс, ряд организаций Индустриально-Коммерческого Союза. Председателем Исполкома Лиги был избран Гумеде [2].

В течение второй половины 1929 г. Лига прав африканцев провела большую работу по мобилизации масс на борьбу за демократические требования. По решению Исполкома Лиги день исторического сражения зулусов под руководством Дингаана против англо-бурских захватчиков — 16 декабря — был объявлен днем борьбы за национальное освобождение. В этот день по всей стране прошли массовые митинги и демонстрации, закончившиеся во многих местах кровавыми полицейскими расправами. Это было самое массовое и организованное выступление банту за всю предшествующую историю Южно-Африканского Союза. Это выступление явилось мощной демонстрацией силы единого национального фронта.

Напуганное этой демонстрацией правительство усилило полицейские репрессии. На помощь правительству пришли руководители правого крыла Африканского Национального Конгресса. Для этой цели было использовано испытанное реакционерами оружие «коммунистической опасности». 7 января 1930 г. на заседании Исполкома АНК Гумеде был объявлен «агентом Москвы». 15 января в газете «Стар» было опубликовано интервью с генеральным секретарем АНК Мфалеле. «Все разно-

[1] Разносторонняя деятельность Коммунистической партии подробно освещалась на страницах «Южноафриканского рабочего» и «Умсебензи».

[2] «South African worker», 31 Aug. 1929 и последующие номера.

гласия в конгрессе,—заявил Мфалеле,— происходят оттого, что Гумеде — коммунист. Мы не хотим иметь коммунистов в Конгрессе... Наш Конгресс состоит из верховных вождей и вождей племен и так как коммунизм против института вождей, мы не хотим, чтобы нами руководили коммунисты» [1]. В апреле была созвана конференция АНК, на которой правому крылу путем разного рода комбинаций удалось сменить руководство. Конгресс повернул круто вправо, отказался от единства действий с Коммунистической партией. Лига прав африканцев распалась. Группа Гумеде образовала Независимый Национальный Конгресс, но вследствие ряда ошибок руководства он скоро прекратил свое существование.

Тридцатые годы прошли в острой борьбе за массы между Коммунистической партией и Африканским Национальным Конгрессом. Для народов банту это десятилетие, особенно его первая половина, было тяжелым периодом. Экономический кризис отразился прежде всего на рабочих банту: европейские предприниматели увольняли их в первую очередь. Безработица приняла массовый, никогда раньше невиданный характер. В 1931 г. вследствие засухи в резерватах был страшный голод. В поисках куска хлеба крестьяне бежали в города, пополняя ряды безработных. Империалистическое правительство не приняло никаких мер помощи безработным и голодающим крестьянам. Всякие открытые выступления крестьян свирепо подавлялись (например, кровавая расправа с крестьянами и безработными батраками в Вустра).

Африканский Национальный Конгресс не мог предложить никакой положительной программы борьбы против наступления капитала. Вместо организации масс для отпора этому наступлению Конгресс выдвигал один за другим проекты развития национального капитала: создание национального фонда для финансирования предпринимательской деятельности, организацию кооперативов, строительных обществ, скотобоен, гаражей и пр. Банту должны покупать у банту, банту должны работать на банту; создать свою экономику, независимую от экономики европейцев,— вот это в сущности и все, что Конгресс мог предложить народу [2].

Трудящиеся массы, естественно, не могли поддержать эти проекты. Внутри Конгресса продолжалась острая борьба за руководство. Деятельность Конгресса подвергалась со всех сторон критике. «Африканский Национальный Конгресс не имеет определенной политической линии,— писал один из критиков.— Каждый год он ставит большие задачи, но ничего не делает. Из года в год он меняет свою политику» [3]. Сам президент Конгресса Семе вынужден был признать, что Конгресс не имеет никакого авторитета в народных массах.

Коммунистическая партия была единственной партией, которая в эти тяжелые годы шла вместе с народом, указывая ему пути борьбы. В обстановке жесточайших политических репрессий партия организовала движение безработных, создавала новые профсоюзы, возглавила борьбу за повышение заработной платы, проводила массовые митинги и т. д. Несмотря на антикоммунистическую истерию империалистов и правого руководства АНК, Коммунистическая партия укрепляла свое влияние в массах.

В 1936 г. правительство Герцога внесло на обсуждение парламента два новых реакционных закона — о туземном представительстве в пар-

---

[1] «Star», 15 Jan. 1930.

[2] Все эти проекты многократно, в разных вариантах, излагались в решениях исполкома АНК, в речах его президента Семе и в ряде статей, публиковавшихся в «Umteteli wa Bantu» в 1933—1934 гг.

[3] D i o g e n e s. Congress a Farce? «Umteteli wa Bantu», 22 апреля 1933 г.

ламенте и о земле, вызвавших массовое возмущение банту[1]. По инициативе коммунистической партии и трансваальского отделения Африканского Национального Конгресса была вновь создана организация единого национального фронта — Национальная конвенция, съезд которой открылся в день Дингаана — 16 декабря 1936 г. Национальная конвенция не могла помешать принятию новых реакционных законов, но ее деятельность имела большое значение для воспитания народных масс.

Новый период в истории освободительной борьбы южноафриканских банту против империализма начался после второй мировой войны, положившей начало второму этапу общего кризиса капитализма. Из империалистической цепи выпали новые звенья — ряд стран восточной и юго-восточной Европы встал на путь построения социализма. Вместе с Советским Союзом они образовали могучий лагерь демократии, мира и социализма. Отношения, сложившиеся между Советским Союзом и странами народной демократии, отношения сердечной дружбы и взаимной помощи, дали новые доказательства животворной силы идеологии пролетарского интернационализма.

В результате поражения реакционного империалистического блока во второй мировой войне начался распад колониальной системы. Победила народная революция в Китае, коренным образом изменившая всю обстановку в Азии. Сбросили с себя цепи империалистического гнета народы Кореи и Вьетнама. Значительных успехов в борьбе с империализмом добились народы Индии и Индонезии. Пламя народных движений за независимость охватило всю Азию и распространилось на Африку.

Выросли, окрепли демократические силы и в Южно-Африканском Союзе. Значительно умножились пролетарские кадры, укрепились рабочие организации. Влиянием коммунистической партии за годы второй мировой войны были охвачены широкие народные массы. Усилилось единство демократических сил банту и европейцев.

Это изменение международной обстановки и рост внутренних сил положили начало новому периоду борьбы народов банту Южной Африки против расовой дискриминации, за национальную свободу и демократию.

Характерными чертами этого периода являются: массовость и организованность движения, объединение в борьбе всех неевропейских народов (банту, индийцев, «цветных»), установление более тесного контакта демократических организаций европейской части населения с освободительным движением неевропейцев, что закономерно вызвало сплочение и укрепление реакционных сил, установление жестокого режима националистов[2].

Крутой подъем национально-освободительного движения вызвал активизацию Африканского Национального Конгресса и значительные изменения в его руководстве. К руководству пришли более активные элементы, пользующиеся доверием народных масс. В связи с утверждением парламентом антикоммунистического закона в 1950 г. Коммунистическая партия приняла решение о самороспуске; большое число бывших коммунистов влилось в ряды АНК, что значительно усилило его левое крыло.

Сейчас Африканский Национальный Конгресс является самой массовой и боевой организацией южноафриканских банту. Программные за-

[1] См. стр. 128 и 152 настоящей работы.

[2] История этого периода довольно подробно освещена в работах И. П. Ястребовой. Южно-Африканский Союз после второй мировой войны, 1952 г.; Народы Южно-Африканского Союза в борьбе за независимость и свободу (статья в сборнике «Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов», 1953 г., стр. 128—174).

явления новых лидеров и повседневная деятельность Конгресса свидетельствуют о серьезных изменениях в его идеологии, политике и тактике.

Лидеры Конгресса признают руководящую роль рабочего класса в национально-освободительном движении. Старое руководство Конгресса, говорил на 40-й конференции АНК исполняющий обязанности генерального секретаря доктор Мжи, исходило из того, что в будущем «белые финансовые акты будут заменены черными хозяевами», что оно рассматривало Конгресс как средство содействия росту этих черных хозяев. Мжи считает эксплуатацию злом независимо от того, кто эксплуатирует — белый или черный. «Рядовой человек, рабочий,— говорил далее Мжи,— показал в нашей борьбе, что он единственный стойкий и последовательный борец за дело народа. Будущее должно принадлежать ему» [1].

Лидеры Конгресса решительно выступают против сохранения племенной организации банту и поддерживающих ее вождей племен. Когда в 1951 г. правительство издало новый закон о «властях банту», рассчитанный на укрепление позиции вождей племен, генеральный секретарь Конгресса Сисулу заявил: «Африканцы не позволят отбросить себя назад к племенному строю... Министр пытается укрепить племенной строй как противодействие единству африканцев»[2].

Лидеры Конгресса выступают против анти-«белого» национализма, за единство банту и европейцев в борьбе за демократию. «Лидеры африканского народа должны безжалостно подавлять расовую ненависть среди африканцев», — заявил президент Капского отделения Конгресса доктор Нжонгве [3]. «Мы не собираемся изгонять европейцев из этой страны, мы хотим быть равноправными партнерами», — говорил президент Конгресса Лутули на массовом митинге в Порт-Элизабет [4].

Исторический путь, пройденный Африканским Национальным Конгрессом, отражает основные этапы развития национально-освободительного движения южноафриканских банту, последовательную смену стоящих во главе движения общественных сил, этапы развития идеологии, национального и классового самосознания банту. До конца первой мировой войны и победы социалистической революции в России Африканский Национальный Конгресс был единственной политической организацией банту. Идеологические основы его деятельности сводились к сохранению старых племенных устоев, организаций и традиций старого племенного быта, к признанию руководящей роли англо-африкандерских империалистов и приспособлению к созданному ими колониальному режиму.

После первой мировой войны появились новые политические национальные и классовые организации банту: Индустриально-Коммерческий Союз — отражавший интересы растущей национальной буржуазии, национал-реформистская организация по своим идеологическим, политическим и тактическим установкам; Коммунистическая партия — революционная партия рабочего класса. Африканский Национальный Конгресс эволюционировал в сторону представительства интересов национальной буржуазии; из организации феодально-компрадорского приспособленчества Конгресс превратился в организацию буржуазного национал-реформизма. Весь период между первой и второй мировыми войнами в истории национально-освободительного движения южноафриканских банту был периодом напряженной борьбы двух идеологий — идеологии буржуазного

[1] «Advance», 26 Feb. 1953.
[2] «Gardian», 14 Juny 1951.
[3] «Advance», 6 Nov. 1952.
[4] «Advance», 29 Jan. 1953

национализма и пролетарского интернационализма, периодом усиления второй в ущерб первой.

После второй мировой войны руководящая роль в национально-освободительном движении принадлежит бесспорно рабочему классу. После запрещения Коммунистической партии Африканский Национальный Конгресс снова стал единственной массовой политической организацией банту. Как далеко пойдет Конгресс по тому пути, на который он встал под влиянием активизации народных масс, покажет будущее. В самом Конгрессе, как и вне Конгресса, имеются значительные силы, которые борются за то, чтобы повернуть его на старую дорогу. Реакционные силы поддерживают и группируются вокруг таких националистических организаций, как Всеафриканская конвенция. Появилась новая организация — «Национальный Конгресс Банту», субсидируемая реакционными кругами европейского населения. Реакционные силы вновь заговорили о том, что Африканскому Национальному Конгрессу «угрожает коммунистическая опасность» [1].

Таковы основные этапы истории национально-освободительного движения и вместе с тем этапы борьбы различных классовых сил за формирование национального самосознания южноафриканских банту. Две характерные особенности проходят красной линией через все эти этапы. Первая — все народности банту выступают против империализма единым фронтом. Нет зулусского или бечуанского движения, нет зулусских или бечуанских организаций. Есть единое движение банту, руководимое общими организациями. В этой совместной борьбе родилась и окрепла идея единой нации банту Южно-Африканского Союза и протекторатов. В литературе, преимущественно в старой этнографической литературе, можно встретить «нацию зулусов», «нацию басуто» и др. Но обычно речь идет о «нации банту» или о «нации африканцев» [2]. Эта последняя точка зрения последовательно проводится всеми политическими организациями и на страницах таких крупных газет, как «Мир банту» и «Голос банту»: «Народы банту Южно-Африканского Союза образуют собой нацию со своей особой определенной характеристикой»,—говорится в меморандуме исполкома Лиги Экономической независимости банту [3]. «Рождается новый народ. Он называет себя африканцами... Маленькие, изолированные мирки зулу, коса или басуто отошли в прошлое и никогда не вернутся»,— пишет южноафриканский писатель зулус Дзломо [4].

В зарубежной буржуазной литературе в понятие «нация» вкладывается обычно иное содержание, отличное от нашего, марксистского понимания. Это нельзя упускать из виду. Но какое бы конкретное содержание ни вкладывалось в понятие «нация», приведенные выше высказывания говорят об одном, и весьма важном явлении: развивается и крепнет сознание единства, принадлежности к какой-то этнической общности,

[1] См. «Advance», 19 Feb. 1953.

[2] По вопросу о названии имела место дискуссия еще в 30-х годах. «Оживленная дискуссия состоялась недавно по вопросу о том, каким термином — африканцы или банту — заменить название «туземцы», которое стало сейчас среди тех, к кому оно применяется, так же непопулярно, как название «каффры». Иоганнесбургский Объединенный совет европейцев и туземцев, из уважения к единодушному мнению его африканских членов, изменил свое название на Объединенный совет европейцев и африканцев. Термин «банту» не является общепризнанным в частности потому, что он имеется только в одном из африканских языков. Но, с другой стороны, он сейчас признан в научной терминологии и более определенный, чем широкий термин «африканцы» (South African Institute of race relations. Fourth annual report. 1933, стр. 33). Место издания не указано.

[3] «Cape times», 7 Feb. 1933.

[4] «Masses and Mainstream», 1950, Feb., p. 15.

к единому народу, к нации, обладающей определенной характеристикой, имеющей общие интересы.

Насколько глубоко это сознание национальной общности проникло в народные массы? Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности дать совершенно определенный ответ. Можно высказать лишь некоторые соображения по этому вопросу. Среди городского населения оно несомненно уже пустило глубокие корни. Здесь зулусы и бечуаны, коса и басуто живут вместе и говорят на языках, взаимно легко понимаемых. Они состоят в общих политических, профессиональных, культурных и других организациях, вместе борются за свои насущные интересы. Понимание общности интересов в борьбе против империалистического режима угнетения хорошо развито. Но понимание общности интересов в борьбе с империализмом и понимание национальной общности — явления разные и непозволительно подменять одно другим. Национальное самосознание, т. е. сознание принадлежности к определенной нации, и интернационализм, т. е. понимание единства интересов трудящихся разных наций, не исключают друг друга, как об этом уже говорилось, но вместе с тем это не одно и то же.

Еще сложнее обстоит дело в деревне, где живет основная часть банту. В деревне нет такого смешения народностей, как в городе. Хотя этнические границы между народностями постепенно стираются, они еще вполне реальны: 93,6% всех банту Наталя составляют зулусы, 85,5% банту Капской провинции составляют коса, в Басутоленде живут только басуто и т. д. В деревне более значительны силы, противодействующие слиянию всех народностей в одну нацию. Это прежде всего феодальная и полуфеодальная верхушка, вожди племен всех рангов, это особенно верховные вожди, «короли» Свазиленда, Басутоленда и Зулуленда, их окружение, связанная с ними интеллигенция. Они насаждают областническую и даже племенную обособленность, отчужденность. В этом же направлении действуют империалистическая политика и соответствующая ей империалистическая пропаганда. Выше уже не раз говорилось о консервации империалистами остатков племенного строя.

Но есть и другие силы, разрушающие эту областническую обособленность, содействующие выработке понимания национальной общности. Это прежде всего общность интересов в борьбе за землю, за демократические права. Крестьянское движение развито еще слабо, оно все еще остается слабым участком национально-освободительного движения южноафриканских банту. Однако и Африканский Национальный Конгресс и Коммунистическая партия провели уже среди крестьянства большую политическую работу. Массовое отходничество из деревни в города и горнопромышленные центры оказывает огромное воздействие на мировоззрение и психологию крестьянства. В городах и в горняцких компаундах происходит взаимный обмен культурными ценностями, вырабатывается общий психический склад, единый национальный характер. Возвращаясь домой, отходник несет все новое, приобретенное на стороне, в крестьянскую среду.

Идея единства национальной общности всех банту Южно-Африканского Союза и протекторатов выдвинута давно и настойчиво пропагандируется национальными организациями. Развитие общественной жизни банту в последнее полустолетие способствует распространению и упрочению этой идеи в сознании широких народных масс. Однако нет еще достаточно проверенных объективных показателей для утверждения, что она стала всеобщим достоянием.

Вторая особенность истории формирования национального самосознания банту состоит в том, что на всех ее этапах, а особенно после основания Коммунистической партии, идеологии буржуазного национализма противостоит идеология пролетарского интернационализма. Коммунистическая партия, объединявшая в своих рядах европейцев и неевропейцев, служила ярким примером интернационализма. Она неустанно пропагандировала идею единства интересов всех рас и наций Южной Африки в борьбе с империализмом. Эта идея, вопреки империалистической политике противопоставления «белых» и «черных», натравливания банту на индийцев, мулатов на банту, уже прочно вошла в сознание широких народных масс как европейцев, так и неевропейцев. Воплощением этой идеи явилось создание после второй мировой войны организаций единого фронта банту, индийцев и мулатов, массовые совместные выступления в кампании неповиновения расистским законам, в борьбе за сохранение избирательных прав мулатов, в усилении борьбы передовой части рабочих европейского происхождения за создание объединенных профсоюзов. Практический опыт демократического движения после военных лет способствует дальнейшему распространению и укреплению идеологии пролетарского интернационализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Южно-Африканские банту давно миновали стадию первобытно-общинного строя; уже к началу XIX в. они находились на грани перехода к классовому обществу. Современное общество банту — буржуазное общество с характерной для колониальных стран классовой структурой: многочисленный рабочий класс при крайне слабом развитии национальной буржуазии, наличие сильных пережитков феодальных и первобытно-общинных отношений, искусственно консервируемых англо-африкандерскими империалистами.

2. Разрушение характерной для первобытного общества племенной структуры началось еще до появления европейских колонизаторов; оно являлось выражением назревшего противоречия между растущими производительными силами и старыми производственными отношениями. Ожесточенная борьба против иноземных захватчиков, длившаяся почти столетие и закончившаяся тяжелым поражением, земельные экспроприации, расчистка земель для поселения европейских колонистов и многократные, массовые переселения племен окончательно разрушили племенную организацию. То, что англо-африкандерские империалисты выдают сейчас за племена, является на самом деле территориально-административными объединениями, созданными в целях сохранения позиций феодальных и полуфеодальных элементов банту, служащих социальной опорой империализма, в целях порабощения банту.

3. К началу XX в. в Южной Африке сложились народности — зулусов, коса, бечуанов, басуто, бапеди. Образование нескольких народностей произошло не в результате естественного развития этнической общности банту — расхождения языков и форм культуры, а как результат насильственного разрыва этой этнической общности колонизаторами, искусственного разделения единого этнического массива между несколькими государственными образованиями — английскими колониями, протекторатами и бурскими республиками.

4. Сейчас в Южно-Африканском Союзе идет процесс образования национальных общностей — банту и англо-африкандеров. Нет никаких предпосылок для формирования единой нации, поглощающей банту, мулатов и англо-африкандеров. Мулаты не могут в настоящее время стать компонентом национальной общности банту: они не знают языков банту; по языку, формам культуры и самосознанию они примыкают к англо-африкандерам. Совершенно особую группу представляют собой индийцы.

5. Процесс образования национальной общности банту проходит в исключительно сложных и противоречивых условиях. Они не распоряжаются своей судьбой. Законодательная и исполнительная власть в стране принадлежат англо-африкандерским помещикам и капиталистам, которые в интересах сохранения своего господства создают искусственные преграды на пути национального развития банту. Банту живут в условиях жесточайшей расовой дискриминации, они лишены возможности свобод-

ного развития своей национальной культуры и своих языков. Но, с другой стороны, наличие многочисленного европейского населения с его высокой, по сравнению со старой культурой банту, буржуазной культурой помогает им, вопреки империалистической политике угнетения, овладевать современными достижениями мировой цивилизации. Современная духовная и материальная культура банту представляет собой сложное переплетение самого передового и самого отсталого. Значительные трудности на пути формирования национальной общности банту создают колониальные границы, разрывающие территорию их расселения, наличие искусственно сохраняемых империалистами феодальных княжеств и племенных перегородок.

6. Имеется достаточно предпосылок для слияния всех народностей банту Южно-Африканского Союза и протекторатов в единую нацию: они населяют единую сплошную территорию, экономически прочно связанную в одно целое; они говорят на языках, настолько родственных и близких, что их можно рассматривать как диалекты единого языка; они имеют общую в своей основе культуру; они осознают себя принадлежащими к одной национальной общности. Но единой нации банту пока еще нет; нет еще единого литературного языка, у каждой народности свой литературный язык. Имеется так же достаточно предпосылок для слияния народностей басуто, бечуана и бапеди в особую нацию. Создание единого письменного и литературного языка суто означает, что эти народности вступили в период формирования такой нации. Имеются предпосылки и для формирования особой нации в составе зулусов (включая свази) и коса: общая территория, единый язык, сохраняющий еще диалектные различия, общность культуры. Но пока такой нации так же еще нет.

7. Южноафриканские банту еще не сложились в нации. Мы констатируем пока лишь наличие предпосылок, потенциальных возможностей и начало процесса формирования наций. Еще не ясны окончательные контуры этих наций, и было бы неправильным пытаться дать сейчас окончательное решение этого вопроса. Вопрос о национальном размежевании решат сами народы, освободившись от империалистического господства. Главная задача всех народностей банту на данном этапе развития состоит в том, чтобы объединить свои усилия в едином национальном фронте, и совместно с прогрессивными силами англо-африкандеров, индийцев и мулатов добиться ликвидации режима расовой дискриминации, завоевать политические права, равные с правами европейской части населения.

СПИСОК
ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ

I. Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Капитал, тт. 1 и 3. Госполитиздат, 1953.
Маркс К. К критике гегелевской философии права. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I. Изд. 2-е.
Маркс К. Конспект книги Льюнса Г. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса и Энгельса, т. IX.
Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951.
Энгельс Ф. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.
Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Соч., т. 1.
Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. Соч., т. 1.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
Ленин В. И. Карл Маркс. Соч., т. 21.
Ленин В. И. Конференция заграничных секций РСДРП. Соч., т. 21.
Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. Соч., т. 21.
Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22.
Ленин В. И. Империализм и раскол социализма. Соч., т. 23.
Ленин В. И. Тетради по империализму. Госполитиздат, 1939.
Сталин И. В. О революционном движении на Востоке. Соч., т. 7.
Сталин И. В. Международный характер Октябрьской революции. Соч., т. 10.
Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2.
Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11.
Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат. 1952.
Сталин И. В. О проекте конституции Союза ССР. «Вопросы ленинизма», 11-е изд.
Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950.

II. Источники

Конституция буржуазных стран, т. IV. М., 1936.

Alberti L. Description physique et historique des caffres, sur la cote meridionale de l'Afrique. Amsterdam, 1811.
«Annual report on the social and economic progress of the people of Basutoland». London, 1935.
«Annual report on Basutoland for the year 1949». London, 1950.
«Annual report of the Bechuanaland protectorate for the year 1948». London, 1950.
«Annual report to Swaziland for the year 1948». London, 1951.
Barrow J. An account of travels into the interior of Southern Africa in the years 1797—1798. London, 1801.
«Basutoland, the Bechuanaland protectorate and Swaziland». London, 1952.
«Bechuanaland protectorate. Report of observers in the attitude of the Bamangwato tribe to the return of Tshekedi Kama to the Bamangwato reserve». London, 1951.
«Bound memorandum on the Pondo settlement of December 1886». Cape Town, 1888.
Brownlee J. Account of the Amakosae, or Southern Caffres. В кн. «Travels and adventures in Southern Africa». London, 1827.
Bryant A. T. A zulu-english dictionary. Maritzburg, 1905.

Burchell W. J. Travels in the interior of Southern Africa. London, 1822—1824, 2 vols.
Campbell J. Journal of travels in South Africa; among the hottentot and other tribes, in the years 1812, 1813 and 1814. London, 1840.
Campbell J. Travels in South Africa. London, 1815.
Campbell J. Travels in South Africa... being a narrative of second journey. London, 1822, 2 vols.
«Cape of Good Hope. Report and proceedings, with appendices, of the government commission on native laws and customs». Cape Town, 1883.
Casalis J. E. Les Bassutos; ou, vingt-trois annéės de séjour of d'observations au Sud de l'Afrique. Paris, 1859.
«Colonial office. An economic survey of the colonial territories. 1951». Vol. I. London, 1952.
«Colonial reports. Swaziland, 1950». London, 1952.
«Correspondence with the governor of the Cape of Good Hope relative to the state of the kafir tribes and to the recent outbreak on the eastern frontier of the colony», London, 1851.
Doke C. M. a. Vilakazi B. W. Zulu-english dictionary Johannesburg, 1948.
Duggan-Cronin A. M. The bantu tribes of South Africa. Reproductions of photographic studies. Cambridge, 1928, 4 vols.
«Further correspondence relative to the settlement of Natal», London, 1851.
«Further correspondence relative to the state of the Orange River territory». London, 1853.
Gardiner A. F. Narrative of a journey to the zoolu country in South Africa. London, 1836.
«Great Britain. Commowealth relations office. Annual report on Swaziland». London, 1949.
«Great Britain. Colonial office. Annual report on the Bechuanaland protectorate for the year 1949». London, 1950.
«Great Britain. Colonial office. Annual report on the Bechuanaland protectorate for the year 1950». London, 1951.
«Great Britain. Report from the select committee on the Kafir tribes: together with the proceedings of the committee, minutes of evidence». London, 1852.
«Handbook on race relations in South Africa». Edited by E. Hellmann and Abraham L. Cape Town, 1949.
Isaacs N. Travels and adventures in Eastern Africa, descriptive of the Zoolus, their manners, customs etc. London, 1836, 2 vols.
MacDougald. The language and press of Africa. Philadelphia, 1944.
Mackenzie J. Ten years north of the Orange river. Edinburg, 1871.
«The matabele journals of Robert Moffat (1829—1860)». London, 1945, 2 vols.
«Natal government. Proceeding of the commission appointed to inquire into the past and present state of the kafirs in the district of Natal». Pietermaritzburg, 1852—53.
«Official yearbook of the Union of South Africa and of Basutoland, Bechuanaland protectorate and Swaziland», NN 1—24.
«Overseas reference book of the Union of South Africa». London, 1945.
«The parliament of the Union of South Africa. Report and proceedings of the joint committee on the representation natives and coloured persons in parliament and provincial councils and the acquisition of land by natives». Capetown, 1935.
«The poor white problem in South Africa». Part I — Economic report. Part II — Psychological report. Part III — Educational report. Part IV — Health report. Part V. Sociological report. Stellenbosch, 1932.
Peterson W. A narrative of four journeys into the country of the hottentots, and caffraria in the years 1777—1779. London, 1789.
Philip J. Researches in South Africa illustrating the civil, moral and religions condition of the native tribes. London, 1828, 2 vols.
«Reports and correspondence relating to affairs in Pondoland and to disputes between Pondos and Xesibes». Cape Town, 1883.
«Report of the native land commission». Cape Town, 1916, 2 vols.
«Report of the Native affairs department for the years 1922—1926». Pretoria, 1927.
«A report on the social and economic progress of the people of Swaziland». London, 1936.
«A report on the social and economic progress of the people of Bechuanaland». London, 1938.
«Report on Swaziland for the year 1949». London, 1951.
«South African institute of race relations. Fourth annual report, 1933». Johannesburg, 1934.
«South African institute of race relations. Sixth annual report. 1935». Johannesburg, 1936.
«South Africa. South African native affairs commision 1903—1905» Cape Town, 1904—1905, 5 vols.
«The South and East African year book and guide for 1930». London, 1930.
Sparrman A. A voyage to the Cape of Good Hope, towards the antarctic polar circle, and round the world, but chiefly into the country of the hottentots and caffres from the year 1772 to 1776. London, 1786, 2 vols.

Sutherland T. Memoir respecting the Kaffers, Hottentots and Bosjemans of South Africa. Cape Town, 1845—1846, 2 vols.
«Transvaal native affairs department. Short history of the native tribes of the Transvaal». Pretoria, 1905.
«Union of South Africa. Blue book on native affairs, 1910». Capetown, 1911.
«Union of South Africa. Office of census and statistics. Census of the Union of South Africa, 1911». Pretoria, 1913.
«Union of South Africa. Report of the local natives land committee (Natal province)». Cape Town, 1918.
«Union of South Africa Reports 1) Of the special commissioner appointed to inquire into the boycotting of Rand storekeepers by natives; 2) of the cost of living commission on the investigation of accounts of Mine Store keepers on the Witwatersrand and as to the fixing of prices of the chief articles of native trade in the Witwatersrand area». Cape Town, 1919.
«Union of South Africa. Union office of census and statistics. Report on the third census of the population of the Union of South Africa, enumerated 3rd May 1921». Pretoria, 1924.
«Union of South Africa. Office of census and statistics. Report of the agricultural and pastoral production of the Union of South Africa 1928—1929. Agricultural census, № 12, 1929». Pretoria, 1930.
«Union of South Africa. Natale code of native law». Pretoria, 1932.
«Union of South Africa. Office of census and statistics. Statistics of production. Statistics of factories and productive industries (excluding mining and quarrying) in the Union for the year 1929—30 (Fifteenth industrial census, 1931)». Pretoria, 1932.
«Union of South Africa. Report of native economic commission 1930—1932». Pretoria, 1932.
«Union of South Africa. Report of the cost of living commission. 1932». Pretoria, 1932.
«Union of South Africa. Report of the department of labour for the year ended December, 1933». Pretoria, 1934.
«Union of South Africa. Union office of census and statistics. Sixth census of the population of the Union of South Africa, enumerated 5th May 1936». Pretoria, 1938.
«Union of South Africa. Office of census and statistics, Population census 7th May 1946». Pretoria, 1949. vol. 1—3.
«Union of South Africa. Census of the population of the Union of South Africa 7 May 1946». Pretoria, 1949—1951, vol. 1—3.
«Union of South Africa. Report of the commission on native education 1949—1951». Pretoria, 1951.
Van Warmelo N. J. A preliminary survey of the Bantu tribes of South Africa. Pretoria, 1935.
«The year book and guide to Southern Africa». London, 1951.

III. Законодательные материалы

South Africa Act, 1911.
Mines and Works Act, N 12, 1911.
Native Labour Regulation Act, N 5, 1911.
Natives' Land Act, N 27, 1913.
Native Affaire Act, N 23, 1920.
Natives (Urban Areas) Act, N 21, 1923.
Industrial Conciliation Act, N 11, 1924.
Wages Act, N 27, 1925.
Native Taxation and Development Act, N 41, 1925.
Master and Servants Law (Transvaal and Natal Amendment) Act. N 26, 1926.
Native Affairs, 1920, Amendment Act, N 27, 1926.
Immorality Act, N 5, 1927.
Native Service Contract Act, N 24, 1932.
Native Administration Act, N 38, 1928.
Representation of Natives Act, N 38, 1936.
Native Trust and Land Act, N 18, 1936.
Industrial Conciliation Act, N 36, 1937.
Natives (Urban Areas) Consolidation Act, N 25, 1945.
Asiatic Land Tenure and Indian Representation Act, N 28, 1946.
Prohibition of Mixed Marriages Act, N 55, 1949.
South African Citizenship Act, N 44, 1949.
Workmen's Compensation Act, N 36, 1949.
Population Registration Act, N 30, 1950.
Group Areas Act, N 41, 1950.
Suppression of Communism Act, N 44, 1950.
Immorality Amendment Act, 1950.

Bantu Authorities Act, N 68, 1951.
Suppression of Communism Amendment Act, 1951.
Native Laws Amendment Act, N 54, 1952.
Group Areas Amendment Act, N 65, 1952.
Natives (Abolition of Passes and Coordination of Documents) Act, N 67, 1952.
Bantu Education Act, N 47, 1953.
Native Labour (Settlement of Disputes) Act, N 48, 1953.
Reservation of Separate Amenities Act, N 49, 1953.
Native Trust and Land Amendment Act, N 18, 1954.
Native Resettlement Act, N 19, 1954.

IV. Литература на русском языке

Мао Цзэ-дун. О классах китайского общества. Соч., т. 1. М., 1952.
Абрахамс П. Тропою грома. Пер. с английского. М., 1949.
Барков А. С. Физическая география частей света. Африка. М., 1953.
Брайант А. Т. Зулусский народ до прихода европейцев. Пер. с английского. М., 1953.
Датт П. Индия сегодня. Пер. с английского. М., 1948.
Датт П. Кризис Британии и британской империи. Пер. с английского М., 1954.
Дьяков А. М. Национальный вопрос и английский империализм в Индии. М., 1948.
Гордонов Л. Ш. Египет. М. 1953.
Гошал Кумар. Народ в колониях. Пер. с английского. М., 1949.
Каценленбаум З. С. Южноафриканское золото и обострение англо-американских противоречий. М., 1954.
Конэн А. Р. Стерлинговая зона. Пер. с английского. М., 1954.
Лемин И. М. Обострение кризиса британской империи после второй мировой войны. М., 1951.
Ливингстон Д. Путешествия по Южной Африке с 1840 по 1856 гг. Пер. с английского. М., 1947.
Ливингстон Д., Ливингстон Ч. Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 гг. Пер. с английского. М., 1948.
Лондр А. Черная Африка. Пер. с французского, М., 1930.
Михайловский Ф. И. Золото в системе капитализма после второй мировой войны. М., 1952.
Народы Африки (серия «Народы мира»). М., 1954.
Соляник А. Кейптаунские контрасты. «Огонек», 1953 № 44.
Уолтон Д. Куда идет Южная Африка? Народ банту в борьбе за свое освобождение. Пер. с английского. М., 1948.
Федоровский Н. М. В стране алмазов и золота Путешествие по Южной Африке. М,, 1934.
Фицджеральд У. Африка. Социальная, экономическая и политическая география ее главных районов. Пер. с английского. М., 1947.
Экономика капиталистических стран после второй мировой войны. Статистический сборник. М., 1953.
Ян К. Южно-Африканский Союз — вотчина империалистических рабовладельцев (Письмо из Иоганнесбурга). «За прочный мир, за народную демократию!», 7 июля 1950.
Ястребова И. П. Южно-Африканский Союз после второй мировой войны. М., 1952.

V. Литература на иностранных языках

Adamastor. White man boss Footsteps to the South African folk republic. Boston 1951.
Adler E. D. Soil conservation in the Union of South Africa. «Farming in South Africa». Vol. 26, N 306, Sept. 1951.
«The african factory worker. A sample study of the life and labour of the urban african worker». Cambridge, 1950.
Agar-Hamilton J. The native policy of the Voortrekkers. An essay in the history of South Africa, 1836—1858. Capetown, 1928.
Agar-Hamilton J. The road to the north. South Africa, 1852—1886. London, 1937.
«Away with passes. Pamphlet of communist party». Cape Town. Издание сороковых годов.
Ballinger W. G. Race and economics in South Africa. London, 1934.
«The bantu speaking tribes of South Africa: an ethnographical survey». Edited by I. Schapera. London, 1937.
Barnouw A. J. Language and race problems in South Africa. Nijhoff, 1934.
«Behind Durban race clash. A communist party pamphlet». Capetown, 1949.

Brookes E. H. The Bantu in South African life. Johannesburg, 1943.
Brookes E. H. The history of native policy in South Africa from 1830 to the present day. Pretoria, 1927.
Brown J. T. Among the bantu nomads, a record of forty years spent among the Bechuana. London, 1926.
Brownlee F. The Transkeian native territories: historical records. Lovedale, 1923.
Bryant A. T. Olden times in Zululand and Natal, containing earlier political history of the eastern-nguni clans. London, 1929.
Bryce J. Impressions of South Africa. London, 1899.
Buell R. L. The native problem in Africa. New-York, 1928, 2 vols.
Caplin G. H. Indians in South Africa. Pietermaritzburg, 1949.
Caplin G. H. South Africa in africaner hands. «Foreign affairs» (New-York), Apr. 1951, vol. 29, N 3.
Cook P. A. W. The education of a south affrican tribe. Capetown, 1934.
Cook P. Social organisation and ceremonial institutions of the Bomvana. Cape Town, 1931.
Cope K. K. Comrade Bill. The life and times of W. H. Andrews, workers leader. Cape Town. (Год издания не указан).
Copy G. E. The rise of South Africa. A history of the origin of South African colonisation and of its development towards the East from the earliest times to 1857, London, 1910—1930, 5 vols.
Cotton W. A. The race problem in South Africa. London, 1926.
Cotton W. A. Racial segregation in South Africa. London, 1931.
Davidson B. Malan's opposition. Old Wine in new buttles. «Nation», New-York, 1953, 14, vol. 177, N 20.
Davidson B. Paternal colony. «New statesman and nation». London, 1953, Oct. 3, Vol. 36, N 1178.
Dawson W. N. South Africa: people, places and problems. London, 1925.
Dhlomo H. J. Tshaka. A revolution. «Umteteli wa bantu», 18 Juny, 1932.
Doke C. M. The linguistic situation in South Africa. «Africa», 1928, N 4.
«The economic status of the Cape province farm native». «The South african journal of economics», 1935, March.
Douglas A. J. A. The use of tax registers to determine the population distribution for sampling purposes. «Africa», 1952, № 2.
Eiselen W. W. Christianity and the religious life of the bantu. В кн.: «Western civilisation and natives of South Africa». Edited by I. Schapera. London, 1934.
Fouche I. Mapungubwe: ancient bantu civilisation on the Limpopo. Cambridge, 1937.
Frank L. Schoele. Les langues dan l'Union sud Africane. «Les langues modernes», 1954, № 3.
Fremautle H. The new nation. A survey of the condition and prospects of South Africa, 1909.
Frenkel S. H. Capital investment in Africa. London, 1938.
Futzpatrick J. P. The Transvaal from within. London, 1900.
Gibson J. The story of the Zulus. London, 1911.
Goodfellow D. M. A modern economic history of South Africa. London, 1931.
Hailey. An african survey: a study of problems arising in Africa south of the Sahara. London, 1938.
Halford S. J. The Griquas of Griqualand. A historical narrative of the griqua people. Their rise, progress and decline. Cape Town. Год издания не указан.
Hatch J. The dilemma of South Africa. London, 1953.
Hattersley A. F. The british settlement of Natal. Cambridge, 1950.
Hellmann E. The importance of beer-brewing in an urban native yard «Bantu studies», 1934, № 1.
Hellmann E. Methods of urban field work. «Bantu studies», 1935. № 9.
Hellmann E. Native life in a Johannesburg slum yard. «Africa», 1935, № 1.
Hellmann E. Urban native food in Johannesburg. «Africa», 1936, № 2.
Hertslet E. The map of Africa by Treaty. London, 1895, 3 vols.
«History of the colony of the Cape of Good Hope from its discovery to the year 1829 by A. Wilmot, from 1820 to 1868 by J. C. Chase». London, 1869.
Hofmeyer J. H. South Africa. London, 1931.
Hunt D. R. An account of the Bapedi. «Bantu studies», 1931, № 5.
Hunter M. Reaction to conquest: Effects of contact with europeans on the Pondo of South Africa. London, 1936.
Jabavu D. T. Bantu grievances. В кн.: «Western civilisation and the natives of South Africa». Edited by I. Schapera. London, 1934.
Jabavu D. T. The black problem. Papers and addresses on various native problems. Lovedale, 1920.

Jabavu D. T. The influence of english on bantu literature. Lovedale, 1947.
Jabavu D. T. and others. Criticism of the native bills. Lovedale, 1935.
Jabavu D. T. and others. Native views on the native bills. Lovedale, 1935.
Jabavu D. T. The findings of the All-african convention. Lovedale, 1936.
Junod H. A. The life, of a south african tribe. London, 1927, 2 vols.
Keppel-Jones A. The dilemma of South Africa. Toronto, 1950.
Keppel-Jones A. South Africa. Short history. London, 1949.
Keppel-Jones A. Friends or foes? A point of view and a programme for racial harmony in South Africa. Pietermaritzburg, 1950.
Kiewiet C. W. A history of South Africa. London, 1950.
Kirk J. The economic aspects of native segregation in South Africa. London, 1929.
Krige E. J. The place of the North-Eastern Transvaal Sotho in the South bantu complex. «Africa», 1938, № 3.
Krige E. J. The social system of the zulus. London, 1936.
Krige E. J. The sotho of Northern Transvaal. «Bantu studies», 1937, № 4.
Krige J. D. Traditional origins and tribal relationships of the Sotho of the Northern Transvaal. «Bantu studies», 1937, № 11.
Kuper H. An african aristocracy. Rank among the swazi. London, 1947.
Kuper H. The uniform of colour. A study of the white-black relationships in Swaziland. Johannesburg, 1947.
Lagden G. The Basutos: the mountaineers and their country. London, 1909, 2 vols.
Leppan H. D. Agricultural policy in South Africa. Johannesburg, 1931.
Lestrade G. P. European influences upon the development on bantu language and literature. В кн.: «Western civilisation and the natives of South Africa». London, 1934, под редакцией I. Schapera.
Lestrade G. Some aspects of the economic life of the South African Bantu. «South African journal of economics», 1934, № 2.
Lestrade G. Some notes on the ethnic history of the bavenda and their Rhodesian affinities. «South African journal of science», 1927, № 24.
Lestrade G. P. Some notes on the political organisation of the Vendaspeaking tribes. «Africa», 1930, № 3.
Longue J. A visit to Soviet Russia. Johannesburg, 1930.
Macmillan W. M. Africa emergent. London, 1938.
Macmillan W. M. Bantu, boer and briton: the making of the South African native problem. London, 1929.
Macmillan W. M. Complex South Africa. An economic foot-note to history. London, 1930.
Mahabane Z. The colour bar in South Africa. Lovedale, 1922.
Mair L. P. The place of history in the study of culture contact. «Methods of study of culture contact in Africa», London, 1938.
Malcolm D. Zulu literature. «Africa», 1949, N 1.
Malinowski B. Practical anthropology. «Africa», 1929, N 1.
Marquard L. The native in South Africa. Johannesburg, 1948.
Marquard L. The people and policies of South Africa. London, 1952.
Marwic B. A. The Swazi. Cambridge, 1940.
Mofolo T. Chaka. Marija, 1925.
Molema S. M. The bantu. Past and present: an ethnographical and historical study of the native races of South Africa. Edinburg, 1920.
«The natives of South Africa: their economic and social condition». Edited by the South African native races committee. London, 1901.
«The non-european and vote. A communist party pamphlet». Woodstook. Издание 40-х годов.
Petterson S. Colour and culture in South Africa. A study of the status of the Cape coloured people within the social structure of South Africa. London, 1953.
Phillips R. E. The Bantu are coming. London, 1930.
Plaatje S. T. Native life in South Africa before and since the european war and the boer rebellion. London, 1916.
Polak H. S. L. The South Africa Indian question. Ledburg, 1947.
Rassel P. Natal. The land and its story. Pietermaritzburg, 1891.
Reed P. Somewhere South of Suez. London, 1950.
Ringrose H. G. Trade unions in Natal. London, 1951.
Robertson H. M. 150 years of economic contact between black and white «South African journal of economics» 1934—1935, NN 2—3.
Robeson E. African journey. New York, 1945.
Rogers H. Native administration in the Union of South Africa. Pretoria, 1949.
Rosenthal E. African Switzerland Basutoland of to-day. London, 1948.
Roux E. R. The native reserves and post war reconstruction. Cape Town, 1944.

Rudkin W. C. Industrial relations in South Africa. «South African journal of economics», 1952, N 3.
Sachs E. S. The choice before South Africa. London, 1952.
Sacks G. Communism for South Africa. (Место и год издания не указаны. Издана в годы войны).
Schapera I. Economic conditions in a Bechuanaland native reserve. «South African journal of science», 1933, Oct.
Schapera I. The khoisan peoples of South Africa. Bushmen and hottentots. London, 1930.
Schapera I. Migrant labour and tribal life. A study of conditions in the Bechuanaland protectorate. London, 1947.
Schapera I. Native land tenure in the Bechuanaland protectorate. Lovedale, 1943.
Schapera I. The old bantu culture. В кн.: «Western civilisation and natives of South Africa». Edited by I. Schapera. London, 1934.
Schapera I. Present-day life in native reserves. В кн.: «Western civilisation and natives of South Africa». Edited by I. Schapera. London, 1934.
Schapera I. The present state and future development of ethnographical research in South Africa. «Bantu Studies», 1934, N 3.
Scott P. Land policy and the native population of Swaziland. «Geographical journal», 1951, Dec.
Sillery A. The Bechuanaland protectorate. Capetown, 1952.
Smith R. H. Labour resources of Natal. Cape Town, 1950.
Smuts J. C. Africa and some world problems. Oxford, 1930.
Soga J. H. The ama-xosa: life and customs. Lovedale, 1932.
Statham F. R. South Africa as it is. London, 1897.
Stayt H. A. The bavenda. London, 1931.
Stow G. W. The native races of South Africa. A history of the intrusion of the hottentots and bantu into the hunting grounds of the bushmen, the aborigines of the country. London, 1905.
Stuart J. A history of the zulu rebellion. 1906. London. 1913.
Symposium on the national question. (What are the national groups in South Africa). 1954. Место издания не указано.
Theal G. M. History of Africa South of the Zambezi from the settlement of the Portuguese at Sofala in September 1505 to the conquest of the Cape Colony by the British in September 1795. London, 1907, 3 vols.
Theal G. M. History of South Africa from 1795 to 1872. London, 1892, 5 vols.
Theal G. M. History of South Africa from 1873 to 1884. London, 1919, 2 vols.
«They marched to victory. The story of the Alexandra bus boycott. Communist Party Pamphlet». Cape Town, 1947.
Tinley J. M. The native labour problem of South Africa. Capel Hill, 1942.
«United Transceian territories general council. Proceedings and report». Capetown, 1934.
Uys C. In the era of Shepstone: being a study of the british expansion in South Africa (1842—1877). Lovedale, 1933.
«We South Africans. A communist party pamphlet». Capetown, 1946.
«Who is the enemy? A communist party pamphlet». Capetown, 1949.
Wilmot A. History of the colony of the Cape Hope. Cape Town, 1869.
Wilmot A. History of the zulu war. London, 1880.
Wilmot A. The history of South Africa. London, 1901.
Worsfold W. B. The Union of South Africa. With chapters on Rhodesia and the native territories of the high commission. London, 1912.
Worsfold W. B. The reconstruction of the new colonies under lord Milner. London, 1913, 2 vols.

VI. Периодика.

«Правда».
«За прочный мир, за народную демократию».
«Всемирное профсоюзное движение».
«Advance». Capetown.
«Africa». London.
«African affairs». London.
«African manual. Mining and industry». London.
«African studies». London.
«African world». London.
«Banker». London.
«Bantu studies». London.
«Capetimes». Capetown.
«The crisis». New York.

«Communist review». London.
«Corona». London.
«Daily worker». London.
«Farming in South Africa». Pretoria.
«Foreign affairs». New York.
«Fortune». New York.
«Gardian». Capetown.
«Imperial review». London.
«International affairs». London.
«Labour monthly». London.
«Les langues modernes». Paris.
«Masses and mainstream». New York.
«Monthly bulletin of statistics». Pretoria.
«New commonwealth». London.
«The new statesman and nation». London.
«Non-self-governing territories. Summaries and analyses of information to the Secretary-General». New York, United Nations.
«Political affairs». New York.
«Round table». London.
«The South African journal of economics». Johannesburg.
«South African journal of science». Johannesburg.
«South Africa mining and engineering journal». Johannesburg.
«South African outlook». Lovedale.
«Star». Johannesburg.
«Times». London.
«Time and tide». London.
«Tribune». London.
«Umsebensi». Johannesburg.
«World news and views». London.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I.

Образование народностей банту

Часть II.

Национальная политика южноафриканских империалистов

Часть III.

Проблемы формирования нации

Утверждено к печати
Институтом этнографии
Академии Наук СССР

*

Редакторы издательства *И. М. Смилянская, Н. С. Луцкая*
Технический редактор *Г. А. Астафьева*
Корректор *А. В. Утина*

*

РИСО АН СССР № 101-57В. Сдано в набор 1/X 1955 г.
Подп. в печать 9/XII 1955 г. Формат бум. 70 × 108 $^1/_{16}$,
Печ. л. 50,25 = 74,32 + 6 вкл. Уч.-изд. лист. 22,1 + 1,2 = 23,3
Тираж 1500. Т-09174. Изд. № 1315. Тип. зак. 333

Цена 15 р. 50 к.

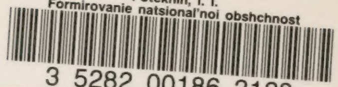
Издательство Академии Наук СССР.
Москва, Б-64. Подсосенский пер., д. 21

3-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-34. Савельевский пер., д. 13.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
24	12 св.	Blou books	Blue books
41	14 сн.	товар	топор
65	24 св.	тебу	тембу
76	6 сн.	тыс. лет.	тыс. чел.
79	21 сн.	народного басуто.	народности басуто.
115	16 св.	получил место	получит место
142	10—11 св.	городских переселениях	городских поселениях
180	15 сн.	от 49%;	до 49%;
200	3 сн.	зерна[1].	зерна.
201	2 св.	ростовщичеством.	ростовщичеством[1].
255	4 сн.	Индейцы	Индийцы

И. И. Потехин.

STACKS DT764.B2 P6x
Potekhin, I. I.
Formirovanie natsional'noi obshchnost
3 5282 00186 3128